НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

NATIONAL HEALTH

№ 4

2019

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

2019, № 4

**(Политематический научный журнал
«Национальное здоровье»)**

www.national-zdorov.ru

Основан в 2015 г.

ISSN 2410-89-52

журнал «Национальное здоровье / «NationalHealt» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

NATIONAL HEALTH

2019, № 4

**(Politematic scientific journal
«National health»)**

www.national-zdorov.ru

It is founded in 2015.

ISSN 2410-89-52

Decision of Presidium of VAK Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 14, 2018. the magazine «NationalHealth» in the list of the reviewed scientific magazines in which the main scientific results of theses on a competition of academic degrees of the doctor and candidate of science have to be published

Регистрационный номер Эл № ФС77-63604О от 02 ноября 2015 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

УЧРЕДИТЕЛИ:

- Министерство Здравоохранения Краснодарского края;
- ГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава Российской Федерации;
- ООО «Наука и образование»;
- Бугаенко Юлия Юрьевна.

РЕДАКЦИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Порханов Владимир Алексеевич,
Герой труда России, академик РАН, заслуженный врач Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор, главный врач Научно-исследовательского института — «Краевая клиническая больница № 1 им. профессора С.В. Очаповского» Министерства здравоохранения Краснодарского края.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета.

ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Гуманитарные социально-экономические и общественные науки»

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Registration number Al № FS77-63604O of november 02, 2015. Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

FOUNDERS:

- Ministry of Health of Krasnodar Krai;
- GBOU VO «Kuban state medical university» of the ministry of Health of the Russian Federation;
- LLC «Science and education»;
- Bugayenko Yulia Yurevna.

EDITORIAL BOARD:

❍ EDITOR-IN-CHIEF

Porkhanov Vladimir Alekseevich,
Hero of work of Russia, academician of RAS, an honored doctor of the russian federation, the doctor of medical sciences, professor, the chief physician of research institute — «regional hospital № 1 of professor S.V. Ochapovsky» of the Ministry of Health of Krasnodar Krai.

❍ DEPUTY CHIEF EDITOR

Bugayenko Yulia Yurevna,
the candidate of philosophical sciences, the associate professor of the criminal law of the Kuban state agricultural university.

❍ THE CHIEF – THE EDITOR

Popov Mikhail Yuryevich,
the doctor of sociological sciences, professor, the editor-in-chief of the scientific magazine «Humanitarian, Social and Economic and Social Sciences».

❍ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Филиппов Евгений Федорович,
доктор медицинских наук, министр здравоохранения Краснодарского края.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,
член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета «Психология, педагогика и дефектология» Донского государственного технического университета, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии ДГТУ.

Алексеенко Сергей Николаевич,
доктор медицинских наук, ректор Кубанского государственного медицинского университета Минздрава России.

Волков Юрий Григорьевич,
Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Андреев Эдуард Михайлович,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции Института социально-поли-тических исследований Российской академии наук.

Балалыкин Дмитрий Алексеевич,
доктор медицинских, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории медицины, истории отечества и культурологии 1-го Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова.

Бойко Наталья Владимировна,
доктор медицинских наук, профессор кафедры ЛОР-болезней Ростовского государственного медицинского университета.

Герасимов Георгий Иванович,
доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшей школы РФ, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Гуменюк Сергей Евгеньевич,
доктор медицинских наук, профессор, декан педиатрического факультета Кубанского государственного медицинского университета Минздрава России, заведующий кафедрой хирургии педиатрического и стоматологического факультетов.

Ермаков Павел Николаевич,
академик Российской академии образования, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, директор регионального научного центра Российской академии образования.

Исанова Валида Адимовна,
доктор медицинских наук, Заслуженный врач республики Татарстан, профессор кафедры неврологии и нейрохирургии ФПК и ППС Казанского государственного медицинского университета, член Правления Всероссийского общества неврологов.

Кандыбович Сергей Львович,
член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра практической психологии и психологической службы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Минобрнауки РФ.

Ковелина Татьяна Афанасьевна,
доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, психологии и педагогики Кубанского государственного медицинского университета.

Косяков Сергей Яковлевич,
доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии Российской академии последипломного образования.

Ляушева Светлана Аслановна,
доктор философских наук, профессор, Почетный работник образования РФ, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Маринов Михаил Будимирович,
доктор философских наук, приглашенный иностранный специалист Уханьского университета. КНР.

Орлянский Вениамин,
доктор медицинских наук, профессор. Вена, Австрия.

Петрий Петр Владимирович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны РФ.

Плугина Мария Ивановна,
доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета.

Пусько Виталий Станиславович,
Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского высшего технического университета им. Э. Баумана.

Соловьева Ольга Владимировна,
доктор психологических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета.

Хитарьян Александр Георгиевич,
доктор медицинских наук, профессор, заместитель главного врача по хирургии, заведующий хирургическим отделением Дорожной клинической больницы в г. Ростове-на-Дону.

Шажиыбат Ариунаа,
доктор философских наук, профессор, директор Института философии Академии наук Монголии.

Шефель Сергей Викторович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Шингаров Георгий Христович,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Современной гуманитарной академии.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Filippov Evgeny Fedorovich,
the doctor of medical sciences, the Minister of Health of Krasnodar Krai.

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Abakumova Irina Vladimirovna,
the corresponding member of the Russian Academy of Education, the doctor of psychological sciences, professor, the dean of faculty «Psychology, pedagogics and defectology» of the Don state technical university, the head of the department of the general and advisory psychology of DGTU.

Alekseenko Sergey Nikolaevich,
the doctor of medical sciences, the rector of the Kuban state medical university of the Russian Ministry of Health.

Volkov Yury Grigoryevich,
Honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, professor, research supervisor of Institute of sociology and regional studies of Southern Federal University.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Andreyev Eduard Mikhaylovich,
the doctor of Philosophy, professor, the chief researcher of the Center of methodology of a research of socio-political processes of the Euroasian integration of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences.

Balalykin Dmitry Alekseevich,
the doctor of medical sciences, the doctor of historical sciences, professor, the head of the department of history of medicine, history of the fatherland and cultural science of the 1st Moscow state medical university of I.M. Sechenov.

Boyko Natalya Vladimirovna,
the doctor of medical sciences, professor of department of LOR-diseases of the Rostov state medical university.

Gerasimov Georgy Ivanovich,
the doctor of Philosophy, professor, the Honorary employee of the higher school of the Russian Federation, professor of Institute of sociology and regional studies of Southern Federal University.

Gumenyuk Sergey Evgenyevich,
the doctor of medical sciences, professor, the dean of pediatric faculty of the Kuban state medical university of the Russian Ministry of Health, the head of the department of surgery of pediatric and stomatologic faculties.

Ermakov Pavel Nikolaevich,
the academician of the Russian Academy of Education, the Dr.Sci.Biol., professor, the head of the department of psychophysiology and clinical psychology of Academy of psychology and pedagogics of Southern Federal University, the director of regional scientific center of the Russian Academy of Education.

Isanova Waleed Adimovna,
the doctor of medical sciences, the Honored doctor of the Republic of Tatarstan, professor of department of a neurology and neurosurgery of FPK and PPS of the Kazan state medical university, the board member of the All-Russian society of neurologists.

Kandybovich Sergey Lvovich
the corresponding member of the Russian Academy of Education, the doctor of psychological sciences, professor, the leading researcher of the Scientific and educational center of practical psychology and psychological service of Federal state-funded educational institution of the higher education «Ryazan state university of S.A. Yesenin», the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Kovelina Tatyana Afanasyevna,
the Doctor of Philosophy, professor managing department of philosophy, psychology and pedagogics of the Kuban state medical university.

Kosyakov Sergey Yakovlevich,
the doctor of medical sciences, professor, the head of the department of an otoringologiya of the Russian academy of postdegree education.

Lyausheva Svetlana Aslanovna,
the Doctor of Philosophy, professor, the Honourable educator of the Russian Federation, the Honored worker of science of the Republic of Adygea, professor of department of philosophy and sociology of the Adygei state university.

Marinov Mikhail Budimirovich,
the doctor of Philosophy, the invited foreign specialist of the Wuhan university. People's Republic of China.

Novik Gennady Ayzikovich,
the doctor of medical sciences, professor, the head of the department of pediatrics of professor Vorontsov of the St. Petersburg pediatric medical university.

Orlyansky Veniamin,
the doctor of medical sciences, professor, Vienna, Austria.

Petry Petr Vladimirovich,
Doctor of Philosophy, professor, head of the department of philosophy and religious studies FGCVOOU WAUGH «The military university» of the Ministry of Defence of the Russian Federation.

Plugina Maria Ivanovna,
the corresponding member of the Russian Academy of Education, the doctor of psychological sciences, professor managing department of pedagogics, psychology and special disciplines of the Stavropol state medical university.

Pusko Vitaly Stanislavovich,
the Honoured worker of the higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of «Information Analytics and Political Technologies» department of Bauman Moscow State Technical University.

Solovyova Olga Vladimirovna,
the doctor of psychological sciences, professor of the North Caucasian federal university.

Hitaryan Alexander Georgiyevich,
the doctor of medical sciences, professor, the deputy chief physician for surgery, the manager of surgical unit of the Road hospital to Rostov-on-Don.

Shazhiybat Ariunaa,
the doctor of Philosophy, professor, director of Institute of philosophy of Academy of Sciences of Mongolia.

Shefel Sergey Viktorovich,
the doctor of Philosophy, professor, the head of the department of humanitarian and social and economic disciplines of the Crimean branch of the Russian state university of justice.

Shingarov Georgy Hristovich,
the doctor of Philosophy, professor, professor of department of philosophy of Modern humanitarian academy.

КОНТАКТЫ:

❍ ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7 (928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

❍ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бугаенко Юлия Юрьевна
Тел.: +7 (989) 819-19-19
e-mail: yuliannazone@mail.ru

❍ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7 (988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

❍ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 28

Часы приема: понедельник — пятница, 10^{00} — 17^{00}

Тел./факс: +7 (861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

❍ THE CHIEF – THE EDITOR

Popov Mikhail Yur'evich,
Ph.: +7 (928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

❍ DEPUTY CHIEF EDITOR

Bugaenko Yuliya Yur'evna
Ph.: +7 (989) 819-19-19
e-mail: yuliannazone@mail.ru

❍ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna
Ph.: +7 (988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

❍ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 28, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday — Friday, $10^{\underline{00}}$ — $17^{\underline{00}}$.

Ph./fax: +7 (861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Агаджанова К.В.
Передовые технологии медико-социальной реабилитации
ожоговых пациентов в Европе и в США 23

Алексеева В.А., Гурьева А.Б.
Характеристика телосложения женщин Якутии
с диагнозом сахарный диабет 2 типа 26

Васильев В.А., Кондричина С.Н., Соляникова И.Н.
Эхокардиографическая оценка диастолической дисфункции
и ремоделирования левого желудочка при артериальной гипертензии 32

Евстропов В.М.
Некоторые современные тенденции медицинского
и медико-профилактического направления исследований
стоматологического здоровья 38

Песчаный В.Г.
Комплексный подход в диагностике
и консервативном лечении детей с хроническим тонзиллитом 42

Харченко Д.А., Дегтяренко С.А., Велиева М.М.
Социально-гигиенические аспекты распространения Helicobacter pylori
среди студентов высших учебных заведений Ростовской области 46

Федорова Ю.С., Береговых Г.В., Баркин И.М., Суслов Н.И.
Исследование противовоспалительной активности
некоторых растительных экстрактов 53

Федорова Ю.С., Кульпин П.В., Суслов Н.И., Денисова С.В.
Влияние экстрактов Garcinia mangostana L. и Hedysarum alpium L.
на формирование условного рефлекса активного избегания 58

Шевченко А.Г., Егорова Е.В., Глузмин М.И.
К вопросу современного подхода
к лабораторной диагностике микозов стоп и кистей 63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алексеева А.А.
Самопрезентация деловой женщины в социальных сетях Интернет 73

Берестоκ Т.Б.
Особенности использования
психолого-акмеологического подхода в работе с аутистами 75

Гришина Т.Г.
Виктимизация подростков в травле и ее взаимосвязь с семейными факторами 79

Динов Е.Н.
Особенности социотипа творческой личности в юности 89

Динов Е.Н.
Особенности профессиональных качеств
специалистов профессий «человек-человек» по сравнению
со специалистами других типов профессий 93

Жукова Д.И.
Опросник «36 ролевых сюжетов»
в психофизиологической диагностике типов поведения индивида 98

Захарова Е.В.
Концепция качества жизни и его исследование у больных туберкулезом 104

Карманова Т.М.
Объективные факторы понимания научного текста студентами 114

Ковелина Т.А.
Эмоциональное выгорание
как социально-психологическая проблема врачей
специалистов нейрохирургического отделения 119

Олейник Ю.В.
Профессиональная рефлексия
в деятельности специалиста по физической реабилитации 124

Павлова М.В.
Психологическая адаптация
на начальном этапе профессионализации выпускников ВУЗов 129

Помазан И.А.
Становление профессиональной зрелости 133

Степанова Ю.В.
Применение психофизиологического закона фазовости
к исследованию мыслительной деятельности
(на примере научной работы авторов Московской психологической школы) 135

Сущенко С.А., Поливина М.А., Жидяева Е.С.
Проблемы девиантного поведения молодежи:
социально-психологические детерминанты его формирования 138

Таранова В.А.
Теоритические основы взаимосвязи привязанности детей
младшего школьного возраста к матери
и личностных отношений с окружающими 143

Чжан Тяньсюй, Гасанова Р.Р.
Смысловое понимание инклюзивного образования 146

Филиппова Е.В.
Развитие силовых способностей в пожилом возрасте
средствами спортивно-оздоровительного туризма 150

Шарок В.В.
Ценностные ориентации личности
как фактор удовлетворенности различными аспектами обучения 155

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Абрамов М.А., Булкин А.Н., Гришай В.Н., Тищенко А.В.
Критериальные установки философии управления
для полиции Российской Федерации 161

Богдан Д.Т.
Идеология и желание: проблема желания в структуре политического сознания 164

Гринь М.В., Терещенко О.В.
Способствует ли толерантность
укреплению социального порядка в современном российском обществе? 169

Динов Е.Н.
Особенности социальной толерантности руководства
общеобразовательных учреждений 174

Докумова Л.Ш.
Цифровая реальность как современная социальная реальность:
аксиологическое и антропологическое измерения 178

Килясханов М.Х., Зенин К.А., Исламов Ф.И., Гришай Ж.Г.
Конструируемые аспекты возраста: социально-философский аспект 181

Матецкая А.В., Беликова Н.Ю.
Трансформация границ религии в секулярных обществах 186

Папулов В.Д., Дунайцев А.И.
Творчество в деятельности военнослужащего. Проблемы и пути решения 191

Попова Т.В., Скворцов Д.В., Марусидзе Н.Ф.
Телевидение в сознании общества: социально-философский анализ 195

Свечкарева И.Р., Хомутова Н.Н.
Развитие гендерной толерантности в научном сообществе 198

Терентьев И.А.
Особенности коммуникативной деятельности человека
в информационном пространстве: социально-философский аспект 203

Шматько А.А.
Роль общественных ценностей в философии истории 207

Шингаров Г.Х., Татаровская И.Г.
Торможение – атрибутивная функция нервной системы:
от Гиппократа до И.М. Сеченова (К 190-летию со дня рождения) 210

CONCEPT

MEDICAL SCIENCES

Christina V. Agadzhanova
Advanced technologies for medical and social rehabilitation
of burn patients in Europe and the USA 23

Viluya A. Alekseeva, Alla B. Guryeva
Characteristics physique women Yakutia with diagnosis diabetes 2 type 26

Valerii A. Vasiliev, Svetlana N. Kondrichina, Irina N. Solyanikova
Echocardiographic evaluation of diastolic dysfunctions
and remodeling of the left ventricle in arterial hypertension 32

Vladimir M. Evstropov
Some modern trends of medical
and medical preventive directions of researches of dental health 38

Vladimir G. Peschany
Comprehensive approach in diagnostics
and conservative treatment of children with the chronic tonsillitis 42

Denis A. Harchenko, Svetlana A. Degtyarenko, Maria M. Majeva
Socio-hygienic aspects of Helicobacter pylori
distribution among students of higher educational institutions of the Rostov region 46

Yulia S. Fedorova, Galina V. Beregovyh, Igor M. Barkin, Nikolay I. Suslov
Research of anti-inflammatory activity of some plant extracts 53

Yulia S. Fedorova, Pavel V. Kulpin, Nikolay I. Suslov, Svetlana V. Denisova
Influence of extracts of Garcinia mangostana L. and Hedysarum alpium L.
on the formation of the conditional reflex of an active avoidance 58

Alexey G. Shevchenko, Elena V. Egorova, Mikhail I. Gluzmin
On the issue of modern approach
to laboratory diagnostics fungal infections of the feet and hands 63

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Anna A. Alekseeva
Self-presentation of a business woman in social networks Internet 73

Tatjana B. Berestok
Features of the use of psychological-acmeological approach in working with autists 75

Tatyana G. Grishina
Victimization of adolescents in bullying and its relationship with family factors 79

Evgeny N. Dinov
Features of the sociotype of a creative person in youth 89

Evgeny N. Dinov
Features of professional qualities
of specialists in human-human professions in comparison with
specialists of other types of professions 93

Darya I. Zhukova
Questionnaire «36 role-playing plots»
in psychophysiological diagnostics of individual behavior types 98

Elena V. Zakharova
The concept of quality of life and its research in patients with tuberculosis 104

Tatyana M. Karmanova
Objective factors of students' understanding of scientific text 114

Tatyana A. Kovelina
Emotional burnout as psychosocial issue of doctors from neurosurgery department 119

Julia V. Oleynik
Professional reflection in the activity of a specialist in physical rehabilitation 124

Maria V. Pavlova
Psychological adaptation at the initial stage
of professionalization of university graduates 129

Igor A. Pomazan
Becoming Professional Maturity 133

Julia V. Stepanova
The use of psychophisiological phase change law to studying mental activity
(based on the example of scientific work of Moscow psychological school authors) 135

Sergey A. Soutchenko, Marina A. Polivina, Elena S. Zhidyaeva
Problems of deviant behavior of youth:
socio-psychological determinants of its formation 138

Valeriy A. Taranova
Theoretical foundations of the relationship
of the attachment of primary school age children to the mother
and personal relationships with others 143

Zhang Tianxu, Renata R. Gasanova
Semantic understanding of inclusive education 146

Elena V. Filippova
Development of power abilities in the elderly age
by means of sports and health tourism 150

Veronika V. Sharok
Value orientations of personality as a factor of satisfaction
with various aspects of education 155

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Maxim A. Abramov, Andrey N. Bulkin, Vladimir N. Grishay, Alexander V. Tyshchenko
Control Philosophy Criteria for the Police of the Russian Federation 161

Danil T. Bogdan
Ideology and desire: the problem of desire in the structure of political consciousness 164

Maksim V. Grin, Olesya V. Tereshchenko
Does tolerance contribute
to the strengthening of social order in modern Russian society? 169

Evgeny N. Dinov
Features of social tolerance of the leadership of educational institutions 174

Lyubov Sh. Dokumova
Digital reality as a modern social reality:
axiological and anthropological dimensions 178

Magomed H. Kilyashanov, Konstantin A. Zenin, Ferzilah I. Islamov, Zhanna G. Grishai
Designed aspects of age: socio-philosophical aspect 181

Anastasia V. Matetzkaya, Natalia Y. Belikova
Transformation of the boundaries of religion in secular societies 186

Vladimir D. Papulov, Andrei I. Dunaitsev
Creativity in the activities of a soldier. Problems and solutions 191

Tatyana V. Popova, Dmitrii V. Skvortsov, Nester F. Marusidze
Television in the minds of society: a socio-philosophical analysis 195

Izabella R. Svechkareva, Natalya N. Khomutova
Development of gender tolerance in the scientific community 198

Igor A. Terentev
Features of human communicative activity
in the information space: socio-philosophical aspect 203

Alexander A. Shmatko
The influence of social values in the philosophy of history 207

Georgy H. Shingarov, Irina G. Tatarovskaya
The inhibition as an atributive funtion of the nervos sistem:
from Hippocrates to the I.M. Sechenov (To the 190the anniversary of the birth) 210

МЕДИЦИНСКИЕ

НАУКИ

УДК 614

ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОЖОГОВЫХ ПАЦИЕНТОВ В ЕВРОПЕ И В США

●●●●●●

ADVANCED TECHNOLOGIES FOR MEDICAL AND SOCIAL REHABILITATION OF BURN PATIENTS IN EUROPE AND THE USA

Агаджанова Кристина Викторовна
кандидат биологических наук,
преподаватель кафедры биотехнологий,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. Скрябина
applicant.id@mail.ru

Christina V. Agadzhanova
Candidate of Biology,
teacher, department of biotechnologies,
Moscow State Academy
of Veterinary Medicine and Biotechnology
applicant.id@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме медико-социальной реабилитации ожоговых пациентов в Европе и в США. Высокая распространенность ожогового травматизма среди взрослого населения делает лечение и реабилитацию послеожоговых пациентов важной медико-социальной проблемой. Показано, что реабилитационные программы послеожоговых пациентов в настоящее время основаны на концепции качества жизни и восстановления физических и психосоциальных функций с широким применением физиотерапевтических, трудотерапевтических и образовательных реабилитационных мероприятий.

Ключевые слова: послеожоговые пациенты, медико-социальная реабилитация, качество жизни, программы реабилитации.

Annotation. The article is devoted to the problem of medical and social rehabilitation of burn patients in Europe and in the USA. The high prevalence of burn injuries among adults makes treatment and rehabilitation of post-burn patients an important medical and social problem. It is shown that rehabilitation programs of post-burn patients are currently based on the concept of quality of life and restoration of physical and psychosocial functions with the widespread use of physiotherapeutic and occupational therapeutic rehabilitation measures.

Keywords: post-burn patients, medical and social rehabilitation, quality of life, rehabilitation programs.

Проблема ожогового травматизма продолжает оставаться социально-значимым явлением в большинстве стран мира. Прежде всего, это связано со значительным распространением ожогов среди взрослого трудоспособного населения. Ежегодно в мире около шести миллионов пациентов с ожоговой травмой обращаются за медицинской помощью. В США за год ожоги получают в среднем около 1 миллиона жителей. В Европе ожоговая травма занимает 4-е место среди всех внешних причин смерти и заболеваемости [1].

Лечение ожоговых больных является дорогостоящим, требует длительной госпитализации и проведения реабилитационных мероприятий, в которых важную роль играет медико-социальная реабилитация послеожоговых пациентов. В настоящее время основой реабилитации является мультидисциплинарный и пациент-ориентированный подходы. Реабилитация послеожоговых пациентов направлена на восстановление и компенсацию медицинскими и другими методами функциональных возможностей организма, нарушенных в результате ожоговой травмы. Необходимо учитывать, что сложные ожоговые травмы могут привести к функциональным и эстетическим ограничениям на фоне развития психосоциальных проблем, влияющих на качество жизни человека, получившего ожоговую травму [6].

В связи с этим, нам представляется актуальным анализ передовых медико-социальных технологий в реабилитации ожоговых пациентов в странах Европы и США. В большинстве европейских стран и в США реабилитационные мероприятия послеожоговых пациентов в основном осуществляются в амбулаторных условиях. Реализуемые реабилитационные программы послеожоговых пациентов в настоящее время основаны на концепции качества жизни и функциональ-

ного восстановления после ожоговой травмы с широким применением физиотерапевтических и трудотерапевтических реабилитационных мероприятий.

В медицинской реабилитации ожоговых пациентов в США особое внимание отводится компетенциям специалистов по ожоговой реабилитации, которые специализируются на оказании помощи пациентам в достижении оптимальных функциональных результатов при завершении реабилитационного процесса. Экспертами реабилитационного комитета Американской ожоговой ассоциации разработан стандарт компетенции ожогового терапевта-реабилитолога (BRTCT), который определяет области компетенции, необходимые для оказания физической и трудовой терапии пациентам с ожоговой травмой во время их первоначальной острой госпитализации и последующей реабилитации [4]. Поэтому в программах медицинской реабилитации послеожоговых пациентов большая роль отводится компетентной помощи медицинского персонала. Наряду с этим, в настоящее время большое внимание уделяется таким вопросам, как повышение знаний, восстановление физических и психосоциальных функций пациентов с ожоговой травмой. Содержание программ включает информацию об ожогах, осложнениях ожоговой травмы, о навыках ухода за ожоговой раной, а также о необходимости правильного питания, выполнения комплекса физических упражнений, психосоциальных навыков управления стрессом. Психосоциальному восстановлению послеожоговых пациентов способствует групповая работа с использованием активных методов обучения, позволяющих эффективнее освоить содержание программы [3; 5].

Признается важность реализации комплексного подхода к реабилитации ожоговых больных, в основе которого лежит не только восстановление физических и психосоциальных функций пациентов, но и повышение качества жизни. Эффективность реабилитационной программы послеожоговых пациентов с ожогами рук, направленной на повышение качества их жизни, экспериментально обоснована в научной статье O.E. Elsherbiny и соавт [2]. В содержание программы были включены как образовательный, так и практический компоненты обучения послеожоговых пациентов. Образовательный компонент реабилитационной программы включал общие знания об ожогах, способах реабилитации и правилах здорового образа жизни, которые были отражены в аудиовизуальных средствах Microsoft Power, в иллюстративном материале, в буклетах. Практическая часть программы включала такие вопросы, как антиконтрактурное позиционирование, лечебная гимнастика и массажная терапия. Практическое обучение послеожоговых пациентов проводилась совместно с врачом и физиотерапевтом, осуществляющих контроль правильности выполнения упражнений. Реабилитационная программа осваивалась послеожоговыми пациентами, как в индивидуальной, так и в групповой форме. Методы обучения включали лекции, ролевые упражнения, групповые дискуссии и демонстрации в реальной жизни. После прохождения программы реабилитации в течение 3 месяце осуществлялся контроль выполнения пациентом лечебного плана восстановления и в течение 6 месяцев проводился медицинский осмотр пациентов. Реализация данной программы показала не только восстановление физических функций, но и повышение качества жизни послеожоговых пациентов.

Таким образом, в настоящее время в странах Европы и США проблемы медико-социальной реабилитации послеожоговых пациентов решаются в контексте реализации комплексного подхода на основе учета как медицинского статуса пациента, так и его психосоциального статуса, учета его индивидуальных потребностей и реальных проблем со здоровьем, что позволяет снизить послеожоговые осложнения, укрепить общее состояние здоровья и улучшить качество жизни послеожогового пациента

Литература:

1. Жилинский Е.В., Часнойть А.Ч., Алексеев С.А., Дорошенко Г.В. Анализ летальности, основных прогностических факторов и осложнений среди пациентов с ожоговой травмой // Медицинские новости. – 2014. – № 11. – С. 87–91.
2. Elsherbiny O.E., El. Fahar M.H., Weheida S.M. [et al]. Effect of burn rehabilitation program on improving quality of life (QoL) for hand burns patients: a randomized controlled study // European Journal of Plastic Surgeryvolume. – 2018. – № 41. – P. 451–458.
3. Mandal A., 2007. Quality and cost-effectiveness – Effects in burn care // Burns. – 2007. – № 33. – P. 414–417.
4. Parry I., Esselman P.C. Clinical Competencies for Burn Rehabilitation Therapists //Journal of burn care & research. – 2011. – № 32 (4). – P. 458–67.
5. Radwan M., Samir S., Abdel Aty O., Attia S. Effect of a Rehabilitation Program on the Knowledge, Physical and Psychosocial Functions of Patients with Burns // Journal of American Science. – 2011. – № 7 (8). – P. 427–434.
6. Serghiou M, Cowan A, Whitehead C. Rehabilitation after a burn injury // Clin Plast Surg. – 2009. – № 36 (4). – P. 675–686.

Literature:

1. Zhilinsky E.V., Chasnoit A.Ch., Alekseev S.A., Doroshenko G.V. Analysis of mortality, the main prognostic factors and complications among patients with burn injury // Medical News. – 2014. – № 11. – P. 87–91.
2. Elsherbiny O.E., El. Fahar M.H., Weheida S.M. [et al]. Effect of burn rehabilitation program on improving quality of life (QoL) for hand burns patients: a randomized controlled study // European Journal of Plastic Surgeryvolume. – 2018. – № 41. – P. 451–458.
3. Mandal A., 2007. Quality and cost-effectiveness – Effects in burn care // Burns. – 2007. – №33. – P. 414–417.
4. Parry I., Esselman P.C. Clinical Competencies for Burn Rehabilitation Therapists // Journal of burn care & research. – 2011. – № 32 (4). – P. 458–67.
5. Radwan M., Samir S., Abdel Aty O., Attia S. Effect of a Rehabilitation Program on the Knowledge, Physical and Psychosocial Functions of Patients with Burns // Journal of American Science. – 2011. – № 7 (8). – P. 427–434.
6. Serghiou M, Cowan A, Whitehead C. Rehabilitation after a burn injury // Clin Plast Surg. – 2009. – № 36 (4). – P. 675–686.

УДК [611.01] (571.56)

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН ЯКУТИИ С ДИАГНОЗОМ САХАРНЫЙ ДИАБЕТ 2 ТИПА

●●●●●●

CHARACTERISTICS PHYSIQUE WOMEN YAKUTIA WITH DIAGNOSIS DIABETES 2 TYPE

Алексеева Вилюйа Александровна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии медицинского института, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
Viljen1974@mail.ru

Viluya A. Alekseeva
Candidate of medical sciences, Associate Professor of normal and pathological physiology department medical institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
Viljen1974@mail.ru

Гурьева Алла Борисовна
доктор медицинских наук, доцент по кафедре анатомии, доцент кафедры нормальной и патологической анатомии, оперативной хирургии с топографической анатомией и судебной медицины Медицинского института, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
guryevaab@mail.ru

Alla B. Guryeva
Doctor of medical sciences, associate professor at the department of anatomy, associate professor of the department of normal and pathological anatomy, operative surgery with topographic anatomy and forensic medicine, medical institute of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
guryevaab@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены показатели физического статуса женщин (36-74 лет) якутской национальности с сахарным диабетом 2 типа. Выявлено достоверное преобладание величины массы тела, ИМТ и лиц с ожирением среди женщин с сахарным диабетом 2 типа. В группе больных сахарным диабетом установлен больший процент лиц с андроморфным (по индексу Таннера) и мезоэктоморфным (по индексу Хит-Картера) типами телосложения и меньший процент лиц с астеническим соматотипом по индексу Rees-Eizenk.

Ключевые слова: сахарный диабет 2 типа, женщины, соматотип, биоимпеданс, антропометрия, Якутия.

Annotation. The article considers the indicators of the physical status of women (36-74 years) of yakut nationality with type 2 diabetes. A significant predominance of body weight, BMI and obese persons among women with type 2 diabetes was revealed. In the group of patients with diabetes have more percentage of people with andromorphic (index Tanner) and mezoektomorphic (index Heath-Carter) sizes and a smaller percentage of persons with asthenic somatotype index Rees-Eizenk.

Keywords: type 2 diabetes, women, somatotype, bioimpedance, anthropometry, Yakutia.

Введение

Сахарный диабет (СД) в настоящее время является нарастающей глобальной эпидемией во всем мире. Средняя распространенность сахарного диабета 2 типа в России на 1 января 2019 г. составляет 2885,7/100 тыс. населения [4]. В Якутии наблюдается значительный и постоянный рост количества больных людей с сахарным диабетом 2 типа. В 2016 году в Якутии, по данным Федерального регистра сахарного диабета, количество больных с сахарным диабетом 2 типа составило 20 508 человек [1].

Факторами риска развития сахарного диабета 2 типа являются наследственная предрасположенность, гиподинамия, избыточная масса тела, стресс, пожилой возраст и т.д. Профилактика и ранняя диагностика сахарного диабета являются приоритетными задачами медицины. Благодаря ранней диагностике, можно отсрочить возникновение грозных осложнений сахарного

диабета, тем самым — продлить трудоспособность и активную жизнь пациента. Наряду с известными методами ранней диагностики сахарного диабета 2 типа, можно использовать соматотипологический метод, который является неинвазивным и относительно нетрудоемким способом исследования человека. Известно, что соматотип имеет взаимосвязи с реактивностью организма, характеристиками темперамента, эндокринным и иммунологическим статусом человека [7]. В связи с этим, соматотипологическая диагностика может использоваться как прогностический фактор и перспективный метод для персонифицированного подхода к профилактике и ранней диагностике СД 2 типа.

Цель

Дать соматотипологическую характеристику женщин (36–74 лет) якутской национальности с сахарным диабетом 2 типа.

Материалы и методы

Проведено антропометрическое, биоимпедансометрическое, соматотипологическое обследование 88 женщин, находившихся на стационарном лечении в эндокринологическом отделении Республиканской больницы № 2 — Центра экстренной медицинской помощи в период с января по март 2019 года с установленным диагнозом сахарный диабет 2 типа (СД 2 типа). Обследованные женщины относились к двум периодам онтогенетического цикла человека: 24 женщины (27,3 %) — ко второму периоду зрелого возраста (36–55 лет), 64 женщины (72,7%) — к пожилому возрасту (56–74 лет). Группа сравнения представлена женщинами тех же возрастных периодов и не страдающих сахарным диабетом 2 типа, в количестве 826 человек. Все обследованные женщины родились и постоянно проживали на территории Якутии.

Критериями исключения были: наличие установленного кардиостимулятора, беременность и отказ от обследования. Работа была проведена после получения письменного согласия обследуемых женщин.

Антропометрическое обследование проведено по стандартной методике [2]. Длина тела женщин измерялась при помощи цифрового антропометра фирмы «Tanita», с точностью до 0,1 см. Определение массы тела проводилось без одежды на медицинских весах с точностью до 50 г.

Обхваты (грудной клетки, талии, бедер) измеряли пластиковой сантиметровой лентой, а диаметры (диаметр плеч, межгребневый диаметр таза, поперечный и переднезадний диаметры грудной клетки) — толстотным циркулем с точностью до 1 мм. Был рассчитан индекс массы тела (ИМТ) как отношение массы тела к квадрату длины тела (кг/м^2). ИМТ менее 18,5 кг/м^2 расценивался как недостаточная масса тела, от 18,5 до 25,0 кг/м^2 – нормальная масса, от 25,0 до 30,0 кг/м^2 — избыточная масса, более 30,0 кг/м^2 — ожирение.

Был вычислен индекс ОТ/ОБ (отношение окружности талии к окружности бедер). Повышенным считался индекс ≥0,8 [9]. Всем обследованным женщинам определены соматометрические индексы [11]. Был использован индекс относительной ширины таза (ОШТ), который вычислялся по формуле:

$$\text{Индекс ОШТ} = \text{Диаметр таза (см)} \cdot 100 / \text{длина тела (см)}.$$

По индексу ОШТ выделены три типа таза:
1. Узкий таз (стенопиэлия) — ОШТ менее 16,0.
2. Средний таз (метриопиэлия) — ОШТ от 16,0 до 17,9.
3. Широкий таз (эурипиэлия) — ОШТ от 18,0 и более.

Форму корпуса (ФК) определяли по индексу, вычисляемому по формуле:

$$\text{Индекс ФК} = \text{Диаметр таза (см)} \cdot 100 / \text{диаметр плеч (см)}.$$

По индексу ФК выделены следующие формы корпуса:
1. Трапециевидный — индекс ФК менее 70,0.
2. Средний корпус — индекс ФК от 70,0 до 74,9.
3. Прямоугольный — индекс ФК 75,0 и более.

Относительная ширина грудной клетки определялась с использованием индекса Бругша.

$$\text{Индекс Бругша} = \text{Окружность грудной клетки (см)} \cdot 100 / \text{Длина тела (см)}.$$

По индексу Бругша имеется три типа грудной клетки:
1. Узкая — индекс Бругша менее 50,0.
2. Среднеширокая — индекс Бругша от 50,0 до 55,0.
3. Широкая — индекс Бругша более 55,0.

Диагностика соматотипов проводилась по нескольким методикам: индексу Rees-Eizenk, индексу Таннера и индексу Хит-Картера. Использованные методики соматотипирования имеют широкое медико-биологическое применение в России.

Соматотип по индексу Rees-Eizenk [12] определен по формуле:

$$\text{Индекс Rees-Eizenk} = \text{ДТ} \cdot 100/(\text{ПДГК} \cdot 6),$$

где ДТ – длина тела (см); ПДГК – поперечный диаметр грудной клетки (см).

1. Пикнический соматотип — индекс до 96,0.
2. Нормостенический соматотип — от 96 до 106.
3. Астенический соматотип — выше 106,0.

Определение типа телосложения по индексу Таннера [10] проводилось по величине индекса, вычисляемого по формуле:

$$\text{ИПД} = 3 \cdot \text{ДП} – \text{ДТ},$$

где ДП — акромиальный диаметр в см (диаметр плеч); ДТ — межгребневый диаметр в см (диаметр таза).

1. Гинекоморфный тип — менее 73,1.
2. Мезоморфный тип — от 73,1 до 82,1.
3. Андроморфный тип — более 82,1.

Тип телосложения по индексу Хит-Картера был определен с использованием биоимпедансометрии, при помощи анализатора состава тела АВС-01 «Медасс» (НТЦ Медасс, Россия). Исследование проведено по стандартной четырёхэлектродной схеме в положении испытуемых лёжа на спине с креплением одноразовых электродов в области лучезапястного и голеностопного суставов [5]. В протоколах обследования автоматически рассчитаны баллы эктоморфии, мезоморфии и эндоморфии. По индексу Хит-Картера имеется 13 соматотипов, которые определяются по сочетанию баллов экто-, мезо- и эндоморфии.

Статистическая обработка материала проведена методом вариационной статистики с использованием пакета прикладных программ SPSS для Windows (версия 17,0). Проведены вычисления распределения отдельных признаков и оценка основных характеристик распределения – медианы, интерквартильного размаха. Для проведения сравнительного анализа показателей был использован U-критерий Mann-Whitney. Для оценки межгрупповых различий относительных показателей использованы критерий Пирсона хи-квадрат (χ^2). Различия признавались статистически значимыми при $p < 0,05$ [6].

Результаты

Было обследовано 88 женщин якутской национальности с диагнозом сахарный диабет 2 типа. Средний возраст обследованных женщин составил 59,82 лет (от 39 до 74 лет). Длина тела женщин составила 157, 5 см (153,0; 161,7), масса тела — 75,0 кг (70,0; 88,3). Индекс массы тела был равен 31,45 кг/м^2 (27,1; 33,6). По ИМТ дефицит массы тела среди обследованных женщин не выявлен. Нормальная масса тела определена у 8 человек (9,1%), избыточная масса тела — у 28 человек (31,8 %), ожирение — 52 человек (59,1 %). Окружность талии обследованных женщин составила 95,5 см (89,0; 103,7), окружность бедер — 103,5 см (95,0; 109,5). Абдоминальный тип ожирения (ОТ ≥ 88 см) выявлен у 78 обследованных женщин (88,6 %). Отношение величины обхвата талии к обхвату бедер была равна 0,94 (0,86; 0,99). Индекс ОТ/ОБ был в пределах нормы у 8 женщин (9,1%), повышенным — у 80 женщин (90,9 %).

Соматотипирование женщин с СД 2 типа по индексу Rees-Eizenk а выявило, что среди обследованных лиц астенический тип телосложения встречался в 11,4 % случаев (10 женщин), нормостенический тип — в 50,0 % (44 женщин), пикнический тип — в 38,6 % (34 женщин). В группе сравнения показатели были следующими: астенический тип выявлен у 31,4 % (259 женщин), нормостенический — 41,0 % (339 женщин), пикнический — 27,6 % (228 женщин).

По индексу Таннера, 47,7 % лиц с СД 2 типа (42 женщины) относились к гинекоморфному типу телосложения, 43,2 % (38 женщин) — к мезоморфному типу, 9,1 % (8 женщин) — к андроморфному типу телосложения. Распределение соматотипов в группе сравнения было следующим: гинекоморфный тип — 33,2 % (n = 274), мезоморфный — 64,9 % (n = 536), андроморфный — 1,9 % (n = 16).

По индексу Хит-Картера у статистически значимо большей доли женщин с СД 2 типа (93,2 %, n = 82) определен мезоэктоморфный тип телосложения. Сбалансированный эктоморфный тип выявлен в 2,3 % случаев (2 женщины), эндоэктоморфный тип — в 4,5 % (4 женщины). Баллы эндоморфии, эктоморфии и мезоморфии характеризующие степень развития компонентов тела (жирового, костного, мышечного) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Баллы эндо-, экто-, мезоморфии у женщин с СД 2 типа в зависимости от соматотипологической принадлежности по индексу Хит-Картера

Соматотип по индексу Хит-Картера	Баллы эндоморфии	Баллы эктоморфии	Баллы мезоморфии
Мезоэктоморфный (n = 82)	2,54 (1,95; 3,05)	6,54 (6,32; 6,93)	5,11 (4,86; 5,41)
Сбалансированный эктоморфный (n = 2)	5,63	6,89	5,79
Эндоэктоморфный (n = 4)	5,16	7,39	3,51

В группе сравнения соматотипирование по индексу Хит-Картера не проводилось, поэтому сравнительный анализ не представляется возможным.

По индексу относительной ширины таза метриопиэлия выявлена в 10,2 % (9 женщин), эурипиэлия — в 89,8 % (79 женщин). Оценка относительной ширины грудной клетки по индексу Бругша определила, что 6,8 % (6 женщин) имели нормальную (среднеширокую) грудную клетку, 93,2 % (82 женщины) — широкую грудную клетку. Определение индекса формы корпуса выявило, что у 2,3 % (2 женщин) наблюдается средняя форма корпуса, у 97,7 % (86 женщин) — прямоугольная форма корпуса.

Обсуждение

Анализ возрастной структуры обследованных нами женщин, страдающих СД 2 типа, выявил, что преобладающее большинство женщин были пожилого возраста (56–74 лет). Среди обследованных лиц не наблюдались представительницы юношеского (16–20 лет), первого периода зрелого (21–35 лет) и старческого (75–89 лет) возрастных групп.

Длина тела женщин с СД 2 типа значимо не отличалась от общепопуляционных показателей женщин якутской национальности. Масса тела и ИМТ обследованных женщин с СД 2 типа были достоверно выше показателей женщин, не страдающих сахарным диабетом. Так, по данным Гурьевой А.Б., Николаева В.Г., Алексеевой В.А. [3], масса тела женщин Якутии второго периода зрелого возраста была равна 62,3 кг (55,0; 70,0), пожилого возраста — 61,2 кг (55,2; 70,5). ИМТ составил 24,87 кг/м^2 (22,23; 27,64) и 26,62 кг/м^2 (22,93; 29,43) соответственно.

Большое значение при оценке физического статуса населения придается ИМТ. Градация индекса массы тела позволяет выявить лиц с разными вариантами массы тела. В обследованной нами группе женщин с СД 2 типа лица с недостатком массы тела не выявлены. Большинство женщин (59,1 %) имели ожирение, часто встречались лица с избыточной массой тела (31,8 %). Сравнение полученных показателей с параметрами женщин, не страдающих СД 2 типа, выявило, что среди последних ожирение наблюдается достоверно реже (15,3 % во втором периоде зрелого возраста и 20,1 % в пожилом возрасте), а нормальная масса тела регистрируется чаще (в 48,6 % и 39,8 % среди женщин 36–55 лет и 56–74 лет соответственно).

Установлено, что ОТ женщин с СД 2 типа значимо выше аналогичного показателя лиц, не страдающих СД 2 типа (95,5 см против 88,0 см) Индекс ОТ/ОБ также был выше у женщин с СД 2 типа (0,94 против 0,89).

Анализ соматипологической характеристики женщин с СД 2 типа по индексу Rees-Eizenk выявил преобладание лиц с нормостеническим типом телосложения (50,0 %). Сопоставление распространенности типов телосложения женщин с СД 2 типа с группой сравнения установило достоверно меньшую долю лиц с астеническим типом телосложения среди женщин с СД 2 типа (χ^2 = 9,556, p < 0,01). Сравнительный анализ распределения типов телосложения по Таннеру в обеих исследованных группах показал статистически значимое преобладание лиц с андроморфным типом телосложения среди женщин с СД 2 типа (9,1 % против 1,9 %) (χ^2 = 14,304, p < 0,001). Женщины пожилого возраста с нормостеническим и пикническим типами телосложения по индексу Rees-Eizenk и андроморфным типом по индексу Таннера могут быть отнесены к группе риска по развитию СД 2 типа, что должно вызывать диагностическую настороженность. В обследованной нами группе женщин с сахарным диабетом 2 типа выявлено только три соматотипа по индексу Хит-Картера: мезоэктоморфный, сбалансированный эктоморфный, эндоэктоморфный тип. Определено значимое преобладание лиц с мезоэктоморфным типом телосложения (93,2 %).

По индексам относительной ширины таза, относительной ширины грудной клетки и формы корпуса можно сделать вывод о том, что большинство обследованных нами женщин, страдающих сахарным диабетом 2 типа, имеют широкий таз, широкую грудную клетку и прямоугольную форму корпуса.

Многочисленные исследования в области клинической антропологии свидетельствуют о предрасположенности представителей разных соматотипов к возникновению патологии разных систем организма [8]. Полученные результаты показывают меньшую предрасположенность лиц

с астеническим типом телосложения к развитию сахарного диабета 2 типа. Для женщин андроморфия является крайним типом инверсии пола и женщин с подобным типом телосложения можно отнести к группе риска по развитию сахарного диабета 2 типа.

Заключение

В работе приведена соматотипологическая характеристика женщин якутской национальности с диагнозом сахарный диабет 2 типа (36–74 лет). Проведен сравнительный анализ полученных данных с аналогичными показателями женщин группы сравнения (якутки 36–74 лет, не страдающих сахарным диабетом 2 типа). Выявлено статистически значимо преобладающая величина массы тела, ИМТ и лиц с ожирением среди женщин с СД 2 типа. Соматотипологическая характеристика проведена по индексам Rees-Eizenk, Таннера, Хит-Картера. В группе больных сахарным диабетом установлено преобладание лиц с андроморфным (по индексу Таннера) и мезоэктоморфным (по индексу Хит-Картера) типами телосложения и меньшая доля лиц с астеническим соматотипом по индексу Rees-Eizenk. Выявление перечисленных типов телосложения у женского населения Якутии может служить дополнительным прогностическим критерием в комплексе исследований для установления диагноза сахарный диабет 2 типа.

Литература:

1. Афанасьев К.Е., Борисова Е.А. Экономические потери от сахарного диабета: истинные масштабы проблемы в современных условиях // Тенденции развития науки и образования. – 2017. – № 25 (3). – С. 28–30.
2. Бунак В.В. Антропометрия. – М. : Наркомпрос РСФСР, 1941.
3. Гурьева А.Б., Николаев В.Г., Алексеева В.А. Этновозрастные особенности физического статуса женского населения Республики Саха (Якутия) // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 181.
4. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К. Эпидемиология сахарного диабета в Российской Федерации: клинико-статистический анализ по данным Федерального регистра сахарного диабета // Сахарный диабет. – 2017. – № 20 (1). – С. 13–41. – DOI: 10.14341/DM8664.
5. Колесников В.А. [и др.]. О новом протоколе оценки соматотипа по схеме Хит-Картера в программном обеспечении биоимпедансного анализатора состава тела // Вестник Московского университета. – 2016. – Серия 23: Антропология. – № 4. – С. 4–13.
6. Ланг Т.А., Сесик М. Как описывать статистику в медицине. – М. : Практическая Медицина, 2011.
7. Никитюк Д.Б. Уровень функциональных резервов организма человека и морфо-психофункциональные соотношения // Russian Journal of Rehabilitation Medicine. – 2017. – № 4. – С. 3–14.
8. Николаев В.Г. [и др.]. Очерки интегративной антропологии : монография. – Красноярск : КрасГМУ, 2015.
9. Романова А.Н., Воевода М.И. Метаболический синдром и коронарный атеросклероз у жителей Якутии: этнические и гендерные особенности. – Новосибирск : Наука, 2016.
10. Таннер Дж. Рост и конституция человека. Биология человека / пер. с англ. – М., 1968. – С. 247–326.
11. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. – М. : Наука, 2005.
12. Rees W.L., Eisenck H. A factorial study of some morphological aspects of human constitution // J. Mental Sci. – 1945. – № 91. – P. 219–232.

Literature:

1. Afanasyev K.E., Borisova E.A. Economic losses from diabetes mellitus: the true scale of the problem in modern conditions trends in the development of science and education. 2017. – № 25 (3). – P. 28–30.
2. Bunak V.V. Anthropometry. – M. : Narkompros RSFSR, 1941.
3. Guryeva A.B., Nikolaev V.G., Alekseeva V.A. Ethno-age features of the physical status of the female population of the Republic of Sakha (Yakutia) // Modern problems of science and education. 2018. – № 4. – P. 181.
4. Dedov I.I., Shestakova M.V., Vikulova O.K. Epidemiology of diabetes mellitus in the Russian Federation: clinical and statistical analysis according to the Federal register of diabetes mellitus // Diabetes. – 2017. – № 20 (1). – P. 13–41. – DOI: 10.14341/DM8664.
5. Kolesnikov V.A. [et al.]. On a new protocol for assessing somatotype according to the Hit-Carter scheme in the software of the bioimpedance analyzer of body composition // Bulletin of Moscow University. – 2016. – Series 23: The Anthropology. – № 4. – P. 4–13.

6. Lang T.A., Sesik M. How to describe statistics in medicine. – M. : Practical Medicine, 2011.
7. Nikityuk D.B. The level of functional reserves of the human body and morpho-psycho-functional relations // Russian Journal of Rehabilitation Medicine. – 2017. – № 4. – P. 3–14.
8. Nikolaev V.G. [et al]. Essays of integrative anthropology : monograph. – Krasnoyarsk : KrasGMU, 2015.
9. Romanova A.N., Voevoda M.I. Metabolic syndrome and coronary atherosclerosis in Yakutia: ethnic and gender features. – Novosibirsk : Nauka, 2016.
10. Tanner John. Growth and the human constitution. Human biology. – M., 1968. – P. 247–326.
11. Hrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. Anthropology. – M. : Nauka, 2005.
12. Rees W.L., Eisenck H. A factorial study of some morphological aspects of human constitution // J. Mental Sci, 1945. – № 91. – P. 219–232.

УДК 616-07

ЭХОКАРДИОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДИАСТОЛИЧЕСКОЙ ДИСФУНКЦИИ И РЕМОДЕЛИРОВАНИЯ ЛЕВОГО ЖЕЛУДОЧКА ПРИ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ

●●●●●●

ECHOCARDIOGRAPHIC EVALUATION OF DIASTOLIC DYSFUNCTIONS AND REMODELING OF THE LEFT VENTRICLE IN ARTERIAL HYPERTENSION

Васильев Валерий Анатольевич
кандидат медицинских наук, доцент кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии с курсом критической и респираторной медицины, Петрозаводский государственный университет
valerij-vasiljev@list.ru

Valerii A. Vasiliev
Candidate of Medical Science, Associate Professor, Department of Radiology and Radiation Therapy with the course of Critical and Respiratory Medicine, Petrozavodsk State University, Institute of Medicine
valerij-vasiljev@list.ru

Кондричина Светлана Николаевна
кандидат медицинских наук, доцент кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии с курсом критической и респираторной медицины, Петрозаводский государственный университет
konsvet12@gmail.com

Svetlana N. Kondrichina
Candidate of Medical Science, Associate Professor, Department of Radiology and Radiation Therapy with the course of Critical and Respiratory Medicine, Petrozavosk State University, Institute of Medicine
konsvet12@gmail.com

Соляникова Ирина Николаевна
врач отделения ультразвуковой диагностики, ЧУЗ «КБ «РЖД-Медицина» г. Петрозаводск»
irina041270@gmail.com

Irina N. Solyanikova
Doctor of the department of ultrasound diagnostics, «Clinical hospital «Railway-Medicine» c. Petrozavodsk»
irina041270@gmail.com

Аннотация. Цель исследования: определение корреляции между наличием диастолической дисфункции левого желудочка (ДД ЛЖ) и отклонением от нормы морфометрических показателей ЛЖ, с помощью исследования параметров трансмитрального кровотока, у пациентов с различными степенями артериальной гипертензии (АГ). Во всех группах пациентов с АГ не зарегистрировано сильной корреляционной связи между наличием ДД по типу нарушения релаксации и изменениями морфометрических показателей ЛЖ. В связи с этим, нам представляется нецелесообразным при исследовании показателей трансмитрального кровотока рассматривать наличие ДД по типу нарушения релаксации как маркер развития процесса ремоделирования ЛЖ.

Ключевые слова: артериальная гипертензия, диастолическая дисфункция, ремоделирование левого желудочка, эхокардиография, трансмитральный кровоток.

Annotation. The aim of research was detecting correlation between the presence of left ventricular diastolic dysfunction and the abnormality of morphometric values, as well as between the presence of diastolic dysfunction and a certain type of left ventricular remodeling in patients with arterial hypertension of various degrees. No correlation between diastolic dysfunction of relaxation disorder type and changes in left ventricular morphometric characteristics was found in all groups of patients with arterial hypertension. In this regard, it seems unreasonable to study the presence of diastolic dysfunction by the type of relaxation disorder as a marker of the development of the process of left ventricular remodeling when examining the indicators of transmitral blood flow.

Keywords: arterial hypertension, diastolic dysfunction, left ventricular re-modeling, echocardiography, transmitral flow.

Актуальность исследования

Артериальная гипертензия является одной из самых распространенных форм сердечно-сосудистой патологии и одной из самых значимых медико-социальных проблем. Важным прогностическим фактором при этом заболевании является поражение органов-мишеней, в первую очередь миокарда, которое приводит к развитию хронической сердечной недостаточности (ХСН) в большом проценте случаев [1]. В качестве важного патологического процесса, приводящего к развитию ХСН при АГ, в настоящее время рассматривается развитие диастолической дисфункции ЛЖ [2; 3; 4]. Выделяют три типа ДД по степени ее прогрессирования — нарушение релаксации (1 тип), рестриктивный вариант (2 тип) и псевдонормальный вариант (3 тип).

В свою очередь, возникновение ДД ЛЖ тесно связано с развитием процесса ремоделирования миокарда левого желудочка, под которым понимается изменение его нормальной геометрии (то есть морфометрических показателей), и возникающие при этом нарушения процесса расслабления. Для АГ в начальной фазе развития характерен концентрический тип ремоделирования левого желудочка, проявляющийся гипертрофией его стенок. На поздних стадиях гипертензии развивается эксцентрический тип ремоделирования, при котором появляется дилатация полости левого желудочка. Существуют исследования, указывающие на гипертрофию ЛЖ как основную причину развития ДД ЛЖ [5], однако, вместе с тем, рассматриваются и другие гипотезы [2].

Клинические проявления синдрома ХСН чаще всего наступают при присоединении к этим процессам систолической недостаточности ЛЖ, то есть существует период ХСН без клинических проявлений [4; 6]. Соответственно, ранняя диагностика таких манифестных изменений миокарда ЛЖ при АГ, как развитие ремоделирования и нарушение диастолической функции, а также своевременное назначение адекватной фармакотерапии, воздействующей на эти процессы, является критически важным для прогноза заболевания [7; 8; 9].

На основании имеющихся данных можно предположить, что имеется тесная корреляция между развитием процесса АГ, появлением ДД 1 типа (предшествующего другим вариантам) и процессом ремоделирования ЛЖ, что подтверждается некоторыми исследованиями [10; 11; 12]. В ряде исследований указывается на связь, существующую между степенью АГ, появлением ДД 1 типа и конкретным типом ремоделирования, а именно — развитием гипертрофии ЛЖ [5].

Выявление диастолических нарушений традиционно проводится с помощью методики трансторакальной допплерэхокардиографии (ЭХОКГ) [7; 13]. Используется оценка морфометрических показателей левого желудочка в М- и В-режимах, оценка показателей трансмитрального кровотока и движения фиброзного кольца митрального клапана в режимах спектрального допплеровского анализа, тканевых допплеровских режимах и др. Вместе с тем, использование оценки показателей кровотока через митральный клапан в фазу диастолы с помощью импульсно-волнового допплеровского режима остается широко распространенной методикой, ввиду относительно небольшого количества ультразвуковых сканеров, оснащенных режимами тканевого допплера в медицинских учреждениях общего профиля.

Цель исследования

Выявление ДД ЛЖ 1 типа у пациентов с различными степенями АГ и в контрольной группе практически здоровых лиц с помощью трансторакальной эхокардиографии. Определение корреляции между наличием ДД ЛЖ 1 типа и отклонением от нормы морфометрических показателей, между наличием ДД ЛЖ 1 типа и определенным вариантом ремоделирования ЛЖ у пациентов с различными степенями АГ.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе отделения ультразвуковой диагностики ЧУЗ «КБ «РЖД-Медицина» г. Петрозаводск». Проведено трансторакальная ЭХОКГ и проанализированы ее результаты у 72 пациентов с АГ первой, второй и третьей степени, а также у 69 лиц контрольной группы. Артериальная гипертензия диагностировалась и оценивалась по критериям Европейского общества кардиологов и Европейского общества по АГ (2018 г.) на основании клинико-инструментального обследования и динамического наблюдения пациентов у кардиолога поликлиники [14]. Длительность диагностированной АГ у большинства пациентов (59 %) составила не менее 5 лет. Отбор пациентов проводился слепым методом, без учета степени артериальной гипертензии и результатов эхокардиографического исследования.

В первую группу были включены 33 больных с артериальной гипертензией первой степени. Во вторую — 39 обследованных с артериальной гипертензией 2 и 3 степени. Выделение отдельной группы с 3 степенью заболевания было признано нецелесообразным с точки зрения статистической обработки, ввиду малого количества пациентов (8 обследованных).

В третью контрольную группу были отобрано 69 практически здоровых человек, у которых в результате комплексных клинико-инструментальных обследований и регулярного динамического контроля артериального давления в течение более одного года было исключено наличие артериальной гипертензии. Это — машинисты и помощники машинистов, работающие на железной дороге, ежегодно проходящие углубленные медицинские осмотры, а также регулярные предрейсовые осмотры с документированным контролем артериального давления.

Среди обследуемых пациентов 1 группы было 17 мужчин и 16 женщин, средний возраст составил 54,8 ±12,7 лет. Во второй группе было 25 мужчин и 14 женщин, средний возраст пациентов 56 ±2,5 года. В группе контроля было 69 мужчин, средний возраст обследованных 40,2 ±6,08 года.

Трансторакальное ЭХОКГ исследование проводилось в соответствии с рекомендациями Американского общества по эхокардиографии [15]. Пациенты обследовались по стандартной методике в положении лежа на левом боку из парастернального и верхушечного доступов. ЭХОКГ проводилась на ультразвуковой сканирующей системе «Vivid 3 Expert» производства «GE Healthcare». Использовался секторный датчик с рабочим частотным диапазоном от 1,5 до 3,5 Мгц, для улучшения качества визуализации у всех пациентов использовался режим кодированной тканевой гармоники.

В нашей работе оценивались следующие эхокардиографические параметры:

— морфометрические показатели левого желудочка, включающие в себя конечно-диастолический и конечно-систолический размеры полости левого желудочка (КДР ЛЖ и КСР ЛЖ, мм);

— толщину межжелудочковой перегородки в конце диастолы (ТМЖПд, мм);

— толщину задней стенки левого желудочка в конце диастолы (ТЗСЛЖд, мм).

Кроме того, в случае отклонения этих показателей от нормы, определялось их соотношение для определения наличия и типа ремоделирования левого желудочка. Для оценки характера ГЛЖ нами использовался показатель относительной толщины миокарда левого желудочка (ОТМ), рассчитываемый по формуле: ОТМ = (ТМЖПд + ТЗСЛЖд)/КДР ЛЖ, а также – индекс массы миокарда левого желудочка, при этом масса миокарда рассчитывалась по формуле Penn Convention. По результатам морфометрического анализа выделялись следующие типы нарушения геометрии ЛЖ: концентрическая гипертрофия, концентрическое ремоделирование и эксцентрический тип гипертрофии. В качестве показателя систолической функции левого желудочка оценивалось значение фракции выброса в процентах, рассчитанной по формуле Тейхольца.

Применявшийся ранее широко метод оценки показателей трансмитрального кровотока с помощью импульсно-волнового доплеровского режима в настоящее время считается уступающим по чувствительности тканевым допплеровским режимам [16]. В частности, указывается, что у больных АГ 1–2 степени, в отсутствии изменений геометрии ЛЖ традиционный анализ показателей трансмитрального диастолического потока не позволяет достоверно оценить ранние признаки ДД [17]. Имеющиеся указания на недостатки этой методики необходимо учитывать при проведении исследования, введя в него контрольную группу.

В связи с этим, нами была проведена предварительная оценка статистической значимости и достоверности результатов, полученных с помощью оценки только показателей трансмитрального кровотока. Для этого проведено выявление признаков ДД ЛЖ 1 и 2 типов в группе практически здоровых лиц без признаков АГ, а также в группах пациентов с АГ 1, 2 и 3 степени с последующей оценкой статистической значимости полученных результатов.

Для определения наличия и типа ДД ЛЖ нами проанализированы допплеровские показатели кровотока через митральный клапан в фазу диастолы, оцениваемые в импульсно-волновом допплеровском режиме: амплитуда пика раннего наполнения ЛЖ (Е, м/с), амплитуда пика позднего наполнения ЛЖ (А, м/с), их соотношение (Е/А), а также время замедления потока раннего наполнения ЛЖ (DT, мс). Измерения проводились из верхушечного доступа, определялось наличие 1 и 2 типов ДД ЛЖ. Ввиду отсутствия в сканере режимов тканевого допплера нами не оценивалось наличие 3 типа ДД, а дальнейшие статистические расчеты производились только у пациентов с 1 типом дисфункции.

Статистическая обработка результатов проводилась на персональном компьютере с установленной программой Excel 2013, использовались стандартные средства и формулы табличного процессора. Для оценки силы корреляционной связи между двумя массивами значений использовался коэффициент Спирмана, для оценки статистической значимости полученных результатов в процентах использовался критерий Фишера. Сравнение средних значений в различных группах проводилось с помощью критерия t Стьюдента, наблюдаемые различия считались статистически значимы при $p < 0,05$.

Результаты исследования

При анализе результатов ЭХОКГ контрольной группы, несмотря на отсутствие у них АГ и других заболеваний сердечно-сосудистой системы, в ряде случаев зарегистрировано наличие ДД ЛЖ. Так, признаки диастолической дисфункции по первому типу были выявлены у 8

обследованных (11,6 %), второго типа – у 7 человек (10,1 %). При анализе морфометрических показателей гипертрофия левого желудочка зарегистрирована у 12 обследованных (17,3 %), а дилатация полости — только у двух (2,8 %). Показатели систолической функции левого желудочка были в пределах нормы у всех обследованных контрольной группы.

В последующем нами оценивалось наличие и сила корреляционной связи между наличием ДД ЛЖ 1 типа и изменениями морфометрических показателей левого желудочка – гипертрофией его стенок, дилатацией полости и их сочетанием. При проведении корреляционного анализа с использованием коэффициента Спирмана в группе контроля получено недостоверное значение, вследствие малого количества наблюдавшихся отклонений оцениваемых показателей от нормы.

При анализе результатов ЭХОКГ в 1 группе признаки диастолической дисфункции ЛЖ 1 типа выявлены у 17 пациентов (51,5 % обследованных), 2 типа — в двух случаях (2 %). При анализе морфометрических показателей гипертрофия левого желудочка зарегистрирована у 16 обследованных (53 %), а дилатация полости — ни у одного. Сочетание гипертрофии и дилатации левого желудочка было выявлено у 2 обследованных (7 %). Незначительное снижение показателя фракции выброса (54 % при норме 55 % и более) отмечено только в одном случае (3 %).

У 16 пациентов с наличием диастолической дисфункции в 12 случаях (75 % от всех обследованных 1 группы) выявлено отклонение от нормы морфометрических показателей левого желудочка. Проведен корреляционный анализ с определением коэффициента Спирмана для определения наличия и силы связи между этими параметрами. Коэффициент корреляции между наличием ДД ЛЖ 1 типа и гипертрофией ЛЖ составил 0,34, между наличием ДД ЛЖ 1 типа и сочетанием гипертрофии либо дилатации ЛЖ — 0,41. Таким образом, во всех случаях зарегистрирована только слабая корреляционная связь оцениваемых параметров.

При анализе результатов трансторакальной ЭХОКГ 2 группы (вторая и третья степени АГ) признаки ДД ЛЖ зарегистрированы у 28 пациентов (71,8 % обследованных), ДД ЛЖ 2 типа — в четырех случаях (10,3 %). При анализе морфометрических показателей гипертрофия левого желудочка зарегистрирована у 29 обследованных (88 %), дилатация полости не отмечена ни у кого. Незначительное снижение показателя фракции выброса (52 % при норме 55 %) отмечено только в одном случае (3 %). Сочетание гипертрофии стенок и дилатации левого желудочка было выявлено также у одного пациента (3 %).

У 23 пациентов с наличием ДД ЛЖ в 17 случаях (73 %) выявлено отклонение от нормы морфометрических показателей левого желудочка. Проведен корреляционный анализ с определением коэффициента Спирмана для определения наличия и силы связи между этими параметрами. Коэффициент корреляции между наличием ДД 1 типа и гипертрофией ЛЖ составил 0,32. Оценка силы связи с наличием дилатации полости ЛЖ не проводилась ввиду малого числа отклонений от нормы. Таким образом, зарегистрирована только слабая корреляция оцениваемых показателей.

Обсуждение. Таким образом, в нашем исследовании у пациентов с АГ статистически достоверно чаще встречались признаки диастолической дисфункции левого желудочка по сравнению с контрольной группой (критерий Фишера = 6,696, значение в зоне статистической значимости). Полученный нами результат полностью согласуется с многочисленными данными других исследований. Изменения морфометрических показателей также статистически достоверно чаще отмечены у пациентов с АГ, чем у практически здоровых обследованных (критерий Фишера = 5,793, значение в зоне статистической значимости).

Во всех группах пациентов с АГ не зарегистрировано сильной корреляционной связи между наличием ДД ЛЖ 1 типа и изменениями морфометрических показателей ЛЖ, свидетельствующих о нарушении его геометрии. Что касается корреляции между ДД 1 типа и конкретным типом нарушения геометрии ЛЖ, то в подавляющем большинстве случаев у пациентов с гипертензией наблюдалась изолированная гипертрофия левого желудочка, то есть концентрический тип структурных изменений (концентрическая гипертрофия и концентрическое ремоделирование). Число пациентов с эксцентрическими типами изменений было столь мало, что проведение корреляционного анализа раздельно по типам ремоделирования не имело смысла.

Кроме того, по результатам нашего исследования, учитывать тип ремоделирования нецелесообразно по причине отсутствия сколько-нибудь значимой корреляционный связи с наличием ДД ЛЖ при любом типе изменений его геометрии.

Заключение. ДД ЛЖ по типу нарушения релаксации достоверно чаще выявлялась у пациентов с АГ, по сравнению с контрольной группой, что подтверждает статистическую значимость результатов, полученных с помощью импульсно-волнового допплеровского режима. Изменения геометрии ЛЖ также достоверно чаще обнаруживались у пациентов с артериальной гипертензией, по сравнению с практически здоровыми лицами. Наиболее распространенный тип нарушения геометрии левого желудочка, выявленный у пациентов с АГ, независимо от стадии заболевания — концентрический.

У пациентов с различными стадиями АГ не выявлено тесной корреляционной связи между наличием диастолической дисфункции и структурными изменениями левого желудочка. В связи с этим представляется нецелесообразным при исследовании показателей трансмитрального кровотока в импульсно-волновом допплеровском режиме рассматривать наличие ДД 1 типа как ранний маркер развития процесса ремоделирования ЛЖ.

Литература:

1. Фомин И.В. Хроническая сердечная недостаточность в Российской Федерации: что мы сегодня знаем и что должны делать // Российский кардиологический журнал. – 2016. – № 8 (136). – С. 7–18.
2. Губарева И.В. Артериальная гипертония и хроническая сердечная недостаточность: нейрогуморальные, гемодинамические предикторы ремоделирования сердца и формирования диастолической дисфункции : дисс. … д-р. мед. наук 14.01.05; место защиты Самарский государственный медицинский университет. – Самара, 2017. – 235 с. – URL : http://www.dslib.net/kardiologia/arterialnaja-gipertonija-i-hronicheskaja-serdechnaja-nedostatochnost-nejrogumoralnye.html
3. Беленков Ю.Н. Хроническая сердечная недостаточность. Избранные лекции по кардиологии / Ю.Н. Беленков, В.Ю. Мареев, Т.Ф. Агеев. – М. : ГЭОТАР-Медиа. – 2006. – 432 с.
4. Zile M.R. Heart failure with a normal ejection fraction: is measurement of diastolic function necessary to make the diagnosis of Diastolic Heart Failure? / M.R. Zile [et al] // Circulation. – 2001. – Т. 104. – № 7. – P. 779–582.
5. Либис Р.А. Особенности течения хронической сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса у пациентов с эссенциальной артериальной гипертензией / Р.А. Либис, А.Г. Душина, Е.А. Олейник // Артериальная гипертензия. – 2013. – Т. 19. – № 6. – Р. 514–519.
6. Cowie M.R., The epidemiology of heart failure / M.R. Cowie [et al] // Eur Heart J. – 1997. – Vol. 18. – № 2. – P. 208–255.
7. Короткиян Н.А. Оптимизация ранней диагностики диастолической дисфункции левого желудочка у больных артериальной гипертензией : автореф. дисс. … канд. мед. наук 14.01.05.; место защиты Ростовский государственный медицинский университет // Ростовна Дону. – 2012. – 22 с. – URL : https://www.dissercat.com/content/optimizatsiya-rannei-diagnostiki-diastolicheskoi-disfunktsii-levogo-zheludochka-u-bolnykh-ar
8. Pearson A.C. Systolic and diastolic flow abnormalities in elderly patients with hypertensive hypertrophic cardiomyopathy / A.C. Pearson, C.V. Gudipati, G. Labovitz // Journal of the American College of Cardiology. – 1988. – Т. 12. – № 4. – P. 989–995.
9. Lalande S. Diastolic dysfunction: a link between hypertension and heart failure. / S. Lalande, B.D. Johnson // Drugs Today (Bark). – 2008. – № 44 (7). – P. 503–513.
10. Слезова В.И. Диастолическая дисфункция левого желудочка у молодых пациентов с артериальной гипертензией : Противоречия современной кардиологии: спорные и нерешенные вопросы / материалы V всероссийской науч. конф., Самара, 21–22 октября 2016 г. – Самара : Изд-во СамГМУ, 2016. – С. 35.
11. Persic V. Left ventricle diastolic dysfunction in obese patients with newly diagnosed arterial hypertension / V. Persic [et al] // Wiener Klinische Wochenschrift. – 2007. – № 119 (13–14). – P. 423–427. – DOI: 10.1007/s00508-007-0818-z
12. Guan Z. Relationship between left atrial deformation and left ventricular diastolic dysfunction in hypertensive patients : A strain rate imaging study / Z. Guan [et al] // International Journal of Cardiology. – 2009. – № 137 (1). – P. 77–78. – DOI: 10.1016/j.ijcard.2009.09.260
13. Рыбакова М.К. Эхокардиография от Рыбаковой / М.К. Рыбакова, В.В. Митьков, Д.Г. Балдин. – М. : Видар. – 2018. – 600 с.
14. Williams B., 2018 ESC/ESH Guidelines for the management of arterial hypertension / B. Williams [et al] // European Heart Journal. – 2018. – № 39 (33). – P. 3021–3104. – DOI: 10.1093/eurheartj/ehy339
15. Paulus W.J. How to diagnose diastolic heart failure: a consensus statement on the diagnosis of heart failure with normal left ventricular ejection fraction by the Heart Failure and Echocardiography Associations of the European Society of Cardiology / W.J. Paulus [et al] // Eur. Heart J. – 2007. – № 28 (20). – P 2539–2550. – DOI: 10.1093/eurheartj/ehm037
16. Алексеева О.А. Неинвазивная лучевая диагностика нарушения диастолической функции левого желудочка у больных гипертонической болезнью / О.А. Алексеева, Н.Н. Михеев // Вестник рентгенологии и радиологии. – 2011. – № 2. – С. 18–23.
17. Алексеева О.А. Диагностика и клиническое значение диастолической дисфункции у больных гипертонической болезнью // Радиология-практика. – 2011. – № 5. – С. 4–13.

Literature:

1. Fomin I.V. Chronic heart insufficiency in the Russian Federation: what we know today and what we should do // Russian Cardiology Journal. – 2016. – № 8 (136). – P. 7–18.
2. Gubareva I.V. Arterial hypertension and chronic heart failure: neurohumoral, hemodynamic predictors of heart remodeling and formation of diastolic dysfunction: dissertation. ... Dr. of Medical Sciences 14.01.05; seat of defense, Sa-Marine State Medical University. – Samara, 2017. – 235 p. – URL : http://www.dslib.net/kardiologia/arterialnaja-gipertonija-i-hronicheskaja-serdechnaja-nedostatochnost-nejrogumoralnye.html
3. Belenkov Y.N. Chronic heart failure. Selected lectures on cardiology / Yu.N. Belenkov, V.Yu. Mareev, T.F. Ageev. – M. : GOTAR-Media. – 2006. – 432 p.
4. Zile M.R. GOTAR-Media. 2006. 432 p. 4. Heart failure with a normal ejection fraction: is measurement of diastolic function nec-essary to make the diagnosis of Diastolic Heart Failure? / M.R. Zile [et al] // Circulation. – 2001. – Vol. 104. – № 7. – P. 779–582.
5. Libis R.A. Peculiarities of the chronic heart insufficiency flow with the saved ejection fraction in patients with essential arterial hypertension / R.A. Libis, A.G. Dushina, E.A. Oleinik // Arterial hypertension. – 2013. – Vol. 19. – № 6. – P. 514–519.
6. Cowie M.R., The epidemiology of heart / M.R. Cowie [et al] // Eur Heart J. – 1997. – Vol. 18. – № 2. – P. 208–255.
7. Korotkyan N.A. Optimization of early diagnostics of diastolic dysfunction of the left ventricle in arterial hypertension patients : autoref. diss. ... Cand. of Medical Sciences 14.01.05.; place of protection Rostov State Medical University // Rostov-on-Don. – 2012. – 22 p. – URL : https://www.dissercat.com/content/optimizatsiya-rannei-diagnostiki-diastolicheskoi-disfunktsii-levogo-zheludochka-u-bolnykh-ar
8. Pearson A.C. Systolic and diastolic flow abnormalities in elderly patients with hypertensive hypertrophic cardiomyopathy / A.C. Pearson, C.V. Gudipati, G. Labovitz // Journal of the Ameri-can College of Cardiology. – 1988. – Vol. 12. – № 4. – P. 989–995.
9. Lalande S. Diastolic dysfunction: a link between hypertension and heart failure. / S. Lalande, B.D. Johnson // Drugs Today (Bark). – 2008. – № 44 (7). – P. 503–513.
10. Slezova V.I. Diastolic left ventricular dysfunction in young patients with arterial hypertension : Contradictions of modern cardiology: controversial and unresolved issues / Proceedings of V All-Russian Scientific Conf., Samara, 21–22 October 2016. – Samara : SamGMU Publishing House, 2016. – P. 35.
11. Persic V. Left ventricle diastolic dysfunction in obese patients with newly diagnosed arterial hypertension / V. Persic [et al] // Wiener Klinische Wochenschrift. – 2007. – № 119 (13–14). – P. 423–427. – DOI: 10.1007/s00508-007-0818-z
12. Guan Z. Relationship between left atrial deformation and left ventricular diastolic dysfunction in hypertensive patients : A strain rate imaging study / Z. Guan [et al] // International Journal of Cardiology. – 2009. – № 137 (1). – P. 77–78. – DOI: 10.1016/j.ijcard.2009.09.260
13. Rybakova, M.K. Echocardiography from Rybakova / M.K. Rybakova, V.V. Mit'kov, D.G. Baldin. – M. : Vidar. – 2018. – 600 p.
14. Williams B., 2018 ESC/ESH Guidelines for the management of arterial hypertension / B. Williams [et al] // European Heart Journal. – 2018. – № 39 (33). – P. 3021–3104. – DOI: 10.1093/eurheartj/ehy339
15. Paulus W.J. How to diagnose diastolic heart failure: a consensus statement on the diagnosis of heart failure with normal left ventricular ejection fraction by the Heart Failure and Echocardiography Associations of the European Society of Cardiology / W.J. Paulus [et al] // Eur. Heart, J. – 2007. – № 28 (20). – P 2539–2550. – DOI: 10.1093/eurheartj/ehm037
16. Alekseeva O.A. Noninvasive radiation diagnostics of the left ventricle diastolic function disturbance in hypertensive patients / O.A. Alekseeva, N.N. Mikheev // Vestnik of radiology and radiology. – 2011. – № 2. – P. 18–23.
17. Alekseeva O.A. Diagnostics and clinical significance of diastolic dysfunction in hypertensive patients // Radiologia-practica. – 2011. – № 5. – P. 4–13.

УДК 614.616

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕДИЦИНСКОГО И МЕДИКО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

●●●●●●

SOME MODERN TRENDS OF MEDICAL AND MEDICAL PREVENTIVE DIRECTIONS OF RESEARCHES OF DENTAL HEALTH

Евстропов Владимир Михайлович
доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры
физической подготовки,
Ростовский филиал
Российской таможенной Академии
v.evstr@mail.ru

Vladimir M. Evstropov
Doctor of Medical Science,
Associate Professor,
Professor of the Rostov branch
of the Russian Customs Academy,
Department of Physical Training
v.evstr@mail.ru

Аннотация. Изучение стоматологического здоровья привлекает интерес специалистов различного профиля, что, видимо, связано как с широкой распространенностью стоматологической патологии, так и с возможностью ее коморбидности. В этом плане интересно изучение медицинских и медико-профилактических направлений рассматриваемых проблем в аспекте стоматологического континуума, отражающего сущность стоматологического здоровья в его ассоциации с целостным состоянием соматического и социального здоровья. При этом возрастает значимость исследования медицинских (клинических) параметров как стоматологических, так и коморбидно ассоциированных с ними заболеваний, которые позиционируются как соматическая патология.

Ключевые слова: стоматологическое здоровье, соматическое здоровье, стоматологическая патология, коморбидность.

Annotation. The study of stomatologic health attracts the interest of specialists in various fields, which is apparently associated with both the widespread occurrence of dental pathology and the possibility of its comorbidity. In this regard, it is interesting to study the medical and medical-preventive directions of the problems considered in the aspect of the stomatologic continuum, which reflects the essence of stomatologic health in its association with the integral state of somatic and social health. At the same time, the importance of studying medical (clinical) parameters of both dental and comorbid diseases associated with them, which are positioned as somatic pathology, is growing.

Keywords: stomatological health, somatic pathology, comorbidity, stomatological pathology.

Введение

Стоматологическое здоровье играет важнейшую роль в физиологии жизнедеятельности человека. Еще на заре эволюции многоклеточного организма произошла относительная дивергенция защитно-пищеварительной фагоцитарной функции клетки в связи с развитием специализированных физиологических систем организма, в том числе — пищеварительной системы с ее передним отделом, включающим органы ротовой полости. Однако с позиций деятельности в организме человека функциональных систем, нацеленных на достижение полезного результата, такая специализация лишь усилила функциональную значимость любых элементов ее подсистем, например органов ротовой полости, для оптимального функционирования организма как единого целого. В связи с этим, очевидна важность изучения медицинских и медико-профилактических аспектов стоматологического здоровья в аспекте его взаимосвязи с общесоматическим здоровьем.

Материалы и методы

Для написания статьи были использованы доступные литературные данные, научные статьи и исследовательские работы из библиотек, а также — с использованием электронных библиотечных

ресурсов поисковых систем Elibrary, PubMed, Google Scholar, Medline, Scopus, CyberLeninka, РИНЦ по ключевым словам, указанным ранее. Метод исследования — аналитический.

Результаты

Хотя в медицинской литературе достаточно давно обсуждается взаимосвязь соматической и стоматологической клинических форм патологии [1], однако, исследователи обычно аргументируют эту взаимосвязь только с одной (обычно ведущей) нозологической формой патологии внутренних органов.

Стоматологические заболевания, как и соматические, ускоряют темп старения. Многие из этих заболеваний могут начинаться довольно рано — как результат стоматологической патологии, коморбидных состояний и проявлений действия факторов риска [2].

По мнению Г.Т. Арьевой и А.Л. Арьева [3], сущность стоматологического здоровья хорошо выражена в интегральной совокупности качественных характеристик, отражающих стоматологическое здоровье в ассоциации с целостным состоянием соматического и социального здоровья в динамике (в течении жизни, рождения до смерти, от здоровья до болезни), т.е., в стоматологическом континууме. Потенциально модифицируемые (корригируемые) факторы риска развития стоматологического континуума связаны с воздействием следующих факторов: заболевания алиментарно-дистрофического происхождения, инфекционные заболевания, болезни крови, сосудистые заболевания и эндотелиальная дисфункция, эндокринная патология, вторичные иммунодефициты, периферические невропатии и патология центральной нервной системы, психический статус, травмы и др.

Согласно современным представлениям, к факторам, влияющим на развитие мультиморбидности, относят [4]:

— генетические, ятрогенные, социальные и экологические факторы;
— атеросклероз;
— хроническую инфекцию;
— инволютивные изменения.

В настоящее время многими исследователями обнаружена четкая взаимосвязь основных показателей стоматологического здоровья, с соматической патологией, например с сердечно-сосудистыми, бронхолегочными и желудочно-кишечными заболеваниями, сахарным диабетом, атеросклерозом, вторичным иммунодефицитом [5].

Сочетанная патология, как правило, носит взаимоотягощающее течение заболеваний из-за за существования выраженной функциональной связи, существующей между пораженными тканями и органами. В этих ситуациях исключительно важны особенности микроциркуляции для профилактики окислительного стресса и компенсаторных процессов при развитии воспалительных и ишемических поражений в пародонте [6], поскольку воспалительными механизмами, объединяющими стоматологическую патологию с хроническими воспалительными заболеваниями внутренних органов, являются провоспалительные реакции (повышение уровня С-реактивного белка,TNF-α, IL-6 и т.д.) и метаболические сдвиги, такие как окислительный стресс, нарушение регуляторного участия жизненно важных микроэлементов при дисбалансе распределения их в биологических средах [7]. Хотя с другой стороны, интенсификация процессов окислительного стресса наблюдается у пациентов с генерализованным пародонтитом как без общей соматической патологии, так и на фоне бронхоэктатической болезни [8].

Вопросы стоматологического здоровья рассматриваются и в медико-профилактическом аспекте изучения рискогенных ситуаций в окружающей и производственной среде. В исследованиях, посвященных этой проблеме, отмечают, что одним из наиболее вредных факторов, влияющих на стоматологическое здоровье, является воздействие промышленных аэрозолей.

Как следует из работы А.Ш. Галикеевой с соавт. [9], это показано при изучении условий труда на химических производствах: минеральных удобрений, фосфора, синтетических мономеров, синтетического каучука и шин, целлюлозно-бумажная промышленность.

Видимо, учитывая экологическую зависимость и производственную обусловленность патологии органов и тканей рта, некоторые работы посвящены вопросам сохранения и укрепления стоматологического здоровья, в частности — работников черной и цветной металлургии; машиностроения, промышленно-отопительных котельных.

Обсуждение и выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что изучение стоматологического здоровья привлекает интерес специалистов различного профиля, что, видимо, связано как с широкой распространенностью стоматологической патологии, так и с возможностью ее коморбидности, которая резко усугубляет развитие и течение стоматологических заболеваний. В этом плане

представляет интерес изучение рассматриваемых проблем в аспекте стоматологического континуума, отражающего сущность стоматологического здоровья в его ассоциации с целостным состоянием соматического и социального здоровья.

По нашему мнению, при этом возрастает значимость исследования медицинских (клинических) параметров как стоматологических, так и коморбидно ассоциированных с ними заболеваний, которые позиционируются как соматическая патология. Для более точной верификации уровня стоматологического здоровья и оценки эффективности стоматологического лечения, видимо, также, целесообразно применять точные, количественно определяемые критерии качества жизни, основанные на субъективном восприятии пациентом исходов лечения.

Таким образом, анализируемые современные тенденции медицинского направления исследования стоматологического здоровья представлены преимущественным изучением как клинических и биологических характеристик самого стоматологического здоровья и стоматологической патологии, так и коморбидности этой патологии с соматической. Медико-профилактическое направление исследования стоматологического здоровья, видимо, из-за эколого– производственной обусловленности стоматологической патологии, носит, преимущественно, эколого-гигиенический характер и ориентировано на проблемы сохранения и укрепления стоматологического здоровья.

Литература:

1. Desvarieux M., Demmer R.T., Rundek T. [et al]. Relationship between periodontal disease, tooth loss, and carotid artery plaque: the Oral Infections and Vascular Disease Epidemiology Study (INVEST) // Stroke. – 2003. – № 34. – P. 2120–2125.
2. Арьева Г.Т. Коморбидные состояния и стоматологический континуум у пациентов пожилого возраста : Церебро-кардио-ренальный континуум – междисциплинарный подход в гериатрии / тез. докл., 15–16 апреля 2009 года; под ред. А.Л. Арьева. – СПб., 2009. – С. 60–62.
3. Арьева Г.Т., Арьев А.Л. Стоматологический континуум // Пародонтология. – 2011. – Т. 61. – № 4. – С. 28–31.
4. Лазебник Л.Б. Старение и полиморбидность // Consilium Medicum. – 2005. – Т. 07. – № 12. – С. 993–996.
5. Костригина Е.Д., Зюлькина Л.А., Иванов П.В. Современный взгляд на этиопатогенез пародонтита (обзор литературы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – Т. 43. – № 3. – С. 118–128.
6. Булкина Н.В., Ведяева А.П., Савина Е.А. Коморбидность заболеваний пародонта и соматической патологии // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2012. – Т. 27. – С. 110–115.
7. Горбачёва И.А., Орехова Л.Ю., Сычёва Ю.А. [и др.]. Факторы взаимного отягощения множественных хронических очагов инфекции и генерализованного пародонтита // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. – 2018. – Т. 25. – № 1. – С. 50–55.
8. Кибкало А.П., Саркисов А.К., Полунина Е.А. [и др.]. Уровень маркеров окислительного стресса при генерализованном пародонтите на фоне бронхоэктатической болезни // Кубанский научный медицинский вестник. – 2019. – Т. 26. – № 5. – С. 42–51.
9. Галикеева А.Ш., Симонова Н.И., Шарафутдинова Н.Х. [и др.]. Условия труда как фактор риска развития стоматологических заболеваний в трудоспособном возрасте // Профилактическая и клиническая медицина. – 2018. – Т. 68. – № 3. – С. 27–33.

Literature:

1. Desvarieux M., Demmer R.T., Rundek T. [et al]. Relationship between periodontal disease, tooth loss, and carotid art plaque: the Oral Infections and Vascular Disease Epidemiology Study (INVEST) // Stroke. – 2003. – № 34. – P. 2120–2125.
2. Aryeva G.T. Comorbidal states and dental continuum in elderly patients : Cerebral-cardio-renal continuum – interdisciplinary approach in geriatrics // Proc. of April 15–16, 2009; edited by A.L. Aryeva. – St. Petersburg, 2009. – P. 60–62.
3. Arieva G.T., Ariev A.L. Dental continuum // Parodontology. – 2011. – Vol. 61. – № 4. – P. 28–31.
4. Lazebnik L.B. Ageing and polymorbidity // Consilium Medicum. – 2005. – Vol. 07. – № 12. – P. 993–996.
5. Kostrigina E.D., Zul'kina L.A., Ivanov P.V. Modern view on etiopathogenesis of steam-dontitis (literature review) // Izvestia vysokhcheniia vozvedenie. Volga region. – 2017. – Vol. 43. – № 3. – P. 118–128.
6. Bulkina N.V., Vedyayeva A.P., Savina E.A. Comorbidity of periodontal disease and somatic pathology // Medical bulletin of North Caucasus. – 2012. – Vol. 27. – P. 110–115.

7. Gorbacheva I.A., Orekhova L.Y., Sycheva Yu. [et al]. Factors of mutual aggravation of multiple chronic foci of infection and generalized periodontitis // Scientists of St. Petersburg State Medical University named after Acad. I.P. Pavlov. – 2018. – Vol. 25. – № 1. – P. 50–55.
8. Kibkalo A.P., Sarkisov A.K., Polunina E.A. [et al]. Level of markers of oxidative stress at the generalized periodontitis on a background of bronchoectatic disease // Kubanskiy scientific medical bulletin. – 2019. – Vol. 26. – № 5. – P. 42–51.
9. Galikeyeva A.Sh., Simonova N.I., Sharafutdinova N.H. [et al.]. Working conditions as a risk factor of dental diseases development in working age // Prophylactic and clinical medicine. – 2018. – Vol. 68. – № 3. – P. 27–33.

УДК 616.322-002.2-036.12-053.31.5-08-039.43: 612.017.1

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ДИАГНОСТИКЕ И КОНСЕРВАТИВНОМ ЛЕЧЕНИИ ДЕТЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМ ТОНЗИЛЛИТОМ

●●●●●●

COMPREHENSIVE APPROACH IN DIAGNOSTICS AND CONSERVATIVE TREATMENT OF CHILDREN WITH THE CHRONIC TONSILLITIS

Песчаный Владимир Григорьевич
кандидат медицинских наук,
врач-оториноларинголог,
ЗАО «Центр аллергии и иммунологии»
peschanyvladimir35@rambler.ru

Vladimir G. Peschany
Candidate of medical sciences,
otorhinolaryngologist,
CJSC Center of an Allergy and Immunology
peschanyvladimir35@rambler.ru

Аннотация. Автором проведен ретроспективный анализ эффективности усовершенствованной методики консервативного лечения хронического тонзиллита у детей в отдалённом периоде. В терапии использовали полоскание горла раствором «Хлорофиллипта», препарат «Тонзилотрен», освещение ротоглотки коротковолновым ультрафиолетовым светом, сантиметровую волновую терапию, ультрафонофорез гидрокортизона на область нёбных миндалин и бициллинотерапию (Бициллин-5). Применение этого сочетания приводит к регрессу местных признаков хронического воспаления, нормализации системного уровня антистрептолизина-О, предотвращает рецидивы заболевания и развитие ревматических осложнений. Регулярная терапия обеспечивает стойкий клинический эффект и хорошие отдалённые результаты. Показана возможность использования комплексного клинико-иммунологического обследования с определением концентрации антистрептолизина-О в диагностике хронического тонзиллита, оценке эффективности лечения и бициллинотерапии.

Ключевые слова: хронический тонзиллит, консервативное лечение, иммунитет, дети.

Annotation. The author carries out the retrospective analysis of efficacy of improved technique of conservative treatment of a chronic tonsillitis at children in the remote season. In therapy used rinsing of a throat by solution of "Chlorophylliptum", a drug of "Tonsilotren", illumination of oropharyngx a short-wave ultraviolet light, centimetric wave therapy, ultraphonophorese of hidrocortizonum on area of palatine tonsils and bicillinotherapy (Bicillin-5). Application of this combination leads to regress of local signs of chronic inflammation, normalisation of system level of antistreptolysin-O, prevents relapses of disease and development of rheumatic complications. Regular therapy provides steady clinical effect and the good remote results. Possibility of use complex clinikoimmunological inspections with definition of concentration of antistreptolysin-O in diagnostics of a chronic tonsillitis, an assessment of efficacy of treatment and bicillinotherapy is shown.

Keywords: chronic tonsillitis, conservative treatment, immunity, children.

Важность хронического тонзиллита (ХТ) обусловлена его распространённостью и большим количеством соматической патологии, патогенетически связанной с ним. Значительная антигенная и повреждающая активность токсинов β-гемолитического стрептококка группы А (БГСА) приводит к развитию хронического воспаления и тонзиллогенных осложнений. Они могут действовать как суперантигены, индуцируя непрерывное высвобождение медиаторов из иммунных клеток. Чем раньше возникают инфекционно-аллергические заболевания, тем тяжелее протекают и больше вероятность их рецидива [1–5].

Для диагностики ХТ, определения тактики терапии, вероятности развития ревматических болезней наиболее часто применяют антистрептолизин-О (АСЛО), ревмо-фактор (R-фактор) и С-реактивный белок (СРБ) [2–4]. Достоверным маркером системной бактериальной инфекции является прокальцитонин (ПКТ), позволяющий определить тактику ведения больного и необходимость в антибактериальной терапии. Локальные микробные инфекции, аутоиммунные заболевания не влияют на его уровень [6].

Консервативное лечение данной патологии не всегда эффективно и тонзиллэктомия является актуальной. При определении показаний к ней нужно учитывать существенную роль небных миндалин (НМ) в реакциях иммунитета в детском возрасте [1; 2].

Цель исследования

Разработать комплекс лечебных мероприятий и объективных способов оценки их эффективности для профилактики инфекционно-аллергических осложнений у детей с ХТ.

Материалы и методы

Проведен ретроспективный анализ отдалённых результатов обследования и лечения школьников с ХТ, а также концентрацией АСЛО ≥600 МЕ/мл. Декомпенсация заболевания проявлялась только рецидивами ангин 3–4 раза в год.

В период ремиссии пациентам провели 3 курса терапии с интервалом полгода. Она включала полоскание горла 1% спиртовым р-ром Хлорофиллипта (1:10), приём препарата «Тонзилотрен», сочетание КУФ, СМВ-терапии и ультрафонофореза гидрокортизона на область НМ. Для профилактики ревматических заболеваний использовали бициллинотерапию [5; 7; 8]: Бициллин-5 1.200.000 ЕД в/м 1 раз в 3 недели, № 3 или 5.

Регулярное комплексное обследование включало ЛОР-осмотр, развернутый общий анализ крови (ОАК), определение уровней СОЭ, АСЛО, СРБ, R-фактора и ПКТ. Для исключения инфекционно-аллергических осложнений проводили консультации педиатра, кардиоревматолога, биохимический анализ крови, ЭКГ, УЗИ сердца, суставов и почек.

При оценке иммунологических параметров подсчитывали доверительный интервал средних концентраций (X ±m) в динамике и достоверность их различия (M ±m).

Результаты и обсуждение

Предварительный осмотр детей выявил небольшие отечность и гиперемию НМ; признаки Гизе и Зака, иногда — Преображенского; патологическое отделяемое из лакун; рубцовое изменение поверхности миндалин, их сращение с передними нёбными дужками; подчелюстной лимфаденит. Патологии со стороны внутренних органов установлено не было. Показатели лейкограммы, СОЭ, концентрации СРБ, R-фактора находились в пределах нормы. Низкое содержание ПКТ (X = <0,5 нг/мл) характерно для локальных инфекций, ревматических болезней и говорит об отсутствии системного бактериального воспаления. Повышенные уровни АСЛО у всех больных (X = 735 МЕ/мл) свидетельствуют о вероятности возникновения инфекционно-аллергических осложнений стрептококковой этиологии, обосновывают необходимость профилактической бициллинотерапии. Комплексный анализ результатов указывает на малую активность хронического воспаления и достаточно высокую иммунологическую реактивность пациентов. При оценке возможности развития аутоиммунных заболеваний необходимо учитывать сложность их этиопатогенеза. В нём существенную роль играют высокая вирулентность БГСА (особенно серотипов М-3, М-5, М-18), наследственная предрасположенность (носительство аллелей HLA DR4, DR1, DR8), дисфункции иммунной системы: нарушение презентации антигенов Т-клеткам и процессов их отрицательной селекции; изменение активности, соотношения CD4+ и CD8+-лимфоцитов; дисбаланс регулирующих цитокинов (IL-1, IL-6, IL-10, ФНО-α, CTLA4, молекул адгезии) [2–5]. Особенно важно, что развитие ревматических осложнений возможно после БГСА-тонзиллита, протекавшего со стертой клинической картиной [5]. Полученные сведения констатируют разнообразие механизмов развития декомпенсации при ХТ, поэтому одновременное изучение нескольких иммунологических показателей позволяет более точно оценить состояние пациентов, разработать алгоритм их дальнейшего ведения и реабилитации.

После 1 курса терапии у детей исчезли местные симптомы заболевания, а размер НМ уменьшился. Большинство параметров системного иммунитета были в диапазоне нормы, количество ПКТ не изменилось (X = <0,5 нг/мл), наблюдалось только снижение содержания АСЛО (на 28,2 %, X = с 735 до 528 МЕ/мл). Его динамика определяла длительность бициллинотерапии (3 или 5 инъекций). Общее уменьшение титра после её окончания составило 55,6 % (X = с 735 до 326 МЕ/мл), однако, он превышал норму (N = 0–150 МЕ/мл). Характер клинических изменений, падение уровня АСЛО говорят о стихании хронического воспаления, уменьшении антигенной нагрузки и возможности развития метатонзиллярных осложнений. Вероятно, существенную роль в этом играют комплексное физиотерапевтическое воздействие на НМ, высокая чувствительность БГСА к бициллину-5 и длительное поддержание его адекватной концентрации в крови. Несмотря на определённые фармакокинетические недостатки, он является наиболее доступным, позволяет предотвратить развитие ревматических заболеваний [5; 7; 8].

Общее состояние пациентов через 3 месяца изменилось незначительно, обострений и локальных симптомов заболевания не было, а иммунологические величины достоверно не отличались от значений, полученных после 1 курса терапии.

Спустя полгода после лечения рецидивы и основные местные проявления ХТ отсутствовали у всех школьников, а небольшие отёчность и гиперемия НМ, признак Гизе были выявлены только у 43 % из них. Большинство показателей иммунитета находились в пределах возрастной нормы, уровень ПКТ был низким (Х = <0,5 нг/мл), а количество АСЛО немного выросло (на 23%, Х = с 326 до 401 МЕ/мл), хотя было значительно меньше, чем до лечения (Х = 401 и 735 МЕ/мл). Эти данные свидетельствуют об устойчивости развивающихся эффектов.

Учитывая положительную клиническую динамику и небольшой рост величины АСЛО, 2 курс лечения включал только 3 инъекции Бициллин-5. При его прохождении наблюдали быстрый регресс сохранявшихся признаков хронического воспаления. Исследование иммунного статуса констатировало только коррекцию и снижение уровня АСЛО, первоначально на 15 % (Х = с 401 до 340 МЕ/мл), а после завершения бициллинотерапии оно составило 22 % (Х = с 401 до 313 МЕ/мл). Полученные результаты подтверждают целесообразность регулярного проведения профилактической бициллинотерапии и комплексной оценки состояния больных не реже 2 раз в год. Однако, содержание лейкоцитов, СОЭ, концентрации СРБ, R-фактора, ПКТ вне обострения ХТ могут быть недостаточно информативны.

Для определения алгоритма дальнейшего ведения школьников и динамической оценки состояния иммунной системы было актуальным получение отдаленных результатов. При обследовании через год после 1 курса терапии у всех пациентов отсутствовали рецидивы ангин, признаки тонзиллогенной интоксикации, отделяемое из лакун, региональный лимфаденит, а слабовыраженные отёчность и гиперемия НМ, признак Гизе отмечались только у 29 % из них. Повторное клинико-инструментальное обследование органической патологии не выявило. Основные иммунологические величины были в норме, отмечался лишь некоторый рост титра АСЛО (на 21 %), однако, он был существенно ниже, чем до лечения. Стойкость и направленность эффектов констатирует возможность профилактического применения предлагаемой методики для сохранения НМ, как важного иммунокомпетентного органа и одного из главных источников эффекторных клеток для слизистых оболочек ВДП у детей.

Учитывая хорошее общее состояние больных, отсутствие у них рецидивов ангин и выраженных местных признаков заболевания, а также невысокие значения АСЛО, 3 курс терапии был профилактическим и не включал бициллинотерапию. Под его влиянием наблюдали быструю нормализацию фарингоскопической картины и снижение концентрации АСЛО (на 19 %, Х = с 378 до 306 МЕ/мл). Достоверных изменений показателей ОАК, СОЭ, содержания СРБ, R-фактора и ПКТ (Х = <0,5 нг/мл) установлено не было, все цифры находились в пределах нормы. При ретроспективной оценке характера клинико-иммунологических изменений обращают внимание их сходная направленность после каждого курса терапии и достаточно высокая стойкость. Максимальная коррекция происходила после 1 курса лечения. Выраженность эффектов во многом определяется индивидуальными особенностями иммунологической реактивности. Особенно важным является существенное падение количества АСЛО за весь период наблюдения (Х = с 735 до 306 МЕ/мл) с его приближением к границам нормы. Оно свидетельствует об уменьшении активности хронического воспаления, вероятности поражения органов-мишеней, а также постепенном восстановлении активности иммунной системы. Регулярное лечение позволяет получить более стойкий эффект и лучшие отдалённые результаты, что актуально при невозможности проведения операции. При определении показаний к ней необходимо учитывать особенности иммунного статуса пациента, наличие сопутствующей патологии, степень изменений в НМ.

Выводы

Сочетание консервативного лечения и профилактической бициллинотерапии у детей с ХТ и уровнями АСЛО ≥600 МЕ/мл приводит к стойкому клиническому эффекту, предотвращает рецидивы заболевания и возникновение ревматических осложнений.

Комплексное клинико-иммунологическое исследование с одновременным определением концентрации АСЛО актуально использовать для диагностики этого заболевания, выбора тактики терапии и оценки её эффективности.

Литература:

1. Оториноларингология : национальное руководство / под ред. В.Т. Пальчуна. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2016. – 1024 с.
2. Berhbohm H. Ear, nose and throat disease / H. Berhbohm, O. Kaschke, T. Nawka [et al]. – Stuttgart : Verlag KG. 2009. – 776 p.
3. Rabson A. Really essential medical immunology / A. Rabson, I. Roitt, P. Delves. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006. – 320 p.
4. Окороков А.Н. Диагностика болезней внутренних органов : Диагностика ревматических и системных заболеваний соединительной ткани. – М. : Мед. лит. 2000. – 576 с.

5. Щербакова М.Ю. А-стрептококковый тонзиллит: современные аспекты / М.Ю. Щербакова, Б.С. Белов // Педиатрия. – 2009. – № 5. – Т. 88. – С. 127–135.
6. Калягин А.Н. Прокальцитониновый тест в ревматологии / А.Н. Калягин, О.В. Антипова, Т.В. Григорьева // Современная ревматология. – 2012. – № 4. – С. 57–60.
7. Окороков А.Н. Лечение болезней внутренних органов : Лечение ревматических болезней. – М. : Мед. лит. 2000. – 608 с.
8. Гилберт Д. Антибактериальная терапия по Джею Сэнфорду / Д. Гилберт, Г. Чемберс, Дж. Элиопулос [и др.]. – М. : ГРАНАТ, 2016. – 688 с.

Literature:

1. Otorhinolaryngology : a national management / under the editorship of V.T. Palchun. – M. : GEOTAR-media, 2016. – 1024 p.
2. Berhbohm H. Ear, nose and throat disease / H. Berhbohm, O. Kaschke, T. Nawka [et al]. – Stuttgart : Verlag KG. 2009. – 776 p.
3. Rabson A. Really essential medical immunology / A. Rabson, I. Roitt, P. Delves. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006. – 320 p.
4. Okorokov A.N. Diagnostics of diseases of internal organs: Diagnostics of rheumatic and system diseases of a connective tissue. – M. : Med. lit. 2000. – 576 p.
5. Sherbakova M.Yu. A streptococcal tonsillitis modern aspects / M.Yu. Sherbakova, B.S. Belov // Pediatrics. – 2009. – № 5. – Vol. 88. – P. 127–135.
6. Kalyagin O.V. The Procalcitonin test in rheumatology / A.N. Kalyagin, O.V. Antipova, T.V. Grigorieva // Modern rheumatology. – 2012. – № 4. – P. 57–60.
7. Okorokov A.N. Treatment of diseases of internal organs : Treatment of rheumatic diseases. – M. : Med. lit. 2000. – 608 p.
8. Gilbert D.N. The Sanford Guide to antimicrobial therapy / D.N. Gilbert, H.F. Chambers, G.M. Eliopoulos [et al]. – M. : GRANAT, 2016. – 688 p.

УДК 614.2

СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ HELICOBACTER PYLORI СРЕДИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

●●●●●●

SOCIO-HYGIENIC ASPECTS OF HELICOBACTER PYLORI DISTRIBUTION AMONG STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE ROSTOV REGION

Харченко Денис Андреевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры финансового
и административного права,
Ростовский государственный
экономический университет,
председатель государственной
экзаменационной комиссии
по направлению подготовки
«Социология»,
Южно-Российский государственный
политехнический университет
имени М.И. Платова (НПИ)
denisow.rnd@gmail.com

Denis A. Harchenko
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Financial
and Administrative Law,
Rostov State Economic University,
Chairman of the State
Examination Commission
In the direction of preparation «Sociology»,
South Russian State Polytechnic University
Named after M.I. Platov (NPI)
denisow.rnd@gmail.com

Дегтяренко Светлана Александровна
кандидат медицинских наук,
врач-эндоскопист высшей категории,
Ростовский областной
консультативно-диагностический центр
svetlana.informacia@mail.ru

Svetlana A. Degtyarenko
Candidate of Medical Sciences,
Higher category endoscopist,
Rostov Regional Advisory
and Diagnostic Center
svetlana.informacia@mail.ru

Велиева Мария Мубаризовна
врач-ординатор кафедры
анестезиологии и реаниматологии,
Ростовский государственный
медицинский университет
Минздрава России
rostowd@yandex.ru

Maria M. Majeva
Resident doctor of the Department
of Anesthesiology and Resuscitation,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
rostowd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены социально-гигиенические аспекты распространения среди студентов высших учебных заведений Ростовской области бактерии Helicobacter pylori, обладающей высокой онкогенной активностью в отношении органов желудочно-кишечного тракта. Отмечается неуклонный рост инфицирования указанной бактерией все большего количества молодых людей в связи с несоблюдением правил личной гигиены, режима питания и неправильным подбором продуктовой корзины для организации рационального и сбалансированного рациона, удовлетворяющего потребности организма в необходимых полезных веществах. Подчеркивается необходимость понимания молодым поколением ощущения собственного здоровья как самой главной жизненной ценности и комплексного принятия профилактических мер для его сохранения и укрепления индивидами, общественными институтами и государственными учреждениями.

Ключевые слова: здоровье, гигиена, студенты, заболевание, образ жизни, организация питания, инфицирование, санитарные нормы, режим питания.

Annotation. The article considers the socio-hygienic aspects of the spread of Helicobacter pylori, which has high oncogenic activity against the organs of the gastrointestinal tract, among students of higher educational institutions of the Rostov region. There has been a steady increase in infection with his bacterium of an increasing number of young people due to non-observance of personal hygiene rules, diet and improper selection of a products for organizing a rational and balanced diet that meets the body's need for essential nutrients. It emphasizes the need for the younger generation to undestand the sense of their own health as the most important life value and comprehensive adoption of preventive measures to preserve and strengthen it by individuals, public institutions and government establishments.

Keywords: health, hygiene, students, disease, lifestyle, nutrition, sanitary standarts, infection, diet.

Актуальность проблемы

Существенные экономические преобразования, произошедшие в России в последние десятилетия, оказали значительное влияние на формирование ценностных ориентиров всех социальных групп. Переворот в системе жизненных ценностей привел к девальвации и кризису общечеловеческих, экономических и культурных основ в обществе. В связи с еще не установившейся и только формирующейся системой жизненных ориентиров у молодого поколения, особенно у студентов, процессы изменения социокультурных систем затрагивают представителей указанной социально-демографической группы в большей степени.

Выбор индивида, направленный на удовлетворение жизненных потребностей, осуществляется под воздействием личного интереса, а также его стремлением к максимальной для себя пользе. Студенческая молодежь находится под влиянием условий и предпочтений, имеющих в своей основе финансовую составляющую. Такие предпочтения непосредственно затрагивают правила поведения, в том числе, в сфере здоровья и личной гигиены. В сознании студентов определяются условия, приоритеты и доминанты, формирующие понятие качества жизни.

В результате проводимых социологических исследований на предмет отношения студентов к собственному здоровью установлено, что здоровье рассматривается молодыми людьми как одно из самых ценных благ и занимает высокое место в иерархии жизненных ценностей и приоритетов [1].

Однако как показывают результаты исследований, студенты, находясь под влиянием некоторых объективных и субъективных факторов, не предпринимают должных мер к сохранению и приумножению этого «капитала», считая собственное здоровье не целью, а средством для достижения других целей [2].

Каждый год более чем у 70 % студентов 1 курсов российских высших учебных заведений выявляются отклонения в состоянии здоровья, при этом в процессе динамического наблюдения с течением времени обучения отмечается отрицательная прогрессия в физиологических показателях, особенно это касается функционирования органов пищеварительной системы [3]. Такая картина обуславливается как объективными условиями в связи с тем, что студенты большую часть времени проводят в условиях отсутствия полноценного качественного питания, так и субъективными факторами, в частности, ведением неправильного образа жизни, наличием вредных привычек и т.п., что подчеркивает актуальность рассматриваемой проблемы.

На примере студентов Ростовского государственного медицинского университета Минздрава России (далее — РостГМУ), Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (далее — РГЭУ) и Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И.Платова (НПИ) (далее — ЮРГПУ) мы рассмотрим факторы поведения учащихся высших учебных заведений региона в области сохранения и укрепления собственного здоровья, уделяя особое внимание таким параметрам качества жизни молодого поколения как организация и режим питания, оказывающих влияние на самочувствие студентов и их учебную деятельность.

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ), более 40% всех заболеваний связаны именно с неправильным режимом питания. Изучением влияния жизненных условий на здоровье человека занимается соответствующий раздел медицины — гигиена [4]. Однако в настоящее время вопрос обеспечения безопасности питания является предметом интереса смежных дисциплин и превратился, таким образом, в многоотраслевую проблему.

Огромное значение на здоровьесберегающее поведение молодого поколения оказывают факторы общественной среды, в которой пребывает социальный субъект. Студенты, проживающие самостоятельно, испытывают существенные трудности в организации собственного питания в

сравнении с учащимися, проживающими совместно с родителями. В связи с интенсивным учебным графиком и, нередко, занятием трудовой деятельностью в свободное от учебного процесса время, молодые люди, преимущественно, питаются продуктами быстрого приготовления, не уделяя должной кулинарной обработке употребляемых в пищу продуктов необходимого количества внимания и времени. Как правило, это полуфабрикатная, трудно усваиваемая пищевая продукция с низким содержанием витаминов и минералов, оказывающая негативное влияние на обменные процессы, иммунитет и общее состояние организма студентов. Дополнительное негативное воздействие оказывает нарушение молодыми людьми санитарно-гигиенических норм и правил [5]. Низкий уровень санитарно-гигиенической грамотности студентов является фактором, снижающим профилактические возможности предотвращения вероятности инфицирования органов пищеварительной системы различными болезнетворными микрорганизмами.

В настоящее время одной из самых распространенных патогенных бактерий для органов желудочно-кишечного тракта является Helicobacter pylori (далее — H.p.), инфицирование которой приобрело широкие масштабы, создав тем самым значительные проблемы медико-социального характера. Опасность заражения H.p. состоит не столько в развитии в органах желудочно-кишечного тракта у инфицированных носителей хронического воспалительного процесса, вызываемого данным штаммом, а сколько в том, что H.p. официально признана ВОЗ одним основных факторов риска развития злокачественных новообразований в желудке. В своем исследовании Э.В. Кораблева отмечает, что еще в 1994 году при изучении влияния H.p. на возникновение онкологических процессов в органах желудочно-кишечного тракта H.p. была отнесена ВОЗ к канцерогенам желудка I класса. Эпидемиологические исследования показали, что рак желудка у лиц, инфицированных H.p., встречается в 4–6 раз чаще, чем у неинфицированных [6].

Согласно проведенным в экономически развитых странах исследованиям, благодаря пропаганде здорового образа жизни и принятию соответствующих профилактических мер, направленных формирование здоровьесберегающего поведения населения, в последнее время отмечается снижение частоты возникновения онкологии органов желудочно-кишечного тракта. Ряд авторов связывает данный факт со снижением распространения среди населения бактерии H.p. [7].

К сожалению, в России ситуация с инфицированием H.p. и заболеваниями, спровоцированными данной бактерией, обстоит несколько хуже. Особенно риску инфицирования подвержена студенческая молодежь, как правило, нередко пренебрегающая санитарно-гигиеническими нормами и несоблюдающая правильный режим питания, в результате чего представители указанной социально-демографической группы очень часто обращаются за медицинской помощью в связи с жалобами на работу органов пищеварительной системы.

Цель исследования

Изучение распространения H.p. среди студентов вузов Ростовской области (на примере РостГМУ, РГЭУ, ЮРГПУ) на фоне оценки социальных, материально-бытовых и культурных факторов, а также соблюдения студентами санитарно-гигиенических норм и правильного режима питания.

Задачи исследования

1. Оценка степени распространения бактерии H.p. среди студентов вузов Ростовской области.
2. Анализ качества жизни студентов с учетом влияния санитарно-гигиенических, социально-бытовых и культурных факторов.
3. Сравнение результатов эндоскопических обследований студентов, обратившихся за медицинской помощью, и образа жизни учащихся в части организации режима питания.

Материалы и методы исследования

В Ростовском областном консультативно-диагностическом центре (далее — РОКДЦ) нами проведен анализ степени распространения H.p. среди студентов вузов Ростовской области.

В исследовании приняли участие 128 студентов, обучающихся на дневном отделении в РостГМУ, РГЭУ и ЮРГПУ, из которых: 78 девушек, что составило 61 % от общего количества обследуемых, и 50 юношей — 39 % обследуемых соответственно, обратившихся в 2018–2019 гг. за медицинской помощью в связи с жалобами на работу органов пищеварительной системы. Отбор пациентов был произведен на основании направлений терапевта и гастроэнтеролога с предварительным диагнозом «хронический гастродуоденит в стадии обострения». Все респонденты по данным физикального обследования имели нормальное физическое развитие без наличия отклонений, которые могли бы повлиять на достоверность результатов исследования. Средний возраст пациентов составил 21 год.

На первом этапе исследования нами проведена оценка степени распространения у обследуемых студентов бактерии H.p. в эндоскопическом отделении с помощью современных инструментальных и лабораторных методов диагностики. Всем обследуемым проведена видеоэзофагогастродуоденоскопия (далее — ВЭГДС) аппаратом «Olympus» на базе видеоинформационных систем «EVIS EXERA-II», оснащенных видеогастроскопами серии «180». Забор биологического материала для определения наличия у обследуемых H.p. произведен прицельно, путем проведения биопсии слизистой оболочки желудка по требованиям Сиднейской системы (1996 г.) с учетом модификации: из антрального отдела на расстоянии 2–3 см от привратника по малой кривизне и из тела желудка на расстоянии 8 см от кардии по большой кривизне. Информативность и достоверность использованного метода составляет 98 %. После осмотра пациентов и проведения эндоскопического исследования биологический материал был направлен в патоморфологическую лабораторию РОКДЦ с целью оценки состояния слизистой желудка с верификацией H.p. путем исследования микроскопических срезов, полученных посредством проведения биопсии по следующей методике: среда — Tissue-Tek Xpress Molecular Fixative (Sakura); окраска микроскопических срезов осуществлена по стандартному методу эозином и гематоксилином; комбинированное и раздельное выявление нейтральных и кислых мукополисахаридов реактивом Шиффа (ШИК-реакция) и альциановым синим; окраска метиленовым синим Лефлера [8].

На втором этапе исследования нами проведен опрос респондентов в форме анкетирования с целью определения образа жизни студентов с учетом санитарно-гигиенических, социально-бытовых и культурных факторов и их влияния на распространение H.p. среди респондентов. Анкетирование было проведено анонимно, данные исследования занесены в индивидуальную карту пациента, полученные результаты обработаны с помощью методов Фишера и Стьюдента и статистического пакета программ Microsoft Excel 2007 Professional и «Statistica 6».

Результаты исследования и их обсуждение

Определение наличия/отсутствия бактерии H.p. у студентов, обратившихся с жалобами гастроэнтерологического характера, является одним из необходимых условий для осуществления адекватной патогенетической терапии.

В ходе проведенных эндоскопических исследований у 60 человек (47 %) был выявлен поверхностный гастродуоденит (60 человек), у 40 человек (32 %) диагностирован эрозивный гастрит, у 16 человек (13 %) — эрозивный дуоденит (16 человек), у 12 человек (8 %) — язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки соответственно.

По результатам исследования биопсийных материалов, полученных из патоморфологической лаборатории РОКДЦ, бактерия H.p. выявлена у 94 человек (73 %), у остальных 34 пациентов (27 %) H.p. не обнаружена (рис. 1).

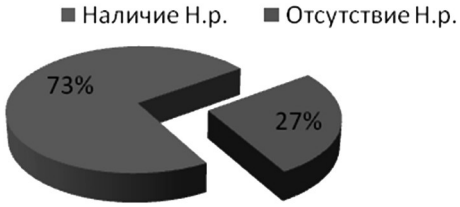

Рисунок 1 – Распределение пациентов с наличием и отсутствием Helicobacter pylori

При сопоставлении клинического диагноза и выявления бактерии H.p. проведенный анализ полученных данных показал, что у 30 обследуемых с установленным эндоскопическим заключением «поверхностный гастродуоденит» бактерия H.p. обнаружена у 21 человек, что соответствовало 70 % от числа обследованных; у 20 студентов с установленным эндоскопическим заключением «эрозивный гастрит» H.p. выявлена у 18 человек (90 %); у 8 студентов с установленным эндоскопическим заключением «эрозивный дуоденит» H.p. обнаружена у 6 человек (75 %.); при установленном у 6 студентов диагнозе «язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки» H.p. была определена у 2 человек (33 %) соответственно (рис. 2).

Таким образом, чаще всего бактерия H.p. выявлялась при наличии эрозивных процессов в желудке и в двенадцатиперстной кишке. Количество случаев обнаружения H.p. при язвенных процессах в верхних отделах желудочно-кишечного тракта оказалось наименьшим (на 57 % встречаемость меньше, чем при эрозивном гастродуодените, $p \leq 0,05$) (рис. 3).

Поскольку многими авторами подчеркивалось, что в распространении бактерии H.p. имеют значение условия и образ жизни, нами проанализированы социально-личностные характеристики респондентов, поскольку данные о степени распространения H.p. позволяют правильно сформировать мотивационно-ценностные отношения к здоровому образу жизни, являющегося у студентов основным поведенческим фактором [9].

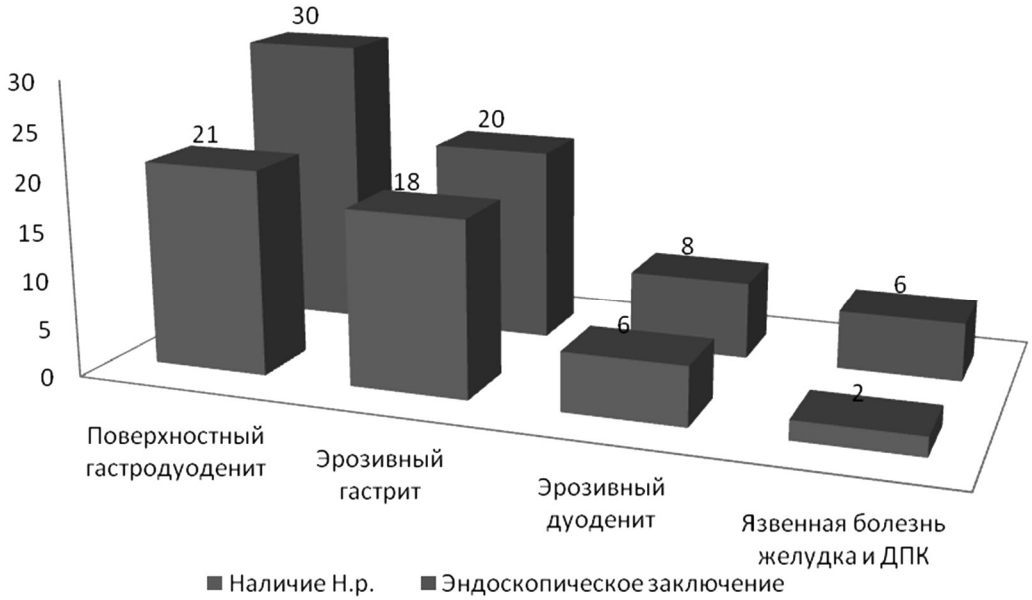

Рисунок 2 – Структура распределения эндоскопических заключений и встречаемости Helicobacter pylori

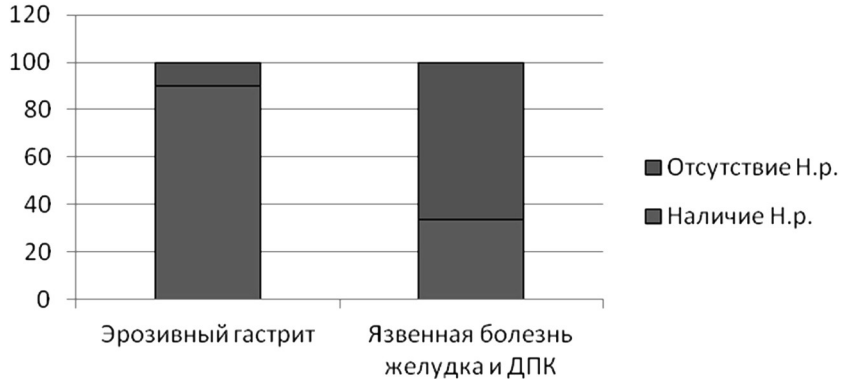

Рисунок 3 – Процентное отношение встречаемости Helicobacter pylori

Так, на основании анонимного анкетирования, было установлено, что 101 респондент (79 %) охарактеризовал материально-бытовые условия проживания как «удовлетворительные», 27 человек (21 %) указали на неудовлетворительные условия проживания. Это связано с тем, что часть опрошенных проживают в студенческих общежитиях, где соблюдение санитарно-гигиенических норм, к сожалению, является затруднительным.

Правильный режим питания соблюдают только 16 человек (12 %), поддавляющее большинство опрошенных в количестве 112 человек (88 %) не придерживаются режима питания с 3-кратным и более приемом пищи в течение дня (таб. 1).

Таблица 1 – Соблюдение студентами режима питания

Режим питания	3-кратный прием пищи		2-кратный прием пищи		1-кратный прием пищи	
Количество студентов	Абсолютное число	В процентном выражении	Абсолютное число	В процентном выражении	Абсолютное число	В процентном выражении
	16	12 %	78	61 %	34	27 %

Значительное количество опрошенных студентов указало, что принимают пищу в заведениях общественного питания — 88 человек (70 %), домашней едой питаются 40 человек, что составляет 30 % респондентов. Регулярный прием горячей пищи доступен только для 54 студентов (42 %). По результатам опроса также установлено, что прием пищи студентами происходит в основном в вечернее и ночное время.

В анкете также был задан вопрос о соблюдении такого правила личной гигиены, как мытье рук перед едой. В результате анонимного опроса 75 человек (59 %) признались, что указанного

правила придерживаются не всегда, а 45 респондентов (35 %) отметили, что не видит ничего опасного для здоровья в использовании общей посуды для приема пищи и напитков. Таким образом, только 8 человек (6 %) из опрошенных 128 постоянно моют руки перед приемой пищи.

Рацион питания опрошенных студентов в основном состоит из углеводов: хлебобулочных и кондитерских изделий, сладких газированных напитков и т.п. Неправильный подбор ингридиентов в ежедневном рационе студентов, питающихся преимущественно в заведениях сферы общественного питания, приводит к дефициту получаемого организмом белка, вызывая дисметаболические процессы. Кроме того, недостаточное поступление белковой пищи чревато, прежде всего, нарушением функционирования иммунной системы человека [10].

Таким образом, в группе принявших участие в опросе респондентов нами выявлены нарушения студентами санитарно-гигиенических норм и правил, оказывающих непосредственное влияние на состояние здоровья, в частности, нормальную работу органов пищеварительной системы, что ещё раз подчеркивает важность рассматриваемой проблемы.

Мы попытались проследить взаимосвязь между выявленной эндоскопическим методом патологией верхних отделов желудочно-кишечного тракта у обследованных студентов и социально-гигиеническими факторами их жизни.

Установлено, что в группе студентов, придерживающихся относительного правильного режима питания и проживающих в благоприятных материально-бытовых условиях (16 человек), эрозивные процессы слизистой оболочки желудка и двенадцатиперстной кишки были выявлены всего у 2 человек (13 %). Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки в указанной группе студентов была диагностирована у 4 человек (25 %). Причем в обоих случаях бактерия H.p. обнаружена не была.

В группе студентов из 86 человек, отметивших в анкете вариант ответа «Питаюсь нерегулярно» и удовлетворенных своими материально-бытовыми условиями, 58 пациентам (67 %) установлен диагноз «поверхностный гастродуоденит».

У 18 студентов из 26 человек, питающихся нерегулярно и проживающих в неблагоприятных материально-бытовых условиях, диагностирован эрозивный гастрит и эрозивный дуоденит, что составило 69 %, а наличие бактерии Helicobacter pylori в данной группе была подтверждено у 79 % обследованных респондентов ($p < 0,01$).

Выводы

1. Среди обследованных студентов распространенность Helicobacter pylori составила 73 %. Высокий процент распространения бактерии H.p. указывает на сохраняющиеся медико-социальные проблемы в исследуемой сфере.

2. Чаще всего H.p. выявлялась при наличии эрозивных процессов в желудке (90 %) и в двенадцатиперстной кишке (74 %). Количество случаев обнаружения H.p. при язвенных процессах в верхних отделах желудочно-кишечного тракта оказалось наименьшим (33 %).

3. Мотивационно-ценностные поведенческие установки студентов по отношению к формированию здорового образа жизни, сохранению и укреплению собственного здоровья являются значимыми факторами в предотвращении распространения гастроэнтерологической патологии верхних отделов желудочно-кишечного тракта. Так, на долю студентов, соблюдающих правильный режим питания пришлось всего 16 человек (13 %). В этой группе статистически значимо сохранилось меньшее количество диагностированных эрозивных процессов в слизистой оболочке желудка и двенадцатиперстной кишки — 2 случая (25 %). Наибольший процент встречаемости бактерии H.p. был установлен в группе пренебрегающих правильным режимом питания респондентов и проживающих в неудовлетворительных материально-бытовых условиях и составил 79 %.

Проведенное исследование указывает на прямую зависимость пищевого статуса студентов от их материального достатка. Полученные результаты наглядно демонстрируют наличие в исследуемой сфере серьезной медико-социальной проблемы.

Для ее разрешения, во-первых, необходимо четкое осознание молодыми людьми ощущения собственного здоровья как особой ценности и важнейшего блага и выработки последними сберегающих и укрепляющих правил, установок и норм поведения для его поддержания на необходимом для нормальной жизнедеятельности уровне. Во-вторых, на уровне совместного взаимодействия индивидов, общественных институтов и органов государственной власти необходимо решение вопросов организации предоставления качественного, безопасного и доступного питания для студентов всех без исключения высших учебных заведений.

Только при одновременном соблюдении указанных условий возможно положительное разрешение возникших в последнее время многочисленных проблем, связанных с неуклонным ростом количества заболеваний органов желудочно-кишечного тракта, спровоцированной Helicobacter pylori, у молодого поколения.

Литература:

1. Здоровье студентов: социологический анализ / под ред. Журавлевой И.В. – М. : ИНФРА-М. 2014. – 272 с.
2. Гафиатулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 1 (45). – С. 140–143.
3. Барановский А.Ю. Болезни нарушенного питания: лечение и профилактика : рекомендации профессора-гастроэнтеролога. – СПб. : Наука и техника, 2007. – 304 с .
4. Королев А.А. Гигиена питания. – М. : ИЦ Академия, 2008. – 528 с.
5. Матюхина З.П. Основы физиологии питания, гигиены и санитарии. – М. : Академия. 2006. – 184 с.
6. Кораблева Э.В. Клинико-эпидемиологические особенности Helicobacter pylori инфекции у детей и подростков : автореф. дис. … канд. мед. наук: спец. 14.01.08. – Владивосток, 2010. – 25 с.
7. Мархоцкий Я.Л. Советы терапевта. Гигиена питания. – Минск : Вышейшая школа, 2011. – 240 с.
8. Бунова С.С. [и др.]. Методы диагностики инфекции Helicobacter pylori: современное состояние вопроса // Молодой ученый. – 2012. – № 12 (47). – С. 540–543.
9. Дроздова Т.М., Влощинский П.Е., Позняковский В.М. Физиология питания. – М. : АСТ, 2008. – 350 с.
10. О введении в действие санитарных правил : Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 14 ноября 2001 г. № 36 (с изм. и доп.). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Literature:

1. Zhuravleva I.V. Student health: a sociological analysis. – M. : INFRA-M, 2014. – 272 p.
2. Gafiatulina N.H. Youth health in Russian society: a sociological analysis of adverse trends // Bulletin of the Institute of history, archeology and ethnography. – 2016. – № 1 (45). – P. 140–143.
3. Baranovsky A.Y. Diseases of malnutrition: treatment and prevention : recommendations of the professor-gastroenterologist. – SPb. : Science and technology, 2007. – 304 p .
4. Korolev A.A. Food hygiene. – M. : IC Academia. 2008. – 528 p.
5. Matyukhina Z.P. Fundamentals of the physiology of nutrition, hygiene and sanitation. – M. : Academia, 2006. – 184 p.
6. Korableva E.V. Clinical and epidemiological features of Helicobacter pylori infection in children and adolescents : abs. … of the PhD Dis.: 14.01.08. – Vladivostok, 2010. – 25 p.
7. Markhotsky Y.L. Therapist's advice. Food hygiene. – Minsk : High school, 2011. – 240 p.
8. Bunova S.S. [et al]. Methods for diagnosing Helicobacter pylori infection: current status of the issue // Young Scientist. – 2012. – 12 (47). – P. 540–543.
9. Drozdova T.M., Vloschinsky P.E., Poznyakovsky. Physiology of nutrition. – M. : AST. 2008. – 350 p.
10. On the enforcement of the sanitary rules : Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of November 14, 2001 № 36 (as amended and additional). – Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

УДК 615.212.07

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОТИВОВОСПАЛИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НЕКОТОРЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ ЭКСТРАКТОВ

●●●●●●

RESEARCH OF ANTI-INFLAMMATORY ACTIVITY OF SOME PLANT EXTRACTS

Федорова Юлия Сергеевна
кандидат фармацевтических наук,
доцент кафедры фармакологии,
Кемеровский государственный
медицинский университет
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Yulia S. Fedorova
Candidate of Pharmaceutical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pharmacology,
Kemerovo State Medical University
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Береговых Галина Вениаминовна
кандидат фармацевтических наук,
доцент кафедры фармацевтической
и общей химии,
Кемеровский государственный
медицинский университет
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Galina V. Beregovyh
Candidate of Pharmaceutical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pharmaceutical and general chemistry,
Kemerovo State Medical University
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Баркин Игорь Михайлович
фельдшер медицинской части,
Управление Росгвардии
по Кемеровской области
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Igor M. Barkin
medical assistant of the medical unit,
Federal Guard Service
of the Kemerovo Region
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Суслов Николай Иннокентьевич
доктор медицинских наук, профессор,
заведующий лабораторией
фитофармакологии
и специального питания,
Научно-исследовательский институт
фармакологии и регенеративной
медицины имени Е.Д. Гольдберга
Томского НИМЦ;
профессор кафедры фундаментальной
психологии и поведенческой медицины,
Сибирский государственный
медицинский университет
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Nikolay I. Suslov
Doctor of Medical Sciences, Professor, Head
of the Laboratory of phytopharmacology
and special nutrition,
Goldberg Research Institute of Pharmacology
and Regenerative Medicine, Tomsk, Russia;
Professor of the Department of Fundamental
Psychology and Behavioral Medicine,
Siberian State Medical University
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Аннотация. Исследование противовоспалительной активности растительных экстрактов на модели острого формалинового отека конечности показала более выраженное уменьшение флогогенного действия формалина под влиянием экстрактов травы Chamaenerion angustifolium L. и корней Hedysarum theinum Krasnob., Hedysarum neglectum L., по сравнению с диклофенаком натрия, что позволяет предположить наличие высокой противовоспалительной активности.

Ключевые слова: Chamaenerion angustifolium L., Hedysarum alpinum L., Hedysarum theinum Krasnob., Hedysarum neglectum L., Eupatorium cannabinum L., противовоспалительная активность, острый формалиновый отек.

Annotation. A study of the anti-inflammatory activity of plant extracts on a model of acute formalin limb edema showed a more pronounced decrease in the phlogogenic effect of formalin

under the influence of Chamaenerion angustifolium L. and roots of Hedysarum theinum Krasnob., Hedysarum neglectum L., compared with sodium diclofenac, suggesting the presence of high anti-inflammatory activity.

Keywords: Chamaenerion angustifolium L., Hedysarum alpinum L., Hedysarum theinum Krasnob., Hedysarum neglectum L., Eupatorium cannabinum L., anti-inflammatory activity, acute formalin edema.

Введение

В медицине и фармации существует широкий спектр противовоспалительных средств (нестероидные — НПВС и стероидные — ГКС), которые занимают одно из первых мест по частоте клинического использования. Это обусловлено их разносторонними фармакодинамическими эффектами, но при этом все известные НПВС и ГКС обладают рядом негативных побочных эффектов, что вызывает определенные ограничения к их использованию. Данными факторами определяется актуальность разработки новых противовоспалительных средств. Особый интерес представляют лекарственные средства, полученные из растений, биологически активные вещества которых обладают высоким противовоспалительным действиями и низкой токсичностью [14].

Одним из наиболее интересных растений является Chamaenerion angustifolium L. (сем. Onagraceae), что обусловлено широким лечебным действием его экстрактов. В народной медицине Ch. angustifolium L. используется как противовоспалительное, антиоксидантное, иммуномодулирующее средство и др. [2]. Фармакологические свойства Ch. angustifolium L. обусловлены довольно большим количеством биологически активных веществ (БАВ): алкалоиды, дубильные вещества, фенолкарбоновые кислоты, антоцианы, тритерпеноиды, флавоноиды и др. [15].

Весьма перспективными лекарственными растениями в медицине и фармации также являются также растения рода Hedysarum (сем. Fabaceae) — H. alpinum L., H. theinum Krasnob. и H. neglectum L. Экстракты травы H. alpinum L. и корней H. theinum Krasnob. и H. neglectum L. обладают выраженным психостимулирующим, иммуномодулирующим, кардиотоническим, антиоксидантным и антибактериальным действием [7, 8, 12]. Наблюдаемые лечебные свойства данных растений обусловлены наличием в них широкого ряда БАВ. В корнях H. theinum Krasnob. обнаружены тритерпеновые соединения, изофлавоноиды (медикарпин, ветотол, формононетин), жирные кислоты и др. [3, 9, 13]. Ряд биологически активных веществ, таких как жирные кислоты, флавоноиды, дубильные вещества, обнаружен в корнях H. neglectum L. [4, 9, 10]. Трава H. alpinum L., согласно литературным данным, содержит полисахариды, флавоноиды, ксантоны, терпеноиды и др. [10, 11].

Еще одно уникальное растение, заслуживающее внимание — Eupatorium cannabinum L., (сем. Asteraceae) — широко применяется в народной медицине в качестве противопаразитарного, противовирусного, антибактериального, противовоспалительного и желчегонного средства [1]. На сегодняшний день E. cannabinum L. является малоизученным и содержит основные типы БАВ — алкалоиды, флаваноиды, кумарины, эфирные масла, органические кислоты и сахара [6].

Материалы и методы

В качестве объектов исследования были выбраны спиртовые экстракты травы Ch. angustifolium L., E. cannabinum L., H. alpinum L., корней H. neglectum L. и H. theinum Krasnob.

Биологическая активность полученного извлечения оценивалась в условиях методики «формалиновое воспаление» [5]. Исследование проводили на мышах линии Balb/C. Объекты исследования вводили 1 раз в сутки внутрижелудочно в дозе 200 мг/кг массы тела животного, предварительно растворив в достаточном количестве воды очищенной. В качестве препарата сравнения использовали диклофенак натрия в дозе 10 мг/кг (препарат сравнения). Контрольная группа получала эквивалентное количество воды очищенной. Острый формалиновый отек вызывали субплантарным введением (под подошвенный апоневроз) в заднюю правую лапу мыши 0,2 мл 2 % водного раствора формалина. Выраженность отека оценивали в процентах прироста отека по формуле 1:

$$\%\ \text{прироста отека} = \frac{\text{масса больной конечности} - \text{масса здоровой конечности}}{\text{масса здоровой конечности}} \cdot 100\ \%. \quad (1)$$

Противовоспалительную активность исследуемых образцов выражали в процентах угнетения отека по формуле 2:

$$\%\ \text{угнетения отека} = \frac{\%\ \text{прироста массы конечности (контроль)} - \%\ \text{прироста массы конечности (опыт)}}{\%\ \text{прироста массы конечности (контроль)}} \cdot 100\ \%. \quad (2)$$

Статистическую обработку полученных результатов проводили на персональном компьютере с использованием пакета статистических программ фирмы «Statsoft».

Результаты и их обсуждение

Анализ влияния экстрактов травы Ch. angustifolium L. и корней H. theinum Krasnob., H. neglectum L. на развитие острого воспаления показала достоверное выраженное уменьшение флогогенного действия формалина, по сравнению с интактным контролем и группой, получавшей препарат сравнения, что говорит о наличии высокой противовоспалительной активности (табл. 1).

Таблица 1 – Влияние экстрактов на формирование острого формалинового отека конечности

Группа животных	Доза, мг/кг	Число животных	Средний прирост массы конечности, %	Угнетение отека, %
Интактный контроль	–	10	45,04 ±4,45	–
Диклофенак натрия	10	10	35,04 ±3,7*	22,2
Ch. angustifolium	200	10	26,0 ±3,5*#	42,3
H. alpinum	200	10	30,3 ±3,9*	32,7
E. cannabinum	200	10	31,5 ±2,5*	30,1
H. theinum	200	10	23,6 ±4,6*#	47,6
H. neglectum	200	10	25,4 ±3,2 *#	43,6

* Достоверность по отношению к интактному контролю Pt ≤ 0,05;
достоверность по отношению к диклофенаку натрия Pt ≤ 0,05.

Экстракты травы E. cannabinum L., H. alpinum L. показали умеренную противовоспалительную активность, сравнимую с действием диклофенака натрия. В данных группах животных отмечалось достоверное снижение развития отека по сравнению с контрольной группой животных, но не наблюдалось достоверных отклонений от группы препарата сравнения.

Выводы

Таким образом, оценка влияния исследуемых образцов на развитие острого воспаления показала более выраженное уменьшение флогогенного действия формалина под воздействием экстрактов травы Ch. angustifolium L. и корней H. theinum Krasnob., H. neglectum L., по сравнению с диклофенаком натрия, что говорит о наличии высокой противовоспалительной активности. Наличие умеренной противовоспалительной активности отмечено в группах животных, получавших экстракты травы E. cannabinum L. и H. alpinum L.

Литература:

1. Браилко В.А. Посконник коноплевидный – Eupatorium cannabinum L. : Растения Крыма: Прелестные соседи; сер. «Природная кладовая Крыма». – Симферополь, 2016. – С. 69–71.
2. Бушуева Г.Р., Сыроешкин А.В., Максимова Т.В., Скальный А.В. Chamaenerion angustifolium – это перспективный источник биологически активных соединений // Микроэлементы в медицине. – 2016. – Т. 2. – С. 15–23.
3. Кузнецов П.В., Сухих А.С., Федорова Ю.С. К проблеме стандартизации качества некоторых фитопрепаратов из различных видов копеечника // Вестник Российской академии естественных наук; Западно-Сибирское отделение. – 2009. – № 11. – С. 185–189.
4. Кузнецов П.В., Федорова Ю.С. Полимерные адсорбенты аффинного типа в исследовании физиологически активных веществ. XXVII. К феномену хроматографического разделения фитопрепаратов копеечника забытого на сефадексе LH-20 и его химически модифицированном аналоге // Ползуновский вестник. – 2009. – № 3. – С. 338–339.
5. Руководство по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ / под общей редакцией чл.-корр. РАМН проф. Р.У. Хабриева. – М. : Медицина, 2005. – 2-изд., перераб. и доп. – 832 с.
6. Федорова Ю.С., Баркин И.М. Исследование водно-спиртового извлечения травы Eupatorium cannabinum L. методом газожидкостной хроматографии с масс-селективной детекцией // Вестник науки и образования. – 2019. – № 7-1 (61). – С. 100–103.
7. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Герасимова Р.Н. О сравнительной оценке микробиологической активности фитопрепаратов из некоторых видов растений рода Hedysarum (сем. Fabaceae) // Вестник Российской академии естественных наук; Западно-Сибирское отделение. – 2009. – С. 57.

8. Федорова Ю.С. [и др.]. Сравнительная оценка антибактериальной активности фитопрепаратов из некоторых видов растений рода Hedysarum (сем. Fabaceae) // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 3. – С. 210–214.
9. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Сухих А.С., Минаев К.М. К феномену сравнительного изучения методом ВЭЖХ некоторых типов биологически активных веществ в фитопрепаратах копеечников H. neglectum, H. theinum, H. alpinum // Ползуновский вестник. – 2010. – № 3. – С. 215–217.
10. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Сухих А.С. Особенности хроматографирования фракций фитопрепарата из копеечника забытого на полисахаридном адсорбенте сефароза CL-4B // Медицина в Кузбассе. – 2009. – Спецвып. № 7. – С. 72–73.
11. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Сухих А.С. Сравнительный анализ методом газожидкостной масс-спектрометрии летучих компонентов фитопрепаратов из трех видов копеечника (H. neglectum, H. theinum, H. alpinum) // Ползуновский вестник. – 2010. – № 3. – С. 213.
12. Федорова Ю.С. [и др.]. Изучение нейропсихофармакологических эффектов экстракта Hedysarum alpium L. // Национальное здоровье. – 2019. – № 3. – С. 66–74.
13. Фёдорова Ю.С. [и др.]. Хроматография экстрактов растений рода копеечник на модифицированных сорбентах sepharose CL // Фундаментальная и клиническая медицина. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 61–67.
14. Филонова М.В. [и др.]. Фармакологическая активность фурокумаринов, выделенных из клеточной культуры болиголова пятнистого (Conium maculatum L.) // Экспериментальная и клиническая фармакология. – 2018. – Т. 81. – № S. – С. 257.
15. Kaskoniene V., Stankevičius M., Drevinskas T. [et al]. Evaluation of phytochemical composition of fresh and dried raw material of introduced Chamerion angustifolium L. using chromatographic, spectrophotometric and chemometric techniques // Phytochemistry. – 2015. – 115:184–193 p.

Literature:

1. Brailko V.A. Cannabis sapling – Eupatorium cannabinum L. : Plants of the Crimea: Adorable neighbors; ser. «Natural pantry of the Crimea». – Simferopol, 2016. – P. 69–71.
2. Bushueva G.R., Syroeshkin A.V., Maksimova T.V., Skalny A.V. Chamaenerion angustifolium is a promising source of biologically active compounds // Trace Elements in Medicine, – 2016. – Vol. 2. – P. 15–23.
3. Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S., Fedorova Yu.S. To the problem of standardizing the quality of some herbal preparations from various species of Hedysarum // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. West Siberian branch. – 2009. – № 11. – P. 185–189.
4. Kuznetsov P.V., Fedorova Yu.S. Affinity-type polymer adsorbents in the study of physiologically active substances. XXVII. To the phenomenon of chromatographic separation of herbal remedies of Hedysarum neglectum at Sephadex LH-20 and its chemically modified analogue // Polzunovsky Bulletin. – 2009. – № 3. – P. 338–339.
5. Guidance on the experimental (preclinical) study of new pharmacological substances // Under the general editorship of Corr. RAMS prof. R.U. Khabrieva. – M. : Medicine, 2005. – 2-ed., Revised. and add. – 832 p.
6. Fedorova Yu.S., Barkin I.M. The study of water-alcohol extraction of grass Eupatorium cannabinum L. by gas-liquid chromatography with mass-selective detection // Bulletin of science and education. – 2019. – № 7-1 (61). – P. 100–103.
7. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Gerasimova R.N. A comparative assessment of the microbiological activity of phytopreparations from some species of plants of the genus Hedysarum (family Fabaceae) // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences; West Siberian branch. – 2009. – P. 57.
8. Fedorova Yu.S. [et al]. Comparative evaluation of the antibacterial activity of phytopreparations from some species of plants of the genus Hedysarum (family Fabaceae) // Basic research. – 2011. – № 3. – P. 210–214.
9. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S., Minaev K.M. On the phenomenon of comparative study by HPLC of certain types of biologically active substances in the phytopreparations Hedysarum H. neglectum, H. theinum, H. alpinum // Polzunovsky Bulletin. – 2010. – № 3. – P. 215–217.
10. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S. Features of chromatography of fractions of a phytopreparation from Hedysarum sugars sepharose CL-4B forgotten on a polysaccharide adsorbent // Medicine in Kuzbass. – 2009. – Special issue. № 7. – P. 72–73.
11. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S. Comparative analysis by gas-liquid mass spectrometry of volatile components of phytopreparations from three species of Hedysarum (H. neglectum, H. theinum, H. alpinum) // Polzunovsky Bulletin. – 2010. – № 3. – P. 213.

12. Fedorova Yu.S. [et al]. The study of the neuropsychopharmacological effects of the extract of Hedysarum alpium L. // National Health. – 2019. – № 3. – P. 66–74.
13. Fedorova Yu.S. [et al]. Chromatography of extracts of plants of the genus Hedysarum on modified sepharose CL sorbents // Fundamental and Clinical Medicine. – 2019. – Vol. 4. – № 3. – P. 61–67.
14. Filonova M.V. [et al]. Pharmacological activity of furocoumarins isolated from the cell culture of the hemlock spotted (Conium maculatum L.) // Experimental and clinical pharmacology. – 2018. – V. 81. – № S. – P. 257.
15. Kaskoniene V., Stankevičius M., Drevinskas T. [et al]. Evaluation of phytochemical composition of fresh and dried raw material of introduced Chamerion angustifolium L. using chromatographic, spectrophotometric and chemometric techniques // Phytochemistry. – 2015. – 115: 184–193 p.

УДК 615.035.1:615.322

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАКТОВ GARCINIA MANGOSTANA L. И HEDYSARUM ALPIUM L. НА ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВНОГО РЕФЛЕКСА АКТИВНОГО ИЗБЕГАНИЯ

●●●●●●

INFLUENCE OF EXTRACTS OF GARCINIA MANGOSTANA L. AND HEDYSARUM ALPIUM L. ON THE FORMATION OF THE CONDITIONAL REFLEX OF AN ACTIVE AVOIDANCE

Федорова Юлия Сергеевна
кандидат фармацевтических наук,
доцент кафедры фармакологии,
Кемеровский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
pavellevap@inbox.ru

Yulia S. Fedorova
Candidate of Pharmaceutical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pharmaceutical and general chemistry
of the Kemerovo State Medical University
pavellevap@inbox.ru

Кульпин Павел Валерьевич
младший научный сотрудник
лаборатории фитофармакологии
и специального питания,
Научно-исследовательский институт
фармакологии и регенеративной
медицины имени Е.Д. Гольдберга
Томский национальный
исследовательский медицинский центр
Российской академии наук
pavellevap@inbox.ru

Pavel V. Kulpin
Junior researcher,
Laboratory of phytopharmacology
and special nutrition,
Goldberg Research Institute
of Pharmacology and Regenerative Medicine
of the Federal State Budgetary Institution
Tomsk National Research Medical Center
of the Russian Academy of Sciences
pavellevap@inbox.ru

Суслов Николай Иннокентьевич
доктор медицинских наук, профессор,
заведующий лабораторией
фитофармакологии
и специального питания,
Научно-исследовательский институт
фармакологии и регенеративной
медицины имени Е.Д. Гольдберга
Томский национальный
исследовательский медицинский центр
Российской академии наук;
профессор кафедры фундаментальной
психологии и поведенческой медицины,
Сибирский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
pavellevap@inbox.ru

Nikolay I. Suslov
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Laboratory
of phytopharmacology and special nutrition,
Goldberg Research Institute
of Pharmacology and Regenerative Medicine
of the Federal State Budgetary Institution
Tomsk National Research Medical Center
of the Russian Academy of Sciences;
Professor of the Department of Fundamental
Psychology and Behavioral,
Medicine Siberian State Medical University
pavellevap@inbox.ru

Денисова Светлана Викторовна
кандидат биологических наук, доцент,
заведующая кафедры фармакологии,

Svetlana V. Denisova
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,

Кемеровский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Head of the Department of Pharmacology,
Kemerovo State Medical University
fedorova_yuliya_sergeevna@mail.ru

Аннотация. В результате проведенного исследования показано, что способность формирования условного рефлекса активного избегания у крыс на фоне введения экстракта травы Hedysarum alpinum L. выше, чем в контрольной группе, но при этом наблюдалось отсутствие запоминания выработанного рефлекса, что возможно обусловлено нарушением процессов долговременной памяти. У крыс на фоне введения 60%-ого спиртового экстракта перикарпия Garcinia mangostana L. способность формирования условного рефлекса активного избегания значительно ниже, чем в контрольной группе, что позволяет предположить возможное наличие нейролептического действия данного экстракта.

Ключевые слова: Hedysarum alpinum L., Garcinia mangostana L., условный рефлекс активного избегания, нейролептическое действие.

Annotation. As a result of the study, it was shown that the ability to form a conditioned active avoidance reflex in rats against the background of the administration of the Hedysarum alpinum L. herb extract is higher than in the control group, but there was a lack of memory of the developed reflex, which may be due to a violation of long-term memory processes. In rats, against the background of the administration of a 60% alcoholic extract of Garcinia mangostana L. pericarp. The ability to form a conditioned active avoidance reflex is significantly lower than in the control group, which suggests the possible antipsychotic effect of this extract.

Keywords: Hedysarum alpinum L., Garcinia mangostana L., conditioned reflex of active avoidance, antipsychotic effect.

Введение

В современном мире неблагоприятные экологические условия вместе со сложной социальной обстановкой зачастую приводят к росту числа нервно-психических расстройств, и, как следствие, к увеличению применения препаратов нейротропного действия, таких как анксиолитики, нейролептики и психостимуляторы. При этом эффективность терапии данной группы заболеваний нередко остается недостаточной. Актуальность поиска новых психотропных лекарственных веществ обусловлена современными тенденциями к обеспечению высокого качества жизни пациентов при терапевтическом воздействии. В соответствии с нейробиологической радикальной теорией, предложенной C. Koch, психотропные препараты должны быть безопасными, высокоэффективными и при этом не оказывать негативного влияния на психомоторные и когнитивные функции, не вызывать физическую или психологическую зависимость и синдром отмены, а также не должен обладать токсичностью и взаимодействием с веществами, угнетающими ЦНС [14].

В настоящее время в мировой практике отсутствуют синтетические и полусинтетические лекарственные психотропные препараты, полностью отвечающие вышеперечисленным требованиям, поэтому весьма актуальным является поиск данной группы веществ среди растительных средств. Препараты из растительного лекарственного сырья, как правило, обладают достаточной широтой и мягкостью терапевтического действия, а также слабовыраженными побочными эффектами и практически не имеют противопоказаний [5; 15]. Источниками такого растительного сырья могут служить Garcinia mangostana L. и Hedysarum alpinum L. По данным [6; 9; 13] у экстракта травы Hedysarum alpinum L. обнаружено возможное нейролептическое действие, экстракт перикарпия Garcinia mangostana L. так же обладает рядом психотропных свойств [11].

Однако следует отметить, что фармакологические свойства экстрактов данных растений изучены недостаточно, в отличие от их химического состава [2; 3; 4; 7; 8; 10; 12].

Материалы и методы

Объектами исследования являлись высушенные 60 %-ные спиртовые экстракты растительного сырья — перикарпия Garcinia mangostana L. и травы Hedysarum alpinum L. Фармакологические исследования выполнены на крысах-самцах линии Вистар. Исследуемые образцы вводили животным внутрижелудочно в дозе 200 мг/кг массы тела животного, предварительно растворив их в 2-ух мл воды очищенной. Контрольная группа получала по 2 мл воды очищенной. В качестве препарата сравнения был выбран галоперидол в дозе 2 мг/кг массы тела животного, предварительно растворенного в 2-ух мл воды очищенной. Введение осуществляли в течении 5 дней.

Формирование условного рефлекса активного избегания (УРАИ) производилось в условиях челночной камеры, состоящей из двух отсеков. Условный рефлекс у животных вырабатывали в течение 2-ух дней: первая серия — 50 предъявлений, вторая серия (через сутки) — 20 побежек. В качестве условного раздражителя использовался свет и звуковой сигнал, через 10 секунд (время задержки подкрепления) после звукового сигнала в той половине, где находилась крыса, включали безусловный раздражитель – импульсный электрический ток с частотой 5 импульсов в секунду, амплитудой 20–45 V, незначительно превышающей по величине пороговую. «Правильной» реакция считалась в том случае, если до истечения 10 секунд после звукового сигнала крыса уходила в безопасный отсек камеры. Критерием наличия рефлекса считалось девять из десяти последовательных правильных реакций на условный сигнал. Дополнительно оценивались межстимульные побежки (переход в другой отсек до подачи звукового условного сигнала) [1].

Результаты и их обсуждение

При исследовании поведения животных в условиях эксперимента у контрольных крыс уже к 25-ой побежке отмечалось значительное улучшение рефлекса, а к 37-ой был достигнут критерий его выработки. Рефлекс в полной мере сохранился на следующий день (рис. 1 а).

При применении галоперидола животные не избегали электроболевого раздражителя и наблюдалось увеличение латентности времени перехода в темный отсек (рис. 1 б). У животных, на фоне введения 60 %-ого спиртового экстракта перикарпия Garcinia mangostana L., способность к выработке условного рефлекса активного избегания была существенно меньше, чем в группе животных, получавших воду. В ходе эксперимента, было выяснено, что животные не избегали электрического воздействия и переходили в безопасный отсек сразу же после воздействия током. При этом очевидно страдала функция предвидения подкрепления (рис. 1 в). После введения 60 %-ого спиртового экстракта травы Hedysarum alpinum L. в первый день было отмечено достижение критерия выработки УРАИ, при этом рефлекс вырабатывался гораздо лучше, чем в контрольной группе. На втором этапе выработки рефлекса, его запоминания, однако, не происходит (рис. 1 г).

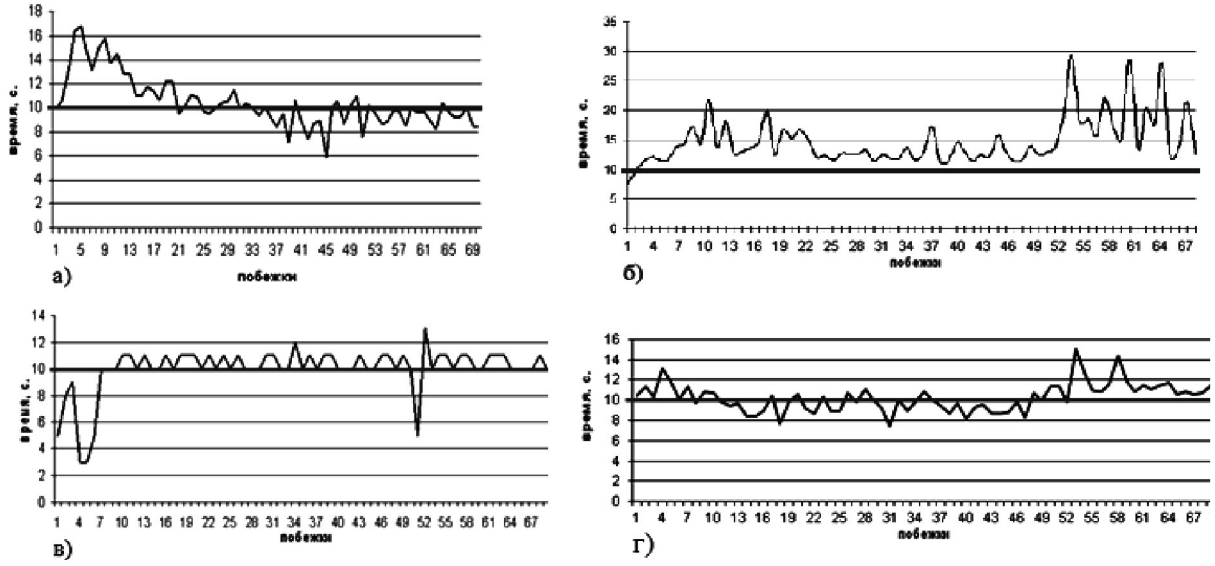

Рисунок 1 – Выработка условного рефлекса активного избегания:
а) интактная контрольная группа; б) группа на фоне галоперидола;
в) группа на фоне экстракта перикарпия Garcinia mangostana L.;
г) группа на фоне экстракта травы Hedysarum alpinum L.

У крыс подопытных групп на фоне экстрактов было отмечено достоверное повышение количества межсигнальных реакций, а на фоне галоперидола, напротив, было отмечено достоверное снижение межсигнальных побежек. (рис. 2).

Результаты проведенного теста выявили, что снижение активности в системе достижения цели при действии 60 %-ого спиртового экстракта Garcinia mangostana L., сопровождается снижением уровня невротического сопротивления. Данные эффекты, возможно, связаны с тем, что спиртовый экстракт Garcinia mangostana L. блокирует постсинаптические рецепторы и тем самым нарушает дофаминергическую передачу нервных импульсов в различных отделах центральной нервной системы.

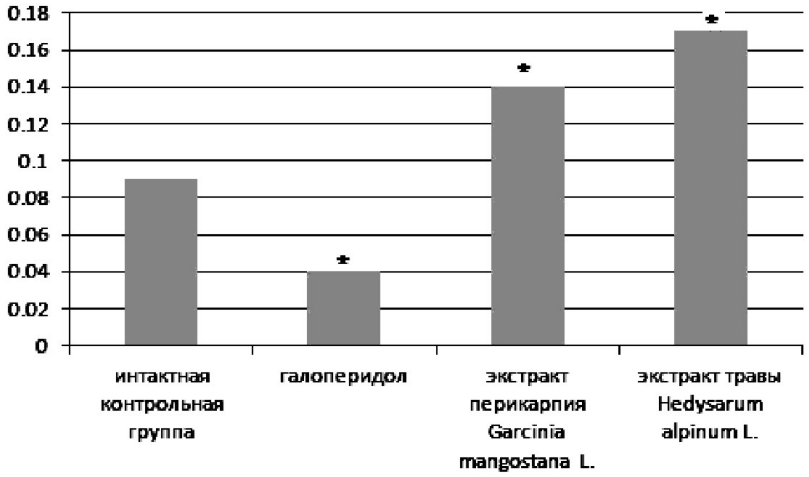

Рисунок 2 – Межсигнальные побежки

Отсутствие запоминания выработанного рефлекса у животных на фоне 60 %-ого спиртового экстракта травы Hedysarum alpinum L. обусловлено, возможно, за счет отрицательного влияния на процессы долговременной памяти.

Вывод

Таким образом, результаты исследования по выработке УРАИ у крыс на фоне введения 60 %-ого спиртового экстракта перикарпия Garcinia mangostana L. показали, что способность к выработке условного рефлекса активного избегания была значительно ниже, чем в контрольной группе, что позволяет предположить возможное наличие нейролептического действия данного экстракта. У животных на фоне экстракта травы Hedysarum alpinum L., напротив, наблюдалось увеличение выработки условного рефлекса активного избегания в сравнении с контрольной группой, но при этом отсутствовало запоминание выработанного рефлекса, что возможно обусловлено нарушением процессов долговременной памяти.

Литература:

1. Островская Р.У. Методические рекомендации по изучению нейролептической активности лекарственных средств / Р.У. Островская [и др.] // Руководство по проведению доклинических исследований лекарственных средств. – М. : Гриф и К., 2012. – Ч. 1. – С. 251–263.
2. Кузнецов П.В., Сухих А.С., Федорова Ю.С. К проблеме стандартизации качества некоторых фитопрепаратов из различных видов копеечника // Вестник Российской академии естественных наук; Западно-Сибирское отделение. – 2009. – № 11. – С. 185.
3. Кузнецов П.В., Федорова Ю.С. Полимерные адсорбенты аффинного типа в исследовании физиологически активных веществ. XXVII. к феномену хроматографического разделения фитопрепаратов копеечника забытого на сефадексе LH-20 и его химически модифицированном аналоге // Ползуновский вестник. – 2009. – № 3. – С. 338–339.
4. Кульпин П.В., Федорова Ю.С. Современные перспективы в химико-фармацевтическом исследовании биологически активных веществ растения Garcinia mangostana L. // Фундаментальная и клиническая медицина. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 85–92.
5. Нестерова Ю.В. [и др.]. Коррекция холинергических нарушений мнестических процессов дитерпеновым алкалоидом зонгорином // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2018. – Т. 165. – № 1. – С. 15–19.
6. Федорова Ю.С. [и др.]. Сравнительная оценка антибактериальной активности фитопрепаратов из некоторых видов растений рода Hedysarum (сем. fabaceae) // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 3. – С. 210–214.
7. Федорова Ю.С. [и др.]. К феномену сравнительного изучения методом ВЭЖХ некоторых типов биологически активных веществ в фитопрепаратах копеечников H. neglectum, H. theinum, H. alpinum // Ползуновский вестник. – 2010. – № 3. – С. 215–217.
8. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Сухих А.С. Особенности хроматографирования фракций фитопрепарата из копеечника забытого на полисахаридном адсорбенте сефароза CL-4B // Медицина в Кузбассе. – 2009. – № 7. – С. 72.
9. Федорова Ю.С., Сухих А.С., Кузнецов П.В. Способ получения фитопрепаратов из некоторых видов копеечника (копеечник чайный – Hedysarum theinum, копеечник забытый – Hedysarum neglectum) // Патент на изобретение RUS 2402344 04.06.2009.

10. Федорова Ю.С., Кузнецов П.В., Сухих А.С. Сравнительный анализ методом газожидкостной масс-спектрометрии летучих компонентов фитопрепаратов из трех видов копеечника (H. neglectum, H. theinum, H. alpinum) // Ползуновский вестник. – 2010. – № 3. – С. 213–215.
11. Федорова Ю.С., Кульпин П.В. Исследование водно-спиртового извлечения перикарпия плодов Garcinia mangostana L. методом газожидкостной масс-спектрометрии // Медицина в Кузбассе. – 2015. – Т. 14. – № 4. – С. 76–78.
12. Федорова Ю.С. Сравнительное фитохимическое исследование некоторых видов растений рода Hedysarum // автореф. дис. ... канд. фармацевт. наук: 14.04.02. – Самара, 2011. – 23 с.
13. Федорова Ю.С. [и др.]. Изучение нейропсихофармакологических эффектов экстракта Hedysarum alpium L. // Национальное здоровье. – 2019. – № 3. – С. 66–74.
14. Koch C.A The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach. – Englewood : Roberts & Company Publishers, 2004. – 429 p.
15. Nesterova Y.V. [et al]. Correction of cholinergic abnormalities in mnestic processes with diterpene alkaloid songorine // Bulletin of Experimental Biology and Medicine. – 2018. – Vol. 165. – № 1. – P. 10–13.

Literature:

1. Ostrovskaya R.U. Methodical recommendations for studying the neuroleptic activity of drugs / R.U. Ostrovskaya [et al] // Manual for preclinical studies of drugs. – M. : Griff and C., 2012. – Part 1. – P. 251–263.
2. Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S., Fedorova Yu.S. To the problem of quality standardization of some phytopreparation from different types of kopecks // Vestnik of Russian Academy of Natural Sciences; West Siberian Branch. – 2009. – № 11. – P. 185.
3. Kuznetsov P.V., Fedorova Yu.S. Polymeric adsorbents of affinity type in investigation of physiologically active substances. XXVII. to the phenomenon of chromatographic separation of phytopreparation of kopecks forgotten on sefadex LH-20 and its chemically modified analogue // Polzunovsky vestnik. – 2009. – № 3. – P. 338–339.
4. Kulpin P.V., Fedorova Yu.S. Modern perspectives in chemical-pharmaceutical research of biologically active substances of Garcinia mangostana L. plant // Fundamental and clinical medicine. – 2016. – Vol. 1. – № 1. – P. 85–92.
5. Nesterova Y.V. [et al]. Correction of cholinergic disorders of mnastic processes by diterpene alkaloid zangorin // Bulletin of Experimental Biology and Medicine. – 2018. – Vol. 165. – № 1. – P. 15–19.
6. Fedorova Y.S. [et al]. Comparative assessment of the antibacterial activity of phytopreps-rates from some species of plants of the genus Hedysarum (family fabaceae) // Fundamental studies. – 2011. – № 3. – P. 210–214.
7. Fedorova Yu.S. [et al]. To the phenomenon of comparative study by HPLC method of some types of biologically active substances in kopecks phytopreparation H. theinum, H. alpinum // Polzunovsky vestnik. – 2010. – № 3. – P. 215–217.
8. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S. Features of chromatography of fractions of a phytopreparation from kopeechnik forgotten on polysaccharide adsorbent of sepharose CL-4B // Medicine in Kuzbass. – 2009. – № 7. – P. 72.
9. Fedorova Yu.S., Sukhikh A.S., Kuznetsov P.V. Method of obtaining phytopreparation from some types of kopecks (kopecks tea – Hedysarum theinum, kopecks forgotten – Hedysarum neglectum) // Patent for invention RUS 2402344 04.06.2009.
10. Fedorova Yu.S., Kuznetsov P.V., Sukhikh A.S. Comparative analysis by gas-liquid mass spectrometry of volatile components of phytopreparation from three types of kopeck (H. neglectum, H. theinum, H. alpinum) // Polzunovsky vestnik. – 2010. – № 3. – P. 213–215.
11. Fedorova Yu.S., Kulpin P.V. Research of water-alcoholic extraction of Garcinia mangostana L. fruit pericarpy by gas-liquid mass spectrometry // Medicine in Kuzbass. – 2015. – T. 14. – № 4. – P. 76–78.
12. Fedorova Yu.S. Comparative phytochemical study of some plant species of the genus Hedysarum : Autoref. dis. … Cand. pharmacist. of sciences: 14.04.02. – Samara, 2011. – 23 p.
13. Fedorova Y.S. [et al]. Investigation of neuropsychopharmacological effects of Hedysarum alpium L. extract // National Health. – 2019. – № 3. – P. 66–74.
14. Koch C.A. The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach. – Englewood : Roberts & Company Publishers, 2004. – 429 p.
15. Nesterova Y.V. [et al]. Correction of cholinergic abnormalities in mnestic processes with diter-pene alkaloid songorine // Bulletin of Experimental Biology and Medicine. – 2018. – Vol. 165. – № 1. – P. 10–13.

УДК 614

К ВОПРОСУ СОВРЕМЕННОГО ПОДХОДА К ЛАБОРАТОРНОЙ ДИАГНОСТИКЕ МИКОЗОВ СТОП И КИСТЕЙ

●●●●●●

ON THE ISSUE OF MODERN APPROACH TO LABORATORY DIAGNOSTICS FUNGAL INFECTIONS OF THE FEET AND HANDS

Шевченко Алексей Григорьевич
кандидат медицинских наук,
заместитель главного врача по ОМР,
дерматовенеролог,
Клинический
кожно-венерологический диспансер
министерства здравоохранения
Краснодарского края
kkvd@miackuban.ru

Alexey G. Shevchenko
Candidate of medical sciences,
deputy chief physician for OMR,
Dermatovenerologist,
Clinical dermatovenerologic dispensary
of the Ministry of healthcare
of Krasnodar region
kkvd@miackuban.ru

Егорова Елена Викторовна
врач дерматовенеролог,
Клинический
кожно-венерологический диспансер
министерства здравоохранения
Краснодарского края
kkvd@miackuban.ru

Elena V. Egorova
Dermatovenerologist,
Clinical dermatovenerologic dispensary
of the Ministry of healthcare
of Krasnodar region
kkvd@miackuban.ru

Глузмин Михаил Иванович
кандидат медицинских наук, доцент,
главный врач, дерматовенеролог,
Клинический
кожно-венерологический диспансер
министерства здравоохранения
Краснодарского края
kkvd@miackuban.ru

Mikhail I. Gluzmin
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
chief physician, dermatovenerologist,
Clinical dermatovenerologic dispensary
of the Ministry of healthcare
of Krasnodar region
kkvd@miackuban.ru

Аннотация. Применение различных методов лабораторного выявления возбудителя является неотъемлемой частью дифференциально-диагностического процесса при подозрении на развитие микоза стоп и кистей. Уровень заболеваемости населения косвенно связан диагностическими возможностями лабораторной службы, социально-экономическими процессами в обществе и другими объективными и субъективными причинами.

Проведен ретроспективный анализ данных лабораторной диагностики выявленных случаев микозов стоп и кистей в Краснодарском крае за 2009–2018 гг. В исследовании использованы статистические данные форм №9, №34, которые формируют показатели заболеваемости заразными дерматозами в Краснодарском крае, и данные лабораторных журналов ГБУЗ ККВД.

Показатели заболеваемости микозами стоп и кистей демонстрируют тенденцию роста в исследуемом десятилетнем периоде. Анализ проблем и перспектив лабораторной диагностики дерматомикозов в дерматовенерологической службе Краснодарского края показал влияние применяемых методик на эпидемиологическую ситуацию в целом и в разрезе основных учетных нозологий.

Основная часть случаев микозов стоп и кистей в настоящее время подтверждается методом бактериоскопии, культуральный метод применяется значительно реже. Перспективными для диагностики дерматомикозов являются молекулярно-биологические и масс-спектрометрические методы, которые используются в научной работе и в обычной практике ЛПУ пока не применяются.

Совершенствование диагностической профилактической работы включают повышение информированности населения о применяемых скрининговых и диагностических лабораторных возможностях и совместных мероприятиях с немедицинскими службами, с акцентом на активное выявление и проведение скрининговых диагностических мероприятий при дермаомикозах.

Ключевые слова: заразные кожные заболевания, микозы стоп и кистей, заболеваемость, лабораторная диагностика, аппаратная диагностика.

Annotation. The use of various methods of laboratory detection of the pathogen is an integral part of the differential diagnostic process in case of suspected development of mycosis of the feet and hands. The level of morbidity of the population is indirectly related to the diagnostic capabilities of the laboratory service, socio-economic processes in society and other objective and subjective reasons.

The retrospective analysis of laboratory diagnostics data of the revealed cases of mycoses of feet and hands in Krasnodar Krai for 2009–2018 is carried out. The study used statistical data forms number 9, number 34, which form the incidence of infectious dermatoses in the Krasnodar region, and data from laboratory journals GBUZ KKVD.

Indicators of the incidence of mycosis of the feet and hands show a trend of growth in the studied ten-year period. The analysis of problems and prospects of laboratory diagnostics of dermatomycosis in dermatovenereological service of Krasnodar region showed the influence of the applied techniques on the overall epidemiological situation and in the context of the main accounting nosologies.

The main part of cases of mycoses of feet and hands is now confirmed by bacterioscopy, the cultural method is used much less often. Molecular biological and mass spectrometric methods are promising for the diagnosis of dermatomycosis, but these methods are used in scientific work and are not yet used in routine practice.

Improving diagnostic prevention work includes raising public awareness of the screening and diagnostic laboratory capabilities used and joint activities with non-medical services, with an emphasis on active detection and screening of diagnostic measures for dermomycosis.

Keywords: infectious skin diseases, mycosis of feet and hands, morbidity, laboratory diagnostics, hardware diagnostics

Введение

Поверхностные микозы кожи и ее придатков — группа широко распространенных инфекционных заболеваний. Уровень инфицированности населения патогенными грибками увеличивается с каждым годом.

Дерматомикотические поверхностные инфекции протекают с вовлечением в процесс гладкой кожи, волос и ногтей. В большинстве случаев эти грибковые инфекции обусловлены дерматофитами, но также могут быть вызваны т.н. недерматофитными грибами. Дерматофитии — это разновидность дерматомикоза, вызываемая грибами таких родов, как Trichophyton, Microsporum и Epidermophyton. Подобные микозы по глубине распространения ограничены роговым слоем кожи, так как для роста и развития этому возбудителю требуется кератин. К дерматомикозам наиболее чувствительны иммунокомпрометированные лица, страдающие эндокринопатиями, ожирением, нарушениями периферического кровообращения. Грибковые инфекции также часто возникают при длительном ношении влажной одежды и обуви, использовании мокрых постельных и банных принадлежностей, низком уровне личной гигиены, проживании в сырых помещениях, а также в теплых и влажных климатических условиях.

Наиболее часто регистрируемым дерматомикозом в России, да и во всем мире, является микоз стоп (и кистей) [1]. Больной человек является резервуаром инфекции, представляет эпидемическую опасность для окружающих.

В условиях Краснодарского края микозы стоп и кистей имеют высокий уровень распространения [2]. Поиск путей по снижению заболеваемости микозами стоп и кистей является актуальной проблемой практического здравоохранения и смежных структур. Основным возбудителем микотической инфекции кожи и ногтей стоп Trichophyton rubrum [3].

В рутинной диагностике дерматомикозов применяется микроскопия чешуек кожи и ногтей с обработкой их раствором щелочи (КОН-тест); этот метод является скрининговым благодаря простоте, быстроте и дешевизне, однако не позволяет идентифицировать видовую принадлежность гриба [4]. Для лучшей визуализации грибов патологический материал обрабатывают

люминесцентным красителем калькофлюором белым, и затем препарат смотрят в люминесцентном микроскопе [5].

При отрицательных результатах микроскопии и в сложных случаях для идентификации культуры гриба применяется высокоспецифичный культуральный метод – посев на питательные среды (чаще на среду Сабуро). Невысокая чувствительность (30–40 %) и длительность культурального метода являются существенными недостатками, оказывающими влияние на постановку диагноза микоза и проведение дифференциальной диагностики.

Новое развитие лабораторная диагностика микозов получила с появлением молекулярно-генетических методов, позволяющих выделить ДНК грибов, при этом специфичность реакции составляет не менее 94 % [6]. Метод ПЦР делает возможной первичную идентификацию возбудителя, в том числе экзотического, раннюю оценку микологической излеченности и эффективности терапии онихомикозов в динамике, что позволит сократить сроки наблюдения больных. Перспективным видится использование таких методов молекулярной диагностики микозов, как ДНК-секвенирование, ПЦР с детекцией по «конечной точке» (FLASH-PCR), ПЦР-real-time, ПЦР-ELISA (ПЦР с иммунным захватом). На сегодняшний день данные методы, в основном, применяются в научных целях и проходят апробацию в отдельных ЛПУ на коммерческой основе [7].

Одним из последних достижений мировой науки в идентификации грибов является внедрение в медицинскую лабораторную метода масс-спектрометрии [8]. Масс-спектрометрия обеспечивает высокую производительность и практически 100 % специфичность и чувствительность, а также высочайшую (2,4 мин) скорость анализа и надежность фенотипирования грибов.

Материалы и методы

Проведен ретроспективный анализ диагностики микозов стоп и кистей в Краснодарском крае на основании данных государственного статистического наблюдения и Федеральной службы Роспотребнадзора за 2009–2018 годы. Изучено 20 единиц форм федерального статистического наблюдения № 9 «Сведения о заболеваниях инфекциями, передаваемых половым путем, и заразными кожными болезнями» и № 34 «Сведения о больных заболеваниями, передаваемыми преимущественно половым путем, и заразными кожными болезнями», а также данные лабораторных журналов государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Клинический кожно-венерологический диспансер» министерства здравоохранения Краснодарского края (ГБУЗ ККВД) за указанный период.

Результаты и обсуждение

Краснодарский край обладает не типичными для основной территории России климато-географическими особенностями: теплый и влажный климат способствует персистенции различного рода грибковых инфекций. Несмотря на то, что в части регионов с преобладанием тяжелой промышленности показатели заболеваемости такими дерматофитиями, как микозы стоп и онихомикозы значительно выше, в Краснодарском крае эта патология также занимает превалирующую долю в структуре заразных кожных заболеваний. Тенденция на повышение уровня заболеваемости микозами стоп отмечается примерно с середины анализируемого периода: прирост интенсивного показателя в последнем пятилетнем отрезке составил 52,5 % (прирост за 10 лет в регионе — 38,2 %). Динамика эпидемиологической ситуации по микозам стоп и кистей в Краснодарском крае за 10 лет отражена на рисунке 1.

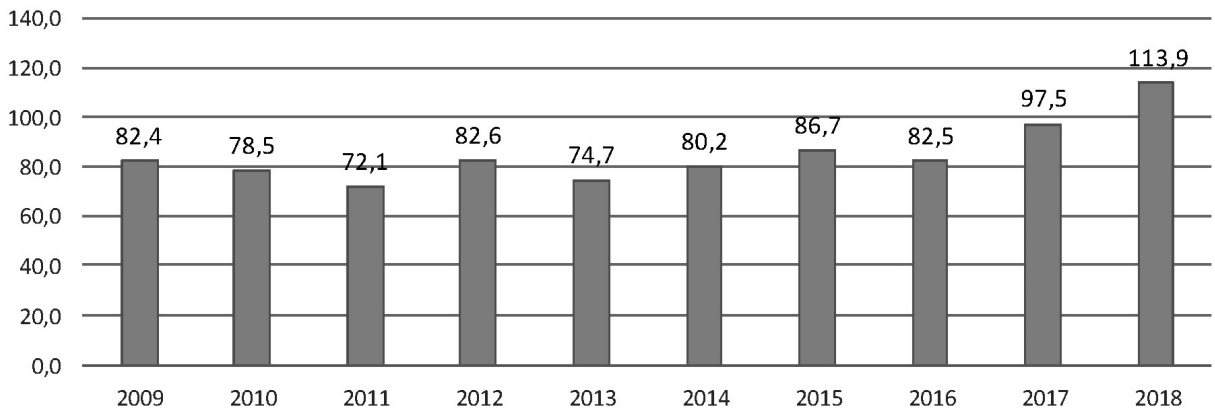

Рисунок 1 – Динамика заболеваемости микозами стоп и кистей в Краснодарском крае в 2009–2018 гг. (на 100 тыс. населения)

Географическое положение края обусловливает высокий уровень миграции: сезонной (санаторно-курортное лечение в летние месяцы), трудовой (высокие темпы роста строительства привлекают рабочих из Средней Азии), при смене региона проживания на более теплый для части населения РФ (прирост постоянного населения Краснодарского края за последние десять лет составил 9,4% — 481 тыс. чел.). Миграция исторически сопровождается распространением инфекционных заболеваний, что актуально и для грибковой патологии.

Диагноз микоза стоп и кистей, онихомикоза требует обязательного лабораторного подтверждения путем обнаружения возбудителя в биологическом материале. Как показывает опыт исследователей, не всегда наличие клинических проявлений поражения ногтей является заболеванием микотической природы, поэтому дифференцировать его с ониходистрофией и другими онихиями позволяет именно лабораторная диагностика.

Лабораторные методы исследований при микозах включают обнаружение грибов в патологическом материале при микроскопическом исследовании нативных препаратов, выделение культуры возбудителя, молекулярно-биологический метод, масс-спектрометрию.

В лабораториях медицинских организаций Краснодарского края для диагностики микозов применяются основные виды исследований: микроскопия и культуральный метод (посев). Наиболее специфичным из доступных является бактериологический метод исследования.

Проанализированы результаты микробиологических диагностических исследований при микозах стоп и кистей методом микроскопии и культуральным методом за анализируемый период (2009–2018 гг.), по данным лабораторного отделения ГБУЗ ККВД и отчетных форм кожвендиспансеров Краснодарского края.

Таблица 1 – Количество применяемых методов лабораторной диагностики возбудителей микоза стоп и кистей в Краснодарском крае в 2009–2018 гг.

Методы лабораторной диагностики	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего исследований	4244	4080	3866	4385	4009	4371	4753	4547	5424	6380
из них: бактериоскопия	3509	3518	3791	4172	3810	3951	4679	4533	5405	6369
культуральный метод	204	167	62	213	199	420	74	14	19	11
метод прямой микроскопии с флюорохромами	17	24	13	0	0	0	0	0	0	0
ПЦР (электрофорез)	514	371	0	0	0	0	0	0	0	0

В соответствии с ростом числа случаев заболеваний микозами стоп и кистей, растет и количество диагностических исследований (табл. 1).

Основным скрининговым методом для постановки диагноза микотической инфекции кожи и ногтей была и остается микроскопия (КОН-тест).

До 2012 года в лаборатории ГБУЗ ККВД применялся метод прямой микроскопии с флюорохромами (микроскопия нативных препаратов с окраской калькофлюором белым). Сочетанное применение метода окраски калькофлюором белым с КОН при микроскопической диагностике дерматомикозов (в том числе – при онихомикозах) позволяет выявлять как молодые, так и зрелые гифы гриба, а также обеспечивает меньшее число (на 10 %) негативных результатов по сравнению с КОН-методом [9].

Несмотря на высокую специфичность и короткий срок получения результата (1 день), данный метод не нашел распространения в лабораториях других ЛПУ Краснодарского края в связи с необходимостью применения дорогостоящих иммунофлюоресцентных микроскопов. Исключение с 2012 года ПИФ из перечня лабораторных методов для диагностики ИППП, согласно Федеральным клиническим рекомендациям РОДВК, сделало использование иммунофлюоресцентного микроскопа только для диагностики дерматомикозов не реентабельным, несмотря на то, что данное оборудование входит в перечень обязательного для лабораторий в структуре КВД (приложение № 17 к приказу МЗ РФ от 15.11.2012 № 924н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «Дерматовенерология»).

В 2006–2010 годах в лаборатории ГБУЗ ККВД проводились молекулярно-биологические исследования при подозрении на микотическую инфекцию — ПЦР с применением электрофореза в «конечной точке» (визуализация в геле). После перехода лаборатории на методику ПЦР-real-time идентификация возбудителей микозов была прекращена в связи с отсутствием диагностических наборов для рутинной диагностики.

Статистический анализ лабораторных исследований на грибковые инфекции кожи и ногтей стоп и кистей в Краснодарском крае за последние 10 лет показал, что увеличение количества исследований наблюдается за счет бактериоскопии. Микроскопически подтверждается свыше 82% случаев заболеваний, посев используется в среднем в 3,2 % случаев верификации диагноза микоза стоп и кистей (табл. 2).

Таблица 2 – Соотношение лабораторных методов обследования больных микозами стоп и кистей в Краснодарском крае в 2009–2018 гг.

Методы диагностики	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Бактериоскопия, %	82,7	86,2	98,1	95,1	95,0	90,4	98,4	99,7	99,6	99,8
Культуральное исследование, %	4,81	4,09	1,60	4,86	4,96	9,61	1,56	0,31	0,35	0,17
Метод прямой микроскопии с флюорохромами, %	0,40	0,59	0,34	0	0	0	0	0	0	0
ПЦР (электрофорез), %	12,11	9,09	0	0	0	0	0	0	0	0

Чувствительность метода микроскопии нативных препаратов с КОН составляет 65–85 % и зависит от опыта и субъективного мнения врача-лаборанта. Для того, чтобы преодолеть эти недостатки в повседневной практике, приходится выполнять трехкратные или множественные исследования, так как диагноз микоза верифицируется только при наличии положительного результата диагностических тестов.

Наблюдается тренд на снижение количества бактериологических исследований на грибы. Причина заключается в длительности получения результата (до 30 дней), себестоимость посева значительно выше микроскопии. На момент постановки клинического диагноза и проведения основных противоэпидемических мероприятий, «золотой стандарт» диагностики 20 века — культуральный метод игнорируется врачами в целях экономии средств и времени.

Выделение возбудителя поверхностного микоза в культуре, определение его вида и чувствительности к антимикотикам имеет важное клиническое значение при рецидивирующем течении микоза и (или) резистентности к стандартной антимикотической терапии [10].

Анализ результатов бактериологических исследований чешуек кожи стоп и образцов ногтевых пластин показал увеличение числа положительных результатов за последние пять лет на фоне роста заболеваемости микозами стоп и кистей в Краснодарском крае. По данным бактериологической лаборатории ГБУЗ ККВД среди возбудителей микозов стоп и онихомикозов в Краснодарском крае преобладает Trichophyton rubrum, при этом его доля увеличилась с 53,6 % (в 2009 году) до 86,3 % (в 2017 году), вытесняя тем самым Trichophyton mentagrophytes var. interdigitale (таблица 3).

Таблица 3 – Положительные исследования на дерматомикозы в разрезе полученных культур патогенных грибов в бактериологической лаборатории ГБУЗ ККВД в 2009–2018 гг.

Возбудители микозов	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
T.rubrum	30	53.6	36	61.0	40	64.5	34	66.7	40	74.0
T.mentagr. var. interdig.	26	46.4	23	39.0	22	35.5	17	33.3	14	26.0
Всего положит. посевов на микозы стоп	56	100	59	100	62	100	51	100	54	100

Продолжение таблицы 3

Возбудители микозов	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	абс.	%	абс.	%	абс.
T.rubrum	51	77.3	57	80.3	62	51	77.3	57	80.3	62
T.mentagr. var. interdig.	15	22.7	14	19.7	11	15	22.7	14	19.7	11
Всего положит. посевов на микозы стоп	66	100	71	100	73	66	100	71	100	73

Кроме того, в посевах были выявлены ассоциации Trichophyton rubrum и Candida albicans — в среднем 6,8 %, Trichophyton rubrum и Aspergillus versicolor — 2,3 %.

В настоящее время методы молекулярно-биологической диагностики микозов в практическом здравоохранении Краснодарском крае не применяются. Причина — основная методика разработана в формате ПЦР по конечной точке методом электрофореза, которая позволяет проводить только амплификацию ДНК T. rubrum и T. mentagrophytes var. interdigitale с использованием набора «ТрифАм» (НПО «Гентех», Россия). Соответствующее оборудование отсутствует в лабораториях ГБУЗов Краснодарского края, также данная методика не используется по причине особых требований к организации лаборатории (МУ 1.3.2569-09 Организация работы лабораторий, использующих методы амплификации нуклеиновых кислот при работе с материалом, содержащим микроорганизмы I–IV групп патогенности 2010 г.).

На современном этапе разработаны мультиплексные ПЦР-тесты для идентификации возбудителей микозов стоп и кистей родов: Trichophyton, Aspergillus, Candida, Fusarium и Scopulariopsis, обладающие достаточно высокой специфичностью и чувствительностью при при невысокой стоимости исследования и высокой скорости получения результата [7]. Данные тесты не внедрены в большинстве медицинских организаций России и, в основном, используются в научной практике в связи с накоплением генетической информации разных штаммов наиболее распространенных дерматомикозов [11].

Рост уровня заболеваемости микозами стоп и кистей среди населения Краснодарского края требует, по нашему мнению, пересмотра подходов к лабораторной диагностике дерматомикозов, а именно — внедрения в широкую практику молекулярно-биологических методов диагностики и в дальнейшей перспективе — масс-спектрометрического исследования на грибы.

Отдельным вопросом стоит качество диагностики микотической инфекции в районах и малых городах Краснодарского края и уровень подготовки врачей лабораторной диагностики по направлению «микология» в медицинских организациях, оказывающих ПМСП.

Необходимо совершенствование нормативной базы в аспекте диагностики грибов, поскольку регламентирующей приказ Минздрава РФ от 25.12.1997 № 380 «О состоянии и мерах по совершенствованию лабораторного обеспечения диагностики и лечения пациентов в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» не обновлялся более 20 лет. Данный приказ не содержит современные актуальные методики исследований на грибы и не обязывает проводить диагностику, в том числе скрининг, на дерматомицеты при оказании первичной медико-санитарной помощи угрожаемым контингентам и лицам с клиническими проявлениями микозов кожи и ее придатков, что негативно влияет на уровень выявляемости грибковой патологии.

Заключение

За последние пять лет наметилась устойчивая тенденция роста заболеваемости микозами стоп и кистей в Краснодарском крае.

Изучение клинико-эпидемиологических и диагностических аспектов микозов стоп и кистей, в том числе, онихомикозов, в регионе с благоприятными для грибов климато-географическими условиями и повышенной миграцией населения является важной медико-социальной проблемой. Для ее решения необходимо изучение различных факторов, влияющих на контингент больных, динамику эпидемиологического процесса и, прежде всего, анализ диагностической составляющей верификации микоза.

Регламентированные лабораторные методы исследований, согласно Федеральным клиническим рекомендациям РОДВК, включают обнаружение грибов в патологическом материале при микроскопическом исследовании нативных препаратов, выделение культуры возбудителя и молекулярно-биологический метод. Из перечисленных методов в Краснодарском крае предпочтение отдается прямой микроскопии нативных препаратов с КОН, значительную меньшую долю исследований (0,17–9,61 %) составляют культуральные исследования дерматомицетов. Наиболее часто встречающимся возбудителем микозов стоп, в том числе онихомикозов, в Краснодарском крае является Trichophyton rubrum.

В современных условиях необходимо обновление федеральной нормативной регламентирующей базы в части лабораторной диагностики в ЛПУ в аспекте обязательных обследований на дерматомикозы лиц из угрожаемых контингентов населения.

Необходимо также создание единой системы лабораторно-диагностического мониторинга и идентификационного скрининга дерматомикозов с участием всех заинтересованных служб и ведомств, разработка и внедрение единых стандартов диагностической и диагностико–эпидемиологической работы.

С учетом полученных результатов, целесообразно расширение перечня методов скринингового выявления и диагностической специальной идентификации возбудителей микозов, что

может быть осуществлено как за счет средств ОМС, так и средств бюджета Краснодарского края для определенных контингентов социально-неадаптированных лиц.

Учитывая сказанное выше, внедрение микологической ПЦР-диагностики, масс-спектрометрии и других инновационных методов представляет актуальную задачу современной дерматологии, решение которой будет способствовать эффективному выявлению и совершенствованию ведения больных дерматомикозами.

Литература:

1. Соколова Т.В., Монтес Росель К.В., Малярчук А.П. Клиника микозов стоп // РМЖ. Медицинское обозрение. – 2018. – № 5. – С. 66–72.
2. Глузмин М.И. [и др.]. Анализ заболеваемости заразными дерматозами населения Краснодарского края за последние 5 лет // Кубанский научный медицинский вестник. – 2018. – № 25 (6). – С. 50–56.
3. Тлиш М.М., Кузнецова Т.Г., Псавок Ф.А. Этиологические особенности онихомикоза в Краснодарском крае. Выбор метода системной терапии // Вестник дерматологии и венерологии. – 2016. – № 5. – С. 84–89.
4. Касихина Е.И. Дерматомикозы в терапевтической практике: вопросы и ответы // Consilium Medicum. Дерматология (Прил.). – 2016. – № 1. – С. 27–31.
5. Котрехова Л.П., Разнатовский К.И., Цурупа Е.Н. Микоз стоп: эпидемиология, этиология, диагностика и лечение на современном этапе // Дерматология (Прил. к журн. Consilium Medicum). – 2019. – № 2. – С. 13–16.
6. Сергеев В.Ю. Молекулярная диагностика онихомикозов: опыт внедрения отечественной ПЦР-системы обнаружения возбудителей дерматофитии ногтей // Иммунопатология, аллергология, инфектология. – 2007. – № 3. – С. 17–24.
7. Медведева Т.В. [и др.]. Новые методы диагностики поверхностных микозов : Санкт-Петербургские дерматологические чтения / Сборник тезисов XI Научно-практической конференции дерматовенерологов и косметологов. – 26–28 октября 2017. – С. 61–63.
8. Глушанова Н.А., Блинов А.И., Алексеева Н.Б. Масс-спектрометрическая идентификация микроорганизмов // Медицина в Кузбассе. – 2015. – № 2. – С. 36–41.
9. Елинов Н.П., Васильева Н.В., Разнатовский К.И. Дерматомикозы, или поверхностные микозы кожи и её придатков – волос и ногтей // Лабораторная диагностика. Проблемы медицинской микологии. – 2008. – № 10 (1). – С. 27–34.
10. Климко Н.Н. Микозы: диагностика и лечение : руководство для врачей. – М. : Фармтек; 2017. – 3-е изд. перераб. и доп. – 274 с.
11. Кухар Е.В. [и др.]. Культурально-морфологические, биохимические свойства и молекулярно-генетическая характеристика Microsporum canis // Российский ветеринарный журнал. Мелкие домашние и дикие животные. – 2014. – № 5. – С. 21–24.

Literature:

1. Sokolova T.V., Montes Rossel K.V., Malyarchuk A.P. Mycosis foot clinic // MPEI. Medi-tsinskoe obozrenie. – 2018. – № 5. – P. 66–72.
2. Gluzmin M.I. [et al.]. Analysis of the incidence of infectious dermatoses of the Krasnodar Territory population over the past 5 years // Kuban scientific medical bulletin. – 2018. – № 25 (6). – P. 50–56.
3. Tlish M.M., Kuznetsova T.G., Psavok F.A. Etiological features of onychomycosis in Krasnodar Territory. Selection of the system therapy method // Messenger of dermatology and veinrology. – 2016. – № 5. – P. 84–89.
4. Kasikhina E.I. Dermatomycosis in therapeutic practice: questions and answers // Consilium Medicum. Dermatology (Pr.). – 2016. – № 1. – P. 27–31.
5. Kotrekhova L.P., Raznatovsky K.I., Tsurupa E.N. Mycosis stops: epidemiology, etiology, diagnostics and treatment at the present stage // Dermatology (Prilek. k zhurnal. Consilium Medicum). – 2019. – № 2. – P. 13–16.
6. Sergeev V.Yu. Molecular diagnostics of onychomycoses: experience of implementation of the domestic PCR-system for detection of the nail dermatophytic pathogens // Immunopathology, allegology, infectiology. – 2007. – № 3. – P. 17–24.
7. Medvedeva T.V. [et al]. New methods of diagnostics of surface mycoses: St. Petersburg dermatological readings / Collection of abstracts of XI Scientific and practical conference of dermatovenerologists and cosmetologists. – October 26–28, 2017. – P. 61–63.
8. Glushanova N.A., Blinov A.I., Alekseeva N.B. Mass spectrometric identification of microorganisms // Medicine in Kuzbass. – 2015. – № 2. – P. 36–41.

9. Elinov N.P., Vasilieva N.V., Raznatovsky K.I. Dermatomycoses, or superficial micoses of skin and its appendages – hair and nails // Laboratory diagnostics. Problems of medical mycology. – 2008. – № 10 (1). – P. 27–34.
10. Klimko N.N. Mycoses: diagnostics and treatment : a manual for doctors. – M. : Pharmtek, 2017. – 3rd ed. pererabot. i dop. – 274 p.
11. Kuhar E.V. Kukhar E.V. [et al]. Cultural and morphological, biochemical properties and molecular-lar genetic characteristics of Microsporum canis // Russian Veterinary Journal. Small pets and wild animals. – 2014. – № 5. – P. 21–24.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ

●●●●●●

SELF-PRESENTATION OF A BUSINESS WOMAN IN SOCIAL NETWORKS INTERNET

Алексеева Анна Александровна
аспирант кафедры
социальной психологии,
Российский государственный
социальный университет
heriarin@rambler.ru

Anna A. Alekseeva
Postgraduate student,
Department of social psychology,
Russian State Social University
heriarin@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям самопрезентации деловой женщины в социальных сетях Интернет. Образ деловой женщины в массовом сознании опосредован гендерными стереотипами, которые в настоящее время становятся менее полярными. Раскрыта сущность понятия самопрезентация деловой женщины. Представлены особенности самопрезентации в виртуальном пространстве, которые опосредованы спецификой сетевой формы коммуникации и электронно-цифровыми возможностями сети Интернет. Дана характеристика Интернет-аудитории, ожидание которой необходимо учитывать при выборе презентуемых Я-образов деловой женщины.

Ключевые слова: самопрезентация, деловая женщина, сеть Интернет, виртуальная личность.

Annotation. The article is devoted to the features of self-presentation of a business woman in social networks of the Internet. The image of a business woman in the mass consciousness is mediated by gender stereotypes, which are currently becoming less polar. The essence of the concept of self-presentation of a business woman is revealed. The features of self-presentation in virtual space are presented, which are mediated by the specifics of the network form of communication and the electronic-digital capabilities of the Internet. The characteristic of the Internet audience is given, the expectation of which must be taken into account when choosing the presented self-images of a business woman.

Keywords: self-presentation, business woman, Internet, virtual personality.

Процесс самопрезентации деловой женщины в социальных сетях Интернет предполагает, с одной стороны анализ содержания образа деловой женщины, который опосредован гендерным ценностям, установкам и стереотипам, существующим в массовом сознании, с другой — анализ особенностей Интернет коммуникации и ожиданий Интернет-аудитории, которой презентуется образ деловой женщины.

Переход к сетевому обществу ведет к трансформации традиционных гендерных норм, ценностей и стереотипов. Со второй половины XX века, как отмечает И.С. Кон, наблюдается ослабление поляризации мужских и женских ролей, что в свою очередь вызывает перемены в культурных стереотипах маскулинности и феминности [4]. Трансформация гендерных ценностей, стереотипов и ролей в массовом сознании оказывает влияние на содержание презентуемых в социальных сетях «образов Я» деловой женщины.

Раскроем сущность понятия «самопрезентация деловой женщины», которое определяет ее общие особенности в электронной сети Интернет. В зарубежной науке сущность самопрезентации в рамках символического интеракционизма Дж. Мида и Ч. Кули рассматривается как процесс, согласно которому представления человека о себе формируются под воздействием взгляда окружающих людей [1]. Развивая данную идею, американский социолог И. Гофман, акцентирует внимание на способности человека интерпретировать и предсказывать ожидания других участников коммуникации, а, следовательно, и воздействовать на них своим поведением [2]. Отечественные исследователи определяют самопрезентацию как социально-психологический феномен, проявляющийся в поведении человека в ситуациях социального взаимодействия, инструментами которого являются средства вербального и невербального поведения, оформления внешнего облика и принадлежащих субъекту социальных символов [6].

Самопрезентация в сети Интернет имеет свои специфические особенности, опосредованные спецификой сетевой формы коммуникации и электронно-цифровыми возможностями сети Интернет. Деловая женщина как субъект самопрезентации имеет возможность проявить свою активность в социальных сетях, чтобы презентовать и управлять тем впечатлением, в котором она заинтересована. Средствами самопрезентации являются текст, фото, картинки, звуковые и видео-файлы, с помощью которых она презентует себя Интернет-сообществу, размещая личную информацию в аккаунте. Наполняя личностно значимым содержанием свой профиль в сети, можно формировать свой имидж, то есть выстраивать самопрезентацию деловой женщины. Изучая особенности самопрезентации в виртуальном пространстве сети Интернет, авторы отмечают, что структура субъекта Интернет-коммуникации включает компоненты реальной и виртуальной личности, соотношение которых непосредственно влияет на идентичность и процесс самопрезентации. Виртуальная личность, являясь результатом трансформации в сетевом коммуникативном пространстве подлинного или вымышленного образа, обладает огромным деятельностным потенциалом, превосходящим потенциал реальной личности в силу своей мобильности и многообразия средств самопрезентации [3, с. 9]. В процессе самопрезентации деловой женщины в сети Интернет возникает проблема создания образа «Я» в сетевой коммуникации, который, по мнению И.А. Остапенко, благодаря таким свойствам, как анонимность, невидимость и безопасность, дает возможность создавать сетевую идентичность образа успешной деловой женщины, полностью основанную на собственном выборе. Поэтому ведущей особенностью виртуальной самопрезентации является возможность почти абсолютного управления впечатлением о себе в сетевой коммуникации [5, с. 18].

Одним из ведущих факторов, влияющих на самопрезентацию деловой женщины в сети Интернет, являются характеристики Интернет-аудитории как социальных субъектов общества-Сети. Наиболее уязвимой с точки зрения воздействия современных имиджевых технологий представляется социальная группа «поколения Y», для которых цифровые технологии и новые медиа — это привычный мир. Особенности Интернет-аудитории «поколения Y» связаны с сильным желанием самовыражения и самоутверждения в виртуальном мире, что необходимо учитывать при выборе «образа Я» деловой женщины в процессе самопрезентации в сети Интернет.

Итак, самопрезентация деловой женщины в сети Интернет определяется как социально-психологический процесс формирования и предъявления виртуального и реального образа «Я» деловой женщины с помощью электронно-цифровых технологий в ситуациях виртуального взаимодействия. Содержание презентуемых виртуальных «Я-образов» деловой женщины в процессе самопрезентации должно ориентироваться как на «маскулинную», так и на «феминную» модели поведения, отвечающие ожиданиям целевой Интернет-аудитории.

Литература:

1. Американская социологическая мысль : Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 495 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
3. Завьялова З.С. Самопрезентация личности в чат-коммуникации : автореф. дис. ... кандидата философских наук. – Томск, 2011.– 20 с.
4. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М. : Время, 2009. – 496 с.
5. Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации: социально-философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 20 с.
6. Пикулёва О.А. Социальная психология самопрезентации личности : дис. ... доктора психологических наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 426 с.

Literature:

1. American Sociological Thought : Texts / under the editorship of V.D. Dobrenkova. – M. : Publishing House of Moscow State University, 1994. – 495 p.
2. Hoffman I. Introducing oneself to others in everyday life. – M. : Canon Press C, Kuchkovo Field, 2000. – 304 p.
3. Zavyalova Z.S. Self-presentation of a person in chat communication : author. dis. ... of a candidate of philosophical sciences. – Tomsk, 2011. – 20 p.
4. Kon I.S. A man in a changing world. – M. : Time, 2009. – 496 p.
5. Ostapenko I.A. Gender Identity and Self-Presentation in Internet Communication: Socio-Philosophical Analysis : abstract of thesis ... candidate of philosophical sciences. – Rostov-on-Don, 2004. – 20 p.
6. Pikuleva O.A. Social psychology of personality self-presentation : dis. ... doctors of psychological sciences. – St. Petersburg, 2014. – 426 p.

УДК 159

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ С АУТИСТАМИ

●●●●●●

FEATURES OF THE USE OF PSYCHOLOGICAL-ACMEOLOGICAL APPROACH IN WORKING WITH AUTISTS

Береcток Татьяна Борисовна
руководитель,
Департамент по работе с клиентами
и региональными представительствами,
Международная Академия
Образования и Науки
bertat1@yandex.ru

Tatjana B. Berestok
Head of Department
of Customer Affairs and Regional Partners,
International Academy
of Education and Science
bertat1@yandex.ru

Аннотации. В статье освещены проблемы использования психолого-акмеологического подхода в работе с аутистами. Аутизм является первазивным нарушением развития личности, которое приводит к качественным ухудшениям в сфере социального взаимодействия, вербальной и невербальной коммуникации и воображения, к ограничению видов активности и интересов. В работе с людьми, имеющими аутистические расстройства, психолого-акмеологический подход не нашел должного применения.

Психолого-акмеологический подход определяется как сложная система развивающих, коррекционных и реабилитационных технологий, направленных на создание внутренних и внешних условий раскрытия потенциалов психического развития личности аутиста и расширения границ взаимодействия с окружающей реальностью. Показано, что в работе с аутистами интеграция психолого-акмеологического подхода с медико-социальным и психолого-педагогическим подходами обеспечивают комплексность в проведении коррекционных, развивающих и реабилитационных мероприятий.

Ключевые слова: аутистические расстройства, аутизм, акмеология, психолого-акмеологический подход.

Annotations. The article highlights the problems of using the psychological-acmeological approach in working with autistic people. Autism leads to deterioration in the field of social interaction, verbal and non-verbal communication, and the limitation of activities and interests. It is shown that in working with people with autistic disorders, the psychological-acmeological approach did not find proper application. The psychological-acmeological approach is defined as a complex system of developing, corrective and rehabilitation technologies aimed at creating internal and external conditions for unlocking the potentials of the psychic development of an autistic personality and expanding the boundaries of interaction with the surrounding reality. It is shown that in working with autists, the integration of the psychological-acmeological approach with the medical-social and psychological-pedagogical approaches provides comprehensiveness in the implementation of corrective, developmental and rehabilitation measures.

Keywords: autistic disorders, autism, acmeology, psychological and acmeological approach.

Проблема реализации эффективных медико-психолого-педагогических и социальных технологий в работе с людьми с расстройствами аутистического спектра в настоящее время приобретает особую значимость. Распространенность аутизма, согласно международной статистике американских и западноевропейских исследователей, характеризуется наличием аутизма у каждого 4 из 1000 человек [7]. Официальная статистика о распространенности аутизма в России, как отмечает Л.М. Шипицына, не представлена, несмотря на то, что в отечественной научно-практической литературе широко освещены вопросы феноменологии аутизма, его диагностики и специфики проявлений на разных возрастных этапах жизни человека [3].

Аутизм как первазивное нарушение развития, охватывает практически все области психического развития, влияя на различные аспекты жизнедеятельности человека. Диагностическими критериями наличия аутизм, согласно зарубежным и отечественным исследователям,

является специфическая триада симптомов, к которым относятся непосредственно аутизм как уход в себя; стереотипность поведения; особая характерная задержка и нарушение развития речи [3; 4; 5]. Аутизм включает:

— диагностические критерии развития и поведения, к которым относятся качественное ухудшение в сфере социального взаимодействия;

— качественное ухудшение в сфере вербальной и невербальной коммуникации и воображения;

— крайне ограниченный репертуар видов активности и интересов [5].

В основе расстройств аутистического спектра лежат неврологические расстройства, которые особенно ярко проявляют себя в первые пять лет жизни. Аутизм характеризуется отрывом от реальности, отгороженностью от мира, отсутствием или парадоксальностью реакций на внешние воздействия, пассивностью и сверхранимостью в контактах. Проявления аутизма многообразны — дезорганизованность восприятия, нарушения соотношения процессов сна и бодрствования, когнитивные и речевые проблемы, сочетание низкого психического тонуса и особой сенсорной и эмоциональной гиперестезии [3]. Согласно В.В. Лебединскому и О.С. Никольской, для аутистов характерен низкий психический тонус, отражающий быстрое пресыщение при взаимодействии с окружающим миром. В силу этого формирование целостной картины окружающего мира для аутистов становится затрудненным, а картина мира по причине своей «разорваннности» становится труднообъяснимой и зачастую выступает в качестве источника различных страхов. В сенсорной сфере обыденные воздействия, эмоционально насыщенные явления и объекты, в первую очередь, человек, его лицо и взгляд, становятся источниками неприятных ощущений и дискомфорта. Аутистический барьер в психической реальности аутиста, с одной стороны, выполняет защитную функцию от пугающей действительности, которая становится постоянным источником неприятных сенсорных впечатлений и эмоционального дискомфорта, с другой — лишает человека необходимого для полноценного психического развития потока сенсорной, когнитивной, аффективной информации [4].

В зарубежной практике в работе с атистами выступают подходы, сутью которых является не адаптация аутистов к миру, а создание оптимальных условий для существования, соответствующих их психическим особенностям. К таким видам терапии можно отнести:

— холдинг-терапию американского детского психиатра М. Велч;

— поведенческую терапию для аутистов (АВА-терапия), в основе которой лежат поведенческие технологии и методики обучения, позволяющие изучать влияние на поведение аутиста факторов окружающей среды;

— дельфинотерапию, иппотерапию, различные техник арт-терапии, которые являются эффективными средствами для лечения аутистических расстройств.

В отечественной практике популярность приобрела методика комплексной медико-психолого-педагогической коррекции аутизма, разработанная К.С. Лебединской и О.С. Никольской, и основанная на понимании аутизма как аффективного расстройства. В основе их методики лежит коррекция эмоциональной сферы и эмоциональное тонизирование ребенка [4]. Следует отметить, что каждый из указанных подходов имеет свою ценность. Однако данные подходы, как правило, ориентированы на работу с аутистами в детском возрасте. Вопросы о реализации эффективных подходов в работе со взрослыми аутистами, обеспечивающими их полноценную самореализацию в социуме, до настоящего времени остаются открытыми.

В современном мире, согласно резолюции ООН, признается необходимость обеспечения защиты прав человека для всех лиц с ограниченными возможностями здоровья, в том числе, и для лиц, страдающих расстройствами аутистического спектра, «посредством обеспечения равных возможностей для максимальной реализации потенциала их развития и участия в жизни общества» [8, с. 2]. Это требует «осуществление долгосрочных программ медицинской помощи, обучения, профессиональной подготовки и терапии» для оказания помощи лицам с аутизмом [8, с. 3]. В русле данных положений резолюции ООН, нам представляется обоснованным использование психолого-акмеологического подхода в работе с аутистами.

Изучение психолого-акмеологического подхода, в контексте рассмотрения процесса социализации и самореализации аутистов, опирается на закономерности саморазвития и самореализации внутреннего потенциала взрослого человека, на изучение факторов, способствующих или препятствующих достижению социальной успешности. Принцип развития в акмеологии понимается как имеющее индивидуальный характер субъективное планомерное движение к вершине социализации и к социальной зрелости. Акмеологическими факторами и условиями выступают, с одной стороны, субъективные, образующие личностные образования, с другой — субъективно-объективные, связанные с организацией среды и взаимодействий [2, с. 166]. Интеграция психолого-акмеологических условий с принципами и условиями медико-социального и психолого-

педагогического подходов в работе с лицами с ограниченными возможностями, согласно исследованию Е.А. Синициной, обеспечивают комплексность в проведении коррекционных и реабилитационных мероприятий [6].

В научных публикациях представлен опыт реализации психолого-акмеологического подхода:

— в процессе коррекции профессионального здоровья специалистов различных областей труда (Г.Г. Вербина С.Е. Заковряшина, А.А. Никольская и др.);

— при коррекции различных форм отклоняющегося поведения подростков и подростковых групп (О.Н. Сибгатуллина, О.А. Хашина, В.А. Янышева и др.) [1]. Анализ научной литературы по проблеме исследования показал, что психолого-акмеологический подход в работе с людьми, имеющими аутистические расстройства, не нашел должного практического воплощения. Однако как показывает опыт «высокофункциональных» аутистов, то есть, социализированных аутистических личностей, описавших свое детство, юность и взрослые годы, аутисты, хотя и обладают иным когнитивным стилем и отношениями с окружающим миром, способны к критическому отношению к себе, к рефлексии опыта своего психического существования [5]. Это демонстрирует возможности использования психолого-акмеологического подхода в отношении данной категории лиц как ресурса их личностного развития в различных сферах жизнедеятельности.

Реализация психолого-акмеологического подхода в работе с аутистами предполагает исследование психолого-акмеологических особенностей людей с аутизмом, что позволит определить возможности компенсации выявленных нарушений и алгоритм коррекционных мероприятий. Помощь аутистам на основе реализации психолого-акмеологического подхода рассматривается как сложная система развивающих, коррекционных и реабилитационных технологий, направленных на создание внутренних и внешних условий раскрытия всех потенциалов психического развития личности аутиста и расширения границ взаимодействия с окружающей реальностью. В контексте этого акмеологическая коррекция аутистов понимается нами как системное психологическое воздействие на психологические образования личности аутиста с целью ее полноценного развития и взаимодействия в социуме.

Таким образом, психолого-акмеологический подход связан с восстановлением духовного, культурного, психологического потенциала, физического здоровья людей с аутизмом в социальной жизнедеятельности. В настоящее время выявлена необходимость разработки и реализации алгоритма, технологий и методов психолого-акмеологической работы с аутистами с учетом тяжести и специфики аутистических расстройств.

Литература:

1. Блинков А.Н. Психокоррекция в системе акмеологических понятий: от описания к практике // Акмеология. – 2018. – № 1. – С. 38–40.
2. Дергач А.А. Акмеология. – М. : РАГС, 2004. – 299 с.
3. Детский аутизм: хрестоматия / сост. Л.М. Шипицына. – СПб. : Международный университет семьи и ребенка им. Р. Валленберга, 1997. – 254 с.
4. Лебединская К.С. Диагностика раннего детского аутизма / К.С. Лебединская, О.С. Никольская. – М. : Просвещение, 1991. – 53 с.
5. Серякова О.И. Современные подходы к проблеме аутизма, его дифференциальной диагностике и коррекции // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2011. – № 9 (4). – С. 38–41.
6. Синицина Е.А. Психолого-акмеологические особенности комплексной реабилитации инвалидов : дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13. – Калуга, 2003. – 201 с.
7. Fombonne E. Epidemiological surveys of autism and other pervasive developmental disorders // Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2003. – № 33 (4). – P. 365–382.
8. United Nations General Assembly. Sixty-seven session. Agenda item 127. Addressing the socio-economic needs of individuals, families and societies aff ected by autism spectrum disorders and other developmental disorders. – 2012. – P. 1–3. – URL : http://www.un.org/disabilities/documents/resolutions/draft a_67_l_33.pdf

Literature:

1. Blinkov A.N. Psychocorrection in the system of acmeological concepts: from description to practice // Acmeology. – 2018. – № 1. – P. 38–40.
2. Dergach A.A. Acmeology. – M. : RAGS, 2004 . – 299 p.
3. Children's autism: anthology / comp. L.M. Shipitsyna. – SPb. : International University of Family and Child named after R. Wallenberg, 1997. – 254 p.

4. Lebedinskaya K.S. Diagnosis of early childhood autism / K.S. Lebedinskaya, O.S. Nikolskaya. – M. : Education, 1991. – 53 p.
5. Seryakova O.I. Modern approaches to the problem of autism, its differential diagnosis and correction // North Caucasian Psychological Bulletin. – 2011. – № 9 (4). – P. 38–41.
6. Sinitsina EA Psychological and acmeological features of the comprehensive rehabilitation of persons with disabilities : dis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.13. – Kaluga, 2003. – 201 p.
7. Fombonne E. Epidemiological surveys of autism and other pervasive developmental disorders // Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2003. – № 33 (4). – P. 365–382.
8. United Nations General Assembly. Sixty-seven session. Agenda item 127. Addressing the socio-economic needs of individuals, families and societies aff ected by autism spectrum disorders and other developmental disorders. – 2012. – P. 1–3. – URL : http://www.un.org/disabilities/documents/resolutions/draft a_67_l_33.pdf

УДК 159.9:316.6

ВИКТИМИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В ТРАВЛЕ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С СЕМЕЙНЫМИ ФАКТОРАМИ

●●●●●●

VICTIMIZATION OF ADOLESCENTS IN BULLYING AND ITS RELATIONSHIP WITH FAMILY FACTORS

Гришина Татьяна Геннадьевна
аспирантка кафедры
социальной психологии,
Московский государственный
областной университет
51282@list.ru

Tatyana G. Grishina
Post-graduate student
of the Department of social psychology,
Moscow state regional university
51282@list.ru

Аннотация. Одна из самых ярких характеристик подросткового возраста – личностная нестабильность, которая проявляется в эмоциональной лабильности, тревожности, противоречивости чувств, нравственной неустойчивости, колебаниях самооценки. При недостаточности внутренних ресурсов и неблагоприятной общей жизненной ситуации подросток становится наиболее уязвимым к стрессу, а тяжелые жизненные условия могут провоцировать проявление виктимности.
В данной статье анализируются понятия «виктимизация», «виктимное поведение» в диапазоне от криминологии до психологии. Показана взаимосвязь виктимизации с семейными факторами, которые влияют на формирование личности подростка. Описываются проведенные эмпирические исследования воздействия агрессивных проявлений и насилия в семье на ребенка через виктимизацию.

Ключевые слова: подросток, виктимизация, издевательства, жертва, буль, буллинг, травля, семья, насилие.

Annotation. One of the most striking characteristics of adolescence – personal instability, which is manifested in emotional lability, anxiety, conflicting feelings, moral instability, fluctuations in self-esteem. If domestic resources are insufficient and the general life situation is unfavorable, the teenager becomes the most vulnerable to stress, and difficult living conditions can provoke victimization. This article analyzes the concept of "victimization" victim behavior " from criminology to psychology. The relationship of victimization with family factors that affect the personality of a adolescence is shown. The empirical studies of factors of influence on the personality of a adolescence through victimization are described.

Keyword: adolescence, victimization, bullying, victim, bull, bullying, bullying, family factors.

Постановка проблемы

Одна из самых ярких характеристик подросткового возраста — личностная нестабильность, которая проявляется в эмоциональной лабильности, тревожности, противоречивости чувств, нравственной неустойчивости, колебаниях самооценки. При недостаточности внутренних ресурсов и неблагоприятной общей жизненной ситуации подросток становится наиболее уязвимым к стрессу, а тяжелые жизненные условия могут провоцировать проявление виктимности.

Виктимность понимают, как уязвимость подростка перед преступными посягательствами при определенных ситуаций. Данное свойство является индивидуальным для каждого члена общества и зависит от многих условий. Но определенные группы населения, одной из которых являются несовершеннолетние, отличаются повышенной виктимностью [4].

Проведенные специалистами исследования свидетельствуют, что мышление, поведение и даже анатомическое строение несовершеннолетних отличается от взрослых. Мозг подростка отличается от мозга взрослого. Во время подросткового возраста происходят важные изменения в структуре мозга и его функциях, особенно, в префронтальной коре и лимбической системе, которые отвечают за самоконтроль, принятие решений, обработку и регулирования эмоций, осознание риска и вознаграждения. Все это неизбежно влияет на то, как подростки действуют в стрессовой ситуации [2].

Учеными выделяются такие виды виктимности подростков, как: ситуативный, личностный, физический, имиджевый, гендерный, статусный, ролевой и возрастной. Среди них непосредственно с окружающей обстановкой связаны только такие виды виктимности, как ситуативная (пребывание в нежелательном месте в неблагоприятное время) и ролевая (вертикальная подчиненность родителям, педагогам, администрации школы) [5].

Поэтому среди факторов, повышающих виктимность несовершеннолетних, является как внешние условия, выражающиеся в воздействии окружения, так и внутренние, связанные с биологическими и психическими особенностями подростков. Обе группы условий одинаково важны и в равной степени влияют на уязвимость подростков при преступных посягательствах.

Теория социального познания (впервые известная как теория социального обучения; Бандура 1978, 1986) дает обоснование связи между агрессивным поведением детей, называемым как явление агрессии, и факторами семейного риска. Эта теория утверждает, что поведение определяется динамическим взаимодействием между социальной средой (например, наблюдением за поведением родителей) и внутренними факторами (такими как чувства, убеждения и ожидания). Основываясь на теории социального познания, семейно-реляционная схема предполагает, что дети развивают убеждения и ожидания от семейного опыта о том, что происходит во время конфликтных ситуаций, возникающих в близких отношениях (Perry и др. 2001). Эти внутренние представления об ожидаемых моделях взаимодействия приводят детей к неправильному толкованию (социальных) сигналов и более агрессивному реагированию на новые или конфликтные ситуации. Благодаря наблюдению за поведением и поступками родителей, дети также развивают убеждения о вероятности (положительных) результатов, которые являются результатом агрессивного поведения. Например, когда дети наблюдают за агрессивным поведением родителей, у них развивается понимание того, что с помощью агрессивного поведения можно привлечь внимание или получить желаемое. При этом, с другой стороны, дети могут научиться от своих родителей не применять агрессию по отношению к другим, не испытывая впоследствии чувства раскаяния. Поэтому еще одним аспектом социальной когнитивной теории является самоэффективность, которая подразумевает убеждения о своих возможностях поведения, необходимы для достижения желаемого результата (Бандура 1986).

Школьная травля (буллинг) и виктимизация являются на сегодняшний день серьезными социальными проблемами в школах. Ученый Л. В. Франк считается основоположником такого предмета, как виктимология. Данная научная дисциплина служит осмыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и преступниками. Ему удалось проанализировать основные понятия этой научной дисциплины, подробно изложить правовые основания виктимологических исследований и очертить перспективы развития виктимологии. Основными понятиями ученый определил виктимизацию, виктимность и связь «преступник – потерпевший» [9].

Другими исследователями отмечена необходимость отличия друг от друга понятия процесса и его результата. Так, Д.В. Ривман под виктимизацией рассматривает деяние, при котором на развитие склонности личности влияет преступление, совершенное по отношению к ней. В результате исследований им были описаны следующие типы виктимного поведения:

— универсальный тип — с ярко выраженными индивидуальными чертами, которые являются предпосылкой к высокой потенциальной уязвимости по отношению к различным преступлениям;

— выборочный тип — лица с высокой виктимной уязвимостью по отношению к определенным видам преступлений;

— ситуативный тип — лица, которым присущ средний уровень виктимности и которые могут стать жертвой при условии определенного стечения обстоятельств;

— случайный тип — лица, которые могут стать жертвами случайно;

— профессиональный тип — виктимность этих лиц связана с профессиональной деятельностью [6].

Такие ученые, как Ройдерс, Фромм, Эриксон утверждают, что в результате обладания деструктивными особенностями виктимизация присуща каждому человеку. При этом деструктивной ориентации присуще выход не только снаружи, но и направленность на себя. Также, сторонником описанной концепции являлся З. Фрейд. Он пояснил, что развитие не может быть без конфликта. В данном случае подходит концепция противостояния таких двух инстинктов, как самосохранения и самоуничтожения [9].

Рассуждения Хорни К. о виктимности связаны с педагогической деятельностью. По его мнению, педагогическая запущенность также может стать причиной отклоняющегося поведения от норм безопасности. Такую запущенность в психологии определяют как длительное, неблагоприятное для развития личности состояние, являющееся следствием недостаточности или противоречивости действий микросреды, которые усложняются внутренними индивидуальными

условиями развития. Большую роль в проявлении буллинга в школе играет виктимность. По мнению Андронниковой О.О., виктимизация — это процесс и результат превращения человека в жертву [2].

Некоторыми учеными была проведена классификация виктимных черт несовершеннолетних. Они разделяют их на две группы — общие и индивидуальные.

К общим относятся: доверчивость, наивность, любознательность, неумение адекватно реагировать на ситуацию, отставание в психическом развитии, превалирование в психической деятельности процессов возбуждения над торможением, а иногда обычная физическая слабость.

Индивидуальные виктимные черты включают в себя: агрессивность, необъективную оценку возможностей, склонность к риску, правовую неосведомленность, тип темперамента [5; 7; 10].

К факторам, которые формируют виктимность несовершеннолетних, относятся такие, как дисфункция семьи, которая ведет к такому виктимогенному (и одновременно криминогенному) состоянию, как:

— беспризорность, безнадзорность, бездомность, насилие в семье;

— спад производства и связанная с ним массовая безработица, недоступные цены многих форм положительного досуга;

— маргинальность, распространение социальных патологий среди населения и, особенно, в молодежной среде: алкоголизация, наркомания, проституция, нищенский способ существования и т.д. [3, с. 25].

Недостатки родительского воспитания, учебных заведений, ближайшего бытового окружения, круг друзей, образа жизни и т.д. довольно мощно сказываются на формировании личности жертвы преступления. Виктимогенные деформации личности обусловливают виктимное поведение жертвы в перед преступной ситуации, что вызывает преступную мотивацию и способствует выбору субъекта на роль жертвы преступных посягательств [4].

Межличностная виктимность, как известно, является психологически травмирующим фактором для детей и подростков. На данный момент детско-подростковую виктимность можно определить социально-психологическим явлением, которое связанное с предрасположенностью ребенка стать жертвой негативных условий социализации, что, в свою очередь, характеризуется различными типами жертв, появившиеся в результате наличия психологических факторов [8].

Формы виктимизации включают в себя (но не ограничиваются) издевательства сверстников, физическое насилие, сексуальное насилие, оскорбления, ограбления и нападения. Некоторые из этих форм виктимизации, обычно, связаны с определенной популяцией. Например, издевательства над сверстниками более изучены, но при этом они происходят и между взрослыми [11]. Люди реагируют на проявления виктимности в самых разнообразных формах, поэтому внешние проявления будут заметны. Признаки виктимизации могут включать в себя как физические, психологические или поведенческие последствия, так прямые или косвенные ответы в случаях насилия. Например, поведенческие признаки, такие как увеличение агрессивности или раздражительности может быть частью определенного психологического результата, такого как посттравматическое стрессовое расстройство [10].

Человек, подвергшийся виктимизации, может чувствовать себя уязвимым и беспомощным, а также, изменить свой взгляд на мир и/или его самовосприятие. Наиболее прямыми и очевидными физическими симптомами виктимизации являются нанесения травм другому человеку, или сексуальное насилие. Другими последствиями могут быть психосоматические симптомы, как например головные боли, боли в животе [7]. Подростки, которые стали жертвами виктимизации могут также проявлять поведенческие симптомы. Например, если раньше он не вел себя агрессивно по отношению к другим, то может начать вести себя так, как будто над ним до этого издевались, т.е, более «спокойно». Депрессия может быть связана с различными формами виктимизации, в том числе, и с сексуальной виктимизацией, преступлениями насильственного характера, виктимизацией со стороны сверстников и насилия в семье [11; 12; 13].

Например, проведенное исследование А.А. Нестеровой подтвердило наличие взаимосвязи между виктимным поведением детей — жертв школьной травли с особенностями их психологической сферы, ведущей к неблагоприятным последствиям в ситуациях межличностного общения в школьном коллективе [5].

Одним из важнейших факторов социализации является семья. Она влияет на формирование поведения у ребенка. С точки зрения Фурманова И.А., на направленность поведения оказывают влияние особенности двух уровней семейных отношений: межличностных отношений и системы внутрисемейного взаимодействия [11]. Домашнее насилие и травля (Ahmed, Braithwaite, 2004), либо гиперопека, которая подкрепляется беспомощность ребенка (Swokowski, Kopasz, 2005) может часто практиковаться в семье жертв; также жестокому обращению в семье часто

подвергаются дети агрессоры (Kowalski et al., 2011) [4]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) на протяжении десятилетий выявляла насилие как сложную проблему общественного здравоохранения [23]. Насилие часто связано с рядом тяжелых последствий для жертв на протяжении всей ее жизни, особенно для детей [25]. Дети, пережившие насилие, могут страдать от психологических проблем, включая депрессию, тревогу [21] и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [18], а также, отображаться на поведении ребенка [19, 27]. Кроме того, насилие и жестокое обращение, препятствуют образовательному и социально-экономическому росту [33], которые являются ключевыми областями развития ребенка. Более того, раннее насилия и виктимизация предрекают дальнейшее оскорбление и виктимизацию в зрелом возрасте, называемые как упорство-оскорбление [34] или круг насилия [24]. Значительное число детей подвергается насилию в семье [28, 30]. По нашим исследованиям, 13 % младших подростков дома жестко наказывают, в том числе, применяя физическое насилие. Часто дети чувствуют несправедливость в этих наказаниях, в результате чего накапливается скрытая враждебность и агрессия, которая отображается в последствие на сверстниках [3]. При таких обстоятельствах родители являются исполнителями, а семья больше не является убежищем для детей. Несколько исследований, посвященных насилию в семье, показывают, что семейное (психологическое) насилие, авторитарное воспитание детей и другие виды физического насилия в дальнейшем порождают агрессивное поведение ребенка [31; 32]. Подростки, которые растут в агрессивной семейной среде, с большей вероятностью идентифицируют агрессивное поведение как приемлемый способ разрешения конфликтов. В свою очередь, такое агрессивное поведение может переноситься в отношения со сверстниками в школе.

Насилие в семье является большой травмой не только для тех, в отношении кого оно происходит, но и для очевидцев этого насилия. Происходит «вторичная виктимизация», которая содержится в переживании свидетелями насилия тех же психологических последствий, что чувствует жертва. Однако нельзя оставить без внимания тот факт, что большинство общественно опасных деяний в отношении несовершеннолетних становятся возможными, именно благодаря определенным действиям или бездействию со стороны самого ребенка [4].

Согласно теории, насилие, которое преподносится через медиа, социальные сети и культуру (например, насильственные виды спорта, телесные наказания и насилие в средствах массовой информации), может перерасти в социальные сферы жизни, такие как отношения с близкими родственниками и сверстниками [13; 15]. Несмотря на отсутствие официальных данных, национальное представительное исследование, в котором было опрошено более 10000 учащихся школьного возраста, свидетельствует о том, что распространенность виктимизации на протяжении всей жизни составляет 71 %, а поли-виктимизация — 14 % [16]. Что касается совершения насилия, то другое исследование показало, что уровень распространенности агрессии среди подростков, окончивших школу, составило около 9 %. [20]. Установлено, что уровень распространенности виктимизации колеблется от 2 % до 66 % [17].

В период полового созревания друзья и сверстники принимают все более важную роль в жизни подростка, особенно для тех подростков, которые живут во враждебной семейной среде [14; 34]. Влияние сверстников может служить одним из объяснений взаимосвязи между насилием в семье и насилием в отношениях с другими. Например, Makin-Byrd, Bierman и исследовательская группа по предотвращению проблем поведения показали, что подверженность насилию в семье в детском и раннем подростковом возрасте приводит к насилию в позднем подростковом возрасте [26]. Более того, жестокое обращение с детьми в семье повышает вероятность виктимизации подростков, а также отсутствие возможности защищаться от агрессии со стороны сверстников [34; 22].

При этом до сих пор в науке не в полной мере исследованы социально-психологические факторы, которые определяют риски «выбора роли» буллера или жертвы в ситуации школьного взаимодействия. Среди всей совокупности психологических и социально-средовых факторов виктимизации детей и подростков в ситуации буллинга нам хотелось бы выделить факторы семьи, а именно наличия в ее системе агрессивных проявлений и насилия.

Было доказано, что дети, подвергающиеся насилию в семье или являющиеся свидетелями домашнего насилия, имеют серьёзные трудности в построении межличностных отношений. Подростки, ставшие жертвами физического насилия в семье, более склонны к агрессивному поведению во время игры, чаще оцениваются как «агрессивные», «конфликтные», «подлые» сверстниками, чаще имеют дисциплинарные взыскания в школе и отличаются различными формами нарушения поведения. Недавние исследования также показали, что дети с опытом семейного насилия имеют низкий уровень социальной сензитивности, имеют низкий уровень социального интеллекта, плохо различают эмоции других людей, не всегда могут понимать сложные социальные роли и в меньшей степени способны к эмпатии [7].

Более того, все чаще в научной литературе обсуждается, что стиль воспитания также влияет на то, какую роль в процессе буллинга выбирает ребенок. М.М. Кравцова выделяет семейные факторы, способствующие проявлению насилия у детей, среди которых: властные и авторитарные семьи; неполные семьи; семьи, где у матери присутствует негативное отношение к жизни; семьи с генетической предрасположенностью к насилию; семьи, которые отличаются конфликтными семейными отношениями [5].

Некоторые зарубежные исследования показывают, что дети, по отношению к которым применяются авторитарные стили воспитания, более склонны нападать на своих сверстников. И наоборот, дети, которые воспринимают своих родителей как авторитетных, особенно поддерживающих их независимость и автономию, с меньшей вероятностью будут участвовать при буллинге в школе [29].

Анализ исследования

Анализ и описание результатов социально-психологического опроса школьников, а также условий формирования виктимности у подростков в ситуации травли в школе стали целью исследования. Исходя из этого, необходимо определить факторы семьи и окружающей среды, влияющие на интенсивность и частотные проявления травли в школе.

Методы и методики исследования

В этой серии исследования использовалась авторская социально-психологическая анкета, учитывающая такие характеристики, как статус семьи (полная, неполная, многодетная и пр.), наличие сиблингов, социальный статус семьи (рабочие, служащие, частные предприниматели), отношение в семье, статус проживания ребенка. Для исследования виктимизации использовалась, методика «Диагностика склонности к виктимному поведению» (автор О.О. Андронникова), для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей использовалась методика «Взаимодействие родитель — ребенок» И.М. Марковской, а также братско-сестринский переводной опросник авторов (The Brother-Sister Questionnaire; S.A. Graham-Bermann, S.E. Culter), а также методика «Шкала тактики поведения в детско-родительском конфликте: форма для отцов и форма для матерей» И.А. Фурманова.

Для обработки результатов исследования использовались математико-статистические методы: t-критерий Стьюдента, F-критерий Фишера, корреляционный и дискриминантный анализ.

Результаты исследования

Результатом исследования стало выявление корелляционной закономерности показателей мягкости, автономности, эмоциональной дистанцированности, материнского отвержения. Последний фактор может привести в дальнейшем к гиперсоциальному поведению ребенка подросткового возраста. Таким образом, ребенок, не обладающий уверенностью в себе и робкостью, склонен к факту проявления буллинга со стороны окружающих, и, вместе с тем, проецировать подобное отношение на жертв слабее себя. В соответствии с этим, даже при положительном поведении в школьном пространстве, дети не чувствуют поддержки матери в эмоциональной сфере, а значит, часто становятся жертвами школьных агрессоров. Автономность матери и нежелание сотрудничать становятся причиной агрессивного поведения подростка, страдающего отсутствием опоры ($r < 0,33$, $r < –0,23$).

Результатом корреляционного анализа стал факт, что материнская жестокость, требовательность и непоследовательность в поведении к ребенку со стороны отца, приводят к агрессивному поведению ребенка по отношению к сверстникам. Вместе с тем, родительские наказания, носящие факт жестокости, физического или психологического насилия, делают подростка жертвой со стороны сверстников. Однако сформированная обида будет проецироваться в агрессию по отношению к слабым, будь то сверстники, или младшие сиблинги.

Одним из ключевых факторов виктимизации подростка являются отношения между братьями и сестрами. К примеру, повышенный уровень эмпатии ($r = 0,26$; $p \leq 0,05$), сходства ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$), наличие общих интересов в нашем исследовании свидетельствуют, о том, что ребенок будет устойчив к проявлению травли в его адрес, а также сам не будет являться агрессором по отношению к другим. Вместе с тем, роль сиблингов в взаимоотношениях со сверстниками играют не маловажную роль, как для девочек, так и для мальчиков. В случае проявления физической жестокости со стороны сестры или брата подросток, скорее всего, будет предиктором (жертвой) в ситуации травли, проявляя склонность к зависимому и беспомощному поведению в ситуации буллинга ($r = 0,33$; $p \leq 0,05$).

Следует отметить тот факт, что материнское и отцовское влияние по-разному отражается на детях в ситуации школьной травли. Материнское влияние проявляющееся в ярко выраженной

физической агрессии ко всем сыновьям, сопровождающееся телесными наказаниями, становится мощным предиктором детской агрессии ее ребенка в классе ($r = 0,25$ при $p < 0,01$). Жестокость и постоянные дисциплинарные взыскания со стороны отца к мальчику также могут стать основой потребности ребенка в виктимизации с помощью физической силы одноклассников (при $p < 0,01$). Большое значение в формировании поведения в буллинге имеет фактор отношений между сиблингами. Жестокость сибсов в контексте семейного взаимодействия приводит к тому, что ребенок в итоге может стать жертвой вербальной агрессии со стороны сверстников и не может дать отпор в ситуации школьных стычек ($r = 0,27$ при $p < 0,01$).

Любое проявление жестокости и агрессии в отношении ребенка в семье является фактором высокой вероятности подверженности ребенка к покушению на собственность одноклассников (прежде всего, мальчиков). Данный факт подтвержден корреляционным анализом. Подтвержденная прямая корреляция была зафиксирована во всех случаях виктимизации с показателями $p < 0,01$. Максимально приемлемой воспитательной стратегией, снижающей риск участия в школьной травле, следует считать дисциплинирование со стороны всех членов семьи. Оно связывается с поведением ребенка, его возможностями не давать себя в обиду, отсутствием социальной изолированности и борьбой за свою собственность ($p < 0,01$).

Проведенное исследование обладает совокупностью большого количества переменных. В соответствии с этим, необходимо было выделить наиболее значимые группы. Решением данного вопроса стал факторный анализ данных. Представленные данные в рамках факторного анализа обрабатывались с помощью метода главных компонент. Метод главных компонент является наиболее распространённым и, зачастую рассматривается как один из самостоятельных вариантов факторного анализа, что и обусловило данный выбор. К тому же, его принято считать наиболее простым, и он чаще остальных используется на практике. Качественной интерпретации результатов исследования способствовал метод анализа варимакс-вращения Г. Кайзера, поскольку он предполагает широкое распространение и наглядность выведенных итогов. Факторное количество было сформировано также с помощью показателя отсеивания Р. Кеттелла.

Результатом применения факторного анализа стало формирование трех значимых факторов. Таким образом, была получена трёхфакторная модель изучаемых переменных. На рисунке 1 представлены результаты расчетов факторных нагрузок, с учетом необходимых переменных. Необходимо более предметно проанализировать данную информацию.

Таблица 1 – Факторы, влияющие на виктимизацию подростков в ситуации травли

	Фактор Жесткие наказания	Фактор игнорирования и отвержения	Фактор непоследовательности и отсутствия границ
1	2	3	4
Эмоциональная дистанция (мать)	–0,07101	0,770367	0,026682
Отвержение (мать)	–0,0397	0,770023	0,076917
Несогласие (мать)	–0,07044	0,091581	0,51793
Непоследовательность (мать)	0,17266	0,411415	0,787136
Отвержение (отец)	–0,04604	0,6372	0,122068
Вербальная виктимизация (жертва)	0,15969	–0,00516	–0,71293
Дисциплинирование (мать)	0,3426	0,162957	–0,6699
Психологическая агрессия (мать)	0,78903	–0,09767	0,099287
Телесные наказания (мать)	0,84496	–0,05652	0,204846
Проявление жестокости	0,80497	–0,09621	0,08783
Физическая жестокость (мать)	0,76249	–0,09808	0,084021
Психологическая агрессия (отец)	0,82073	–0,10112	0,063315
Телесные наказания (отец)	0,84238	–0,05639	0,199602
Проявление жестокости (отец)	0,95041	–0,05262	0,041453
Физическая жестокость	0,86397	–0,08297	0,063742
Психологическая агрессия (сестра)	0,90565	0,026865	–0,18198
Телесные наказания (сестра)	0,94789	0,016747	0,018055
Проявление жестокости (сестра)	0,94624	–0,00095	–0,00487

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Физическая жестокость (сестра)	0,94846	0,00109	–0,01534
Психологическая агрессия (брат)	0,9193	0,018025	–0,14719
Телесные наказания (брат)	0,94812	0,003908	0,009925
Проявление жестокости (брат)	0,9389	–0,00229	0,002116
Физическая жестокость (брат)	0,94846	0,00109	–0,01534
жертвенность (0 – нет; 1 – иногда; 2 жертва)	–0,1255	0,613692	0,102717
Буль (0 – нет; 1 – иногда; 2 – буль)	–0,09541	0,577452	–0,21225
Побег из дома	–0,12092	–0,71449	–0,18902
Метод воспитания	–0,05215	–0,10243	–0,68359

Примечание: * – значимые для каждого фактора оценки переменных

Ключевыми факторами семейного влияния стали: отсутствие контроля и потеря интереса к проблемам ребенка. В этих случаях ребенок чаще становится агрессором в ситуации взаимодействия со сверстниками.

Таким образом, исходя из таблицы 1, по первому фактору максимально влияет физическая жестокость как со стороны матери (r = 0,76), так и со стороны отца (r = 0,86), а также сиблингов. Вместе с тем, жестокое внутрисемейное обращение влияет на то, что ребенок будет жесток по отношению к сверстникам. Таблица 1 показывает, что во второй фактор игнорирования и отвержения с наибольшими весами вошли переменные эмоциональная дистанция и отвержение со стороны матери (r = 0,77). Значимый вклад в него вносят также отвержение со стороны отца (r = 0,64), приводит ребенка к жертвенности (r = 0,61) и что он будет булем (r = 0,58). Этот показатель может стать провокацией для побега подростка из дома от проблем и не понимания в семье (r = 0,71). Приведенные данные демонстрируют тот факт, что большее влияние имеет отвержение и эмоциональное материнское дистанцирование. Это подтверждает наши данные о том, что на виктимизацию подростка имеет влияние тот факт, в какой семье растет ребенок: полной или нуклеарной. Таким образом, в неполной семье, где главную роль в воспитании имеет мать, существует большая вероятность того, что ребенок будет жертвой травли.

Исходя из табличного анализа, можно отметить, что на заключительный фактор непоследовательности и отсутствия границ оказывают влияние переменные материнского несогласия (r = 0,52) и материнской непоследовательности (r = 0,79). Вместе с тем, это подтверждает высокий риск подверженности ребенка травле или вербальной виктимизации сверстниками (r = –0,71). Авторитарный семейный метод (r = –0,68) и материнскую дисциплинированность (r = –0,67) следует считать важным критерием воздействия на данный фактор. Стили семейного воспитания становятся значимым фактором виктимизации подростка при школьном буллинге.

Выводы и практические рекомендации

Проведенное исследование демонстрирует корреляционную составляющую постоянных ограничений независимости и инициативности ребенка матерью, отсутствия понимания проблем ребенка с увеличением вероятности формирования виктимных черт личности школьников.

Одним из основных выводов исследовательской работы следует считать взаимосвязь не включения родителей (вне зависимости отец то или мать) в школьную коммуникацию и проблемные конфликты собственного ребенка с участием его в буллинге. Данный факт объясняется их незаинтересованностью в жизненном взаимодействии ребенка. В результате подобного отношения появляется повышенный риск воздействия на ребенка буллингом, как через жертвенность, так и через агрессию.

Ключевым фактором влияния на виктимизацию следует считать внутрисемейные отношения между сиблингами. Это означает, что повышение эмпатии и схожести интересов и увлечений в семье увеличивает фактор положительного чувства уверенности в себе у ребенка, а также качественно влияет на взаимодействие со сверстниками. Результатом данной корреляции становится снижение риска виктимизации.

Одним из основных факторов виктимности ребенка подросткового возраста в проявлении буллинга следует считать семейный стиль воспитания и характер семейного насилия. Формируется взаимосвязь жестокого обращения к подростку и его дальнейшим состоянием в образе жертвы в школьной травле. Вместе с тем, высок риск того, что ребенок будет проецировать семейное отношения на младших или более слабых сиблингов, действуя в образе агрессора.

Подвергаясь психологическому или физическому насилию в семье, дети бессознательно провоцируют сверстников на подобное отношение. Проводимое исследование зафиксировало взаимосвязь виктимного поведения ребенка подросткового возраста с насильственным поведением родителей.

Результатом проявления вышесказанного становится разработка комплексной программы по взаимодействию с семьей и школьным коллективом в целом с участием детей-жертв, агрессоров, наблюдателей, а также их родителей.

Литература:

1. Адлер А. Понять природу человека. – СПб., 1997.
2. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведния подростков : дис. … канд. псих. наук: 19.00.01; Новосиб. гос. экон. ун-т. – Новосибирск. – 2005. – 213 с.
3. Гришина Т.Г., Нестерова А.А. Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2018. – № 3. – С. 97–114. – DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114
4. Кравцова М.М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой (психолог в школе). – М. : Генезис, 2005. – С. 24–27.
5. Нестерова А.А. Психологические особенности детей, склонных к виктимности в ситуации школьной травли : Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности / сборник научных статей V Международной научно-практической конференции; под ред. Р.В. Кадырова. – Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2015. − С. 277–285.
6. Ривман Д.В. Виктимология / Д.В. Ривман, В.С. Устинов. – СПб., 2000. – 280 с.
7. Седых А. Психологические основания профессиональной подготовки педагогов с виктимными детьми // Развитие личности. – 2005. – № 3. – С. 149–153.
8. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления н проблемы советской виктимологии. – Душанбе, 1977. – 309 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ : Лекции. – М., 1989.
10. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.
11. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза // Психоанализ и культура. – М., 1995.
12. Baron L., Straus M.A., Jaffee D. Legitimate violence, violent attitudes, and rape: A test of the cultural spillover theory. Ann. NY Acad. Sci. 1988, 528, 79.
13. Brown B.B., Bakken J.P., Ameringer S.W., Mahon S.D. A comprehensive conceptualization of the peer influence process in adolescence. In Understanding Peer Influence in Children and Adolescents; Guilford Press : New York, NY, USA, 2008; pp. 17–44.
14. Casey E.A., Lindhorst T.P. Toward a multi-level, ecological approach to the primary prevention of sexual assault: Prevention in peer and community contexts. Trauma Violence Abuse 2009,10, 91–114.
15. Chan K.L. Victimization and poly-victimization among school-aged Chinese adolescents: Prevalence and associations with health. Prev. Med. 2013, 56, 207–210.
16. Chan H.C. (Oliver), Wong D.S.W. Traditional school bullying and cyberbullying in Chinese societies: Prevalence and a review of the whole-school intervention approach. Aggress. Violent Behav. 2015, 23, P. 98–108.
17. Duncan R.D., Saunders B.E., Kilpatrick D.G., Hanson R.F., Resnick H.S. Childhood physical assault as a risk factor for PTSD, depression, and substance abuse: Findings from a national survey. Am. J. Orthopsychiatry 1996, 66, 437–448.
18. Jouriles E.N., McDonald R. Intimate Partner violence, coercive control, and child adjustment problems. J. Interpers. Violence 2014, 30, 459–474.
19. Han Z., Zhang G., Zhang H. School bullying in urban China: Prevalence and correlation with school climate. Int. J. Environ. Res. Public Health 2017, 14, 1116.
20. Hawker D.S., Boulton M.J. Twenty years' research on peer victimization and psychosocial maladjustment: A meta-analytic review of cross-sectional studies. J. Child Psychol. Psychiatry 2000, 41, 441–455.
21. Hong J.S., Kim D.H., Piquero A.R. Assessing the links between punitive parenting, peer deviance, social isolation and bullying perpetration and victimization in South Korean adolescents. Child Abuse Negl. 2017, P. 63–70.

22. Krug E.G., Mercy J.A., Dahlberg L.L., Zwi A.B. The world report on violence and health. The Lancet 2002, 360,1083–1088.
23. Lewis D.O. From abuse to violence: Psychophysiological consequences of maltreatment. J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry 1992, 31, 383–391.
24. Macmillan R. Violence and the life course: The consequences of victimization for personal and social development. Annu. Rev. Sociol. 2001, 27, P. 1–22.
25. Makin-Byrd K., Bierman K.L. Conduct problems prevention research group individual and family predictors of the perpetration of dating violence and victimization in late adolescence. J. Youth Adolesc. 2013, 42, 536–550.
26. Morris A.M., Mrug S., Windle M. From family violence to dating violence: Testing a dual pathway model. J. Youth Adolesc. 2015, 44,1819–1835.
27. Narayan A.J., Labella M.H., Englund M.M., Carlson E.A., Egeland B. The legacy of early childhood violence exposure to adulthood intimate partner violence: Variable and person-oriented evidence. J. Fam. Psychol. 2017, 31, 833–843.
28. Pontzer D. (2010). A theoretical test of bullying behavior: Parenting, personality, and bully / victim relationship // Journal of Family Violence. Vol. 25. P. 259–273.
29. Renner L.M., Boel-Studt S. Physical family violence and externalizing and internalizing behaviors among children and adolescents. Am. J. Orthopsychiatry 2017, 87, P. 474–486.
30. Renner L.M., Boel-Studt S. The relation between intimate partner violence, parenting stress, and child behavior problems. J. Fam. Violence 2013, 28, 201–212.
31. Sampson R.J., Laub J.H. Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940–1965. Am. Sociol. Rev. 1996, 61, 347–367.
32. Sampson R.J., Laub J.H. Crime in the Making: Pathways and Turning Points through Life; Harvard University Press: Cambridge, MA, USA, 1995.
33. Steinberg L., Monahan K.C. Age differences in resistance to peer influence. Dev. Psychol. 2007, 43, P. 1531–1543.
34. Weiss J.W., Cen S., Schuster D.V., Unger J.B., Johnson C.A., Mouttapa M., Schreiner W.S., Cruz T.B. Longitudinal effects of pro-tobacco and anti-tobacco messages on adolescent smoking susceptibility. Nicotine Tob. Res. 2006, 8, P. 455-465.

Literature:

1. Adler A. To understand human nature. – St. Petersburg, 1997.
2. Andronnikova O.O. Psychological Factors of the Occurrence of the Victim Behavior of Subage Adolescents : Dis. ... Cand. psych. science: 19.00.01. Novosibirsk State Econ. ul-t. – Novosibirsk. – 2005. – 213 p.
3. Grishina T.G., Nesterova A.A. Predictors of school bullying of young teenage children by peers // Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences. – 2018. – № 3. – P. 97–114. – DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114.
4. Kravtsova M.M. rogue children. Psychological work with the problem (psychologist at school). – M. : Genesis, 2005. – P. 24–27.
5. Nesterova A.A. Psychological features of children prone to victimhood in the situation of school bullying : Psychological safety of the personality in extreme conditions and crisis situations of life / collection of scientific articles V International Scientific Conference; edited by R.V. Kadyrov. – Vladivostok : Marine State University, 2015. − P. 277–285.
6. Rivman D.V. Victimology / D.V. Rivman, V.S. Ustinov. – St. Petersburg, 2000. – 280 p.
7. Sedykh A. Psychological bases of professional training of teachers with victim children // Development of personality. – 2005. – № 3. – P. 149–153.
8. Frank L.V. Victims of crime n problems of Soviet victimology. – Dushanbe, 1977. – 309 p.
9. Freud Z. Introduction to psychoanalysis : Lectures. – M., 1989.
10. Furmanov I.A. Aggression and violence: diagnostics, prevention and correction. – St. Petersburg. V.A. Furmanov: Speech, 2007. – 480 p.
11. Horney K. Our internal conflicts. Constructive theory of neurosis // Psychoanalysis and culture. – M., 1995.
12. Baron L., Straus M.A., Jaffee D. Legitimate violence, violent attitudes, and rape: A test of the cultural spillover theory. Ann. NY Acad. Sci. 1988, 528, 79.
13. Brown B.B., Bakken J.P., Ameringer S.W., Mahon S.D. A comprehensive conceptualization of the peer influence process in adolescence. In Understanding Peer Influence in Children and Adolescents; Guilford Press : New York, NY, USA, 2008; pp. 17–44.
14. Casey E.A., Lindhorst T.P. Toward a multi-level, ecological approach to the primary prevention of sexual assault: Prevention in peer and community contexts. Trauma Violence Abuse 2009,10, 91–114.

15. Chan K.L. Victimization and poly-victimization among school-aged Chinese adolescents: Prevalence and associations with health. Prev. Med. 2013, 56, 207–210.
16. Chan H.C. (Oliver), Wong D.S.W. Traditional school bullying and cyberbullying in Chinese societies: Prevalence and a review of the whole-school intervention approach. Aggress. Violent Behav. 2015, 23, P. 98–108.
17. Duncan R.D., Saunders B.E., Kilpatrick D.G., Hanson R.F., Resnick H.S. Childhood physical assault as a risk factor for PTSD, depression, and substance abuse: Findings from a national survey. Am. J. Orthopsychiatry 1996, 66, 437–448.
18. Jouriles E.N., McDonald R. Intimate Partner violence, coercive control, and child adjustment problems. J. Interpers. Violence 2014, 30, 459–474.
19. Han Z., Zhang G., Zhang H. School bullying in urban China: Prevalence and correlation with school climate. Int. J. Environ. Res. Public Health 2017, 14, 1116.
20. Hawker D.S., Boulton M.J. Twenty years' research on peer victimization and psychosocial maladjustment: A meta-analytic review of cross-sectional studies. J. Child Psychol. Psychiatry 2000, 41, 441–455.
21. Hong J.S., Kim D.H., Piquero A.R. Assessing the links between punitive parenting, peer deviance, social isolation and bullying perpetration and victimization in South Korean adolescents. Child Abuse Negl. 2017, P. 63–70.
22. Krug E.G., Mercy J.A., Dahlberg L.L., Zwi A.B. The world report on violence and health. The Lancet 2002, 360,1083–1088.
23. Lewis D.O. From abuse to violence: Psychophysiological consequences of maltreatment. J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry 1992, 31, 383–391.
24. Macmillan R. Violence and the life course: The consequences of victimization for personal and social development. Annu. Rev. Sociol. 2001, 27, P. 1–22.
25. Makin-Byrd K., Bierman K.L. Conduct problems prevention research group individual and family predictors of the perpetration of dating violence and victimization in late adolescence. J. Youth Adolesc. 2013, 42, 536–550.
26. Morris A.M., Mrug S., Windle M. From family violence to dating violence: Testing a dual pathway model. J. Youth Adolesc. 2015, 44,1819–1835.
27. Narayan A.J., Labella M.H., Englund M.M., Carlson E.A., Egeland B. The legacy of early childhood violence exposure to adulthood intimate partner violence: Variable and person-oriented evidence. J. Fam. Psychol. 2017, 31, 833–843.
28. Pontzer D. (2010). A theoretical test of bullying behavior: Parenting, personality, and bully / victim relationship // Journal of Family Violence. Vol. 25. P. 259–273.
29. Renner L.M., Boel-Studt S. Physical family violence and externalizing and internalizing behaviors among children and adolescents. Am. J. Orthopsychiatry 2017, 87, P. 474–486.
30. Renner L.M., Boel-Studt S. The relation between intimate partner violence, parenting stress, and child behavior problems. J. Fam. Violence 2013, 28, 201–212.
31. Sampson R.J., Laub J.H. Socioeconomic achievement in the life course of disadvantaged men: Military service as a turning point, circa 1940–1965. Am. Sociol. Rev. 1996, 61, 347–367.
32. Sampson R.J., Laub J.H. Crime in the Making: Pathways and Turning Points through Life; Harvard University Press: Cambridge, MA, USA, 1995.
33. Steinberg L., Monahan K.C. Age differences in resistance to peer influence. Dev. Psychol. 2007, 43, P. 1531–1543.
34. Weiss J.W., Cen S., Schuster D.V., Unger J.B., Johnson C.A., Mouttapa M., Schreiner W.S., Cruz T.B. Longitudinal effects of pro-tobacco and anti-tobacco messages on adolescent smoking susceptibility. Nicotine Tob. Res. 2006, 8, P. 455–465.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОТИПА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОСТИ

●●●●●●

FEATURES OF THE SOCIOTYPE OF A CREATIVE PERSON IN YOUTH

Динов Евгений Николаевич
кандидат медицинских наук,
заведующий кафедрой
прикладной психологии и психотерапии,
Институт повышения квалификации
и переподготовки кадров Российского
университета дружбы народов
milena.555@mail.ru

Evgeny N. Dinov
Candidate of Medical Sciences,
Head of the Department
of Applied Psychology and Psychotherapy,
Institute for Advanced Studies
and Retraining of Personnel of the Peoples'
Friendship University of Russia
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ особенностей творческой личности; определены составляющие ее структуры; осуществлено эмпирическое исследование отличительных черт социотипа творческой личности в юности; подтверждено, что особенности социотипа творческой личности в юности находятся в зависимости от представленности следующих индивидуально-психологических свойств: высокий уровень составляющих личностной креативности, а также способность находиться в детском эго-состоянии.

Ключевые слова: творчество, творческая личность, творческие способности, социотип, интуитивно-логический социотип, личностная креативность, эго-состояние, корреляция.

Annotation. The article provides a theoretical analysis of the characteristics of a creative person; its constituent structures are identified; an empirical study of the distinctive features of the sociotype of a creative person in youth was carried out; it has been confirmed that the characteristics of the sociotype of a creative person in youth depend on the representation of the following individual psychological properties: a high level of components of personal creativity, as well as the ability to be in a child's ego state.

Keywords: creativity, creative personality, creative abilities, sociotype, intuitive-logical sociotype, personal creativity, ego state, correlation.

Введение

Современный мир трудно представить без продуктов человеческого творчества — изобретений, открытий, литературы, искусства, технических и информационных средств, моральных норм. Творческие личности — движущая сила современного мира, поскольку они способны к успешному выполнению творческой деятельности, свободны от шаблонов и ярлыков, имеют собственный уникальный жизненный стиль и мировоззрение.

На современном этапе развития научного знания психологи решают задачи по созданию самых позитивных предпосылок развития творческой личности в любых сферах жизни. Именно поэтому исследование особенностей развития составляющих структуры психосоциального типа творческой личности способствует ее саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации.

Проблема развития творческой личности изучалась и остается в кругу научных интересов известных отечественных психологов (В.М. Дружинин, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская). Среди западных психологов весомый вклад в понимание творческой природы личности сделали выдающиеся ученые: З. Фрейд, К. Юнг, Е. Фромм, Д. Дьюи, р. Стернберг, Дж. Гилфорд и др.

Цель исследования: анализ психологических особенностей социотипа творческой личности в юности.

Теоретический анализ творческой личности

Понимание творческой, одаренной, креативной личности в психологических концепциях вытекает из определения категории «творчество». Так, ведущий отечественный ученый Я.А. Пономарев под творчеством понимает процесс создания чего-то нового для определенного субъекта. В творчестве, считает ученый, основными являются оригинальность, новизна в деятельности, отличие от созданного ранее, уже известного. Творчество, указывает ученый, присущее каждому человеку. Творческий человек рассматривается им как выражающая высшую степень

развития, подготовленности к конкретным видам деятельности и к жизни в целом, к изменению стилей поведения, к поиску выходов из кризисных ситуаций, к наиболее конструктивному рациональному принятию решений в сложных и экстремальных условиях. Он выделяет, особенно важные составляющие системы творчества — процесс, продукты, стимулы, творческую личность, творческую одаренность [1].

По мнению Х.Э Штейнбаха, основными характеристиками творческой личности являются: стремление к оригинальному, новому, высокий уровень знаний и умений анализа явлений и их сравнения [2].

Вместе с тем, ряд ученых придерживаются точки зрения, согласно которой творческие люди имеют проблемы с психическим здоровьем. Так, Н.Н. Николаенко приводит данные, свидетельствующие о высокой корреляции между талантливостью и склонностью к депрессиям, психическим заболеваниям [3].

В.Н. Дружинин признает, что многочисленные исследования выявили взаимосвязь креативности с нейротизмом. Он объясняет это таким образом, что творческий процесс у гениальной личности в большей степени протекает на активности бессознательного, в связи с чем, выходит из-под рационального контроля, что может проявляться в виде перепадов настроения. Ученый также утверждает, что креативные личности должны быть подвержены психофизиологическому истощению во время творческой активности, так как творческая мотивация работает по принципу положительной обратной связи, а рациональный контроль эмоционального состояния ослаблен [4].

Изучение индивидуально-психологических особенностей творческой личности включает исследование специфики протекания психических процессов, характерологические особенности, структуру и уровень способностей, направленность и ценностно-смысловые ориентации личности, ее проявления на уровне поведения, общения и пр. [5].

Современные исследователи не дают прямого определения творческой личности, а рассматривают специфические ее особенности (интеллектуальные, характерологические, особенности мотивационной сферы) и определяют творческую личность как такую, которой эти качества в той или иной степени присущи. При этом, к общей характеристике творческой личности относят: креативность, наличие высокого уровня творческих способностей, дивергентного мышления, познавательной мотивации [6].

В качестве рабочего выбираем следующее определение творческой личности как креативной личности, которая вследствие влияния внешних факторов приобрела необходимые для актуализации творческого потенциала человека дополнительные мотивы, личностные образования, способности, способствующие достижению творческих результатов в одном или нескольких видах творческой деятельности.

Гипотеза исследования: особенности социотипа творческой личности в юности находятся в зависимости от таких индивидуально-психологических свойств, как высокая личностная креативность, а также способность личности находиться в детском эго-состоянии.

Методика и организация исследования

С целью выявления свойств творческой личности, которые одновременно характеризуют соответствующий социотип, нами было проведено эмпирическое исследование.

Для достижения цели и решения поставленных задач исследования использован комплекс психодиагностических методик:

— методика определения общих творческих способностей (Г. Дэвис);
— цифровой тест «Социотип» Мегедь-Овчарова;
— тест «трансактный анализ» Эрика Берна (ребенок, взрослый, родитель);
— методика «Диагностика личностной креативности» (Е.Е. Туник).

В общую экспериментальную выборку вошли 47 респондентов юношеского возраста (от 16–17 до 18–19 лет).

Результаты эмпирического исследования

На пилотажном этапе исследования с целью выявления уровня развития общих творческих способностей респондентов была проведена методика определения общих творческих способностей. По результатам диагностики определена группа респондентов в количестве 20 человек, у которых можно было предположить наличие творческих способностей; они составили экспериментальную группу.

С целью определения социотипа творческой личности, использовался цифровой тест «Социотип» Мегедь-Овчарова, получены следующие результаты: 40 % — Новаторы (интуитивно-логический экстраверт), 20 % — Лирики (интуитивно-логический интроверт) 15 % — Экспериментаторы (логико-интуитивный экстраверт), 10 % — Коммуникаторы (этико-сенсорный экстраверт), 10 % — Гуманисты (этико-интуитивный интроверт), 5 % — Вдохновители (интуитивно-этический интроверт).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в экспериментальную группу вошли респонденты с преимущественно интуитивно-логическим социотипом, который характеризуется способностью собирать информацию произвольным образом, видя в ней смысл и находя взаимосвязь с различными явлениями, доверяя интуиции; у них также свойственное хорошо развитое воображение и любознательность, что характерно для творческих личностей (75 %) (см. табл. 1).

Таблица 1 – Результаты исследования определения социотипа

№	Социотип	% от выборки
1	интуитивно-логический	75 %
2	интуитивно-этический	15 %
3	сенсорно-этический	10 %
4	сенсорно-логический	0 %

По данным методики «Диагностика личностной креативности» Е.Е Туник, выявлены высокие результаты, как по общей сумме баллов (60–70), так и по шкалам свойств творческой личности: склонность к риску (15–17), любознательность (16–22), сложность (14–20), воображение (15–20). По результатам диагностики выяснено, что респондентам присущи свойства, которые характеризуют творческую личность: склонность к риску, умение фантазировать, использовать что-то новое, а не только пользоваться уже существующим и проверенным. Любознательность и сложность особенно важны в процессе творчества, поскольку они мотивируют и побуждают личность к познанию нового и к поиску и решению проблем. Воображение — это основной механизм творчества, ведь для того, чтобы что-то создать, сначала нужно продумать будущий продукт творческой деятельности, увидеть его мысленно. Таким образом, сделан предварительный вывод о существовании связи между высоким уровнем развития личностной креативности и определенным социотипом творческой личности.

По результатам теста «Трансактный анализ» Эрика Берна (ребенок, взрослый, родитель), у респондентов выявлены высокие результаты (38–60) эго-состояния ребенка. Полученные данные подтверждают наше предположение, что творческие личности — оригинальные, спонтанно реагируют и эмоционально относятся к событиям, которые происходят в жизни, неординарно и косвенно воспринимают окружающий мир и часто выходят за его созданные рамки, то есть следуют жизненному принципу чувств, что присуще Эго-состояния ребенка.

Таким образом, количественный анализ результатов эмпирического исследования, подтверждает наше предположение о наличии зависимости развития социотипа творческой личности, с одной стороны, и высокого уровня развития общих творческих способностей, личностной креативности и ее составляющих, доминирования эго-состояния ребенка.

С целью выявления корреляционных связей между высоким уровнем развития общих творческих способностей и личностной креативностью и ее составляющими и эго-состоянием ребенка творческих личностей проведен статистический анализ по критерию Пирсона.

Согласно критического коэффициента корреляции Пирсона, на уровне значимости $p < 0,05$, выявлена корреляционная связь между творческими способностями и сложностью как составляющей личностной креативности (0,4623). Следующая корреляционная связь выявлена между высоким уровнем творческих способностей и эго-состоянием ребенка (0,4158), что подтверждает мнение о необходимости развития способности в процессе творческой деятельности находиться в эго-состоянии ребенка, с целью развития умения в обычных вещах видеть необычное, что является скрытой сущностью процесса творчества.

На уровне значимости $p < 0,01$ установлены корреляционные связи:

— между высоким уровнем творческих способностей и креативным типом мышления (0,506), что подтверждает значимость наличия способности нешаблонного мышления в структуре социотипа творческой личности;

— между творческими способностями и любознательностью (0,5654), поскольку для творческой деятельности важно владеть большим количеством информации, то есть, нужен высокий уровень познания, к которому как раз и мотивирует любознательность;

— между высоким уровнем творческих способностей и воображением (0,5856), так как для создания чего-то нового, сначала нужно это увидеть, продумать в мыслях, найти соответствующие творческим заданием стратегии творческой деятельности.

На уровне значимости $p < 0,001$, обнаружена связь между высоким уровнем развития творческих способностей и личностной креативностью (0,6838). Таким образом, доказано наличие корреляции между развитием личностной креативности и общих творческих способностей в структуре социотипа творческой личности.

Не установлено связи между высоким уровнем развития творческих способностей и эго-состоянием родителя, и, несмотря на это, нужно отметить, что значение корреляции является минусовым, то есть, отрицательным, это свидетельствует о том, что увеличение одной переменной приводит к уменьшению другого, а именно — доминирующее эго-состояние родителя, приводит к уменьшению уровня развития творческих способностей. Как известно, в эго-состоянии родителя все идет по правилам, то не удивительно, что в таком случае нет возможности для проявлений творчества.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования и установленные корреляционные связи подтверждают выдвинутое нами предположение, что особенности социотипа творческой личности в юности находятся в зависимости от таких индивидуально-психологических свойств, как высокая личностная креативность, а также способность личности находиться в детском эго-состоянии.

Литература:

1. Пономарев Я.А. Психология творчества. – М.; Воронеж : Модэк, 1999. – 480 с.
2. Штейнбах Х.Э. Психология творчества : учебное пособие. – СПб. : ПГУПС, 2011. – 211 с.
3. Николаенко Н.Н. Психология творчества : учебное пособие. – М. : Речь, 2007. – 208 с.
4. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 368 с.
5. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М., 2002. – 456 с.
6. Галактионов И.В. Психологические особенности творческой личности (гл. 3) : Личность как субъект жизнедеятельности : коллективная монография / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2016. – С. 76–128.

Literature:

1. Ponomarev Y.A. Psychology of creativity. – M.; Voronezh : Modek, 1999. – 480 p.
2. Steinbach, H. E. Psychology of creativity : a training manual. – SPb. : PGUPS, 2011. – 211 p.
3. Nikolaenko N.N. Psychology of creativity : a training manual. – M. : Speech, 2007. – 208 p.
4. Druzhinin V.N. Psychology of general abilities. – St. Petersburg : Peter Kom, 1999. – 368 p.
5. Epiphany D.B. Psychology of creativity. – M., 2002. – 456 p.
6. Galaktionov I.V. Psychological features of a creative personality (Ch. 3) : Personality as a subject of life : a collective monograph / ed. E.N. Weaver. – Khabarovsk : Publishing house of Togu, 2016. – P. 76–128.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОФЕССИЙ «ЧЕЛОВЕК-ЧЕЛОВЕК» ПО СРАВНЕНИЮ СО СПЕЦИАЛИСТАМИ ДРУГИХ ТИПОВ ПРОФЕССИЙ

●●●●●●

FEATURES OF PROFESSIONAL QUALITIES OF SPECIALISTS IN HUMAN-HUMAN PROFESSIONS IN COMPARISON WITH SPECIALISTS OF OTHER TYPES OF PROFESSIONS

Динов Евгений Николаевич
кандидат медицинских наук,
заведующий кафедрой
прикладной психологии и психотерапии,
Институт повышения квалификации
и переподготовки кадров Российского
университета дружбы народов
milena.555@mail.ru

Evgeny N. Dinov
Candidate of Medical Sciences,
Head of the Department
of Applied Psychology and Psychotherapy
of the Institute for Advanced Studies
and Retraining of Personnel of the Peoples'
Friendship University of Russia
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на определение особенностей профессиональной направленности, компетентности и профессионально важных качеств (ПВК) специалистов профессий «человек-человек» в сравнении со специалистами профессий других типов. Представленные результаты могут быть использованы в целях повышения эффективности профессиональной подготовки и деятельности специалистов данного профиля.

Ключевые слова: тип профессии, профессионально-важные качества (ПВК), профессиональная направленность, самоэффективность, профессиональное выгорание, удовлетворенность трудом.

Annotation. The article presents the results of an empirical study aimed at determining the characteristics of the professional orientation, competence and professionally important qualities (PAC) of specialists in human-human professions in comparison with specialists of other professions. The presented results can be used to increase the effectiveness of professional training and activities of specialists in this field.

Keywords: type of profession, professionally important qualities (PAC), professional orientation, self-efficacy, professional burnout, job satisfaction.

Введение

Постоянное повышение значимости типа профессий «человек-человек», которое является характерным для развития современного общества, обусловлено, помимо их чрезвычайно важной общественной значимости, еще и тем, что они естественным образом тесно интегрированы в профессии всех других типов. Так, например, режиссер, актер (творческие профессии), мастер, начальник цеха («человек-техника»), работник экологической службы («человек-природа»), главный бухгалтер, директор издательства («человек-знак») и др., кроме своего основного типа профессий также относятся еще и к типу профессии «человек-человек».

В настоящее время важной научной задачей является осуществление психологического обеспечения всех этапов становления специалистов профессий типа «человек-человек». Подобное обеспечение предусматривает постоянное повышение профессиональной квалификации и эффективности специалистов данного типа при условии их непрерывного личного развития. Основываться оно должно на научно достоверных результатах исследований, характеризующих психологические особенности деятельности и профессионального становления специалистов.

Цель исследования

Цель статьи — анализ результатов эмпирического исследования, направленного на определение особенностей профессиональной направленности, компетентности и ПВК специалистов профессий «человек-человек» в сравнении со специалистами профессий других типов.

Методика исследования

В исследовании приняли участие студенты и специалисты, из них:

1) 46 студентов; из них 25 осваивают типичные профессии «человек-человек», связаны с работой с людьми, а 21 — профессии других типов;

2) 52 специалиста (46 профессий «человек-человек», 6 — профессий других типов).

В ходе исследований использовались пять психодиагностических методик:

1) дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова [1, с. 152–154];

2) методика выявления «коммуникативных и организационных способностей» (КОС-2) [2, с. 263–265];

3) шкала самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема [3, с. 37–38];

4) модификация опросника на профессиональное выгорание и деформацию — MBI [4, с. 360–362];

5) методика изучения интегральной удовлетворенности трудом (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) [5, с. 63–65].

Сравнение полученных в нашем исследовании показателей профессиональной направленности, компетентности и ПВК будущих специалистов профессий «человек-человек» с показателями будущих специалистов профессий других типов позволило получить, на наш взгляд, достаточно интересные результаты.

Так, все три показателя профессиональной направленности (оценка студентами собственного желания иметь профессию, собирается по ней работать и заинтересованности в учебе) и один показатель компетентности будущих специалистов профессий «человек-человек» значительно и на достоверном уровне ($p < 0,05 – 0,001$) превышают аналогичные показатели будущих специалистов профессий других типов (табл. 1). Возможно, это обусловлено такими факторами как: интересна профессиональная подготовка при освоении профессий «человек-человек», более осознанный их выбор, потенциально больший уровень заработка, который они могут давать, наличие психологических различий у лиц, которые выбрали профессии данного типа, по сравнению с лицами, которые выбрали профессии других типов и др. Но относительно степени влияния каждого из этих факторов на полученный результат могут дать ответ только дальнейшие углубленные исследования.

Таблица 1 – Сравнение показателей профессиональной направленности и компетентности будущих специалистов профессий «человек-человек» с показателями будущих специалистов профессий других типов

№	Показатели	Тип профессий	n	M	σ	p<
1	Желание иметь данную профессию	человек-человек	490	2,63	0,96	0,001
		прочие	411	2,31	0,95	
2	Заинтересованность в обучении	человек-человек	490	3,37	1,01	0,001
		прочие	411	3,14	1,06	
3	Намерение работать по профессии	человек-человек	490	3,91	1,03	0,05
		прочие	411	3,75	1,07	
4	Знание условий и особенностей профессии	человек-человек	490	3,13	0,89	0,01
		прочие	411	2,97	0,89	
5	Уровень профессиональных знаний и умений	человек-человек	490	2,89	0,86	–
		прочие	411	2,85	0,88	
6	Готовность к самостоятельному труду	человек-человек	490	2,99	0,97	–
		прочие	411	2,93	1,04	

Интересными и закономерными, на наш взгляд, являются полученные различия в показателях по дифференциально-диагностическому опроснику Е.А. Климова у будущих специалистов профессий «человек-человек» и профессий других типов (табл. 2). Так, будущие специалисты профессий «человек-человек» существенно ($p < 0,001$) превышают по уровню склонности специалистов профессий других типов не только по типу «человек-человек», но и по типу «человек-природа». При этом выраженность у них среднего показателя по типу «человек-человек» значительно превышает показатели по другим типам. Показатели по типу «человек-художественный образ» у этих двух групп испытуемых практически не отличаются. А будущие специалисты

профессий других типов достоверно (p < 0,001) превышают по уровню склонности специалистов профессий типа «человек – человек» по показателям типов «человек-техника» и «человек-знак».

Таблица 2 – Отличия показателей дифференциально-диагностического опросника у будущих специалистов профессий «человек-человек» и профессий других типов

№	Показатели типа профессии	Тип профессий	n	M	σ	p<
1	«Человек-природа»	человек-человек	490	3,03	1,85	0,001
		прочие	411	2,56	1,88	
2	«Человек-техника»	человек-человек	490	3,13	1,74	0,001
		прочие	411	3,58	1,77	
3	«Человек-человек»	человек-человек	490	5,48	1,65	0,001
		прочие	411	4,75	1,68	
4	«Человек-знак»	человек-человек	490	3,56	1,87	0,001
		прочие	411	4,15	1,88	
5	«Человек-художественный образ»	человек-человек	490	4,81	1,97	–
		прочие	411	4,96	2,02	

Также, по нашему мнению, естественным является то, что будущие специалисты профессий «человек-человек» имеют существенно более высокие (p < 0,01 – 0,001) диагностические показатели таких ПВК для этого типа профессий как коммуникативные и организационные способности (КОС) (табл. 3). А учебная самоэффективность, при этом, в наших двух сравниваемых выборках почти не отличается.

Таблица 3 – Различия показателей учебной самоэффективности, КОС у будущих специалистов профессий «человек-человек» и профессий других типов

№	Показатели	Тип профессий	n	M	σ	p<
1	Учебная самоэффективность	человек-человек	490	31,04	4,57	–
		прочие	411	30,64	4,62	
2	Коммуникативные способности	человек-человек	490	11,50	4,80	0,001
		прочие	411	10,08	5,08	
3	Организационные способности	человек-человек	490	13,25	3,48	0,01
		прочие	411	12,50	3,91	

Как и в случае со студентами, при сравнении показателей профессиональной направленности, компетентности и ПВК специалистов профессий «человек-человек» с показателями специалистов профессий других типов были получены довольно интересные и показательные результаты. Сначала рассмотрим результаты сравнения показателей профессиональной направленности и компетентности исследуемых специалистов (табл. 4).

Таблица 4 – Сравнение показателей профессиональной направленности и компетентности специалистов профессий «человек-человек» с показателями специалистов профессий других типов

№	Показатели	Тип профессий	M	σ	p<
1	Уровень профессиональной самоэффективности	человек-человек	31,08	4,77	–
		прочие	30,10	5,49	
2	Степень удовлетворенности своей профессией и работой	человек-человек	3,98	6,39	0,001
		прочие	1,01	8,11	

Примечания: показатель № 1 получен по Шкале самоэффективности Г. Шварцера и М. Ерусалема, № 2 – по методике изучения интегральной удовлетворенности трудом.

Первое, что следует отметить, по уровню профессиональной компетентности (для профессий типа), выделенные нами выборки практически не отличаются — они имеют достаточно

близкие усредненные показатели уровня профессиональной самоэффективности. Это является полностью естественным и подтверждает адекватность выбора методического инструментария для исследования этой составляющей профессиональной направленности.

А вот по второму из показателей профессиональной направленности (удовлетворенность своей профессией), специалисты профессий «человек-человек» имеют достоверно более высокие показатели. И это — именно такие показатели профессиональной направленности, которые несут более профессионально-эмоциональную нагрузку. И не случайно, что именно они у представителей профессий типа «человек-человек» являются высшими.

Результаты сравнения показателей ПВК и факторов, которые влияют на успешность профессионального становления между выделенными выборками специалистов, приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Сравнение показателей ПВК и факторов, которые влияют на успешность профессионального становления специалистов профессий «человек-человек» с показателями специалистов профессий других типов

№	Показатели	Тип профессий	M	σ	p<
1	Коммуникативные способности	человек-человек	11,44	4,70	0,001
		прочие	9,21	5,17	
2	Организационные способности	человек-человек	13,34	3,69	0,001
		прочие	10,94	3,96	
3	Эмоциональное истощение	человек-человек	24,68	10,43	0,001
		прочие	28,42	10,64	
4	Деперсонализация	человек-человек	11,91	5,82	0,05
		прочие	13,51	5,89	
5	Редукция личных достижений	человек-человек	15,63	8,03	0,001
		прочие	21,22	9,24	
6	Суммарное значение профессионального выгорания	человек-человек	52,22	19,88	0,001
		прочие	63,15	20,63	

Примечания: показатели № 1–2 получены по методике КОС-2,
№ 3–6 – по опроснику на профессиональное выгорание (MBI).

Как и в случае со студентами, специалисты профессий «человек-человек» имеют существенно более высокие ($p < 0,001$) диагностические показатели таких ПВК для этого типа профессий как КОС. Но особенно следует отметить, что у представителей профессий типа «человек-человек» существенно ниже проявление всех четырех показателей опросника профессионального выгорания ($p < 0,05 – 0,001$). То есть, представители данного типа профессий меньше подвержены возникновению подобных распространенных негативных последствий профессиональной деятельности.

Выводы

Показатели профессиональной направленности будущих специалистов профессий «человек-человек» значительно превышают аналогичные показатели будущих специалистов профессий других типов. Они также значительно выше у специалистов профессий других типов личностной склонностью к профессиям типа «человек-человек». Последние, в свою очередь, значительно превышают по уровню склонности специалистов профессий «человек-человек» по показателям типов «человек-техника» и «человек-знак». Будущие специалисты профессий типа «человек-человек» имеют существенно более высокие диагностические показатели таких профессионально важных для этого типа профессий качеств как КОС.

По уровню профессиональной компетентности специалисты профессий «человек-человек» практически не отличаются от специалистов профессий других типов. А по показателю профессиональной направленности, которые имеют более профессионально-эмоциональную нагрузку (удовлетворенность своей профессией и работой), специалисты профессий «человек-человек» имеют достоверно более высокие показатели. Подобные различия можно рассматривать в качестве одной из наиболее характерных особенностей профессиональной направленности специалистов профессий «человек-человек» в сравнении со специалистами профессий других типов. Специалисты профессий «человек-человек» имеют существенно более высокие, чем у специалистов других типов профессий, показатели КОС. Также они значительно менее подвержены профессиональному выгоранию.

Литература:

1. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности. – СПб. : Питер, 2004. – 2-е изд. – 224 с.
2. Батаршев А.В. Психодиагностика в управлении : практическое руководство. – М. : Дело, 2005. – 496 с.
3. Краснорядцева О.М. [и др.]. Психологические практики диагностики и развития самоэффективности студенческой молодежи : учеб. пособие. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. – 274 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
5. Диагностика профессионального становления личности : учеб.-метод. пособие / сост. Я.С. Сунцова, О.В. Кожевникова. – Ижевск : Издательство «Удмуртский университет», 2012. – Ч. 3. – 144 с.

Literature:

1. Samoukina N.V. Psychology of professional activity. – St. Petersburg: Peter, 2004. – 2nd ed. – 224 p.
2. Batarshev A.V. Psychodiagnostics in management: a practical guide. – M. : Delo, 2005 . – 496 p.
3. Krasnoryadtseva O.M. [et al]. Psychological practices of diagnosis and development of self-efficacy of student youth : textbook. allowance. – Tomsk : TSU Publishing House, 2014. – 274 p.
4. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M. Socio-psychological diagnosis of the development of personality and small groups. – M., Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002. – 490 p.
5. Diagnostics of the professional formation of personality : textbook.-method. allowance / comp. Ya.S. Suntsova, O.V. Kozhevnikova. – Izhevsk : Publishing House «Udmurt University», 2012. – Part 3. – 144 p.

УДК 159

ОПРОСНИК «36 РОЛЕВЫХ СЮЖЕТОВ» В ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ ТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

●●●●●●

QUESTIONNAIRE «36 ROLE-PLAYING PLOTS» IN PSYCHOPHYSIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF INDIVIDUAL BEHAVIOR TYPES

Жукова Дарья Ильинична
психолог, соискатель кафедры медицинской психологии и психофизиологии, факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет
zhukova.daria.linda@gmail.com

Darya I. Zhukova
Psychologist, Candidate of scientific degree of the Department of medical psychology and psychophysiology, faculty of psychology, St. Petersburg state University
zhukova.daria.linda@gmail.com

Аннотация. Разрабатываемый опросник «36 ролевых сюжетов» – это возможность решить проблему устаревания методик. Новоизобретенный опросник разрабатывается в совершенно новом ключе. Акцент ставится не на отношение индивида к проблеме, а на его поведенческий акт. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного университета (студенты 3 курса факультета психологии).

Данные, полученные в исследовании, указывают на то, что существуют нормативные и ненормативные типы поведения. При планировании тестов желательно определять не отношение человека к проблеме, а череду его действий, потому что то или иное «отношение» приводит совсем к разным поступкам.

Ключевые слова: 36 сюжетов, ролевые сюжеты, нормативное поведение, рискованное поведение, картина мира, перфекционизм.

Annotation. The developed questionnaire «36 role-playing plots» is an opportunity to solve the problem of obsolescence of techniques. The newly invented questionnaire is being developed in a completely new way. The emphasis is not on the individual's attitude to the problem, but on his behavioral act. The study was conducted on the basis of St. Petersburg state University (3rd year students of the faculty of psychology).

The data obtained in the study indicate that there are normative and non-normative types of behavior. When planning tests, it is desirable to determine not the person's attitude to the problem, but the sequence of his actions, because this or that "attitude" leads to completely different actions.

Keywords: 36 plots, role-playing plots, normative behavior, risky behavior, world picture, perfectionism

Введение

Проблема диагностики психологических параметров человека приобретает все большую актуальность в связи с тем, что с каждым годом в России возрастает численность людей, страдающих различными видами расстройств психики. Ученые Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского приводят статистические подсчеты:

— на 13 % увеличилось количество инвалидов из-за расстройств психики;

— прогрессирует суицидальное поведение среди детей и подростков, например, попытку уйти из жизни совершал каждый двенадцатый, а каждый пятнадцатый ребенок имеет завершенный суицид.

Ученые считают, что основной причиной роста заболеваемости является то, что люди боятся обнаружить у себя наличие душевных проблем, а специалисты психологических служб, в свою очередь, не могут на ранних этапах диагностировать поведение, приводящее к болезни [1; 2; 3]. Инструментарий психологов чаще всего теряет свою информативность, поскольку арсенал диагностических процедур не всегда способен раскрыть картину заболевания, в связи с устареванием методов диагностики и быстрым техническим прогрессом. По данным Всемирной

организации здравоохранения значительная распространенность депрессии или невроза наблюдается в США, в процветающей стране, с хорошим экономическим положением, с хорошей защищенностью социальных жителей и Африка — где низкие показатели распространенности депрессии среди населения. Как получается такой эффект? Многие исследователи считают, что депрессия видоизменилась по сравнению с той, что описывали ранее психиатры [4; 5]. Всем известно, что в состоянии стресса человек вынужден вести себя по иному, не так как привык [6]. Эти тончайшие изменения в поведении можно проследить по его поступкам, определяя «болезнеопасные» и безопасные способы поведения [7]. Поэтому своевременная психофизиологическая диагностика, направленная на анализ поведения индивида, поможет наладить жизнь, а в некоторых случаях, возможно, и предотвратить трагедию.

Французский театровед Жоржа Польти изучил литературу библейских сюжетов, античных сюжетов и обнаружил, что, так или иначе, все поведение человека сводится к 36 сюжетам, которые были придуманы еще тысячу лет назад древними греками. Например, классическая поэма «Одиссея» древнегреческого поэта Гомера или персонаж древнегреческой мифологии Геракл. В наше время все голливудские фильмы с режиссированы в рамках 36 сюжетов, поэтому ничего нового в фильмах увидеть практически невозможно при той физиологии и психики человека, которая есть. А вот Эрик Берн сценарии всей жизни сводил к пяти. Свобода человека находится в рамках комбинаций этих сюжетов. Это говорит о том, что мы имеем дело с подобием в разных комбинациях жизненных сценариев 8-ми миллиардов людей.

Человек за всю свою жизнь может выбрать стратегию поведения в рамках этих сюжетов. Например, он выбирает сюжет 3 (месть, преследующая преступление), сюжет 7 (жертва), сюжет 10 (похищение), сюжет 16 (безумие): из них 30 % поступков находится в рамках третьего сюжета, 15 % поведенческого акта берутся из седьмого сюжета, 10 % из десятого сюжета, а оставшаяся часть из шестнадцатого сюжета. Данные сюжеты показывают пути достижения цели и цену, которую платит психика за тот или иной стиль поведения.

Взятое из литературы описание сюжетов было преобразовано нами в опросник «36 сюжетов». Испытуемому предлагается опросный лист, в котором перечисляются основные признаки поведения, соответствующие каждому сюжету. Каждый испытуемый оценивает в 10-бальной системе то, насколько его поведение соответствует тому или иному сюжету или его компоненте (элементу ситуации). Таким образом, испытуемый характеризовался 36 числами, каждое из которых соответствует степени выраженности у него черт поведения, типичного для каждого сюжета [8, 9, 10].

Реальное поведение человека определяется двумя факторами: генетическим влиянием и социальным влиянием. Если эти факторы уравновешены, то человек ведет себя «нормативно». Нормативное поведение — это образцовое и рациональное поведение в сложившихся условиях. Оно, одновременно, менее энергетически затратно. Строя свое поведение, человек реализует существующую у него «картину мира». Формирование «картины мира» — это восстановление равновесия между конституционными особенностями человека и его системой ценностей со свойствами (требованиями) окружающей среды. Если эти два фактора не уравновешены, то человек ведет себя «неадекватно» и рано или поздно он получит то или иное заболевания (нервное, психическое или соматическое). Болезнь в нашем случае — это следствие неадекватного поведения. Исходя из названной модели, подбирались и методики исследования: часть из них отражают генетические влияния (это главным образом психофизиологические методики), а часть определяет социальное влияние на поведение. Третья группа методик измеряет результат совместного влияния на поведении социальных и генетических факторов, которое, в случае нарушения баланса между ними, приводит к болезни.

Этапы создания теста. Можно назвать такие этапы его создания:

а) поиск исходной формы теста на основе литературных исследований;

б) формализация процедуры эксперимента с использованием 10-бальной шкалы;

в) подсчет коррелятов исходной формы теста с перечисленными ниже всевозможными психофизиологическими и психологическими показателями;

г) «вербализация обнаруженных корреляционных связей с представлением результатов в виде групп вопросов (9 вопросов на каждый сюжет);

д) проведение дополнительного исследования на новой группе испытуемых с целью корректировки вопросов;

е) проведение нового исследования на новых выборках с целью дальнейшего уточнения смысла вопросов.

ж) расчет психометрических показателей теста с целью формирования окончательного варианта теста, готового к применению другими исследователями.

Организация и методы исследования

Наше исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного университета (студенты 3 курса факультета психологии). В исследовании принимало участие 40 человек, в возрасте 19–20 лет. Для обработки полученных результатов использовались корреляционный и факторный анализ в программе «StatSoft STATISTICA 8».

Данная стадия создания теста имела целью получить корреляты каждого сюжета для того, чтобы потом перевести обнаруженные соотношения с языка чисел на язык слов.

1. *Опросник определения уровня невротизации и психопатизации* УНП. Изучает проявления невротических состояний.

2. *Опросник перфекционизма Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б.* Изучает 5 параметров перфекционизма.

3. *Тест включенных фигур Готтшальда*. Измеряет параметр полезависимоть – полезависимость (ПЗ-ПНЗ).

4. *Опросник* «36 *сюжетов*». Опросник содержит следующие сюжеты: 1. Мольба; 2. Спасение; 3. Месть, преследующая преступление; 4. Месть близкого человека за другого близкого человека или близких людей; 5. Преследуемый; 6. Внезапное бедствие; 7. Жертва; 8. Возмущение, бунт, мятеж; 9. Дерзкая попытка; 10. Похищение; 11. Загадка; 12. Достижение чего-нибудь; 13. Ненависть к близким; 14. Соперничество близких; 15. Адьюльтер, приводящий к убийству; 16. Безумие; 17. Роковая неосторожность; 18. Невольное преступление любви; 19. Невольное убийство близкого; 20. Самопожертвование во имя идеала; 21. Самопожертвование ради близких; 22. Пожертвовать всем — ради страсти; 23. Пожертвовать близкими человеком в силу необходимости, неизбежности. 24. Соперничество неравных; 25. Адюльтер; 26. Преступление любви; 27. Узнавание о бесчестии любимого или близкого; 28. Препятствие любви; 29. Любовь к врагу; 30. Честолюбие и властолюбие; 31. Богоборчество; 32. Неосознаваемая ревность, зависть; 33. Судебная ошибка; 34. Угрызения совести; 35. Потерянный и найденный; 36. Потеря близких [8; 9; 10].

5. *Опросник Плутчика — Келлермана — Конте* — (методика Индекс жизненного стиля (Life Style Index, LSI). Тест для диагностики механизмов психологической защиты.

6. *Калифорнийский психологический опросник* (CPI). Профиль личности строится по 18 шкалам, шкалы разделяются на 4 группы. Первая группа — шкалы доминирования. Вторая группа — шкалы зрелости и социализации личности. Третья группа — шкалы достижений. Четвертая группа — шкалы образа или стиля жизни.

7. *Психофизиологические методы исследования*: Определялись такие показатели: альфа-индекс в затылочном отведении ЭЭГ справа (отведение O_2 системы 10–20 %), альфа-индекс в затылочном отведении слева (отведение O_1), максимальная амплитуда альфа ритма в O_2 и O_1, длительность полупериода возрастания усредненной волны ЭЭГ, подсчитанная по методике А.А. Генкина $A_{т = 5}$ сек в отведениях O_2 и O_1, длительность полупериода убывания усредненной волны $B_{т = 5}$ сек в тех же отведениях O_2 и O_1, усредненная частота ЭЭГ, определенная по методике А.А. Генкина, в тех же затылочных отведениях $f_{лев}$ и $f_{прав}$, частота доминирующего ритма в тех же отведениях, определенная через построенную автокорреляционную функцию $\omega_{лев}$ и $\omega_{прав}$, дисперсия (R-R)-интервалов и средний (R-R)-интервал в ЭКГ, частота пульса ЧСС, верхнее и нижнее артериальное давление (СД и ДД), частота дыхания ЧД, объем дыхания ОД, жизненная емкость легких ЖЕЛ, пульсовое давление ПД (ПД = СД – ДД), среднее динамическое давление СДД, ударный выброс крови УО, минутный объем кровотока МОК, периферическое сопротивление кровотоку ПСК, вегетативный индекс Кердо ВИК, динамометрия правая и левая (сила кистей рук), тремор статический и динамический справа и слева,. Состав выбранных физиологических методик и полученных с их помощью показателей определялся таким образом, чтобы с их помощью выявлялась работа трех блоков мозга: вегетативного мозга, соматического мозга и так называемого «психического мозга», деятельность которого определяется конвекситальными отделами коры [11].

Результаты исследования

По результатам исследования с помощью названных методик был составлен список психологических психофизиологических коррелятов литературных сюжетов, характеризующие стиль поведения человека. Приводим для примера корреляты одного из сюжетов.

S13 *Ненависть к близким*

Замещение ($r = 0,44$; $P \leq 0,01$); чувство благополучия ($r = –0,43$; $P \leq 0,01$); ответственность ($r = –0,44$; $P \leq 0,01$); социализация ($r = –0,41$; $P \leq 0,01$); самоконтроль ($r = –0,41$; $P \leq 0,01$);

толерантность (r = –0,44; P ≤ 0,01); хорошее впечатление (r = –0,42; P ≤ 0,01); интеллектуальная эффективность(r = –0,35; P ≤ 0,05); невротизация(r = –0,34; P ≤ 0,05); психопатизация (r = 0,27; P ≤ 0,05); перфекционизм (r = 0,22; P ≤ 0,05); тремор динамический/левая рука (треморДинам Л) (r = –0,41; P ≤ 0,01); омега правое (омегаПр) (r = 0,31; P ≤ 0,05); время реакции/среднее (ВРМСр) (r = –0,33; P ≤ 0,05); поле правое/назальное (полеПрНаз) (r = –0,27; P ≤ 0,05); кожно-гальваническая реакция/фоновая/площадь (КГРФПл) (r = –0,28; P ≤ 0,05)

Чем больше ненавидит близкого, тем больше замещение, поскольку нет возможности совершить зло в той или иной форме из-за морально-нравственных ценностей. Здесь включается психологическая защита как замещение, в виде переноса реакции с недоступного объекта на доступный или замена неприемлемого действия приемлемым.

Как было показано, каждый сюжет имеет свой набор коррелятов. Из этого сделали вывод, что в основе каждого типа поведения лежит свой психофизиологический механизм.

Полученные результаты, неожиданно для нас, показали, что существуют успешные и неуспешные стратегии поведения [12; 13]. Одни из них, все-таки, приводят к болезни, а другие способствуют без лишних затрат достигать социально значимых целей. Также, есть и разные пути достижения схожих целей. В качестве примера приводим перечень сюжетов, которые демонстрируют *рискованное* поведение (S1 Мольба, S2 Месть, преследующая преступление, S4 Месть близкого человека за другого близкого человека или близких людей, S5 Преследуемый, S6 Внезапное бедствие), *нормативное* поведение (S9 Дерзкая попытка, S11 Загадка, S12 Достижение чего-нибудь, S18 Невольное преступление любви, S20 Самопожертвование во имя идеала) и *условно нормативное* поведение (S2 Спасение, S23 Пожертвовать близким человеком в силу необходимости и неизбежности, S33 Судебная ошибка, S35 Потерянный и найденный, S36 Потеря близких).

Работа по совершенствованию теста продолжается. Приведем ниже, для примера, вопросы, адресованные некоторым сюжетам

S5 *Преследуемый*

1	Я редко задыхаюсь и у меня не бывает сильных сердцебиений
2	Страх перед мышами у меня отсутствует
3	Есть люди, которым нельзя доверять
4	Человек никогда не должен ездить на городском транспорте без оплаты проезда
5	Иногда я не прочь немного посплетничать
6	Во многих отношениях бедному человеку лучше, чем богатому
7	Добрая наседка одним глазом зерно видит, другим – коршуна
8	Несмотря на то, что у меня ясная голова и редко ошибаюсь, я всегда должен помнить, что идеальных решений не бывает
9	Если я вижу, что за мной гоняться у меня трясутся руки

S6 *Внезапное бедствие*

1	Бывали случаи, когда мне было трудно удержаться от того, чтобы что-нибудь не стащить у кого-нибудь, например, в магазине
2	Если я сталкиваюсь с трудными проблемами, я легко отказываюсь от их решения
3	Я любил свою школу
4	Преподаватели часто ждут слишком большой работы от своих студентов
5	В школе меня иногда вызывали к директору за озорство
6	Иногда у меня появляется настойчивое желание пробить стену кулаком
7	Мои руки – моя защита
8	Чтобы не было неожиданностей, надо внимательно следить за обстановкой
9	Неожиданное препятствие заставляет дышать меня чаще

Обсуждение результатов

Можно предположить, что источником многих заболеваний человека является стиль его поведения, который обусловлен его картиной мира. Большинство исследований, проводимых в клинической психологии, касаются тех ситуаций, когда событие (болезнь) уже произошло. Сведения о том, как человек пришел к такой ситуации, как правило, ускользает от исследователя.

Копинг-стратегии, психологические защиты — это уже реакция на «событие». Как человек подошел к такому «событию», когда он еще формально здоров, не ясно. В дальнейших исследованиях мы будем изучать такие болезнеопасные стратегии поведения. Это нужно для профилактических целей.

В завершении отображаем такой механизм нарушения поведения. Вступая в контакт с окружающей средой, человек «исследует» ее, испытывает, пытаясь создать устойчивый ее образ. Имея устойчивую среду, он получает шанс к ней адаптироваться. Чтобы сформировать устойчивую картину мира, человек «обыгрывает» разные типы поведения, которые мы называем сюжетами. За каждой сюжетной линией стоит своя система ценностей. В границах разных сюжетных линий существуют разные роли. Некоторые линии поведения успешны. Их можно назвать нормативным поведением. Существует условно-нормативное и рискованное поведение. В них нарушен баланс между генетическим и социальным влиянием на поведение. В таком случае повышается вероятность невротизации, психопатизации, развития других заболеваний, в том числе и соматических.

Заключение

Итак, мы предположили, что в основе многих заболеваний человека лежит стиль его поведения. Исследования, в общей своей массе, которые проводятся в клинической психологии, касаются тех ситуаций, когда событие (болезнь) уже произошло. Сведения о том, каким образом человек подошел к ситуации болезни, как правило, ускользает от внимания исследователя. Копинг-стратегия, психологические защиты — это уже реакция на «событие», которое уже произошло и из которого надо выйти. Каким образом человек подошел к такой ситуации, когда он еще формально здоров, не ясно? В дальнейших исследованиях мы будем изучать такие «болезнеопасные» стратегии поведения. Это нужно для профилактических целей.

Выводы

Полученные данные позволяют говорить о том, что существуют нормативные и ненормативные типы поведения. Нормативные — представляют собой адекватное ситуации сочетание действий. Ненормативныое (рискованное) поведение приводит к болезни.

При проектировании тестов целесообразнее определять не отношение человека к проблеме, а череду его действий, поскольку то или иное «отношение» может вести совсем к разным поступкам.

Поведение человека формируется под влиянием созданной им «картины мира», которая представляет из себя неравновесную структуру, поляризованную его системой ценностей.

Литература:

1. Enns M., Cox B. (1999). Perfectionism and depression symptom severity in major depressive disorder. Behav Res Therapy, vol. 37, p. 783–794.
2. Enns M., Cox B. (1997). Personality dimesions and depression: Review and Commentary. Canadian J Psychiatry, vol. 42, № 3, p. 1–15.
3. Frances A. (1982). Categorical and dimensional systems of personality diagnosis: a comparison. Compr Psychiatry, vol. 23, p. 516–527.
4. Frost R., Heinberg R., Holt C., Mattia J., Neubauer A. (1993). A comparison of two measures of perfectionism. Pers Individ Differences, vol. 14, p. 119–126.
5. Hamachek D. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. Psychology, vol. 15, p. 27–33.
6. Hewitt P., Flett G. (1990). Perfectionism and depression: a multidimensional study. J Soc Behavior Pers, vol. 5, № 5, p. 423–438.
7. Hewitt P., Flett G. (1991). Perfectionism in the Self and Social context: conceptualization, assessement and association with psychopathology. J Pers Soc Psychology, vol. 60, № 3., p. 456–470.
8. Луначарский А.В. Тридцать шесть сюжетов // «Театр и искусство». – 1912. – № 34. – См.: Луначарский А.В. О театре и драматургии. – М., 1958.
9. «36 драматических ситуаций по Жоржу Польти» // Литературная мастерская. Блог для начинающих писателей. – URL : http://litmasters.ru/sila-sujeta/36-dramaticheskix-situacij-chast-1.html (дата обращения: 30.01.2019).
10. Polti, Georges. The thirty-six dramatic situations / Translated into English by Lucile Ray – Franklin (Ohio): James Knapp Reeve, 1924.
11. Балин В.Д. Практикум по психофизиологии : учебное пособие. – СПб. : СПбГУ, 2015. – 147 с.
12. Бунас А.А. Различные аспекты обоснования природы рискованного поведения личности : Психология: проблемы практического применения / материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2013. – С. 10–16. – URL : https://moluch.ru/conf/psy/archive/82/4 (дата обращения: 11.09.2018).

13. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. К психологическим основам научной организации труда, учения, спорта. – Казань : Изд-е Каз. ун-та, 1969.

Literature:

1. Enns M., Cox B. (1999). Perfectionism and depression symptom severity in major depressive disorder. Behav Res Therapy, vol. 37, p. 783–794.
2. Enns M., Cox B. (1999). (1997). Personality dimesions and depression: Review and commentary. Ca-nadian J Psychiatry, vol. 42, № 3, p. 1–15.
3. Frances A. (1982). Categorical and dimensional systems of personality diagnosis: a compari-son. Compr Psychiatry, vol. 23, p. 516–527.
4. Frost R., Heinberg R., Holt C., Mattia J., Neubauer A. (1993). A comparison of two measures of perfectionism. Pers Individ Differences, vol. 14, p. 119–126.
5. Hamachek D. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. Psychology, vol. 15, p. 27–33.
6. Hewitt P., Flett G. (1990). Perfectionism and depression: a multidimensional study. J Soc Behavior Pers, vol. 5, № 5, p. 423–438.
7. Hewitt P., Flett G. (1991). Perfectionism in the Self and Social context: conceptualization, assessement and association with psychopathology. J Pers Soc Psychology, vol. 60, № 3., p. 456–470.
8. Lunacharskiy, A.V. Thirty-six subjects // «Theatre and art». – 1912. – № 34. – See: Lunacharskij A.V. On theatre and dramaturgy. – M., 1958.
9. «36 dramatic situations by Georges Polti» // Literary workshop. Blog for novice writers. – URL : http://litmasters.ru/sila-sujeta/36-dramaticheskix-situacij-chast-1.html (address date : 30.01.2019).
10. Polti, Georges. The thirty-six dramatic situations / Translated into English by Lucile Ray - Franklin (Ohio): James Knapp Reeve, 1924.
11. Balin V.D. Workshop on Psychophysiology : a training manual. – St. Petersburg : St. Petersburg State University, 2015. – 147 p.
12. Bunas A.A. Various aspects of substantiation of the nature of risky behavior of personality: Psychology: problems of practical application / materials of II International Scientific Conf. (Chita, June 2013). – Chita : Publishing house Young Scientist, 2013. – P. 10–16. – URL : https://moluch.ru/conf/psy/archive/82/4 (date of address : 11.09.2018).
13. Klimov E.A. Individual style of activity depending on typological properties of the nervous system. To psychological bases of scientific organization of work, study, sport. – Kazan : Kazan University Publishing House, 1969.

УДК 159.99

КОНЦЕПЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ У БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

●●●●●●

THE CONCEPT OF QUALITY OF LIFE AND ITS RESEARCH IN PATIENTS WITH TUBERCULOSIS

Захарова Елена Владимировна
кандидат медицинских наук, доцент,
заведующая кафедрой общей психологии
и социальной работы,
Самарский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
proscha1088@mail.ru

Elena V. Zakharova
Candidate of Medical Science,
Associate Professor,
Head of the Department
of General Psychology and Social Work,
Samara State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
proscha1088@mail.ru

Аннотация. В статье отражены теоретические и методологические подходы к изучению качества жизни, представлены различные направления его исследования. Подробно описывается изучение качества жизни больных туберкулезом: приведена подробная медико-социальная характеристика респондентов экспериментальной группы, используемые методики. Подробно описаны и графически представлены результаты проведенного исследования. Обозначены мишени психокоррекционного воздействия, направленного на повышение качества жизни больных туберкулезом.

Ключевые слова: качество жизни, туберкулез, больные туберкулезом, психологическое благополучие, личностные ресурсы.

Annotation. The article reflects the theoretical and methodological approaches to the study of quality of life, presents various areas of its research. The study of the quality of life of patients with tuberculosis is described in detail: a detailed medical and social characteristic of the respondents in the experimental group and the methods used are described. The results of the study are described in detail and graphically presented. The targets of psychocorrectional impact aimed at improving the quality of life of tuberculosis patients are indicated.

Keywords: quality of life, tuberculosis, patients with tuberculosis, psychological well-being, personal resources.

Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) выступила инициатором изучения качества жизни пациентов. В основу Концепции качества жизни положена биопсихосоциальная модель. Согласно ВОЗ, формирование качества жизни происходит у индивидов благодаря восприятию социального положения в обществе, в сочетании с целями и ожиданиями [26]. В медицине качество жизни рассматривается как совокупность физического, социального и психологического здоровья и степени его выраженности, в основе которого лежит субъективное восприятие человека [8].

Качество жизни представляет собой «совокупность переживаний и отношений человека, связанных с индивидуальной ценностью здоровья, смыслом жизни и возможностями личности устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии со своими актуальными потребностями и индивидуальными возможностями» [3].

В Концепции качества жизни подчеркивается субъективный план переживания ситуации болезни вне зависимости от клинических показателей. Поэтому качество жизни имеет различный характер: субъективный, ценностный и многомерный. В структуре качества жизни выделяют физический, психологический, социальный, духовный аспекты, а также факторы, которые оказывают влияние на способность человека удовлетворять актуальные потребности [9].

Оценка качества медицинской помощи, эффективность лечения, реабилитационные меры являются важными показателями качества жизни человека.

С. Левин указывал на противоречивые взгляды ученых на содержание понятия «качество жизни» [17]. Американские исследователи обращали внимание на то, что в исследованиях качества жизни отсутствует единая концепция [16]. В рамках гуманитарной парадигмы отсутствует единое понимание рассматриваемой категории.

Большая часть исследований качества жизни проводилось с позиций клинического подхода. Однако давно установлено, что психологическое состояние пациента играет не менее важную роль, чем медицинская составляющая. Необходимо принимать во внимание и переживание человека по поводу качества своей жизни. Исследование «позитивного психологического функционирования» становится одним из направлений исследования качества жизни в западной науке в 20-м столетии.

Различные научные подходы к изучению психологического здоровья и благополучия человека исследовала М. Яхода. Она обозначила такие особенности психологического функционирования человека, приводящие к здоровью, как самопринятие, адекватное восприятие реальности, самодостаточность, совокупность необходимых для социального функционирования компетенций, интегрированность личности в общественную жизнь [15].

Развивая взгляды М. Яходы, К. Рифф выявил основные измерения «ядра психологического благополучия: самопринятие, цель в жизни, компетентность, позитивные отношения с другими людьми, автономия и личностный рост» [21]. В представленные характеристики здоровья включены адекватная положительная самооценка, личностный рост, психосоциальное развитие, целенаправленное поведение, способность к продуктивному межличностному общению и самоопределению. К. Рифф отмечает, что «цели и жизненные стремления, намерения могут являться предшественниками психологического благополучия» [20], а смысл жизни выступает его индикатором [24].

Э. Динер с коллегами изучал параметры субъективного благополучия в структуре качества жизни [14]. Он выделил следующие главные компоненты субъективного благополучия: оценка удовлетворенности жизнью и аффективного опыта.

М. Чиксентмихайи считает, что условия, в которых существует человек, не являются основными в формировании представления о счастье и ощущение удовлетворения жизнью. Однако могут являться условиями, при которых происходит изменение личности и борьба с жизненными трудностями путем волевого усилия. Это приводит к ощущению человеком собственного благополучия [12].

Улучшение здоровья, социального положения, материального благополучия является лишь средством повышения качества жизни, а не самоцелью. «Оценка качества жизни должна опираться на измерение нематериальных переменных переживания субъективного благополучия» [18].

Переживание человеком психотравмирующих ситуаций и использование при этом внутренних ресурсов позволяет ему «раскрыть свой потенциал, сохранить целостность и достичь субъективного благополучия». Меняется социальная позиция, ценностные ориентации, происходит компенсация физических недостатков, психологического неблагополучия и социальной дезадаптации.

Ценности и личностные смыслы могут выступать в качестве критерия оценки качества жизни. Качество жизни, представляя собой единое целое, схоже по структуре и содержанию с внутренней картиной болезни, которая заключается в отражении личностных особенностей восприятия и переживания заболевания. Качество жизни является междисциплинарным понятием [9], но не должно рассматриваться как удовлетворенность человеком всевозможными благами. Возникает необходимость изучения условий и степени реализованности личностного потенциала.

А.А. Новик и Т.И. Ионова дали определение качеству жизни через восприятие человеком его социального положения с учетом культурологических и ценностных характеристик [8]. И.В. Винярская пишет, что «качество жизни пациентов может служить конечной точкой в оценке эффективности медицинских вмешательств в области профилактики, лечения и реабилитации» [4].

Основополагающим фактором оценки качества жизни человека являются личность и его отношение к жизни в ситуации болезни. Качество жизни в медицине — это показатель благополучия человека в ситуации болезни, оценка эффективности лечения.

Одним из тяжелых, длительно протекающих и социально значимых заболеваний является туберкулез. Заболевание туберкулезом влияет на физическое и психическое состояние индивида, изменяя его социальный статус и социальные роли [2; 19]. В связи с этим, изучение качества жизни больных является обязательным для оценки эффективности оказываемой медицинской и социальной помощи [22; 23].

Пьянзова Т.В. и Лузина Н.В., проводя исследование качества жизни больных туберкулезом при различных режимах лечения, выявили, что «качество жизни больных с впервые выявленным лекарственно-устойчивым туберкулезом легких ниже, чем у пациентов с лекарственно-чувствительной формой заболевания. Кроме того, у пациентов с лекарственно-устойчивой формой заболевания отмечалось снижение жизненной активности и высокое значение показателя интенсивности боли. По мере увеличения продолжительности лечения, качество жизни больных становилось хуже, особенно это касается психологического компонента» [10].

Молчанова Л.Ф. и Волкова Е.Н. также изучали качество жизни больных туберкулезом с помощью методики SF-36. Они считают, что для оценки эффективности лечения больных качество жизни может являться одним из важнейших критериев, который необходимо использовать для разработки индивидуального плана лечения и реабилитации и для оценки действия лекарственных препаратов [7].

С помощью опросника качества жизни Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ КЖ-100) Аниськина Е.А. с соавторами проводили изучение качества жизни больных фиброзно-кавернозной и очаговой формами туберкулеза легких. В большей степени у пациентов обеих форм туберкулеза страдает духовная сфера. У пациентов с фиброзно-кавернозной формой туберкулеза более сохранной и благополучной оказалась психологическая сфера, а наименее благоприятной — духовная. Значения удовлетворенностью жизнью у пациентов обеих групп имели умеренно сниженные значения. В группе с фиброзно-кавернозной формой туберкулеза легких данный показатель ниже в среднем на 40 %, а с очаговой — на 25 % [1].

Караулова О.А., Савинова Т.А., и др. оценивали качество жизни пациентов с инфильтративным туберкулезом легких в сочетании с бронхиальной обструкцией различной степени выраженности. Выявлено снижение показателей всех параметров оценки качества жизни. Обнаружена взаимосвязь снижения качества жизни с длительностью заболевания, наличием бронхообструктивного синдрома и выполнением врачебных рекомендаций. Снижение качества жизни напрямую зависит от длительности заболевания и выполнения пациентами врачебных рекомендаций. [5].

Карданова Л.Д. исследовала медико-социальные аспекты качества жизни больных туберкулезом легких. Она пришла к выводу, что больные туберкулезом имеют низкое качество жизни, особенно по шкалам независимости, физического и психического здоровья. Несколько меньшие изменения касаются шкал общественной жизни, духовности и отношения к окружающей среде [6]. Выявлено, что клиническая форма заболевания на оценку качества жизни существенно не влияет, в отличие от длительности заболевания. У больных, находившихся на стационарном лечении, оказались сниженными такие показатели, как общее качество жизни, психологическое благополучие и отношение к окружающей среде [6].

Проанализировав качество жизни больных инфильтративным туберкулезом легких разного возраста, Рыбкова М.А., Огарева М.В. и Хазова Е.Ю. выявили, что у больных старше 30 лет снижены все показатели почти в 2 раза по сравнению с молодыми людьми до 25 лет. Однако уровень социального функционирования оказался наиболее низким у пациентов младше 30 лет [11].

У больных ограниченными формами туберкулеза легких на ранних этапах лечения отмечается умеренное снижение физического и психологического статуса пациентов. Данные характеристики достоверно выше у пациентов, к которым применяют лекарственные методы лечения, по сравнению с теми, кого лечат хирургическим путем. «Позитивные изменения характеристик психосоциального статуса достигнуты у больных после оперативного вмешательства на этапе основного курса лечения, тогда как у респондентов, лечившихся только консервативно — на этапе диспансерного наблюдения» [13].

Таким образом, обобщив имеющиеся данные исследований качества жизни больных туберкулезом, можно сказать, что оно является одним из критериев оценки качества проводимых лечебно-реабилитационных мероприятий, а также маркером социально-психологической адаптации/дезадаптации пациентов. Это обусловливает необходимость продолжения исследований качества жизни больных туберкулезом и изучения взаимосвязи данного показателя с другими критериями оценки эффективности лечения и социального функционирования пациентов данной категории.

В рамках комплексного изучения психосоциальных характеристик больных туберкулезом нами было изучено качество их жизни. Экспериментальную группу составили 800 испытуемых в возрасте 19–60 лет: 400 женщин и 400 мужчин. Критерии включения в экспериментальную группу: информированное согласие на участие в исследовании, наличие следующих диагнозов (по МКБ-10): А15.6 Туберкулезный плеврит, подтвержденный актериологически и гистологическии; А15.7 Первичный туберкулез органов дыхания, подтвержденный бактериологически и гистологически; А15.8 Туберкулез органов дыхания, подтвержденный бактериологически и гистологически. Преобладал инфильтративный и очаговый туберкулез, в 21 % случаев диагностирована туберкулома легких. Лекарственная устойчивость, в том числе множественная, выявлена у 49,8 % пациентов репрезентативной выборки. Выявлено, что большая часть испытуемых работают, причем, более чем половине из них пришлось сменить работу по причине заболевания туберкулезом. 33 % опрошенных не работают, причем, инвалиды и пенсионеры составляют меньшую часть группы безработных. Состоят в официальном или гражданском браке 43 % испытуемых. Почти треть всех опрошенных состоят в разводе, в том числе, по причине заболевания туберкулезом.

Одиноко проживают 34 % респондентов. 50 % испытуемых имеют детей, однако, не все имеют возможность проживать со своими детьми и воспитывать их, в том числе, по причине заболевания туберкулезом. 68 % респондентов экспериментальной группы проживают в городе Самара, остальные в пригороде. В экспериментальной группе контакт с близким родственником, проживающим на одной жилплощади, составляет лишь 16 %, в то время, как 75 % респондентов указали на то, что заразились туберкулезом от постороннего человека, находясь в местах лишения свободы или при невыясненных обстоятельствах. У 10 % испытуемых данной возрастной группы один из близких родственников умер от туберкулеза. Имеющие судимость и отбывавшие наказание в местах лишения свободы 119 человек (15 %). Умерших респондентов экспериментальной группы за период проведения исследования — 31 человек (3,9 %). Все старше 18 лет.

Критерии исключения: отказ пациента от участия в исследовании, возраст старше 60 лет и младше 19 лет, наличие в анамнезе и/или клинической картине данных о наличии психотических расстройств и тяжелых сопутствующих соматических заболеваний, прием психотропных препаратов. Среди обследованных пациентов экспериментальной группы были представители разных национальностей и разного вероисповедания. Контрольная группа идентична экспериментальной по численности и половозрастному составу. В нее вошли взрослые испытуемые условно здоровые.

В качестве клинико-психологического метода использовалась клиническая беседа и осуществлялось наблюдение за поведением больных в процессе лечения в стационаре и в процессе амбулаторного посещения диспансера. Результаты клинической беседы дополнялись клиническими характеристиками больных (оценка соматического состояния, длительность, особенность течения заболевания, эффект лечения), полученными из медицинской документации и беседы с лечащим врачом.

Для исследования качества жизни применили Опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения (ВОЗКЖ — 100, ядерный модуль)

Полученные значения факторов качества жизни представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Значения факторов качества жизни в экспериментальной и контрольной группах (в баллах)

Фактор		Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Мужчины	Женщины	Вся группа	Мужчины	Женщины	Вся группа
1	2	3	4	5	6	7	8
F1	Физическая боль и дискомфорт	13,3	14,36	13,83	14,1	14,4	14,3
F2	Жизненная активность	9,8	10,46	10,13	13,8	12,7	13,3
F3	Сон и отдых	10,66	9,8	10,23	11,9	12,2	12,0
F4	Положительные эмоции	9,9	8,4	9,15	10,3**	11,9**	11,1
F5	Мышление, обучаемость, память	7,94	7,44	7,69	15,7	15,9	15,8
F6	Самооценка	10,26*	8,88*	9,57	11,6	12,7	12,2
F7	Образ тела и внешность	10,76*	8,72*	9,74	11,8**	9,8**	10,8
F8	Отрицательные эмоции	13,02	13,98	13,5	13,9**	12,7**	13,3
F9	Подвижность	14	13,9	13,95	15,7**	14,4**	15,1
F10	Способность выполнять повседневные дела	12,18	11,94	12,06	14,7**	12,7**	13,7
F11	Зависимость от лекарств и лечения	13,9*	15,66*	14,78	17,9**	14,1**	16,0
F12	Способность к работе	9,8	9,1	9,45	10,1	9,9	10,0
F13	Личные отношения	7,6	7,36	7,48	10,8**	11,9**	11,4
F14	Практическая социальная поддержка	7,48	6,34	6,91	12,6	13,2	12,9
F15	Сексуальная активность	9,1*	7,78*	8,44	9,6	10,4	10,0
F16	Физическая безопасность	9,56*	12,66*	11,11	13,4	12,6	13,0
F17	Окружающая среда дома	11,88	10,4	11,14	12,6	13,4	13,0
F18	Финансовые ресурсы	8,86	7,66	8,26	9,2	10,1	9,7

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
F19	Медицинская и социальная помощь	11,66	10,88	11,27	8,2**	11,3**	9,8
F20	Возможность для приобретения новой информации	8,16	7,44	7,8	14,3	13,8	14,1
F21	Возможность для отдыха и развлечений	9,2*	7,84*	8,52	11,7**	8,6**	10,2
F22	Окружающая среда вокруг	10,8*	12,7*	11,75	11,5**	13,4**	12,5
F23	Транспорт	13,8	14,1	13,95	15,6	14,7	15,2
F24	Духовность, религия, личные убеждения	10,1	9,86	9,98	11,6	11,2	11,4

* – статистически значимые различия в степени выраженности факторов качества жизни у мужчин и женщин экспериментальной группы;

**– статистически значимые различия в степени выраженности факторов качества жизни у мужчин и женщин контрольной группы.

Статистически значимые различия в степени выраженности факторов качества жизни у испытуемых экспериментальной и контрольной групп обозначены в таблице 1 цветом (при $p \leq 0,05$).

Физическая сфера качества жизни больных туберкулезом характеризуется средне выраженным фактором «Физическая боль и дискомфорт». Причем, статистически значимых различий по данному фактору у мужчин и женщин не выявлено. Больные указывают на неприятные физические ощущения и боль разной интенсивности, связанные с заболеванием туберкулезом, лечением, обострением сопутствующих заболеваний. Однако испытываемый дискомфорт не снижает существенно качество жизни испытуемых экспериментальной группы.

Значение фактора «Жизненная активность» снижено и у мужчин, и у женщин. Практически все респонденты указали на снижение способности к активным действиям, усталость, нежелание и нехватку сил устанавливать и поддерживать социальные контакты. В большинстве случаев это связывалось с приемом токсичных лекарственных средств, применяемых для лечения туберкулезной инфекции. Большая часть испытуемых указали на нарушения сна и неспособность полноценно отдохнуть. Это связывалось с побочным действием лекарственных средств, проблемами в семейной жизни, на работе, плохими материальными и жилищными условиями.

Таким образом, физическая сфера испытуемых экспериментальной группы характеризуется снижением показателей всех входящих в нее факторов.

Психологическая сфера включает в себя такие факторы, как «Положительные эмоции», «Мышление, обучаемость, память и концентрация», «Самооценка», Образ тела и внешность», «Отрицательные эмоции». Отмечается снижение показателей по всем указанным факторам, причем «Самооценка» и «Образ тела и внешность» статистически достоверно более снижены у женщин, чем у мужчин. Положительные эмоции, позитивные чувства испытывают небольшое число испытуемых экспериментальной группы. Их интенсивность и частота также снижены. Будущее представляется негативно окрашенным, перспективы дальнейшей жизни не радуют. Многие испытуемые не склонны думать о будущем на несколько лет вперед, они живут одним днем и не представляют своей дальнейшей жизни.

Низкие значения фактора «Мышление, обучаемость, память и концентрация» свидетельствуют о негативном мнении опрошенных по поводу своей памяти, концентрации внимания, способности к принятию решений, способности обучаться. Большинство испытуемых предъявляли жалобы на снижение памяти и концентрации внимания, снижение способности продолжать учебу и связывали это с побочным действием лекарственных средств, применяемых в качестве основных при лечении инфекционного процесса.

Большинство респондентов экспериментальной группы испытывают чувство собственной неполноценности, не удовлетворены своей способностью к эффективному взаимодействию с окружающими и близкими родственниками. Давая ответы на вопросы методики, респонденты указывали на конфликты на работе, снижение способности к самопринятию, потерю самоценности.

Испытуемые, чаще женщины, демонстрируют неудовлетворенность своей внешностью. Они считают, что окружающие люди видят их недостатки, что снижает качество межличностных отношений и качество жизни соответственно. Респонденты часто указывали на то, что негативные изменения внешности связывают с побочным действием лекарств, слабостью, неспособностью изменить свою внешность из-за материальных трудностей и условий жизни.

Больные туберкулезом склонны испытывать печаль, чувство вины, отчаяние, тревогу. Фактор «Отрицательные эмоции» имеет среднее значение показателя и зависит от уровня материального благополучия, включенности в социум, наличия работы, семейной поддержки, уровня образования и др. Чем более социализированным являлся испытуемый до возникновения заболевания, тем сильнее выражены отрицательные эмоции.

Уровень независимости определяется выраженностью факторов «Подвижность», «Способность выполнять повседневные дела», «Зависимость от лекарств и лечения», «Способность к работе». Испытуемые способны без посторонней помощи передвигаться в соответствии со своими потребностями и возможностями. Исключение составляют те пациенты, которые проходят стационарное лечение и вынуждены определенное время быть ограниченными в возможностях активного свободного перемещения в пространстве. Однако респонденты указали на то, что необходимость проходить лечение в форме дневного стационара, вынуждает человека изменить привычный режим дня и быть зависимым от времени прохождения лечения и лечебно-диагностических процедур. Способность выполнять испытуемыми повседневные дела снижена незначительно и на качество жизни не влияет.

Зависимость от лекарств и лечения оказывают сильное влияние на качество жизни испытуемых экспериментальной группы. Режим приема лекарственных средств и их форма существенно изменяют привычный образ жизни респондентов. Негативное побочное действие многих лекарств, применяемых для лечения инфекционного процесса, формируют, с одной стороны, нежелание продолжать лечение, а с другой стороны – понимание действия лекарственных средств и адекватная оценка тяжести заболевания способствует формированию зависимости от лекарств и лечения пациентов с высокой социальной включенностью и обладающих высоким уровнем образования, ориентированных на лечение и излечение.

Работоспособность у большинства испытуемых снижена. Это связано с повышенным уровнем астении, снижением памяти и концентрации внимания, вызванных побочным действием лекарственных средств, возникшей необходимостью смены сферы деятельности и работа не по профессии, требующая дополнительных усилий по ее освоению.

Сфера качества жизни «Социальные отношения» складывается из факторов «Личные отношения», «Практическая социальная поддержка», «Сексуальная активность». Все три фактора имеют низкие значения. Испытуемые экспериментальной группы чувствуют недостаток семейной поддержки, испытывают нереализованное желание близких эмоциональных отношений с другими людьми. Физические контакты становятся во многих случаях невозможными или ограниченными. Семейные отношения нарушаются, возможно прекращение брачных и дружеских отношений.

Большое количество испытуемых указывают на невозможность получить практическую социальную поддержку со стороны членов семьи и друзей. Рассчитывать на их помощь в тяжелой ситуации испытуемые не могут. Зачастую, респонденты указывают на возникновение или усиление морального и/или физического насилия по отношению к ним со стороны членов семьи, родственников или соседей. Чаще это выявляется в социально неблагополучных, алкоголизированных семьях и связано именно со страхом заразиться туберкулезом от больного родственника. Некоторые пациенты вынуждены были сменить место жительства, уехать из родного дома по собственной воле или настоянию родственников. Вместо социальной поддержки человек оказывался в изгнании и изоляции.

Сексуальная активность существенно снижена и у мужчин, и у женщин, больных туберкулезом, причем, различия в сексуальной активности тех и других статистически достоверны. Однако трудно определить, что является первопричиной этому. Несомненно, что высокая контагиозность инфекционного заболевания, страх заражения партнера оказывает влияние на возможность удовлетворять сексуальную потребность человека. Однако весь образ жизни в целом, религиозные убеждения, семейное положение, возраст, жилищно-бытовые условия, сопутствующие заболевания, наличие сексуального партнера также влияют на сексуальную активность испытуемого.

Сфера качества жизни «Окружающая среда» складывается из многих факторов. Так, большая часть респондентов экспериментальной группы указали на отсутствие ощущения физической безопасности и защищенности. Это связано с вынужденным изменением образа жизни, места жительства, необходимостью лечиться в стационаре, изменением социального окружения в период лечения (совместное нахождение на лечении с лицами, с асоциальным поведением, отбывавшими наказание в местах лишения свободы, лицами без определенного места жительства), неопределенностью прогноза заболевания. Особенно остро на отсутствие чувства безопасности и защищенности реагируют женщины.

Окружающая среда дома, в котором проживает человек, оказывает большое влияние на качество жизни. Многие испытуемые экспериментальной группы указывали на плохие жилищно-бытовые условия и невозможность их изменить. Большая часть респондентов указали, что проживают в стесненных условиях большой скученности, малой жилплощади, отсутствия коммунальных удобств, несоблюдения санитарных норм, в экологически и/или эпидемиологически неблагополучном районе города или населенном пункте, наличия поблизости от жилья промышленного или добывающего производства.

Финансовые ресурсы испытуемых экспериментальной группы часто не удовлетворяют потребности в здоровом и комфортабельном стиле жизни. Респонденты указывают на то, что не могут позволить себе качественные продукты питания, одежду и средства, необходимые для поддержания санитарно-гигиенических условий на высоком уровне; не имеют возможности изменить жилищно-бытовые условия проживания для себя и своей семьи; не могут обеспечить своим детям получение качественного образования и отдыха.

Больные туберкулезом испытуемые указали на то, что медицинская помощь в лечении туберкулеза им доступна и оказывается в достаточном объеме. Однако доступность и качество социальной помощи оставляет желать лучшего. Это касается не только самого больного, но и членов семьи. Качество жизни многих больных туберкулезом, находящихся на различных этапах лечения, могло бы стать существенно выше, если бы вовремя и в большем объеме оказывалась именно социальная помощь. Но, по мнению испытуемых, социальные работники неохотно посещают семьи, в которых есть больной туберкулезом. Они не принимают участие в медико-социальной профилактике распространения туберкулеза или недостаточно активны в данном виде деятельности.

Возможности для приобретения новой информации и навыков в настоящее время развития и активного использования информационных технологий есть практически у всех испытуемых экспериментальной группы. Однако респонденты в возрасте 19–25 лет указывают на то, что вследствие заболевания туберкулезом вынуждены прервать или отложить обучение в среднем или высшем учебном заведении, что нарушает формирование профессиональных знаний и навыков.

Возможности для отдыха и развлечений у многих испытуемых существенно снижаются в связи с заболеванием. Это связано с ограничением социальных контактов, социальной изоляцией, плохим самочувствием, отсутствием материальных возможностей и другими причинами. Респонденты среднего возраста указывают на неспособность думать об отдыхе, когда не решены проблемы со здоровьем, работой, материальным благополучием и др. Неспособность и невозможность отдыхать и испытывать удовольствие от отдыха существенно снижают качество жизни индивида.

Известно, что окружающая среда формирует образ жизни человека, влияет на его здоровье, активность. Большинство опрошенных респондентов экспериментальной группы дали низкую оценку окружающей среде, в которой живут. По их мнению, географическое расположение города Самара и Самарской области, климатические условия, хозяйственно-промышленная деятельность региона, экологическая обстановка, миграционная политика явились факторами, способствующими возникновению заболевания, его прогрессированию и хронизации.

Фактор «Транспорт» содержит отношение индивида к доступности получения транспортных услуг для выполнения ежедневных дел и занятия профессиональной деятельностью. Большая часть испытуемых имеет собственный легковой транспорт, что существенно облегчает перемещение по населенному пункту, способствует экономии времени и зачастую оказывается необходимым для сохранения профессионального и материального статуса пациента. Кроме того, проходя лечение, пациент может с меньшими физическими затратами добираться до медицинского учреждения и обратно, что повышает его мобильность. Наличие и использование личного транспорта способствует снижению чувства вины за возможное заражение окружающих туберкулезом и распространение инфекции.

Духовная сфера представлена фактором «Духовность, религия, личные убеждения». Его значение несколько снижено. Многие испытуемые не придерживаются какого-либо вероисповедания, которое давало бы ощущение осмысленности бытия, чувство веры, благополучия, духовной силы. Некоторые респонденты указали, что пришли к вере в процессе лечения. Есть и такие, кто перестал верить в высшие силы, воспринимая заболевание как «недосмотр» с их стороны. Очевидным является тот факт, что вероисповедание (независимо от религии) способствовало укреплению духовности пациента и накладывало отпечаток на все его поведение и отношение к происходящему и положительно влияло на качество жизни. Поведение испытуемых, не придерживающихся какого-либо вероисповедания, отличалось большей агрессивностью, социальной дезадаптивностью, пессимизмом, отсутствием положительного восприятия себя и своего будущего.

Таким образом, давая оценку качества жизни больных туберкулезом, отметим, что значения всех факторов, составляющие разные сферы жизни человека в рамках данной методики, снижены или имеют выраженно низкое значение. Статистически значимые различия у мужчин и женщин экспериментальной группы отмечаются по факторам «Самооценка», «Образ тела и внешность», «Зависимость от лекарств и лечения», «Сексуальная активность», «Физическая безопасность», «Возможность для отдыха и развлечений».

По сравнению с контрольной группой, у испытуемых экспериментальной группы статистически значимо отличаются значения показателей «Положительные эмоции», «Мышление, обучаемость, память», «Самооценка», «Зависимость от лекарств» (ниже, чем в контрольной группе), «Личные отношения», «Практическая социальная поддержка», «Сексуальная активность», «Медицинская и социальная помощь» (ниже, чем в контрольной группе), «Возможность для приобретения новой информации», «Возможность для отдыха и развлечений» (рис. 1).

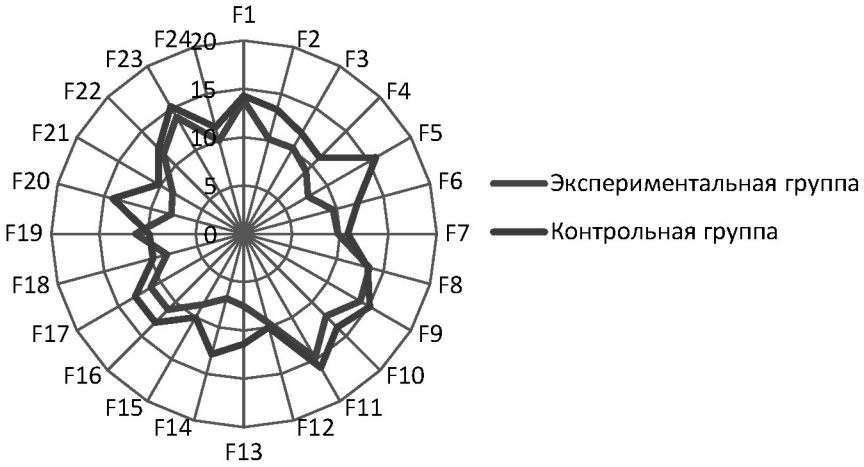

Рисунок 1 – Показатели качества жизни испытуемых экспериментальной и контрольной групп

Больные туберкулезом не считают свое физическое состояние плохим на столько, чтобы оно существенно снижало качество жизни. Лишь у 15 % опрошенных диагностировано снижение показателей по данной сфере. Снижение значения Психологической сферы отмечается у 47 % респондентов. Больные туберкулезом считают себя вполне независимыми (90 %). Наиболее значимыми сферами качества жизни, снижающими его уровень, больные туберкулезом считают «Социальные отношения» (88 %) и «Духовная сфера» (52 %) (рис. 2).

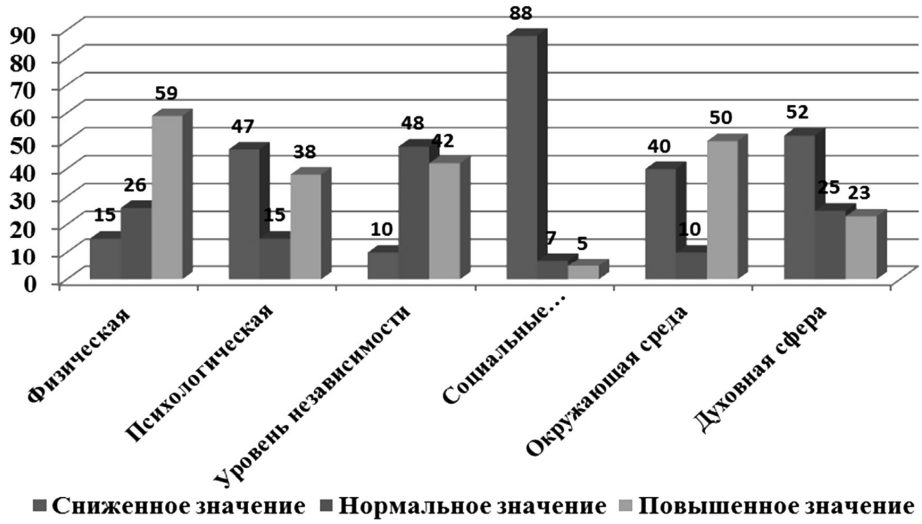

Рисунок 2 – Степень выраженности и частота встречаемости
в группе больных туберкулезом основных сфер качества жизни (%)

Таким образом, выявлено снижение качества жизни больных туберкулезом особенно в сферах социальных отношений, психологического состояния и духовности. Это может быть рассмотрено в качестве мишеней дальнейшей психокоррекционной работы с данным контингентом больных на всех этапах лечения и реабилитации.

Литература:

1. Аниськина Е.А. [и др.]. Исследование качества жизни больных туберкулезом легких // Экология человека. – 2014. – № 4. – С. 58–62.

2. Бурухина Л.В., Шурыгин А.А., Ширинкина А.Е. [и др.]. Психоэмоциональный статус больных, находящихся на лечении в противотуберкулезном стационаре / мат-лы науч. сессии ГОУ ВПО ПГМА им. акад. Е.А. Вагнера Росздрава. – Пермь, 2008. – С. 208–212.
3. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А. Гуманистическая психология, качество жизни и ценностное сознание личности // Сиб. Психологич. журн. – 2011. – № 40. – С. 129–135.
4. Винярская И.В. Показатели качества жизни здоровых подростков, проживающих в разных регионах России // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2007. – № 3. – С. 37–40.
5. Каракулова О.А. [и др.]. Изучение качества жизни больных инфильтративным туберкулезом легких // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. – 2012. – Вып. 43. – С. 70–73.
6. Карданова Л.Д. Медико-социальные аспекты качества жизни больных туберкулезом легких : автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 2008. – 24 с.
7. Молчанова Л.Ф. Волкова Е.Н. Качество жизни больных туберкулезом как критерий эффективности лечения // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6.
8. Новик А.А., Ионова Т.И. Исследование качества жизни в медицине : учебное пособие для вузов. – М., 2004.
9. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности : Коллект. моногр. / науч. ред. Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – Спб. : Скифия-принт, 2014. – 408 с.
10. Пьянзова Т.В., Лузина Н.В. Особенности качества жизни больных, получающих противотуберкулезную терапию препаратами резервного ряда // Бюллетень сибирской медицины. – 2012. – № 4. – С. 163–164.
11. Рыбкова М.А., Огарева М.В., Хазова Е.Ю. Использование показателей качества жизни больных во фтизиопульмонологической практике // Бюллетень медицинских Интернет-конференций (ISSN 2224-6150). – 2013. – Т. 3. – № 2. – С. 413.
12. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания / пер. с англ. – М., 2011.
13. Шалаева О.Е. Сравнительный анализ показателей качества жизни у больных туберкулезом легких после консервативного и хирургического лечения : автореф. дисс. … кандидата медицинских наук по специальности 14.00.26 – фтизиатрия. – М., 2007.
14. Diener E. Subjective wellbeing: the science of happiness, and a proposal for a national index // Amer. Psychol. – 2000. – Vol. 55.
15. Jahoda M. Current concepts of positive mental health. – N.Y., 1958.
16. Leplege A., Hunt S. The Problem of Quality of Life in Medicine // The Journal of the American Medical Association. – 1997. – Vol. 278. – № 1. – P. 47–50.
17. Levine S. The Changing Terrains in Medical Sociology: Emergent Concern with Quality of Life // Journal of Health and Social Behavior. – 1987. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–6.
18. Lyubomirsky S., Sheldon K.M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change // Review of General Psychology. – 2005. – Vol. 9.
19. Ronen G. [et al]. Health-related quality of life in childhood disorders: a modifi ed focus group technique to involve children // Qual Life Res. – 2001. – Vol. 10. – № 1. – P. 71–79.
20. Ryff C.D. What I know and how I change: Is educa tion a help or hindrance during life transition? // Gerontological Society of America Meetings. – Los Angeles, 1995. – November. – 1078 p.
21. Ryff C.D., Singer B. The contours of positive human health // Psychological Inquiry. – 1998. – Vol. 9.
22. Sawyer N. [et al]. The relationship between asthma seventy, family functioning and the health-related quality of life of children with asthma // Qual Life Res. – 2000. – Vol. 9. – № 10. – P. 1105–1115.
23. Schwimmer J.B., Burwinkle T.M., Varm J.W. Health-related quality of life of severely obese children and adolescents // JAMA. – 2003. – Vol. 289. – № 14. – P. 1813–1819.
24. Sirgy M.J. The psychology of quality of life. Dordrecht; Boston; L., 2010.
25. Ware J.E., Snow K.K., Kosinski M., Gandek B. SF-36 Health Survey. Manual and interpretation guide // The Health Institute, New England Medical Center. Boston, Mass.1993.
26. WHO Global Report 2009. Global tuberculosis control – epidemiology, strategy, fi nancing. WHO. 2009. – URL : http:/www. whqlibdoc.who.int/publications (дата обращения 29.09.19).

Literature:

1. Aniskina E.A. [et al]. Life quality research of lung tuberculosis patients // Human ecology. – 2014. – № 4. – P. 58–62.
2. Burukhina L.V., Shurygin A.A., Shirinkina A.E. [et al.]. Psycho-emotional status of the patients being on treatment in antituberculosis hospital / mat-lya of scientific session of GOU VPO PGMA im. E.A. Wagner Roszdrav. – Perm, 2008. – P. 208–212.
3. Wasserman L.I., Trifonova E.A. Humanistic psychology, quality of life and value consciousness of personality // Sib. Psikhologich. zhurn. – 2011. – № 40. – P. 129–135.
4. Vinyarskaya I.V. Indicators of quality of life of healthy teenagers living in different regions of Russia // Public health and public health. – 2007. – № 3. – P. 37–40.

5. Karakulova O.A. [et al]. Investigation of life quality of patients with infiltrative lung tuberculosis // Bulletin of physiology and pathology of breathing. – 2012. – Issue. 43. – P. 70–73.
6. Kardanova L.D. Medico-social aspects of quality of life of lungs with tuberculosis : autoref. diss. ... Cand. of Medical Sciences. – M., 2008. – 24 p.
7. Molchanova L.F. Volkova E.N. Life quality of the tuberculosis patients as a criterion of the treatment efficacy // Modern problems of science and education. – 2011. – № 6.
8. Novik A.A., Ionova T.I. Research of life quality in medicine : a textbook for universities. – M., 2004.
9. Psychological diagnosis of disorders of the emotional sphere and personality : Kollekt. monogr. / edited by L.I. Wasserman, O.Yu. Shchelkova. – SPb. Scythia-Print, 2014. – 408 p.
10. Pyanzova T.V., Luzina N.V. Features of quality of life of patients receiving anti-tuberculosis therapy by drugs of reserve series // Bulletin of Siberian medicine. – 2012. – № 4. – P. 163–164.
11. Rybkova M.A., Ogareva M.V., Khazova E.Yu. The use of indicators of quality of life of patients in phthisiopulmonological practice // Bulletin of Medical Internet Conferences (ISSN 2224-6150). – 2013. – T. 3. – № 2. – P. 413.
12. Chiksentmihayi M. Flow: the psychology of optimal experience / per. from English – M., 2011.
13. Shalaeva O.E. Comparative analysis of quality of life indicators in patients with lung tuberculosis after conservative and surgical treatment : abstract dissertation. ... candidate of medical sciences on specialty 14.00.26 – phthisiatry. – M., 2007.
14. Diener E. Subjective wellbeing: the science of happiness, and a proposal for a national index // Amer. Psychol. – 2000. – Vol. 55.
15. Jahoda M. Current concepts of positive mental health. – N.Y., 1958.
16. Leplege A., Hunt S. The Problem of Quality of Life in Medicine // The Journal of the American Medical Association. – 1997. – Vol. 278. – № 1. – P. 47–50.
17. Levine S. The Changing Terrains in Medical Sociology: Emergent Concern with Quality of Life // Journal of Health and Social Behavior. – 1987. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–6.
18. Lyubomirsky S., Sheldon K.M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainableeding change // Review of General Psychology. – 2005. – Vol. 9.
19. Ronen G. [et al]. Health-related quality of life in childhood disorders: a modifi ed focus group technique to involve children // Qual Life Res. – 2001. – Vol. 10. – № 1. – P. 71–79.
20. Ryff C.D. What I know and how I change: Is educating a help or hindrance during life transi-tion? // Gerontological Society of America Meetings. – Los Angeles, 1995. – November. – 1078 p.
21. Ryff C.D., Singer B. The contours of positive human health // Psychological Inquiry. – 1998. – Vol. 9.
22. Sawyer N. [et al]. The relationship between asthma seventy, family functioning and the health-related quality of life of children with asthma // Qual Life Res. – 2000. – Vol. 9. – № 10. – P. 1105–1115.
23. Schwimmer J.B., Burwinkle T.M., Varm J.W. Health-related quality of life of severely obese children and adolescents // JAMA. – 2003. – Vol. 289. – № 14. – P. 1813–1819.
24. Sirgy M.J. The psychology of quality of life. Dordrecht; Boston; L., 2010.
25. Ware J.E., Snow K.K., Kosinski M., Gandek B. SF-36 Health Survey. Manual and interpretation guide // The Health Institute, New England Medical Center. Boston, Mass.1993.
26. WHO Global Report 2009. Global tuberculosis control – epidemiology, strategy, fi nancing. WHO. 2009. – URL : http:/www. whqlibdoc.who.int/publications (accessed on 29.09.19).

УДК 165.42

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОНИМАНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА СТУДЕНТАМИ

●●●●●●

OBJECTIVE FACTORS OF STUDENTS' UNDERSTANDING OF SCIENTIFIC TEXT

Карманова Татьяна Михайловна
старший преподаватель
кафедры прикладной психологии,
Пензенский государственный
университет
tatyanamihailovna@yandex.ru

Tatyana M. Karmanova
Senior Lecturer, Department
of Applied Psychology,
Penza State University
tatyanamihailovna@yandex.ru

Аннотация. Обратимся к анализу факторов, детерминирующих понимание научного текста. Подавляющее число авторов выделяют две их группы: объективные и субъективные; в некоторых случаях отдельно рассматривается еще одна группа – ситуационные факторы, трактуемые как внешние условия протекания процесса понимания научного текста. Поскольку в этой трактовке прямо указано, что это – внешние по отношению к субъекту понимания текста обстоятельства, мы считаем корректным отнесение ситуационных факторов к объективным. Таким образом, к объективным факторам мы будем относить характеристики текста и контекст, в котором протекает его освоение).

Ключевые слова: научный текст, объективные факторы, группы, ситуа.

Annotation. Let us turn to the analysis of the factors determining the understanding of the scientific text. The overwhelming number of authors distinguish two groups: objective and subjective, in some cases, another group is considered separately-situational factors, interpreted as external conditions for the process of understanding the scientific text. Since this interpretation explicitly States that these are external circumstances in relation to the subject of understanding the text, we consider it correct to attribute situational factors to objective ones. Thus, the objective factors we will refer to the characteristics of the text and the context in which its development takes place).

Keywords: scientific text, objective factors, groups, situational factors.

По мысли А.А. Леонтьева, правильное понимание любого сообщения определяется следующими факторами: построением самого текста, сложностью заложенной в тексте информации, а также интеллектуально-эмоциональной деятельностью, которую совершает читатель [11, с. 312]. В зарубежных исследованиях, чаще всего, к таким факторам относят: личностные характеристики читателя, свойства текста и учебный контекст, в котором проходит чтение [17, с. 45], подчеркивая, что, хотя они часто изучались изолированно, только их взаимодействие обеспечивает понимание текста [19, с. 277]. Для нас также очевидно, что понимание студентами научного текста зависит от диалектического единства внешних и внутренних факторов, т.е. от того, насколько тип текста, его структура, синтаксис и лексика будут адекватны возможностям конкретного студента — его мотивации к чтению текста, знания предмета, языковой компетенции и др.

Остановимся подробнее на изученных другими исследователями объективных факторах понимания научного текста.

Среди объективных факторов понимания текста, установленных в разных исследованиях, называются:

— организация и содержание текста [11, с. 312];

— семантические, структурные, лингвостилистические и паралингвистические особенности научного текста [8, с. 164];

— смыслоорганизованность текста [5, с. 432];

— знания, зафиксированные в научных текстах [8].

К контекстным объективным факторам относят:

— форму работы с текстом;

— форму подачи материала;

— количество участников процесса, их роли и функции;

— совокупность задач; наличие внешних стимулов, установок;

— пространственно-временной фактор [8, с. 164].

Любой текст имеет логическую структуру — иерархию речевых высказываний (предикаций) о некотором предмете. Именно от этой структуры, уверена М.А. Крылова, зависит доступность содержания для понимания [9, с. 89]. Чем сложнее текст, тем больше уровней предикаций, тем более труден он в восприятии читателя.

Самый подробный перечень характеристик научного текста как факторов его понимания представлен в диссертации Е.Ю. Крутских [8, с. 164].

Нам ближе в трактовке характеристик текста, в наибольшей степени связанных с его пониманием, подход Я.А. Микка, также полагающего сложность текста центральной из таких характеристик и выделяющего четыре компонента сложности: информативность текста, сложность предложений, ясность структуры текста, абстрактность изложения [12, с. 119]. Его подход подвергся некоторой доработке в исследовании Т.О. Золотухиной, обнаружившей, что из-за сложности учебных текстов студенты понимают лишь 50–70 % учебного материала, и давшей подробное описание каждого из названных компонентов сложности в отношении студенческого возраста [6].

Поскольку научный текст является средством хранения и передачи научных знаний, категория информативности определяет все остальные свойства текста [10]. Информативность текста может осложнять понимание текста, поскольку оно (понимание) связано с уже имеющимися у студента знаниями. Если в тексте слишком много новой для студента информации, понимание, требуя больших усилий, затрудняется.

Об информативности текста можно, в частности, судить по его лексике. Сложность текста связана с такими его лексическими особенностями, как:

— известность содержащихся в нем слов для читателя;

— соотношение житейских и научных понятий;

— разнообразие словаря (отношение количества разных слов к количеству всех слов в тексте);

— изобилие в тексте длинных слов, которые, с одной стороны, более информативны, с другой — менее знакомы читателю.

Ясность структуры текста, по Я.А. Микку, — еще один компонент его сложности. Он показал, что, чем ближе друг к другу находятся связанные элементы текста, тем яснее содержание текста для читателя. Из-за ограниченности кратковременной памяти трудно понимать необходимые связи далеко друг от друга отстоящих элементов [12, с. 119]. Инверсия в структуре текста, когда выводы излагаются до основывающих положений, вызывает особенные затруднения в понимании текста [6]. Сегментация текста (авторское деление на смысловые фрагменты) может, как способствовать пониманию его смысла, так и препятствовать анализу его частей. Излишняя сегментация приводится к дробности, утрате смысловой целостности [4].

Абстрактность изложения как объективный фактор понимания научного текста является, по нашему мнению, одной из основных причин затруднений понимания, что, в первую очередь, связано со спецификой научного знания, априори изобилующего абстрактными феноменами, и во вторую — с тем, что абстрактное мышление является позднейшим образованием в генезе человеческого мышления, для его развитой формы необходимо большое количество предусловий (например, образовательных) в ходе онтогенеза. Еще П.П. Блонский, указывая на три основные трудности понимания текста, третью из них связывал с пониманием отвлеченных рассуждений (две другие — понимание иностранных или неизвестных слов и понимание переносного и скрытого смысла). Причинами всех трудностей он называет слабое развитие абстрактного мышления, сравнительную бедность словарного состава, не многозначные связи словесных выражений с обозначенными ими реальными явлениями [1, с. 54].

Кроме сложности текста, на его понимание влияют, констатировал Л.П. Доблаев, некоторые особенности его изложения, порождающие проблемные текстовые ситуации, связанные в одних случаях с содержанием текста, в других — с особенностями и качеством его изложения [3, с. 176].

К первым относятся:

— ситуация новизны текстового субъекта (понимаемой как «нуждаемость» в его предикации);

— сложность предиката (вызывает необходимость выяснения в обобщенной форме того, какую мысль он раскрывает);

— противоречивость текстовых субъектов и опосредствованная связь между ними.

Ко вторым можно отнести проблемные ситуации:

— неполноты или отсутствия текстового субъекта или предиката в текстовом суждении;

— отсутствия целого текстового суждения или указания в формулировке текстового субъекта о характере его связи с предикатом;

— отсутствия в ней указания о содержании или полноте его модификации в субъектах последующего ранга;

— ситуацию логической неупорядоченности в изложении текстового суждения [3, с. 176].

Очевидно, что в научных текстах проблемные текстовые ситуации неизбежны, поскольку научное знание безгранично и читатель чаще всего вынужден иметь дело с новизной и сложностью содержания и изложения текста. Правда, иногда, проблемные текстовые ситуации порождаются не надлежащим способом изложения автором тех мыслей, ради которых создавался текст.

О форме изложения материала как факторе понимания текста говорит и Е.Ю. Крутских: свернутый или фрагментарный характер изложения темы требует от читателя навыков смыслового анализа компрессированного материала, а слишком обобщенное описание – конкретизации содержания, что связано либо с обращением к собственным знаниям в данной области, либо с поиском дополнительных источников информации [8, с. 164]. Кроме того, восприятию научного текста может мешать минимум эмоционально-выразительных средств, тогда как ранее, в школе, студентам, чаще всего, доводилось проводить подробный анализ художественных текстов в ракурсе их экспрессии. В научных текстах приходится иметь дело с сухостью изложения, отвечающей принципу объективности.

С.Л. Рубинштейн выделял характеристики, затрудняющие понимание текста:

— «отсутствие опорных точек», определяющих в каком качестве должен выступать элемент для включения в контекст;

— однозначность элементов, которые даны именно в том качестве, в котором они включены в контекст;

— наличие необходимых отправных точек для соответствующей мыслительной деятельности, но отсутствие попыток вовсе снять необходимость в ней [13].

Нахождение опорных (ключевых) слов считает необходимым приемом для понимания текста и А.Ю. Устинов. Опорными принято считать слова, способные передать главную информацию текста и служить опорой для дальнейшего воспроизведения. Основными признаками опорных слов, имеющими максимальный семантический вес, являются:

1) способность принимать логическое ударение,
2) грамматические характеристики слова в тексте,
3) семантическая обусловленность [14, с. 462].

Опорные слова, обычно, находятся в начальной части текста.

Понимание научного теста связывают также со стилем его изложения. Стиль научно-академических текстов, отличающихся терминологической насыщенностью, строгостью в обращении с нормами литературного языка, сложностью синтаксиса, множеством цитат может вызывать большие затруднения при чтении и понимании, чем стиль научно-популярных произведений

Обращаясь к проблеме сложности психологических текстов, Т.О. Золотухина отмечает, в частности, что учебные тексты нового поколения являются как бы переводчиками первоисточников (классических учебных текстов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна) на более понятный язык, что приводит к их большей доступности для студентов-психологов, но при этом нередко теряются «тонкости перевода» [6]. А в исследовании Л.В. Ширинкиной получены общие семантические характеристики образа содержания текста, привносимые реципиентом при его восприятии: активный — пассивный, приятный — неприятный, интересный — неинтересный и др. Специфичны эти характеристики для психологических текстов: «познавательный — непознавательный», «разнообразный — однообразный», «спокойный — агрессивный» [16, с. 235]. Можно предположить, что пониманию психологических текстов студентами благоприятствовали ситуации, соответствующие первым характеристикам из этих трех дихотомий.

Т.В. Дроздова считает объективными трудностями восприятия профессионально ориентированного текста проблемы понимания, связанные с типичными лексико-семантическими ошибками:

а) ложные лексические ассоциации на основе внешней структурной близости определенных слов;

б) ассоциации на основе смысловой близости слов или их значений.

Она полагает, что пониманию научного текста способствует обобщение отдельных текстовых фрагментов: схемы, перечисления, алгоритмы и т.п. [4].

Форма работы с научным текстом также влияет на его понимание. В вузе это, прежде всего, связано с основными формами занятий. В ходе лекции понимание студентами научной информации обусловливается в первую очередь риторическими умениями лектора, от него студенты могут получить примеры структурирования материала, выделения ключевой информации, опорных смыслов. На семинарских занятиях студент демонстрирует свое понимание научного текста через ответы на вопросы, сообщение или доклад, подготовленные самостоятельно на основе научных источников; здесь может происходить корректировка его навыков работы с текстом со стороны преподавателя и в ходе группового обсуждения. Практические занятия предоставляют возможность детальной проработки правильных алгоритмов работы с научным текстом, включая поиск ключевых слов, формирования гипотез, смысловой анализ его частей и пр.

Диадная или групповая форма анализа текста также может стать эффективной для понимания студентом его содержания. Здесь важно правильно задействовать открытые в социальной психологии и дидактике закономерности, связанные групповыми развивающими эффектами.

В связи с таким фактором, как форма подачи материала, интерес представляют сравнительные исследования восприятия и понимания текстов на различных носителях. В.А. Чумаковой обнаружено, что текст на бумажном носителе оценивается респондентами как более удобный в работе с научной информацией, более доступный для анализа и понимания. Она отмечает, что в работе с электронным текстом более ярко проявляются такие стратегии, как копирование фрагментов авторского текста без привнесения личностных смыслов, оценка воспринимаемой информации по принципу «значимо / не значимо», фрагментарное чтение и чтение без аналитического осмысления. Следовательно, работа с текстом на бумажном носителе в большей степени позволяет выстраивать не репродуктивный процесс, а аналитический, рефлексивный в работе с текстовой информацией [15, с. 270]. А. Манген утверждает, что при чтении электронных текстов у субъекта исчезает ощущение количества и полноты, такой текст, ограниченный размером экрана, теряет целостность, не позволяет создать ментальную карту текста, что влияет на целостность восприятия. Чтение бумажного текста, по его данным, способствует связи между сенсорно-моторными и когнитивными процессами в разных областях мозга [18, с. 410]. Таким образом, можно заключить, что при необходимости формирования у студентов компетенции понимания научного текста лучше использовать бумажные носители.

Д.С. Гнедых систематизировала перечень педагогических условий эффективности усвоения учебной информации в учебном процессе:

— подходы к построению занятия (например, ориентация на личностно-ориентированное или развивающее обучение);

— принципы изучения учебного материала;

— принципы структурирования учебного материала;

— учебно-методические комплексы, раскрывающие технологию обучения;

— обучающие программные и мультимедийные средства;

— специфика учебных программ; интерактивные формы обучения [2, с. 235].

Если допустить трактовку фактора как актуализированного условия, то все названные Д.С. Гнедых условия можно считать объективными факторами формирования у студентов компетенции понимания научных текстов. Добавим по поводу такого фактора, как специфика учебных программ, что В.П. Иванова на основе контент-анализа выявила слабое отражение в них операциональной стороны познавательной деятельности студента и считает это фактором, затрудняющим усвоение и понимание научных текстов [7, с. 179].

Таким образом, к объективным факторам понимания научного текста, которые могут благоприятствовать пониманию, но могут и вызывать его затруднения, относятся характеристики текста и контекст, в котором протекает его освоение, и прежде всего: сложность текста (информативность, сложность предложений, ясность структуры, абстрактность изложения), цельность и связность текста, стиль изложения, форма работы с научным текстом, вид текстовых носителей.

Литература:

1. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2-х томах / под ред. А.В. Петровского. – М. : Педагогика, 1979. – Т. 2. – 400 с.
2. Гнедых Д.С. Эффективность усвоения учебной информации студентами в условиях электронного обучения : дис. … канд. психол. наук. – СПб., 2015. – 235 с.
3. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. – М. : Педагогика, 1982. – 176 с.
4. Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
5. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
6. Золотухина Т.О. Психолого-педагогические условия оптимизации понимания учебных текстов студентами-психологами : дис. … канд. психол. наук. – Воронеж, 2008.
7. Иванова В.П. Понимание научного текста как фактор формирования интеллектуальной культуры студентов : дис. … канд. психол. наук 19.00.07. – Бишкек, 2004. – 179 с.
8. Крутских Е.Ю. Психологические условия развития понимания научного текста в процессе подготовки студентов : дис. … канд. психол. наук. – Астрахань, 2006. – 164 с.
9. Крылова М.А. Технологии анализа и понимания учебного и научного текста : учебное пособие. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. – 89 с.
10. Ледовских С.Л. Обучение стратегиям понимания научного текста студентов естественно-научного профиля (английский язык) : дис. … канд. пед. наук. – Тамбов, 2004.

11. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
12. Микк Я.А. Оптимизация сложности учебного текста. – М. : Просвещение, 1981. – 119 с.
13. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1976. – 2-е изд. – 416 с.
14. Устинов А.Ю. Функционально-семантический подход к изучению средств языковой модальности в школьном курсе русского языка : дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2009. – 462 с.
15. Чумакова В.А. Психологический анализ особенностей восприятия и понимания текста на бумажном носителе в электронной среде // Научные труды РИВШ. – 2016. – № 16–2. – С. 264–271.
16. Ширинкина Л.В. Восприятие текста как психологический феномен : дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 2004. – 235 с.
17. Goldman S.R., & Bisanz G.L. (2002). Toward a functional analysis of scientific genres: Implications for understanding and learning processes. In J. Otero, J. A. Leon, & A. C. Graesser (Eds.), The psychology of science text comprehension (pp. 19–50). Mahwah, NJ: Erlbaum.
18. Mangen A. Hypertext fiction reading: haptics and immersion // Journal of Research in Reading. – 2008. – Vol. 21. – № 4. – P. 404–419.
19. Rap D.N., & van den Broek P. (2005). Dynamic text comprehension. Current Directions in Psychological Science, 14, 276–279.

Literature:

1. Blonsky P.P. Selected pedagogical and psychological works. In 2 volumes / Under edition of A.V. Petrovskiy. – M. : Pedagogy, 1979. – T. 2. – 400 p.
2. Gnedykh D.S. Efficiency of learning of the educational information by students in the conditions of the electron-tron training : Diss. ... Cand. psychol. of sciences. – St. Petersburg, 2015. – 235 c.
3. Dobleev L.P. Meaning structure of an educational text and problems of its understanding. – M. : Pedagogy, 1982. – 176 p.
4. Drozdova T.V. Problems of Understanding a Scientific Text : Proc. Dis. … Dr. Phil. of Science. – M., 2003.
5. Winter I.A. Linguopsychology of speech activity. – M. : Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh : NPO «MODEC», 2001. – 432 p.
6. Zolotukhina T.O. Psychological and pedagogical conditions of optimization of understanding of educational texts by students-psychologists : Dissertation. ... Cand. psychol. of sciences. – Voronezh, 2008.
7. Ivanova V.P. Understanding of a scientific text as a factor of formation of the students' intellectual culture : Cand. Cand. psychol. sciences. 19.00.07. – Bishkek, 2004. – 179 p.
8. Krutskikh E.Yu. Psychological conditions for the development of understanding of a scientific text in the process of preparing students : Cand. Cand. psychol. of sciences. – Astrakhan, 2006. – 164 p.
9. Krylova M.A. Technology of analysis and understanding of an educational and scientific text : educational in a similar way. – Tver : Tver State University, 2012. – 89 p.
10. Ledovskikh S.L. Teaching strategies for understanding the scientific text of the students of the scientific profile (English) : CD. Cand. ped. of sciences. – Tambov, 2004.
11. Leontyev A.A. Psycholinguistic units and generation of speech expression. – M. : URSS Unitorial, 2003. – 312 p.
12. Mikk Ya.A. Optimization of complexity of an educational text. – M. : Enlightenment, 1981. – 119 p.
13. Rubinstein S.L. Problems of the general psychology. – M., 1976. – 2nd ed. – 416 p.
14. Ustinov A.Yu. Functional-Semantic Approach to the Study of Means of Linguistic Distance in a School Course of the Russian Language : Dis. ... Dr. ped. of Sciences. – M., 2009. – 462 p.
15. Chumakova V.A. Psychological analysis of the peculiarities of perception and understanding of the text on paper in the electronic environment // Proceedings of RIVSh. – 2016. – № 16–2. – P. 264–271.
16. Shirinkina L.V. Perception of a text as a psychological phenomenon : diss. … Cand. psychol. of sciences. – Perm, 2004. – 235 p.
17. Goldman S.R., & Bisanz G.L. (2002). Toward a functional analysis of scientific genres: Implications for understanding and learning processes. In J. Otero, J.A. Leon, & A.C. Graesser (Eds.), The psychology of science text comprehension (pp. 19–50). Mahwah, NJ: Erlbaum.
18. Mangen A. Hypertext fiction reading: haptics and immersion // Journal of Research in Reading. – 2008. – Vol. 21. – № 4. – P. 404–419.
19. Rap D.N., & van den Broek P. (2005). Dynamic text comprehension. Current Directions in Psychological Science, 14, 276–279.

УДК 616.089-008:159.9

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕЙРОХИРУРГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

●●●●●●

EMOTIONAL BURNOUT AS PSYCHOSOCIAL ISSUE OF DOCTORS FROM NEUROSURGERY DEPARTMENT

Ковелина Татьяна Афанасьевна
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии,
психологии и педагогики,
Кубанский государственный медицинский
университет Минздрава России
kovelina.56@mail.ru

Tatyana A. Kovelina
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Department of Philosophy,
Psychology and Pedagogy,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health Care
of the Russian Federation
kovelina.56@mail.ru

Волков Дмитрий Александрович
врач-нейрохирург
нейрохирургического отделения № 2,
Научно-исследовательский институт –
Краевая клиническая больница № 1
имени профессора Очаповского
министерства здравоохранения
Краснодарского края
kovelina.56@mail.ru

Dmitry A. Volkov
Neurosurgeon,
neurosurgical department № 2,
Research Institute – Regional Clinical
Hospital № 1 named after professor
of Ochapovsky Ministry of Health
of the Krasnodar Territory
kovelina.56@mail.ru

Хрусталева Юлия Олеговна
студентка III курса
педиатрического факультета,
Кубанский государственный медицинский
университет Минздрава России
hrustaleva_17@mail.ru

Yulia O. Khrustalyova
3rd year student of the faculty of pediatrics,
Kuban State Medical University
of the Ministry of Health Care
of the Russian Federation
hrustaleva_17@mail.ru

Аннотация. В статье на основе социально-психологического исследования изучена проблема эмоционального выгорания у врачей нейрохирургического профиля. Сделаны выводы о том, что в трехфакторной модели синдрома эмоционального выгорания эмоциональному истощению подвержены лица в самой трудоспособной возрастной группы – 45–55 лет. Однако такие симптомы, как деперсонализация и редукция личностных достижений не являются для них характерными и переживаются как экзистенциальные состояния, порожденные не проблемами профессии, а социальными детерминантами.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция жизненных достижений, эмпатия, психоэмоциальное состояние личности, профессиональная деятельность врача.

Annotation. The problem of neurosurgical doctor is emotional burnout on the basis of psychosocial research is studied in this issue.It is concluded that in the tree factor model of burnout syndrome, persons of the most able-bodied age group – 45–55 years-are subjected to emotional burnout.However such symptoms as depersonalization and reduction of personal achievements are not typical for them and are experienced as existential states generated not by the problems of the profession, but social determinants.

Keywords: emotional burnout syndrome, burnout, depersonalization, reduction of lifetime achievements, empathy, psychoemotional state of person, doctor's professional practice.

Научный интерес к изучению психоэмоционального состояния врачей различных специальностей имеет достаточно глубокие гносеологические корни, уходящие в медицинскую профессиональную этику и деонтологию. Но если в этих областях знания акцентировалось внимание на личностных качествах врача, связанных с его врачебным самосознанием, таких как достоинство, честь, милосердие, сострадание, гуманность, справедливость, которые необходимо воспитывать в себе каждому врачу как должные, то их психоэмоциональная составляющая оставалась вне поля зрения исследователей. Этику и деонтологию «волновало» нравственное содержание, но какими психологическими усилиями это достигается, насколько они суггестивны для самого врачам — эти вопросы стали актуализироваться только в 70–80-е годы XX века. Причем, наибольший интерес проявили к их изучению западноевропейские психологи, отмечающие, что в условиях технократизации и информатизации современного общества, субъекты трудовой деятельности переживают сложные психоэмоциональные состояния, которые могут привести и приводят к психологическому отклонению — профессиональному выгоранию [2].

Сам термин «burn-out», что дословно означает «персонал выгорел», был введен американским психологом Гербертом Фрейденбергом в 1974 году. Профессиональное выгорание — психологически болезненное состояние, приводящие субъекта деятельности к эмоциональному истощению, что в свою очередь, снижает эмоциональную сферу личности, способствует его душевному опустошению, становится причиной утраты жизненных смыслов. Это в дальнейшем влияет на эмпатию врача, он становится раздражительным, исчезают чувство сопереживания, сострадания. И наконец, в результате пережитых состояний снижается уровень профессиональных мотиваций, исчезают потребности в повышении своего мастерства, квалификации, человек становится безразличным в своей профессиональной сфере. Кроме того, синдром эмоционального выгорания становится серьезной причиной негативных физиологических состояний, связанных с головными болями, «скачками» АД, заболеваниями ЖКТ, нервными расстройствами. Многие врачи в качестве выхода из состояния раздражительности и эмоционального угнетения предпочитают употребить алкоголь и табакокурение, тем самым нанося вред своему здоровью. Распространенность синдрома эмоционального выгорания в глобальном масштабе стало важнейшим фактором объяснения его как заболевания, которое под кодом QD85 был записан в новый каталог Международной классификации болезней (МКБ-11), который вступит в силу 1 января 2022 года.

Таким образом, изучение эмоционального выгорания врачей является важнейшей социально-психологической проблемой, которую следует изучать на основе интеграции ряда наук — психологии и гигиены труда, культурологии, социологии медицины, медицинской этики и деонтологии.

Исходя из актуальности темы, была поставлена цель – выявить уровень и особенности психоэмоциального выгорания у врачей — нейрохирургов. В связи с этим, предполагается решить следующие задачи — изучить проблему эмоционального выгорания через анализ различных теоретических источников и провести собственное исследование синдрома выгорания среди врачей-нейрохирургов.

В качестве базы исследования выбрано нейрохирургическое отделение № 2 НИИ ККБ № 1. Проведено обследование 15 врачей в возрасте от 29–45 лет.

Информационной базой послужили — Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 14 марта 2018 г. № 141н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач-нейрохирург», Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», труды российских и зарубежных исследователей проблемы эмоционального выгорания [1; 3–7].

Методологическую базу составили деятельностный, информационный подходы, методы статистического анализа, монографически-описательный метод. С целью определения уровня эмоционального истощения, деперсонализации и профессиональных достижений, использовался «Тест на эмоциональное, профессиональное выгорание» К. Маслач и С. Джексон, адаптированный Н. Водопьяновой.

Результаты исследования

Профессиональная деятельность врачей-нейрохирургов осуществляется в достаточно сложных условиях. В области изучения гигиены труда авторами отмечается, что именно хирурги различных специальностей трудятся в условиях повышенного преобладания неблагоприятных факторов, влияющих на их физическое здоровье и психоэмоциональное состояние (Жукова и др.). Все эти факторы условно подразделяют на:

— физические, к которым относят вибрации и шумы от работающих приборов и аппаратов, ультрафиолетовое, лазерное, рентгеновское излучения, ультразвуки и токи от СВЧ, повышенные температура воздуха и давление в операционной;

— химические факторы — действия паров лекарств, аэрозолей, антисептиков, анестетиков и др. препаратов.

Кроме этого, на организм врача-нейрохирурга влияют и биологические факторы, связанные с наличие в ЛПУ патогенных микроорганизмов, антибиотиков, вирусов, так же врач находится в рисковом положении в связи с применением препаратов крови, вакцин и прочих биологических средств.

Профессиональная деятельность врачей-нейрохирургов характеризуется повышенным уровнем эмоционального напряжения, требует концентрации памяти и воли, усилий при выработке собственной психологической стрессоустойчивости и работоспособности в экстремальных условиях, при этом сохраняя высокий уровень профессиональной ответственности и личностных моральных качеств. Труд врача-нейрохирурга подвержен влиянию органомических факторов, к которым относят вынужденное положение тела врача при выполнении операций, напряжение мышц, органов [2].

Однако кроме факторов, связанных с гигиеной труда, на психо-эмоциональное состояние врачей-хирургов активное влияние оказывают факторы социального порядка — атмосфера социального окружения, осознание обществом ценности врачебной профессии, её престиж, материальное и моральное поощрения, чувство социальной справедливости, устойчивый характер повседневной жизни врача. Известно, что в условиях урбанизации риск пережить психоэмоциональное напряжение значительно выше, чем в сельской местности или небольших городах. Особенно подвержены психоэмоциональным стрессам и выгоранию личности, обладающие интровертным характером, неустойчивой психикой, склонные к тяжелым переживаниям обид, проблем в личной жизни и проч. Таким образом, можно заключить, что эмоциональное выгорание есть следствие влияния нескольких причин — гигиенических условий труда, социальных факторов, социально-психологических и психоэмоциональных характеристик личности врача.

Основываясь на трехфакторной модели синдрома, предложенной Е. Хартманом, К. Маслач и Б. Пельманом, в ходе нашего исследования было установлено, что 78 % из опрошенных врачей-нейрохирургов в той или иной диагностируют у себя эмоциональное истощение, отмечая, что в течение длительного времени (несколько дней) испытывают чувство опустошенности, апатии, уныния, снижения эмоционально-волевого тонуса. Причем, такая ситуация характерна для самого продуктивного трудового возраста — 35–55 лет (табл. 1). Для возрастной группы 25–35 лет не свойственны длительные эмоциональные переживания, приводящие к апатии или истощению. Однако 6 % в этой группе отметили, что иногда их «посещает» уныние и безразличие, а 2 % иногда переживают некоторые экзистенциальные состояния — социальные страхи, снижение эмоционально-волевого тонуса. Можно заключить, что и для более молодой возрастной группы характерно проявление «эмоционального дефицита».

Таблица 1 – Возрастные показатели эмоционального истощения

Возраст врачей-нейрохирургов	Длительное переживание ЭИ	Иногда	Крайне редко
25–35 лет	нет	2 %	6 %
35–45	7 %	2 %	2 %
45–55	23 %	нет	нет
55–65	28 %	8 %	2 %

Деперсонализация в определенной степени свойственна врачам нейрохирургам. Так, специалисты в возрасте 25–35 лет отмечают такие собственные личностные качества как сопереживание, сопричастность общему делу, чувство коллективизма, сострадание, желание остаться в профессии (100 %). Но в группе 35–45 лет 5 % отмечают чувство неудовлетворения профессией, условиями и оплатой труда, и как следствие, — частое проявление внутреннего раздражения, в том числе, по отношению к коллегам и пациентам, ослабление эмпатии. В возрастной группе 45–55 лет такое состояние отмечают 4 %, а в группе 55–65 лет — 10 %. Но в группе 65 и более лет состояние деперсонализации не отмечается (табл. 2). Очевидно, это связано с устойчивыми ценностями, которые сформировались в сознании врачей на протяжении их долгой профессиональной жизни и тех нравственных качеств, которые были сформированы прошлой врачебной этикой, ориентированной на милосердие и сострадание к больному человеку.

Редукция личностных и профессиональных достижений проявляется в социально-профессиональном нигилизме, пассивности в труде, отсутствии должной мотивации на успех, на повышение квалификации, разочарование в ценностях, в том числе профессиональных. Среди опрошенных врачей-нейрохирургов редукция личностных достижений выражена крайне слабо и в основном, характерна для лиц возрастной группы 65 и более лет. (табл. 3). Респонденты этой возрастной группы склоны негативно оценивать свои личностные и профессиональные

достоинства. Однако, смеем предположить, это связано не столько в негативизме по отношению к себе, сколько с самокритикой и высокими требования к себе как профессионалу.

Таблица 2 – Деперсонализация врачей-нейрохирургов по возрастным группам

Возраст врачей нейрохирургов лет	Проявление деперсонализации			
	Циничное отношение к пациентам	Ослабление эмпатии	Глубокое чувство сострадания сопереживания	Чувство коллективизма сопричастности общему делу
25–35	–	–	100 %	100 %
35–45	–	–	100 %	100 %
45–55	–	2 %	10 %	100 %
55–65	–	10 %	12 %	100 %

Таблица 3 – Редукция личностных достижений врачей-нейрохирургов по возрастным группам

Возраст врачей нейрохирургов лет	Проявление редукции личностных достижений			
	Отсутствие мотивации к профессии	Разочарование в жизненных смыслах	Разочарование в профессиональных ценностях	Переживаемое чувство социального пессимизма
25–35	–	–	–	2 %
35–45	–	–	–	15 %
45–55	3 %	–	–	17 %
55–65	–	2 %	–	78 %

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать выводы о том, что эмоциональное выгорание врачей нейрохирургического отделения № 2 НИИ ККБ № 1 наиболее выражено в факторах эмоционального истощения. Особенно обращает на себя внимание группы лиц в возрасте 45–65 лет. При этом деперсонализация и редукция личностных достижений в этой возрастной группе отсутствует. Напротив, для них характерно чувство коллективизма, преданность профессии. Анализ показал, что основными детерминантами, влияющими на психоэмоциональное истощение, являются факторы социального порядка.

В целом, можно заключить, что врачи нейрохирургического профиля отличаются исключительной выносливостью, не снижая уровень самоконтроля и ответственности показывают высокую степень активности и контроля в течении всего рабочего времени.

Литература:

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – Спб. : Изд-во «Питер», 2009.
2. Жукова В. [и др.]. Гигиенические особенности профессиональной деятельности отдельных групп медицинских работников (хирургов, анестезиологов, стоматологов, терапевтов, физиотерапевтов) : учебно-методическое пособие для студентов.
3. Удовик С., Молокоедов А., Слободчиков И. Эмоциональное выгорание профессиональной деятельности. – М. : Изд-во «Левъ», 2018.
4. Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания: клинические и психологические аспекты. – М. : Изд-во «МЕДпресс-информ, 2015.
5. R. K.E., Gude T., Tyssen R., Aasland O.G. Counselling for burnout in Norwegian doctors: one year cohort study. BMJ. 2008; 337:2004. – URL : https://doi.org/10.1136/bmj.a2004
6. Mc Cue J.D., Sachs C.L. A Stress Management Workshop Improves Residents' Coping Skills. Arch Intern Med. 1991; 151 (11): 2273–2277. – URL : https://doi.org/10.1001/archinte.151.11.2273
7. Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual. California: CPP, Inc; 1996. 3rd ed.

Literature:

1. Vodopyanova N.E. Psychodiagnostic stress. – Spb. : Published in «Peter», 2009.
2. Zhukova V. [et al]. Hygienic features of the professional activity of separate groups of medical workers (surgeons, anesthesiologists, dentists, therapists, physiotherapists) : a training manual for students.

3. Udovik S., Molokoedov A., Slobodchikov I. Emotional burnout of professional activity. – M. : Publishing House «The Lion», 2018.
4. Emotional Burning Syndrome: Clinical and Psychological Aspects. – M. : Medpress-Inform Publishing House, 2015.
5. R. K.E., Gude T., Tyssen R., Aasland O.G. Counselling for burnout in Norwegian doctors: one year cohort study. BMJ. 2008; 337:2004. – URL : https://doi.org/10.1136/bmj.a2004
6. Mc Cue J.D., Sachs C.L. A Stress Management Workshop Improves Residents' Coping Skills. Arch Intern Med. 1991; 151 (11): 2273–2277. – URL : https://doi.org/10.1001/archinte.151.11.2273
7. Maslach C., Jackson S.E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual. California: CPP, Inc.; 1996. 3rd ed.

УДК 796-159.955.4

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

●●●●●●

PROFESSIONAL REFLECTION IN THE ACTIVITY OF A SPECIALIST IN PHYSICAL REHABILITATION

Олейник Юлия Васильевна
психолог,
ООО «Успех-Персонал»
juliyaoleynik@rambler.ru

Julia V. Oleynik
Psychologist,
LLC «Success-Personnel»
juliyaoleynik@rambler.ru

Аннотация. Автором исследованы теоретические вопросы рефлексии специалиста сферы физической реабилитации, относится к типу профессий «человек-человек» с высоким уровнем психоэмоционального напряжения и риском развития профессиональной деформации. Рефлексия является фактором, побуждающим к дальнейшему развитию личности физического реабилитолога как профессионала. Процесс рефлексии в физреабилитационной практике дает возможность прогнозировать, анализировать деятельность и оценивать эффективность своего профессионального и личностного развития.

Ключевые слова: рефлексия, физический реабилитолог, профессиональная деятельность.

Annotation. Theoretical questions of reflection of the specialist areas of physical rehabilitation, refers to the type of professions «man-man» with a high level of psychoemotional tension and risk for the development of professional deformation. Reflection is a factor that encourages the further development of the personality of the physical rehabilitologist as a professional. The process of reflection in physical rehabilitation practice makes it possible to predict, analyze the activities and evaluate the effectiveness of their professional and personal development.

Keywords: reflection, physical rehabilitation, professional activity.

Постановка проблемы

В последнее время все большей популяризации приобретает процесс сохранения состояния здоровья и формирования здорового образа жизни современного человека. Труд специалистов по физической реабилитации направлен на преодоление различных факторов «нездоровья» с целью кумуляции знаний и умений и передачи практических навыков здоровьесбережения в общество. В клинической практике больше внимания уделяется отдельным специализациям медицинских направлений лечения уже имеющихся патологических процессов. В то же время, специалист — физический реабилитолог, руководствуясь принципом «холистического подхода индивидуального здоровья», несет ответственность за профилактику, сохранение и восстановление состояния здоровья в целом [2].

Современное общество нуждается в высокообразованных, мобильных и инициативных специалистах — физических реабилитологов, способных к систематическому обновлению знаний, навыков и умений, руководствуясь концептуальными подходами психолого-педагогического аспекта.

Профессиональная деформация в любой сфере деятельности — это особое состояние, которое является результатом негативного взаимодействия профессии и личности индивида. Часто, профессиональную деформацию связывают с работой в социальной сфере, а именно сфере «человек-человек».

Согласно концепции Е. Климова, сферу физической реабилитации, можно отнести к типу профессий «человек-человек».

Анализ последних исследований и публикаций. Способность специалиста реализовывать профессиональную деятельность обусловлено различными факторами, ориентировочными среди которых являются: система методов и целей, наличие профессиональных знаний и умений, непосредственное включение личности в деятельность [4].

Несмотря на то, что работа указанных специалистов подходит под класс профессий с высоким уровнем психоэмоционального напряжения, процесс профессиональной деформации в физреабилитационной деятельности происходит под влиянием содержания и специфичности течения условий трудовой деятельности.

Учитывая специфический характер деятельности физического реабилитолога, следует отметить, что в ней потенциально заложена вероятность развития профессиональной деформации личности, что влияет на целостность личности, снижает адаптивность, ухудшает межличностную взаимодействие и отрицательно сказывается на продуктивности деятельности и на психологической адекватности поступков [6]. Обостряет проблему и тот факт, что профессиональная деформация является мигрирующим явлением из «Я профессионального» на сферу деятельности «Я человеческого».

В поисках путей преодоления профессиональной деформации и сохранения компетентности специалистов различных отраслей ученые-психологи (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалева, В.А. Сластенин и др.) акцентируют внимание на «рефлексии», что отождествляется с базовыми категориями: мышления, становление и развитие личности, тогда, как ряд ученых (Н.Г. Алексеев, И.А. Зимняя, А. В. Карпов и др.) были сосредоточены на изучении феномена рефлексии с учетом профессиональных позиций.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Следовательно, преодоление профессиональной деформации физического реабилитолога возможно с помощью развития рефлексии, в частности профессиональной, которая позволит специалисту осознать назначение деятельности, содержание своей «миссии» в реабилитационном процессе, мотивы поведения пациентов, последствия своего личностного влияния на них [8]. Поэтому сохранение высокого уровня профессиональной компетентности специалистов по физической реабилитации является одним из актуально заостренных вопросам здоровьесбережения современности.

Цель статьи

Главной целью этой работы является: проанализировать, исследовать и научно обосновать реализацию рефлексии в условиях трудовой деятельности специалистов-физических реабилитологов для профилактики и устранения профессиональной деформации у представителей указанной отрасли [10].

Изложение основного материала исследования. На современном этапе развития науки понятие «рефлексия» изучается и анализируется с позиции психологии, которая взаимосвязана с базовыми категориями: мышление, становление и развитие личности, однако, рефлексия была выделена и отделена как самостоятельное особое психологическое явление.

В психологии существует множество определений понятия «рефлексия». При этом в зависимости от сферы, в которой проводится исследование, выделяются его особенности, которые, определенным образом, касаются осознания человеком собственного сознания и собственных действий.

Так, в начале XX века А. Буземан предложил психологию рефлексии. Слово «рефлексия» — «reflexio», в переводе означает «отражение» или «обращение назад».

В психологических словарях понятие «рефлексия» трактуется не только как знание человеком особенностей своей личности, но и как понимание своих психических состояний, личностных проявлений, эмоциональных реакций. Рефлексия — это явление, которое существует от рождения, развивается лично человеком на протяжении его жизни и является средством жизнедеятельности вообще и профессиональной деятельности, в частности [12, с. 15]. Во время рефлексии человек получает другой, в отличие от чувственного понимания, опыт. Она становится возможной, когда у человека есть особое сознательное отношение к самому себе.

С.В. Кондратьева, Б.Ф. Ломов считают, что рефлексия охватывает процессы коммуникации личности, самосознания и самостоятельного осмысления. Она является основой позитивных межличностных контактов, обеспечивает согласованные действия партнеров во время их совместной деятельности, определяет партнерские качества личности (интуиция, чуткость, терпимость, безусловное принятие и понимание других людей) и является важным фактором самосовершенствования личности.

Советские психологи Ю.М. Кулюткин, Г.С. Сухобская изучали феномен развития рефлексии в совместной деятельности, которая инициирует коммуникацию и кооперацию. Они отметили, что, включаясь в те или иные ситуации совместной деятельности, человек занимает в них функциональные позиции, примеряет разные роли. Таким образом, личность, накапливая опыт взаимодействия с другими людьми, интериоризирующая функциональные позиции, развивает в себе способность к самоуправлению своей деятельностью (планирует, организует и контролирует свои действия). Ученые вышеупомянутый феномен назвали рефлексивной саморегуляцией, поскольку он связан с отражением личностью своих внутренних процессов, своего «Я».

А.В. Петровский исследовал рефлексию при анализе деятельности людей и выделил следующие ее виды: ретроспективная и проспективная. Ретроспективная рефлексия является видом восстановления истории любого акта деятельности, следствием которой является появление активности личности; проспективная рефлексия представляет собой динамику

переживания потребностей в осуществлении любой деятельности, что способствует активности в новых направлениях [13, с. 1379]. То есть, те предметы, которые раньше не воспринимались средствами, теперь дают человеку новые возможности действия.

А.В. Карпов, исследуя феномен «рефлексия», выделил четыре ее уровня, которые зависят от сложности рефлексируемого содержания:

— первый уровень — это рефлексивная оценка личностью ситуации в данный момент времени (оценка чувств и мыслей в определенной ситуации, оценка поведения в этой ситуации других людей);

— второй уровень представляет собой построение личностью суждение о том, что чувствует другой человек в подобной ситуации;

— третий уровень — это появление представлений о том, как другой человек воспринимает себя;

— четвертый уровень представляет собой формирование представлений о том, как один человек понимает мысли другого человека по поводу ее поведения в различных ситуациях.

Выделяют следующие виды рефлексии: ретроспективную, ситуативную (актуальную) и перспективную.

Ретроспективная рефлексия — это отслеживание человеком собственных прошлых состояний, склонность к анализу выполненной деятельности и прошедших событиях. Она направлена на выявление и воссоздание схем того, что было в прошлом, процессов, которые произошли [11, с. 45]

Перспективная рефлексия — это отслеживание человеком собственных состояний при планировании будущего, при этом человек анализирует и корректирует схемы и средства деятельности в будущем.

Ситуативная рефлексия является способностью осознавать себя и свое состояние на данный момент (осознание ситуаций и анализ того, что происходит).

Ю.М. Орлов выделяет саногенную рефлексию, которая возникает во время эмоциональных ситуаций, провоцирующие возникновение переживаний различных страхов (неудачи, чувство вины, стыда, обиды) и приводит к уменьшению личностных страданий от подобных негативных эмоций. Основная функция саногенной рефлексии — это регулирование эмоционального состояния человека.

На сегодня проблема рефлексии занимает ведущее место в психологии профессиональной деятельности, для нас интересно влияние профессиональной рефлексии на деятельность специалиста физической реабилитации.

Рефлексия в деятельности физического реабилитолога — это процесс мысленного, предварительного или ретроспективного анализа какой-либо профессиональной проблемы или успеха, в результате которого возникает осознание содержания проблемы, появляются новые перспективы их решения. По нашему мнению, рефлексирующий физический реабилитолог — это думающий, анализирующий, творчески развит и исследующий свой профессиональный опыт специалист, особой потребностью которого является потребность в саморазвитии и самосовершенствовании [9].

С помощью рефлексии физреабилитолог может прогнозировать свою деятельность и проводить ее критический анализ, реорганизовывать себя и оценивать эффективность своего личностного развития, это — постоянные размышления о себе и своей деятельности. Рефлексия помогает избежать многих негативных последствий, ошибок в восприятии и понимании, ложной интерпретации своих действий и поступков.

В профессиональной деятельности рефлексию исследуют в трех аспектах: как процесс, состояние и свойство личности.

Психологи считают, что человек в процессе рефлексии лучше познает самого себя, других людей и их деятельность.

Профессиональная рефлексия — это познание себя, возможностей своего «Я» в соответствии с требованиями профессии с существующими о ней представлениями. Эти представления носят динамичный характер, то есть способны развиваться [7]. Она помогает специалисту сформулировать получаемые результаты, определить цели дальнейшей работы, скорректировать свой профессиональный путь.

Профессиональная рефлексия, направленная на переосмысление человеком своих собственных действий и убеждений как профессионала в повседневной деятельности, является основой для личностного и профессионального роста специалиста.

Ф. Зеер, А.О. Реан, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Митина и др.) профессиональная рефлексия в профессиональной деятельности выполняет следующие функции:

— проективную функцию — проектирование и моделирование схемы профессиональной деятельности;

— организаторскую функцию — организация наиболее эффективных способов взаимодействия в профессиональной деятельности;

— содержательную и творческую функцию — формирование и развитие осознанного поведения и действий;

— мотивационную функцию — определяет направленность действий в процессе профессиональной деятельности на цель и результат;

— коррекционную функцию — побуждает к изменениям и перестройке профессиональной деятельности. Способность к профессиональной рефлексии является результатом профессиональной или рефлексивной деятельности.

Следовательно, понимание нами рефлексии как условия, помогает предупредить и преодолеть деформационные тенденции специалиста по физической реабилитации, дает нам основания разграничить понятия «рефлексия», как представление о неотъемлемой (имманентную) качество человека и как профессиональную характеристику.

С психологической точки зрения, рефлексия помогает профессиональному росту, овладению ею как профессиональным качеством, что соответственно и определяет рефлексию как ведущую психологическую условие преодоления профессиональных деформаций специалиста [5].

Выводы и предложения

Сферу физической реабилитации, можно отнести к типу профессий «человек-человек», а деятельность физических реабилитологов сопровождается высоким уровнем психоэмоционального напряжения.

Профессиональная деформация физреабилитологии является особым состоянием, которое прогрессирует в результате негативного взаимодействия профессии и личности индивида [3].

Рефлексия является фактором, побуждающим к дальнейшему развитию личности физического реабилитолога как профессионала. Рефлексирующий физический реабилитолог – это мобильный, думающий, анализирующий, творчески развит и исследующий свой профессиональный опыт специалист, особой потребностью которого является потребность в саморазвитии и самосовершенствовании. Рефлексия в реабилитационной практике дает возможность прогнозировать и критически анализировать деятельность и оценивать эффективность своего профессионального и личностного развития [1].

Перспективы дальнейших разработок заключаются в поисках новых концептуальных подходов предупреждения прогрессирования профессиональной деформации у специалистов по физической реабилитации.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 2001.
2. Акмеология : Методология, методы и технология. – М. : РАГС, 2008.
3. Бодалев А.А. Психология общения. – М. : Изд-во «ИПП»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996.
4. Давыдов В.В., Зак А.З. Проблемы рефлексии: Современные комплексные исследования. – Новосибирск, 2007.
5. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. – М. : РАГС, 2000.
6. Коджасперова Г.М. Культура профессионального самообразования педагога. – М., 2004.
7. Маркова А.К. Психология труда учителя. – М. : Просвещение, 2003.
8. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Типы взаимодействия наук и методологические ориентации в психологии творчества рефлексии : Наука о человеке. – М., 2009.
9. Социально-перцептивная компетентность в профессиональном общении. – М. : МГУ ПП, 2009.
10. Степанов С.Ю. Психология творческой уникальности человека. – М. : ИП РАН, 2008.
11. Tsarkov A. & Petlovanyi P. (2016). Bipolar Disorder in Child Psychiatric Practice: A Case Report. Medical Journal of Zambia, Vol. 43, № 1: 41–46.
12. Petlovanyi P. & Tsarkov A. (2017). Depressive Disorder in Child Psychiatric Practice: A Case Report. Health Press Zambia Bull. 1(5): 9–16.
13. Petlovanyi P. & Tsarkov A. (2017). Omega-3 Fatty Acids as an Alternative Treatment for Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder. Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). Vol. 3, Issue 2: 1378–1380.

Literature:

1. Abulhanova-Slavskaya K.A. Strategy of life. – M. : Thought, 2001.
2. Acmeology : Methodology, methods and technology. – M. : RAGS, 2008.
3. Bodalev A.A. Psychology of communication. – M. : IPP; Voronezh : NGO «MODEK», 1996.

4. Davydov V.V., Zak A.Z. Problems of Reflection: Modern Complex Research. – Novosibirsk, 2007.
5. Derkach A.A. Akmeology: personal and professional human development. – M. : RAGS, 2000.
6. Kojasperova G.M. Culture of professional self-education of the teacher. – M, 2004.
7. Markova A.K. Psychology of teacher labor. – M. : Enlightenment, 2003.
8. Semenov I.N., Stepanov S.Y. Types of interaction of sciences and methodological orientations in psychology of reflection creativity : Human science. – M., 2009.
9. Socio-perceptual competence in professional communication. – M. : MSU PP, 2009.
10. Stepanov S.Yu. Psychology of creative uniqueness of man. – M. : IP RAS, 2008.
11. Tsarkov A. & Petlovanyi P. (2016). Bipolar Disorder in Child Psychiatric Practice: A Case Report. Medical Journal of Zambia, Vol. 43, № 1: 41–46.
12. Petlovanyi P. & Tsarkov A. (2017). Depressive Disorder in Child Psychiatric Practice: A Case Report. Health Press Zambia Bull. 1(5): 9–16.
13. Petlovanyi P. & Tsarkov A. (2017). Omega-3 Fatty Acids as an Alternative Treatment for Children with Attention Deficit Hyperactivity Disorder. Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR). Vol. 3, Issue 2: 1378–1380.

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

●●●●●●

PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AT THE INITIAL STAGE OF PROFESSIONALIZATION OF UNIVERSITY GRADUATES

Павлова Мария Васильевна
начальник психологической лаборатории,
Управление федеральной службы
исполнения наказания
по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области
govorovalex80@mail.ru

Maria V. Pavlova
Head of psychological laboratory,
Department of Federal Service
of Execution of Punishment
in St. Petersburg and Leningrad Region
govorovalex80@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема психологической адаптации на начальном этапе профессионализации выпускников ВУЗов. Показаны специфика стадии начальной профессионализации, связанной с овладением профессией, новых социальных ролей в системе профессиональных отношений. Профессиональная активность личности на данной стадии направлена на социально-профессиональную адаптацию. Раскрыты социально-психологические механизмы адаптационного процесса на начальной стадии профессионализации выпускников ВУЗов.

Ключевые слова: профессионализация, профессиональная деятельность, социально-психологическая адаптация, адаптированность.

Annotation. The article considers the problem of psychological adaptation at the initial stage of professionalization of university graduates. The specifics of the initial professionalization stage related to mastering a profession, new social roles in the system of professional relations are shown. The professional activity of the personality at this stage is aimed at social and professional adaptation. The socio-psychological mechanisms of the adaptation process at the initial stage of professionalization of graduates are disclosed.

Keywords: professionalization, professional activity, socio-psychological adaptation, adaptability.

Начальный этап профессионализации выпускников ВУЗов, как и предшествующий период их обучения в высшей школе, приходится на возрастной этап наиболее интенсивного психологического и социального формирования личности, ее взросления, развития представлений о ближайшем и отдаленном будущем, осознания и реализации профессиональных перспектив в процессе профессионально-личностного развития. Профессионализация как процесс, по мнению Ю.П. Поваренкова, осуществляется в следующих направлениях:

— реализации субъектом внутренних средств профессиональной деятельности, к которым относятся знания, умения, навыки, компетенции, необходимые и достаточные в определенной профессиональной области;

— формирования внешних средств профессиональной деятельности, включающих в себя процесс накопления фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе, развитие материальных средств труда, которое обеспечивает расширение информационного пространства профессии и повышение внешней идентичности профессионала [10].

А.К. Маркова раскрывает процесс профессионализации как становление профессионала, которое тесно связано с развитием его личности, с появлением новых качеств и возможным регрессом старых качеств в психике человека [8]. Профессионализация человека развернута во времени и представляет динамичный процесс, в качестве единиц анализа которого выступают этапы различной степени длительности и интегрированности.

Начальный этап профессионализации выпускников ВУЗов характеризуется, согласно Э.Ф. Зееру, конкретной ситуацией профессионального развития, конкретным новообразованием личности, конкретной системой профессионально важных качеств. Очевидно, что психологическая организация личности молодого специалиста, осваивающего профессиональную

деятельность, отличается от психологической организации личности профессионала. Профессиональная активность личности на этой стадии направлена на социально-профессиональную адаптацию — освоение системы взаимоотношений в коллективе, новой социальной роли, приобретение профессионального опыта и самостоятельное выполнение профессионального труда [6]. Основная задача, решаемая выпускником Вуза на начальной стадии профессионализации, согласно Д.Н. Завалишиной, является познавательное и действенное овладение новыми условиями, средствами и режимами труда [5]. Начальную стадию профессионализации Т.В. Кудрявцев определяет как процесс вхождения в профессию, который характеризуется с одной стороны, активным овладением профессией, с другой — адаптацией в системе отношений трудового коллектива [7]. Анализ научной литературы показывает, что начальный этап профессионализации связан с адаптационными процессами личности к новым условиям, поэтому ряд ученых определяют данный этап как стадию профессиональной адаптации [4; 8].

В связи с этим, важным является исследование особенностей психологической адаптации выпускников Вуза к условиям и требованиям профессии и профессионального коллектива на начальной стадии профессионализации, что предполагает исследование сущности понятия «психологическая адаптация». По мнению Г.В. Безюлёвой, психологическая адаптация представляет собой «процесс выработки оптимального режима целенаправленного функционирования личности, то есть приведение ее в конкретных условиях времени и места в состояние, когда все силы человека направлены на выполнение основных задач. Она выражается в перестройке динамического стереотипа личности в соответствии с новыми требованиями окружающей среды» [2, с. 16]. Социальные аспекты адаптации раскрываются:

— в социально-психологических механизмах социализации личности, являясь показателем ее психологической зрелости [1];

— в процессах «активного усвоения личностью многообразных функций в зависимости от конкретных условий» [2, с. 12].

С точки зрения Ф.Б. Березина, выделяют индивидуально-психологический и социально-психологический уровни психологической адаптации. Индивидуально-психологический уровень, включающий в себя личностные и типологические особенности человека, направлен на поддержание психического гомеостаза, сохранение психического здоровья. Социально-психологический уровень, отражающий особенности микросоциального взаимодействия, направлен на формирование адекватного межличностного взаимодействия, учет социального окружения, достижение социально-значимых целей. Нарушение гомеостатического баланса, по мнению Ф.Б. Березина, может возникнуть при резком изменении условий среды, в результате которого существующие механизмы адаптации могут оказаться недостаточно эффективными, при существенном преобразовании потребностей и целей индивида, при значительном уменьшении физических или психических ресурсов личности [3]. Переход от стадии профессионального обучения в Вузе к стадии начальной профессионализации порождает у выпускников Вуза субъективные и объективные трудности, межличностные и внутриличностные конфликты, поскольку смена стадий инициирует нормативные кризисы профессионального становления личности. Социальная ситуация у выпускников Вузов коренным образом меняется: новая ведущая профессиональная деятельность, новая система отношений в разновозрастном профессиональном коллективе, иная социальная роль, новые социально-экономические условия и профессиональные отношения. Ведущей деятельностью становится не учебно-профессиональная, а профессиональная деятельность, уровень выполнения которой, как правило, носит нормативно-репродуктивный характер [6]. Таким образом, особенности социальной ситуации начальной стадии профессионализации являются условием, инициирующим действие адаптационных механизмов личности.

В процессе адаптации на начальной стадии профессионализации, личность молодого специалиста «использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития и социализации навыки и механизмы поведения или открывает новые способы поведения и решения задач, новые программы и планы внутрипсихических процессов» [9, с. 17–18]. Согласно А.А. Налчаджян, познавательный компонент психологической адаптации состоит в восприятии и истолковании возникшей ситуации, включает в себя усвоение новых форм поведения, норм, ценностей, правил нового окружения. В процессе психологической адаптации осуществляется психическая переориентация личности молодого специалиста, представляющая собой выработку оценок о ситуации, которые соответствуют ценностным ориентация и образцам поведения новой группы. При этом происходят значительные внутриличностные изменения, связанные с изменением социальных установок, взглядов, отношений, мотивов и целей личности [9].

Процесс психологической адаптации выпускников Вуза на начальной стадии профессионализации завершается либо достижением адаптированности, либо социально-психологической дезадаптированностью личности. Адаптированность, согласно А.А. Налчаджян, определяется

как отношения личности и профессионального коллектива, при которых личность молодого специалиста «без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социогенные потребности» [9, с. 18].

Социально-психологическая дезадаптированность личности выражается в неспособности личности молодого специалиста реализовать собственные потребности и притязания, идти на встречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляют к ней профессиональная среда и ведущая профессиональная роль, мотивированная извне и изнутри профессиональная деятельность [2, с. 41]. Аналогичное мнение находим у Э.Ф. Зеера, согласно которому на начальных стадиях профессионального становления решающее значение имеют противоречия между личностью и внешними условиями профессиональной деятельности. Несоответствие профессиональной деятельности ожиданиям вызывает кризис профессиональных экспектаций. Переживание этого кризиса выражается в неудовлетворенности организацией труда, его содержанием, должностными обязанностями, производственными отношениями, условиями работы и зарплатой. Возможны два варианта разрешения кризиса:

— конструктивный: активизация профессиональных усилий по скорейшей адаптации и приобретению опыта работы;

— деструктивный: увольнение, смена специальности; неадекватное, некачественное, непродуктивное выполнение профессиональных функций [6].

Итак, психологическая адаптация выпускников Вузов на начальной стадии профессионализации является процессом приспособления к новой социальной ситуации развития, которая связана с появлением новой ведущей профессиональной деятельности и необходимостью активного овладения новыми условиями, средствами и режимами труда, нахождением своего места в новой системе взаимоотношений в коллективе. Адаптационные процессы сопровождаются перестройкой психологической структуры личности, изменением социально-профессиональной направленности и профессиональной активности, что приводит к адаптированности личности к новым условиям профессиональной деятельности и профессионального взаимодействия.

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 363 с.
2. Безюлёва Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов : монография. – М. : НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 320 с.
3. Березин Ф.Б., Мирошников, М.П., Соколова, Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). – М. : «Консультант плюс – новые технологии», 2011. – 320 с.
4. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности : учебное пособие для вузов – М. : ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
5. Завалишина Д.Н. Практическое мышление: Специфика и проблемы развития. – М. : Институт психологии РАН, 2005. – 376 с.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Академический Проект, 2005. – 329 с.
7. Кудрявцев Т.В. Психология профессионального обучения и воспитания / ред. Ю.Ф. Гущин; Моск. энерг. ин-т. – М. : МЭИ, 1985 (1986). – 108 с.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М. : Знание, 1996. – 308 с.
9. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: Механизмы и стратегии. – М. : Эксмо, 2010. – 2-е изд. – 368 с.
10. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. – М. : УРАО, 2002. – 160 с.

Literature:

1. Andreeva G.M. Social Psychology : Textbook for Higher Education. – M. : Aspect Press, 2014. – 363 p.
2. Bezuleva G.V. Psychological and pedagogical support of professional adaptation of pupils and students : monograph. – M. : NOU VPO Moscow Psychological and Social Institute, 2008. – 320 p.
3. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Sokolova E.D. The methodology of multilateral personality research (structure, basis of interpretation, some areas of application). – M. : «Consultant plus – new technologies», 2011. – 320 p.
4. Bodrov V.A. Psychology of professional suitability : Textbook for high schools – M. : PER SE, 2001. – 511 p.

5. Zavalishina D.N. Practical thinking: Specificity and problems of development. – M. : Institute of Psychology RAS, 2005. – 376 p.
6. Zeer E.F. Psychology of the profession : a textbook for students of higher educational institutions. – M. : Academic Project, 2005. – 329 p.
7. Kudryavtsev T.V. Psychology of vocational training and education / Ed. Y.F. Gushchin; Mosk. energy Inst. – M. : MPEI, 1985 (1986). – 108 p.
8. Markova A.K. The psychology of professionalism. – M. : Knowledge, 1996 – 308 p.
9. Nalchajyan A.A. Psychological adaptation: Mechanisms and strategies. – M. : Eksmo, 2010. – 2nd ed. – 368 p.
10. Povarenkov Y.P. The psychological content of the professional development of man. – M. : URAO, 2002. – 160 p.

УДК 159

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ

●●●●●●

BECOMING PROFESSIONAL MATURITY

Помазан Игорь Александрович
аспирант кафедры
социальной психологии
и социологии управления,
Кубанский государственный
университет
4632164@mail.ru

Igor A. Pomazan
Graduate student
Department of Social Psychology
and Sociology of Management,
Kuban State University
4632164@mail.ru

Аннотация. Профессиональная зрелость личности в отечественной психологии исследуется с позиции теоретических положений культурно-исторического, системно-деятельностного и онтогенетического подходов к проблеме профессионально-личностного развития специалиста. Статья посвящена проблеме профессиональной зрелости личности. Раскрыты индивидуально-психологические и социально-психологические факторы, влияющие на становление профессиональной зрелости личности, с позиции различных теоретических подходов отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: профессиональная зрелость, системно-деятельностный подход, культурно-исторический подход, психоанализ, бихевиоризм, гештальпсихология, гуманистическая психология, когнитивная психология.

Annotation. Professional maturity of the personality in domestic psychology is investigated from the position of theoretical positions of cultural-historical, system-activity and ontogenetic approaches to the problem of professional-personal development of the specialist.The article is devoted to the problem of professional maturity of an individual. The individual psychological and socio-psychological factors that influence the formation of professional maturity of a person are revealed from the perspective of various theoretical approaches of domestic and foreign researchers.

Keywords: professional maturity, system-activity approach, cultural-historical approach, psychoanalysis, behaviorism, gestalt psychology, humanistic psychology, cognitive psychology.

Проблема профессиональной зрелости личности приобретает свою актуальность в связи с усложнением условий, содержания, средств и организации профессиональной деятельности и требований, предъявляемым к психологическим особенностям, качествам и свойствам субъекта труда. В этой связи, возникает необходимость исследования с позиции различных теоретических подходов социальных и индивидуальных детерминант, социально-психологических механизмов преобразования свойств индивида в профессионально важные качества и субъектные свойства, обеспечивающие достижение профессиональной зрелости субъекта труда.

Профессиональная зрелость личности в отечественной психологии исследуется с позиции теоретических положений культурно-исторического, системно-деятельностного и онтогенетического подходов к проблеме профессионально-личностного развития специалиста. С позиции данных подходов, достижение профессиональной зрелости раскрывается, с одной стороны, в контексте процесса развития личности на всем жизненном пути, с другой — в контексте профессионального становления, которое характеризуется стадиальностью и наличием кризисов, связанных с качественными изменениями личности и ее отношений в сфере профессиональной деятельности (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, В.А. Бодров, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Ю.П. Поваренков, Н.С. Пряжников и др.).

В акмеологических исследованиях профессиональная зрелость субъекта труда рассматривается как определенный этап развития человека как субъекта профессиональной деятельности, при котором достигается вершина («акме») развития его способностей, таланта и творчества (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, В.Н. Максимова и др.). Согласно Б.Г. Ананьеву [1], профессиональная зрелость связана с преобразующей продуктивностью его деятельности и сущностными характеристиками субъектности личности как особого личностного качества, связанного с активно преобразующими свойствами и способностями. По мнению

А.Г. Асмолова [2], характер категории субъекта связывается с процессами, происходящими внутри личности: самоопределением, самосознанием, саморегуляцией, субъектификацией, то есть с самостными процессами, отражающими индивидуальность человека. Профессиональная зрелость, по мнению В.А. Бодрова, является «интегрирующем свойством субъекта труда, она отражает как процесс формирования профессионала («профессионализация»), так и его результат (профессионализм, квалификация, компетентность)» [3, с. 175].

Индивидуально-психологические механизмы становления профессиональной зрелости в зарубежной психологии наиболее полно описаны в трудах ученых психоаналитического направления и представителей гештальтпсихологии. Согласно взглядам З. Фрейда, становление зрелости личности, в том числе, в сфере профессиональной деятельности, характеризуется стремлением к активности и отказом от пассивности и нарциссизма, которые свойственны периоду детства. Процессы становления зрелой личности, по мнению, К.Г. Юнга, связаны с индивидуализацией человека как процессом становления собой и стремлением реализовать свои возможности, в том числе в профессиональной сфере. В гештальтпсихологии зрелость осмысливается как самостоятельность, способность к мобилизации собственных ресурсов, к самоподдержке, как ответственное отношение к самому себе [4].

Социально-психологические механизмы становления профессиональной зрелости личности освещены в работах представителей гуманистической, социально-когнитивной психологии и бихевиоризма. Представители гуманистической психологии зрелость личности осмысливают как чувство согласия, единения с миром, согласно Э. Фромму [4], в единстве личностных черт, ценностных ориентаций и способности правильно воспринимать людей и себя, согласно Г. Олпорту [4]. В социально-когнитивном направлении психологической мысли становление профессиональной зрелости осмысливается в контексте влияния социокультурных факторов на развитие личностной зрелости. Так, согласно Л. Колбергу, личностная зрелость человека тесно связана с моральным сознанием, которое развивается в ходе активного, творческого взаимодействия человека с социальной средой, в ходе принятия различных ролей, в том числе в сфере профессиональной деятельности, профессиональных отношений и профессиональных ролей [5]. С позиции теории бихевиоризма профессиональное поведение человека детерминировано внутренними факторами, связанными с саморегуляцией, направленной на обеспечение самоэффективности, отражающей личностную зрелости человека, в том числе и в профессиональной деятельности [4].

Таким образом, теоретический анализ показал, что в понимании становления профессиональной зрелости имеют место социально ориентированный и индивидуально ориентированный подходы, которые раскрывают профессионально зрелую личность как личность социально адаптированную, усвоившую нормы профессиональной среды и профессиональной деятельности, и, в то же время, индивидуализированную, ориентированную на самореализацию, самоактуализацию, к установлению субъектных доверительных и ответственных отношений в профессиональной деятельности, и в профессиональном общении.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб., 2010. – 282 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М., 2010. – 447 с.
3. Бодров В.А. Профессиональная зрелость человека (психологические аспекты) // Феномен и категория зрелости в психологии. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 174–197.
4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Серия: Мастера психологии. – СПб. : Питер, 2017. – 608 с.
5. Kohlberg L., Hersh R. (1977). Moral Development. Theory into Practice, Vol. 16, No. 2, pp. 53–59.

Literature:

1. Ananyev B.G. Man as a subject of knowledge. – St. Petersburg, 2010 . – 282 p.
2. Asmolov A.G. Psychology of personality: cultural and historical understanding of human development. – M., 2010. – 447 p.
3. Bodrov V.A. Professional human maturity (psychological aspects) // Phenomenon and category of maturity in psychology. – M. : Publishing House «Institute of Psychology RAS», 2007. – P. 174–197.
4. Hyell L., Ziegler D. Theories of personality. Series: Masters of Psychology. – St. Petersburg : Peter, 2017. – 608 p.
5. Kohlberg L., Hersh R. (1977). Moral Development. Theory into Practice, Vol. 16, No. 2, pp. 53–59.

УДК 159.91

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНА ФАЗОВОСТИ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ АВТОРОВ МОСКОВСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

●●●●●●

THE USE OF PSYCHOPHISIOLOGICAL PHASE CHANGE LAW TO STUDYING MENTAL ACTIVITY (BASED ON THE EXAMPLE OF SCIENTIFIC WORK OF MOSCOW PSYCHOLOGICAL SCHOOL AUTHORS)

Степанова Юлия Владимировна
аспирантка 3 курса,
Санкт-Петербургский
государственный университет
stepanova7.93@mail.ru

Julia V. Stepanova
Hird-year postgraduate student,
St. Petersburg State University
stepanova7.93@mail.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению процесса развития естественнонаучной парадигмы в Московской психологической школе. Известно, что представители данного направления работали скорее в рамках философской, чем естественнонаучной парадигмы. Гипотеза исследования состояла в том, что на протяжении развития московской психологической школы наиболее значимым является биологический аспект естественнонаучной парадигмы. Результаты исследования показали, что авторы Московской психологической школы в основном использовали элементы естественных наук в частных исследованиях, а ведущим аспектом естественнонаучной парадигмы является не биологический, а физический.

Ключевые слова: закон фазовости, естественнонаучная парадигма, московская психологическая школа, биологический аспект естественнонаучной парадигмы, физический аспект естественнонаучной парадигмы, математический аспект естественнонаучной парадигмы, семантический анализ, модель inciampata.

Annotation. This study is devoted to the development of the biological domain in the Moscow Psychological School. It is well known that the authors of this school used the social and cultural domains more frequently than the biological one. The hypothesis of the research was that the Moscow Psychological School is mainly focused on the biological aspect of the biological domain. The results of the study show that the authors of the Moscow Psychological School used the elements of sciences in particular studies, and the main aspect of biological domain is the physical one, not biological one.

Keywords: phase change law, biological domain, the Moscow Psychological School, biological aspect of the biological domain, physical aspect of the biological domain, mathematical aspect of the biological domain, semantic analysis, the «inciampata» model.

Сегодня связь психологии с естественными науками не подвергается сомнению. Даже те исследователи, которые не работают в рамках естественнонаучной парадигмы, признают её важность [1; 4; 6], поэтому представляется интересным проследить историю естественнонаучной парадигмы в психологической школе, которая традиционно не ориентируется на неё. В качестве примера была выбрана московская психологическая школа, представители которой исторически работают в рамках философской парадигмы.

Целью исследования является изучение процесса развития естественнонаучной парадигмы в московской психологической школе. Для этого нужно проследить развитие естественнонаучной парадигмы московской психологической школы путём анализа публикаций в научном журнале «Вестник Московского университета» в период с 1977 по 2019 годы. Также, необходимо сравнить развитие трёх аспектов естественнонаучной парадигмы (биологического, физического и математического) и проанализировать связи между ними. Гипотезой исследования является предположение о том, что на протяжении развития московской психологической школы наиболее значимым является биологический аспект естественнонаучной парадигмы.

В исследовании применялась авторская модель inciampata. Это принцип количественного анализа научных публикаций, основанный на учёте естественнонаучных терминов и последующей их сортировке на три группы. Похожий метод использовала М. Клементе Линуэса [5] при исследовании школьных учебников истории.

Для обработки данных применялись следующие методы статистической обработки данных: шкалирование, построение автокорреляционной функции, корреляционный анализ (корреляция Пирсона, метод П.В. Терентьева) и метод максимального корреляционного пути (метод Л.К. Выханду).

В начале исследования были построены графики частот. Исходя из их анализа, можно заключить, что в течение года в МГУ выходило в среднем два-три журнала со статьями с упоминанием естественнонаучных терминов. Следует отметить, что в 1978 и 1980 г. таких изданий не выходило. Больше всего таких изданий выходило в начале 1980-х годов (до четырёх журналов в год), меньше всего — в 1999–2000, 2008, 2011–2012, 2018–2019 гг. (один журнал в год). Суммарное число статей, в которых используются естественнонаучные термины, в среднем, колеблется от двух до девяти статей в год. Максимальное количество статей было в 1995 (десять статей), 2001 (11 статей), 2010 гг. (десять статей), минимальное — в 1999, 2008, 2011–2012 и 2018 гг. (одна статья). Количество терминов, в среднем, колеблется от 100 до восьми слов. Наибольшее количество биологических терминов приходится на 2010 г. (317 слов), наименьшее — на 1979, 2012 и 2019 гг. (пять слов). Максимальное количество физических терминов было зафиксировано в 2010 г. (99 слов), минимальное — в 2008 и 2012 гг. (три слова). Больше всего математических терминов употреблялось в 2001 г. (112 слов), меньше всего — в 1999 и 2012 гг. (одно слово).

Однако графики изменения частот содержали артефакты, поэтому для их сглаживания были построены графики автокорреляционной функции (АКФ). Результаты их анализа свидетельствуют о том, что колебания всех показателей относительно гармоничны, несмотря на присутствие дополнительных ритмов. Приблизительный период колебаний графика АКФ переменной «Количество журналов» равен пяти годам, переменной «Количество статей» — также пяти годам, переменной «Биологические термины» — трём годам, переменной «Физические термины» — четырём годам, «Математические термины» — также четырём годам.

Графики частот показывают, что наиболее изменчивым является показатель «биологические термины». Показатели частот встречаемости терминов изменяются относительно равномерно, но существует пик показателя «биологические термины», приходящийся на 2010 г. Он может быть связан с исследованиями в области психофизиологии и изучением движений глаз.

С точки зрения психофизиологии, интересно подробнее рассмотреть ритмы графиков АКФ. Проведённое ранее авторское исследование периодических изменений психофизиологических показателей у студентов-психологов выявило, что период колебаний равен одному году [4]. Данное исследование можно рассматривать как продолжение изучения фазовых психических процессов, в частности мыслительной деятельности учёных-психологов в долгосрочной перспективе. Графики АКФ имеют, как правило, маленький период колебаний (от трёх до пяти лет). Это может быть связано с тем, что смена направления развития Московской психологической школы в целом и естественнонаучной парадигмы связана со сменой направления исследования в рамках плановой экономики (пятилетние планы), а также с учебными циклами (исследования студентов и аспирантов).

Обработка данных по методу Л.К. Выханду показала, что центральным признаком является параметр «физические термины», и данная связь, во-первых, не позволяет подтвердить первоначальную гипотезу о преобладании биологического аспекта, а во-вторых, весьма трудно-объяснима. Ориентация психологов Московской школы на физику также может быть связана с интеграцией естественнонаучной и философской парадигм, начавшейся во второй половине XX в. Такие авторы, как Т.Д. Марцинковская и А.В. Юревич, проследили историю взаимоотношения двух парадигм, идущую от конфронтации к интеграции [2]. Если учесть имевшиеся место чуть раннее рассуждения в философии науки, то можно предположить, что противоречивые результаты приведённого в данной статье исследования связаны с происходящими процессами в психологии и философии науки.

Благодаря качественно-количественному анализу результатов исследования, удалось выяснить, что в научной деятельности авторов Московской психологической школы в течение рассматриваемого периода прослеживаются фазовые изменения, связанные со сменой направления исследования в рамках плановой экономики и с учебными циклами. Также, обнаружено, что авторы изучаемого направления ориентировались на физику как на идеальную науку и, как следствие, наиболее важным оказался физический аспект естественнонаучной парадигмы, а сама данная парадигма в московской психологической школе представлена в основном частными исследованиями.

Данное исследование имеет ряд существенных ограничений. Прежде всего, следует отметить необходимость проведения расширенного исследования на большей выборке научных публикаций. Необходимо провести подобный анализ публикаций в других научных журналах, публиковавшихся в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Также следует обратить внимание на недоступность журналов, опубликованных в период с 1946 по 1977 г., в связи с чем, исследование является неполным.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят изучать подобным способом другие психологические школы и направления (как отечественные, так и зарубежные) и проводить сравнительный анализ эволюционного развития естественнонаучной парадигмы.

Литература:

1. Балин В.Д. Теоретическая психология. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. – 247 с.
2. Марцинковская Т.Д., Юревич А.В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии: Конфронтация или…? // Методология и история психологии. – 2007. – № 2. – С. 161–169.
3. Соколова Е.Е. Общая психология. В 7 томах. – М. : Academia, 2005. – Т. 1: Введение в психологию. – 352 с.
4. Степанова Ю.В. Исследование фазовой динамики психофизиологических функций / Сборник тезисов XX Международной конференции молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке» (Социальные и гуманитарные науки: теория и практика). – Пермь : 2017. – Вып. 1. – С. 611–615.
5. Clemente Linuesa M. Los sistemas de valores en los textos escolares: un modelo de análisis. Enseñanza & Teaching, 1983, 159–174.
6. Larsen R.J., Buss D.M. Personality psychology. – 2008. – 785 p.

Literature:

1. Balin V.D. Theoretical psychology. – SPb. : SPSU edition, 2017. – 247 p.
2. Martsinkovskaya T.D., Yurevich A.V. Biological and social-cultural domains in psychology: confrontation or...? // Methodology and history of psychology. – 2007. – № 2. – P. 161–169.
3. Sokolova E.E. General psychology in seven volumes. – M. : Academia, 2005. – Vol. 1: Introduction to psychology. – 352 p.
4. Stepanova J.V. A study of phase dynamics of psycho-physiological functions. Theses collection of XX International conference of young scientists “The human being in the world. The world in the human being” (Social Sciences and Humanities: Theory and Practice). – Perm, 2017. – Issue 1. – P. 611–615.
5. Clemente Linuesa M. Los sistemas de valores en los textos escolares: un modelo de análisis. Enseñanza & Teaching, 1983, 159–174.
6. Larsen R.J., Buss D.M. Personality psychology. – 2008. – 785 p.

УДК 159

ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

●●●●●●

PROBLEMS OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH: SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF ITS FORMATION

Сущенко Сергей Анатольевич
кандидат психологических наук,
профессор кафедры
психологии и педагогики,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
Zhidyaeva-Elena@mail.ru

Sergey A. Soutchenko
Candidate of psychological Sciences,
Professor Chair
of Pedagogy and psychology,
Nevinnomyssk state humanitory
and technical institute
Zhidyaeva-Elena@mail.ru

Поливина Марина Анатольевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
marina_polivina@mail.ru

Marina A. Polivina
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department
of Humanitarian Disciplines,
Armavir Institute of Mechanics
and Technology (branch)
Kuban State Technological University
marina_polivina@mail.ru

Жидяева Елена Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры технологий
сервиса и деловых коммуникаций,
Академия маркетинга
и социально-информационных технологий
Zhidyaeva-Elena@mail.ru

Elena S. Zhidyaeva
Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor of technologies
of service and business communications,
Academy of marketing
and social information technology – IMSIT
Zhidyaeva-Elena@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблематике – исследованию социально-психологических детерминант формирования девиантного поведения в молодежной среде. Исходя из социологического и психологического подходов к интерпретации основных детерминант возникновения девиантного поведения в молодежной среде, авторы приходят к выводу о том, что девиантное поведение молодежи определяется не только объективными факторами внешних условий социальной среды, но особыми внутренними психологическими факторами.

Ключевые слова: молодежь, молодежная среда, девиантное поведение, социально-психологические детерминанты, аддикция, ценности.

Annotation. This article is devoted to topical issues – the study of socio-psychological determinants of the formation of deviant behavior in the youth environment. Based on the sociological and psychological approaches to the interpretation of the main determinants of the occurrence of deviant behavior in the youth environment, the authors conclude that the deviant behavior of youth is determined not only by objective factors in the external conditions of the social environment, but also by special internal psychological factors.

Keywords: youth, youth environment, deviant behavior, socio-psychological determinants, addiction, values.

В настоящее время распространение девиантного поведения среди молодежи является одной из острых социальных и психолого-педагогических проблем не только в российском социуме, но и в мировом сообществе. Стремительный рост количества молодежи с девиантными

формами поведения и высокая социальная значимость проблемы характеризует изучение социально-психологических детерминант формирования девиантного поведения. Ведь именно молодежь, составляющая важную часть трудоспособного населения, которая в обозримом будущем займет главенствующие позиции во всех сферах общества, сегодня подвержена влиянию различных форм девиантного поведения (ДП) [1]. К сожалению, в нынешних условиях рискогенности и социальной неопределенности общественного функционирования растет широта и глубина воздействия различных отклоняющихся факторов на формирование личности молодого человека, что, соответственно, угрожает физическому, психическому, духовному и социальному здоровью молодежи [2]. Несоблюдение социальных требований, так или иначе, воздействует на психику молодого человека и ведет к определенной трансформации его личности [3].

Современные знания о девиантном поведении в молодежной среде, по мнению Д.Ф. Петрусевич, дают основание полагать, что исследователи имеют дело с весьма «сложной формой социального поведения личности, детерминированного системой взаимосвязанных факторов» [4, с. 139].

Под девиантным поведением понимается отклоняющееся поведение, нарушающее социальные нормы общества, оно выражается в поведении и поступках отдельных индивидов и социальных групп, «отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, традиций» [5, с. 736].

В группу основных социально-психологических факторов, обуславливающих формирование ДП в молодежной среде, принято относить внешние условия физической и социальной среды, внутренние наследственно-биологические и конституциональные предпосылки, а также внутриличностные (психологические) детерминанты и социально-психологические механизмы ДП [6].

Большинство отклонений в поведении молодых людей, подверженных формированию девиантных форм поведения имеет единую основу — неправильную систему воспитания в ближайших референтных группах, что обуславливает личностную незрелость, социальную дезадаптированность молодого человека, большое число внутриличностных проблем и ограниченный набор способов их разрешения. Для такой личности аддиктивная активность выступает одним из наиболее легких и притягательных путей развития.

В большинстве своем современная молодежь стремится соответствовать инновационным требованиям общества, но в силу разнообразных социально-психологических условий, маргинального положения, неверного понимания своей роли, незнания способов социальной адаптации, низкого уровня жизни, она не может этого сделать, и поэтому выбирает путь формирования девиантных форм поведения [7].

Российскими исследователями Л.А. Азаровой и В.А. Сятковским в качестве доминирующих социально-психологических детерминант (моделей) формирования девиантного поведения в молодежной среде выделяются:

— духовно-нравственная модель, трактующая ДП как следствие безнравственности и духовного несовершенства;

— нозологическая модель, рассматривающая ДП как следствие заболевания (нозологии), которое в своей основе имеет социальную природу происхождения и требует оказания специализированной помощи;

— психоаналитическая модель, которая анализирует ДП как некое нарушение психического склада личности молодого индивида, а также психического инфантилизма;

— адаптационно-личностная модель, интерпретирующая формирование ДП как следствие проявлений дезадаптации, личностной дисфункции;

— биопсихосоциальная системная модель, трактующая ДП как следствие деструктивных нарушений в организации многоуровневой системы «социум — личность — организм» [8].

Социально-психологическими детерминантами формирования девиантного поведения в молодежной среде, по мнению Ю.А. Клейберга является ряд следующих факторов-детерминант: состояние социальной аномии, характерной для кризисного социума, когда наблюдаются трудности социальной адаптации молодежи; реализуемая социальная политика, направленная на подрыв социально-политических и нравственных устоев общества, национальных идей воспитания молодежи и разрушение семейных ценностей; неудовлетворенность растущих социально-психологических потребностей молодежи и плохая организация досуга [9]; а также культ насилия, утверждающийся в современном медиапространстве и формирующий усвоенные жестокие паттерны поведения и негативный характер духовно-нравственного мира молодежи [10].

Исследователь В.М. Димов пишет о том, что помимо различных социально-психологических детерминант и стимулов формирования «девиантного поведения конкретного характера, связанных с обвальным падением жизненного уровня, с неуверенностью в завтрашнем дне, с отчуждением молодежи от своего ближайшего окружения», имеются другие, «не менее важные факторы — это сдвиги в массовом сознании, изменение ценностных ориентаций», которые, бесспорно, определяют отношение молодых людей «к соблюдению социальных норм и законов» [11, с. 47].

Действительно, неопределенность в критериях и границах дозволенного, отсутствие ясных процедур и неэффективность мер социального контроля, а также ответственности за содеянное способствует расширению девиантного поведения в молодежной среде.

Заметим, что у различных форм девиантного поведения среди молодежи, по мнению зарубежных исследователей Кэнделла и Малофф, существуют общие социально-психологические особенности [12]:

— возникновение преимущественно у молодежи в возрасте 18–25 лет;

— влияние сходного социального окружения (родителей, референтной группы, партнеров, друзей, группы по «интересам»);

— зависимость скорости возникновения девиантного поведения от возраста (общеизвестен тот факт, что раннее вовлечение быстрее приводит как к химическим (табакокурению, алкоголизации, наркомании), так и нехимическим зависимостям и социально-психологическим отклонениям (нетоголизму — сетевой интернет-зависимости, игромании и др.);

— социально-психологическое значение (активная демонстрация личностного протеста, претензия на взрослость, отказ от ограничений);

— высокая значимость ситуационных факторов (к примеру, алкоголизация в рядах армии в результате унижения личности офицерами);

— сходство стиля жизни и системы отношений среди молодежи, подверженной девиантному поведению (невысокая адаптивность, маргинальность, низкая/неустойчивая успеваемость, низкая самооценка);

— довольно высокая распространенность среди молодежи группы риска (безработные, живущие в неполных и социально неблагополучных семьях).

Социологический подход к интерпретации детерминант ДП в молодежной среде связан с социально-культурными факторами и правосознанием молодежи, предопределяющими отклонения в поведении [13]. В период социальных трансформаций жизненный опыт перестает соответствовать идеалам, воплощенным в социальных нормах, в результате чего молодежь испытывает состояние дезориентации и «нарушение коллективного порядка», что способствует возникновению ДП [14].

Социологическая теория в качестве основных причин, вызывающих ДП в молодежной среде, выделяет следующие:

— углубление противоречий между преобладающей в социуме культурой и различными молодежными субкультурами;

— разрыв между статусом личности и ее социальными ожиданиями;

— отчуждение личности от ценностно-нормативной регуляции, существующей в обществе;

— утрату морально ценностных ориентиров.

Кроме того, стремительный рост «числа гуманитарных инноваций и технических средств удовлетворения и формирования потребностей, – закономерно порождают, кроме известных достижений, также и новые формы социальной патологии, не существовавшие ранее» [15, с. 151].

Согласно социологическим исследованиям, в процессе бесконечной череды реформ в российском обществе у молодежи произошла трансформация ценностей. В частности, существенно ослабло уважение к такого рода ценностям, как: «выполнение долга», «дисциплина», «бескорыстие», «самообладание», «самоотверженность», но при этом возросло положительное отношение к ценностям «автономия», «свобода от авторитетов», «признание личности», «самореализация», «личная неприкосновенность» и др. [15].

Что касается психологической интерпретации детерминант ДП, в соответствии с психологическим подходом, девиантное поведение рассматривается в тесной взаимосвязи с внутриличностным конфликтом, деструкцией и саморазрушением личности, блокированием личностного роста, а также состояниями дегенеративности, акцентуаций характера и психопатических расстройств личности молодого человека.

Основным источником отклонений в психоаналитической концепции считается постоянный конфликт между бессознательными влечениями, образующими структуру «Оно», и ограничениями, исходящими от «Я» и «Сверх-Я». Подавление, вытеснение либидо ведет к сублимации сексуальной энергии, изменениям поведения вплоть до садизма и преступлений.

По результатам исследования М.М. Темиргалиевой, психологическими детерминантами формирования и динамики ДП в молодежной среде являются: «тип личностной идентификации, ценности, смысложизненные ориентации, способ реагирования на ситуацию фрустрации, нарциссические тенденции, особенности ментализации и копинг-стратегии» [16, с. 297].

Однако как свидетельствуют социальные и психологические исследования, сущность девиации нельзя объяснить лишь на основе анализа сугубо психологических или сугубо социологических факторов, поскольку все они в комплексе обуславливают формирование ДП.

Девиантное поведение молодежи, таким образом, определяется не только объективными факторами внешних условий социальной (социокультурной) среды, но особыми внутренними психологическими факторами. Следовательно, истоки формирования ДП в молодежной среде имеют сложную социально-психологическую природу происхождения.

В завершении, необходимо подчеркнуть, что все мероприятия по профилактике ДП среди молодежи должны разрабатываться и проводиться на основе и с учетом целого ряда социально-психологических детерминант.

Литература:

1. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 32–37.
2. Гафиатулина Н.Х. [и др.]. Социальное здоровье и восприятие рисков студенческой молодежью юга России (на материалах социологического опроса в г. Ростов-на-дону) // Анализ риска здоровью. – 2017. – № 4. – С. 66–75.
3. Сущенко С.А., Жидяева Е.С., Самыгин С.И. Экстремизм в среде российской молодежи: социальные и психологические истоки возникновения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 10.
4. Петрусевич Д.Ф. Детерминация девиантного поведения подростков // Мир науки, культуры и образования. – 2010.
5. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов [и др.]. – Мн., 2003.
6. Змановская Е.В. Девиантология: Психология девиантного поведения. – М., 2003.
7. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V. [et al]. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 296–305.
8. Азарова Л.А., Сятковский В.А. Психология девиантного поведения. – Минск, 2009.
9. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М., 2001.
10. Брусенцева Д.М., Гафиатулина Н.Х. Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве. – Ростов н/Д., 2018.
11. Димов В.М. Проблемы девиантного поведения российской молодежи (социальный аспект) // Вестник московских исследований. – 1997. – № 3.
12. Kandel, D.B., Maloff, D.R. Commonalities in drug use: a sociological perspective // In Commonalities in Substance Abuse and Habitual Behavior / Lexington Books, Lexington MA, 1993. P. 3–27.
13. Сущенко С.А., Жидяева Е.С. Правовое образование российской студенческой молодежи как фактор формирования ее правосознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 11.
14. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6.
15. Устинова Н.А. Детерминанты девиантного поведения современных подростков : Актуальные проблемы развития личности / сб. научных трудов под ред. Н.Н. Васягиной. – Екатеринбург, 2016. – С. 148–157.
16. Темиргалиева М.М. О психологических детерминантах динамики аддиктивного поведения // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2019. – Т. 7. – № 2 (25). – С. 296–311.

Literature:

1. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2018. – № 4. – P. 32–37.
2. Gafiatulina N.Kh. [et al]. Social health and risk perception by students of the south of Russia (based on a sociological survey in Rostov-on-Don) // Health risk analysis. – 2017. – № 4. – P. 66–75.
3. Suschenko S.A., Zhidyaeva E.S., Samygin S.I. Extremism among Russian youth: social and psychological sources of occurrence // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2017. – № 10.
4. Petrusevich D.F. Determination of the deviant behavior of adolescents // World of science, culture and education. – 2010.
5. Sociology: Encyclopedia / Composition A.A. Gritsanov [et al.]. – Mn., 2003.
6. Zmanovskaya E.V. Deviantology: The Psychology of Deviant Behavior. – M., 2003.

7. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. – 2019. – T. 6. – № 2. – P. 296–305.
8. Azarova L.A., Syatkovsky V.A. Psychology of deviant behavior. – Minsk, 2009.
9. Kleiberg Yu.A. Psychology of deviant behavior. – M., 2001.
10. Brusentseva D.M., Gafiatulina N.Kh. A model for counteracting the coverage of a terrorist organization in the media. – Rostov n/D., 2018.
11. Dimov V.M. Problems of deviant behavior of Russian youth (social aspect) // Bulletin of Moscow research. – 1997. – № 3.
12. Kandel, D.B., Maloff, D.R. Commonalities in drug use: a sociological perspective // In Commonalities in Substance Abuse and Habitual Behavior / Lexington Books, Lexington MA, 1993. P. 3–27.
13. Suschenko S.A., Zhidyaeva E.S. Legal education of Russian student youth as a factor in the formation of its legal consciousness // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2016. – № 11.
14. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. The impact of modern technology on personality development and the formation of pathological forms of adaptation: the reverse side of socialization // Psychological journal. – 2005. – Vol. 26. – № 6.
15. Ustinova N.A. Determinants of the deviant behavior of modern adolescents / Actual problems of personality development. Sat scientific works under the editorship of N.N. Vasyagina. – Yekaterinburg, 2016. – P. 148–157.
16. Temirgalieva M.M. On the psychological determinants of the dynamics of addictive behavior // Personality in a changing world: health, adaptation, development. – 2019. – Vol. 7. – № 2 (25). – P. 296–311.

УДК 159

ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИВЯЗАННОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К МАТЕРИ И ЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ОКРУЖАЮЩИМИ

●●●●●●

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE RELATIONSHIP OF THE ATTACHMENT OF PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN TO THE MOTHER AND PERSONAL RELATIONSHIPS WITH OTHERS

Таранова Валерия Алексеевна
студентка кафедры психологии,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ler.taranowa2013@yandex.ru

Valeriy A. Taranova
A student of the Department of Psychology,
Russian Academy of National Economy
and Public Service Under the President
of the Russian Federation
ler.taranowa2013@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена одной из проблем психологии развития – изучению взаимосвязи личностных взаимоотношений и эмоциональной привязанности ребенка к материи. Один из основных тезисов теории привязанности состоит в том, что на протяжении своей жизни человек будет репродуцировать тип привязанности, который сформировался при взаимодействии с матерью. Теория привязанности фигурирует в различных областях психологической науки: в педагогической и общей психологии, социальной, возрастной психологии. В настоящее время увеличивается число детей с проблемами адаптации в обществе, нарастает напряжённость и агрессивность среди школьников. Причиной этих проблем зачастую становятся проблемы во взаимодействии детей с родителями, в том числе ненадежный тип привязанности ребенка.

Ключевые слова: привязанность, тип привязанности, межличностное взаимодействие, значимый взрослый, эмоциональное развитие.

Annotation. The work is devoted to one of the problems of developmental psychology – the study of the personal relationships and the emotional attachment of the child to mother. One of the main theses of the theory of attachment is that throughout his life a person will reproduce the type of attachment that was formed in interaction with the mother. The theory of attachment appears in various fields of psychological science: in pedagogical and general psychology, social, age psychology. Currently, the number of children with problems of adaptation in society is increasing, tensions and aggressiveness among schoolchildren are increasing. The cause of these problems are often problems in the interaction of children with their parents, including the unreliable type of attachment of the child.

Keywords: attachment, type of attachment, interpersonal interaction, meaningful adult, emotional development.

Привязанность как детерминанта развития в младшем возрасте

Привязанность — особая психологическая связь, выражающаяся в эмоциональной близости и чувстве защищенности. Впервые теорию разработал Дж. Боулби, давая определение привязанности, как поведению в угрожающей или дискомфортной ситуации, при котором ребенок стремится к близости со значимым взрослым. Однако автор также выделяет несколько фаз развития привязанности у ребенка:

— на начальной фазе ребенок не определяет адресата, посылает сигналы не какому-то конкретному лицу (фаза проявляется до 12 недели жизни);

— в фазе становления ребенок начинает различать взрослых, которым адресует свои реакции;

— при сформированной привязанности ребенок активно действует для удовлетворения собственных потребностей в близости к взрослым, проявляется целенаправленность;

— на стадии целевого партнерства ребенок способен понимать намерения и планы взрослого, то есть, партнера.

В процессе психомоторного и интеллектуального развития расширяется и репертуар поведения привязанности. От плача, улыбки и вокализации ребенок переходит к целенаправленному передвижению в пространстве к значимому взрослому. У ребенка формируется представление о том, что человек постоянен, он может находиться за пределами поля зрения ребенка, позже появляется способность к эмпатии.

Так, Л.С. Выготский говорит о том, что новообразованием младенческого возраста является индивидуальная психическая жизнь новорожденного (не включающая в себя пока интеллект, волю и другие компоненты), которая тесно вплетена в социальную жизнь и взаимодействие со взрослыми, что и подразумевает понятие «привязанность». Важно отметить, что любой контакт с окружающим миром для младенца осуществляется через взрослого. Ш. Бюлер полагает, что контакт матери в силу того, что является очень тесным, не позволяет новорожденному выделять в этом контакте себя как индивидуальную форму существования. Сначала происходит отделение физическое, то есть, ребенок определяет свое тело, как отличное от тела матери, и лишь потом — психическое [2].

К механизмам, осуществляющим поведение привязанности, можно отнести то, что задолго до появления способности различения цвета и формы, ребенок реагирует на сложные комплексы, окрашенные эмоциями. Таким комплексом, в частности, является лицо матери. Это объясняется тем, что лицо матери как сигнал является особо важными на данном этапе развития ребенка.

М.И. Лисина, разделяя взгляды Л.С. Выготского, говорила о потребности в общении, которая стоит в одном ряду с биологическими потребностями. Другой важной потребностью для ребенка является потребность в новых впечатлениях, источником их является взрослый. Среди критериев Лисина выделяет такой эмоциональный ответ ребенка взрослому улыбкой. Через такие формы взаимодействия в первые полгода жизни ребенка формируются важнейшие психические процессы и формы активности [3]. Таким образом, в концепции Лисиной, общение со взрослым является необходимым условием эмоционального и интеллектуального развития ребенка.

Анализ исследований роли привязанности к значимому взрослому в развитии ребенка младшего школьного возраста

В исследовании Пупыревой [4], проведенном на основе метода беседы и проективных методик, было выявлено 3 типа автономии: низкая (12 % выборки), средняя (75 % выборки) и высокая (13 % выборки). Анализ полученных данных показал, что тип автономии ребенка связан с выявленным типом привязанности к матери. Больше того, тип привязанности к матери (надежная, амбивалентная или избегающая) оказывал влияние на формирование определенного типа автономии. Данные этого исследования интерпретируются Пупыревой как наибольшее желание дистанцироваться от матери именно у детей с ненадежной привязанностью, непринятие ребенком помощи и влияния на определенные сферы жизни от матери.

Субъективная оценка уровня автономии ребенком опережает реальные проявления сформировавшейся самостоятельности в действиях, тем самым составляя ближайшую зону развития. Соответственно, привязанность к матери оказывает влияние и на этот аспект.

Дети с надежной привязанностью демонстрируют большую эмоциональную вовлеченность и больший эмоциональный отклик от совместной деятельности с матерью, чем дети с ненадежной привязанностью. Это служит предпосылкой для нормального в рамках детского развития формирования не только автономии, но и поведения в межличностном взаимодействии.

Концепции привязанности

Одно из ключевых понятий в теории привязанности — «рабочая модель». Психоаналитик Дж. Боулби полагал [1], что индивид конструирует рабочие модели восприятия различных событий через коммуникацию с окружающими людьми. Эта модель не осознается, но является необходимым компонентом для восприятия и осознания окружающего мира. Рабочая модель включает в себя несколько составляющих:

Я — Другой.

Основа этой рабочей модели — связанные между собой модели себя и близкого человека. Образ себя формируется восприятием близким человеком. В центре модели близкого человека находится принятие и поддержка. Эти две модели взаимосвязаны и едины. Рабочая модель значимого взрослого включает в себя черты требовательности, строгости и жестокости. Соответственно, благоприятная рабочая модель «Я — другой» складывается в благополучных семьях, что подчеркивает связь между образом себя и значимого взрослого в данной модели. Эта рабочая модель формируется достаточно рано и трудно поддается изменениям (только тогда, когда она является деструктивной).

Объект и субъект привязанности

Эта рабочая модель включает в себя 4 составляющих: модель матери, себя как объекта и субъекта привязанности и модель ребенка. В родительских отношениях для ребенка имеет место

быть модель себя как субъекта привязанности, а для матери — модель объекта привязанности. Общей является модель матери. Данные рабочие модели находятся во взаимосвязанных отношениях, взаимовлияющих друг на друга. Эта система рабочих моделей имеет в своей основе прошлый опыт, поэтому память играет немаловажную роль в становлении отношений привязанности.

Глубинная и семантическая память

В формировании вышеперечисленных моделей глубинная и семантическая память играют немаловажную роль. Глубинная память позволяет хранить модели поведения в повторяющих ситуациях коммуникации. Так, складывается определенный тип поведения, основанный на опыте взаимодействия преимущественно с матерью. Например, радость ребенка при звуке голоса матери. Семантическая же память основана на вербальной информации об отношениях и ситуациях, а также собственные мысли ребенка. Такая память связана с речью и формируется прижизненно, параллельно развитию речи ребенка, осознаваема.

Качество привязанности

Качество привязанности является главной характеристикой для теории. Разделение происходит по признаку безопасности или небезопасности объекта привязанности, которую он обеспечивает субъекту привязанности. Для определения качества привязанности используется тест Эйнсворт «Незнакомая ситуация», позволяющий исследовать поведение ребенка до 2 лет [5]. Тест содержит 8 экспериментальных проб длительностью 3 минуты. Показателем в данном тесте является реакция ребенка на постороннего человека, разлуку с матерью и встречу с ней после разлуки.

Итак, по этим реакциям можно выделить 3 группы детей:

1. Дети с надежной привязанностью: огорчаются и могут плакать при разлуке с матерью, радуются встрече, стремятся к близости с ней, к игре.
2. Дети с избегающей привязанностью: не огорчаются при разлуке, при встрече не реагируют на мать либо избегают ее.
3. Дети с амбивалентной привязанностью: огорчаются или злятся при разлуке с матерью, однако не рады встрече после разлуки. Испытывают негативные эмоции при появлении матери в комнате. Такое непоследовательное поведение свидетельствует об отсутствии чувства безопасности у ребенка рядом с матерью.

Литература:

1. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ.; общ. ред. Г.В. Бурменской. – М. : Гардарики, 2003.
2. Выготский Л.С. Младенческий возраст / Вопросы детской психологии. – СПб. : Союз, 1997.
3. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. – СПб. : Питер, 2009.
4. Пупырева, Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте : дис. … канд. психол. наук: 19.00.16. – М., 2007.
5. Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Walls S. Patters of attachment: a psychological study of the strange situation. – N.J., 1978.

Literature:

1. Bowlby J. Bondage / per. from England, commonly edited by G.V. Burmenskaya. – M. : Gardariki, 2003.
2. Vygotsky L.S. Baby Age / Problems of Child Psychology. – St. Petersburg : Union, 1997.
3. Lisina M.I. Formation of a Child's Personality in Communication. – St. Petersburg : Peter, 2009.
4. Pupyreva E.V. Emotional attachment to mother as a factor in the formation of personal autonomy in the younger school age : Diss. ... Cand. psychol. of sciences: 19.00.16. – M., 2007.
5. Ainsworth M., Blehar M., Waters E., Walls S. Patters of attachment: a psychological study of the strange situation. – N.J., 1978.

УДК 378.1

СМЫСЛОВОЕ ПОНИМАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

●●●●●●

SEMANTIC UNDERSTANDING OF INCLUSIVE EDUCATION

Чжан Тяньсюй
аспирант,
факультет педагогического образования,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
zhaglu5521@mail.ru

Гасанова Рената Рауфовна
кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
истории и философии образования,
заместитель декана факультета
педагогического образования,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
renata_g@bk.ru

Zhang Tianxu
Graduate student,
Faculty of Education,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
zhaglu5521@mail.ru

Renata R. Gasanova
Candidate of Psychological Sciences,
Senior Lecturer, Department of History
and Philosophy of Education, Deputy,
Dean of the Faculty of Education,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
zhaglu5521@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме становления и смыслового понимания инклюзивного образования в современном обществе, включением и внедрением методов активностей, приемов и подходов к образованию. Современные тенденции развития инклюзивного образования имеют определенный «исторический возраст» и глубокие социо-культурные корни. Создание специальных образовательных условий позволит обеспечить равенство возможностей для каждого обучающегося с особенностями развития и получения наравне со всеми качественного образования. Ведь достижение мирового прогрессивного развития состоит в целом в том, что люди могут создавать, производить и творить, а не в том, что не могут.

Ключевые слова: инклюзия, обучающиеся, особенности развития, инклюзивное образование, инклюзивное обучение, инклюзивная школа, социализация, социальная адаптация, культура, человеческая гуманность.

Annotation: The article is devoted to the actual problem of formation and semantic understanding of inclusive education in modern society, including and implementing methods of activities, techniques and approaches to education. Modern trends in the development of inclusive education have a certain «historical age» and deep socio-cultural roots. The creation of modern special educational conditions will ensure equal opportunities for each student with the peculiarities of development and quality education. After all, progress is in what people can do, not in what they can't.

Keywords: inclusion, students, features of development, inclusive education, inclusive education, inclusive school, socialization, social adaptation, culture, human humanity.

Среди задач модернизации образования вопросы по развитию инклюзивного обучения являются приоритетными. Сегодня инклюзия становится неотъемлемой значимостью современного образования на любых его уровнях. В вузах создаются модельные образцы специальных образовательных условий по техническому и организационному оснащению. Появляются ознакомительные мероприятия, связанные со спецификой обучения людей с особыми возможностями. Сам термин «инклюзия» вошел в обиход благодаря принятию в 1994 г. Саламанкской декларации о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями (лат. *include* — заключаю, включаю, вовлекаю; фр. *inclusif* — включающий в себя). Инклюзия как «процесс, при котором что-либо включается, то есть вовлекается, охватывается, или входит в состав, как часть целого» [1]. Необходимо понимать, что инклюзивное образование предусматривает не только включение и активное участие детей и подростков с

ограниченными возможностями в образовательном процессе обычной школы, но и перестройку массового образования для обеспечения образовательных потребностей всех детей. В связи с этим под эгидой ЮНЕСКО в Испании была проведена Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями. Участники этой конференции обратились к правительствам всех стран с предложением принять в «форме закона или политической декларации принцип инклюзивного образования, заключающийся в том, что все дети поступают в обычные школы, если только не имеется серьезных причин, заставляющих поступать иначе». Как отмечала С.В. Алехина, «инклюзия в образовании — это ступень инклюзии в обществе, одна из гуманитарных идей его развития. Развитие инклюзивного образования — не создание новой системы, а качественное и планомерное изменение системы образования в целом» [1]. Декларация, принятая Саламанкской конференцией, призывает к тому, чтобы детей и молодых людей с особыми образовательными потребностями учитывали «в связи с разработкой мер в области образования, принимаемых в отношении большинства детей. Именно в этой связи возникла концепция инклюзивной школы» [5].

Глубокие процессы развития современного общества выражаются в обеспечении равенства возможностей получения качественного образования, характеризующие собой «инклюзию», в том случае, когда ребенку-инвалиду предоставляется право посещать обычную школу и для этого оказываются поддерживающие услуги, создаётся необходимая адаптированная образовательная среда. Полное включение означает, что все ученики независимо от вида тяжести и характера нарушения развития обучаются вместе в одном общеобразовательном классе, получая, если требуется, дополнительные услуги, извлекая пользу из совместного обучения со своими здоровыми сверстниками.

Инклюзия отражает новый взгляд не только на систему образования, но и на место человека в обществе. Инклюзивное образование как исторически, так и семантически в большей степени связано с проблемой совместного обучения детей обычных и с ограниченными психофизиологическими возможностями. Благодаря включенному подходу во всей системе образования происходит трансформация модели образования, чтобы она могла одновременно соответствовать образовательным потребностям каждого участника обучения. Самое главное — обеспечить адаптированными образовательными программами и создать специальную образовательную среду в инклюзивном классе. В идеале инклюзивный класс должен отвечать необходимым потребностям этих детей, и, что особенно важно, все дети в таком классе должны иметь возможность общаться друг с другом. Смысл инклюзии состоит в том, чтобы полностью вовлечь ребёнка с особенностями развития в жизнь класса, создать для него оптимальные специальные условия для получения образования [4].

Культура инклюзивного образования раскрывается в характере позиции участников образовательного процесса. Эта позиция в значительной степени определяется типом общения, наличием солидарности, кооперации всех участников образовательного процесса. В этой связи уместным считается введение в содержание вузовского обучения специального образовательного модуля по основам социализации и развития на базе принципа гетерогенности («Сущность гетерогенности заключается в идее разнородности составляющих элементов, образующих вместе единое целое» [3]).

Проблема назревшей инклюзии была не только в том, что она стала занимать умы прогрессивных педагогов, но и в ряде случаев в том, что такое обучение было с успехом апробировано в европейских странах, в условиях тогда ещё не имеющих ценза народной школы. Идеи совместного обучения в западноевропейском образовании появились в первой половине XIX в.

В то время как И.Г. Песталоцци выдвинул идеи:

— о разностороннем развитии ребёнка в соответствии с его природой и потребностями;

— о важности обучения детей с отставанием в умственном развитии, физически и социально неблагополучных;

— о необходимости и возможности обучения всех детей и подготовки их к будущей трудовой деятельности.

Развитие социальных институтов стран Западной Европы и США, изменения в общественно-экономических отношениях к концу XIX в., предъявили возросшие требования к традиционному образованию. Эти изменения вызвали реформирование школьного образования на основе новых научных и философских идей, продуктивных для решения насущных проблем, как в жизни общества, так и в образовании (авторитарное управление, отсутствующая практическая подготовка к профессиональной деятельности и др.).

В начале XX в. в европейской педагогике оформилась научная парадигма реформаторской педагогики, которая вобрала и впитала в себя научные достижения передовых концепций философской и педагогической мысли того времени. В ней нашли отражение философские идеи

XIX–XX вв. Опора на эти воззрения привела педагогов к утверждению важнейшего принципа реформаторской педагогики — принципа *педоцентризма*. Согласно этой парадигме каждый ребёнок индивидуален и неповторим, его развитие представляет собой постепенную реализацию его внутренней, присущей только ему, программы *саморазвития* и, следовательно, учебный процесс должен строиться исходя из потребностей и возможностей самого ребёнка, а не из стремления учителя во что бы то ни стало реализовать учебную программу в установленное администрацией время [2].

Ключевые идеи и принципы реформаторской педагогики, сформировавшиеся под влиянием внеклассной науки, получили дальнейшее развитие в XX в., что позволило вернуться к проблеме совместного обучения детей, различающихся по своим психофизиологическим возможностям. Именно в инновационных для своего времени педагогических системах реформаторской педагогики вновь нашли отражение инклюзивные образовательные феномены.

В 60–90-е годы XX в. обозначаются *периодом социально-правового развития инклюзивного образования* и характеризуются возвращением и распространением совместного обучения обычных детей и детей с ограниченными возможностями (ОВЗ) в область образования. Была сформулирована концепция образования детей с особыми потребностями и вошли в употребление научного сообщества Саламанкские термины на международном уровне: «инклюзивное образование», «инклюзивная школа».

В первое десятилетие XXI в. начинает реализовываться социальный проект «инклюзивное обучение», инклюзия без границ — как период активных, многочисленных опытов воплощения философских, педагогических, социальный, психологических идей и принципов. Впоследствии этого возникает *этап разумного прагматизма*. Это время, когда все большее количество стран убеждается в том, что этот вид обучения (инклюзивное образование) имеет свои рамки и пределы, обусловленные экономическими возможностями системы образования той или иной страны. Пришло понимание необходимости эффективного обучения каждого ребёнка с ООП и особенно ребёнка, имеющего значительные нарушения в развитии, что, тем не менее, является благом, создающим лучшие условия получения образования, пусть и для некоторой части детей с ООП. В то же время в этот период всё больше укрепляется уверенность в том, что инклюзивное образование — это лишь одна из возможностей для ребёнка с нарушением развития, лишь составная часть системы образования, а не вся система.

В процессе становления и развития инклюзивного образования появились важные принципы, которые необходимо соблюдать:

- собственно принципы инклюзивного образования;
- нравственно-этические принципы;
- социокультурные принципы;
- организационные и педагогические принципы.

По мнению авторов статьи, нравственно-этические принципы являются наиболее актуальными, т.к. опора на эти принципы в законодательстве государства непременно необходима в отношении социальной интеграции и инклюзивного образования. Единство людей на основе:

- гуманности — где каждый ребёнок, несмотря на имеющиеся у него ограничения возможностей, имеет право на обучение и воспитание;
- реалистичности — где каждый человек воспринимается таким, каков он есть;
- органичной интеграции целостного педагогического процесса в инклюзивном учебном заведении;
- специальных педагогических компетенций педагогического корпуса массовой системы образования;
- командного варианта взаимодействия при реализации интеграционного процесса;
- кооперации и коллективизма в рамках единого для всех учебного предмета: каждый ребёнок осваивает вместе с другими учащимися общий для всех предмет в доступных для него пределах и вносит свою долю в коллективное знание о предмете;
- индивидуализации, стоящей в центре образовательного процесса педагогической деятельности, — обучение ребёнка в неразделимом единстве его физической, умственной и душевной организации, его общих и особых образовательных потребностей;
- диалогического способа взаимодействия: встреча и общение между людьми является важным и значительным элементом педагогической ситуации и мн.др.

На данный момент остаются нерешенными многие проблемы по интегрированию образования, т.е. инклюзии, совместного образования обучающихся с разными образовательными потребностями; недостаточно осуществляется подготовка кадров и психологическое сопровождение, отсутствуют технологии организационного вовлечения родителей в социально-образовательный процесс обучения и пр.

Хотя у инклюзивного образования в ходе его становления обнаруживается ряд недостатков, однако для нас самым важным является то, что процесс инклюзивного образования запущен и имеет свои положительные результаты. Дети учатся и интегрируются в будущий социум, научаются общаться с другими людьми и развивают творческие способности, получают коммуникационные навыки, жизненные уроки. Конечно, и весь коллектив получает понимание, что не должно быть различий между людьми, не важно инвалид ты или здоровый человек. Ведь каждый человек сам по себе уникальный, способный член общества. Здесь хочется вспомнить и добавить словами, в качестве художественной метафоры о сущности образования и воспитания, знаменитого немецкого философа XVIII в. Иммануила Канта: «Две вещи наполняют душу все новым и растущим изумлением: звездное небо над головой и моральный кодекс внутри нас» [2].

Инклюзивное образование способствует обогащению личных качеств человека, стремления прийти на помощь. Оно является новой моделью образования, где учащиеся и педагоги работают над общим делом — доступным и качественным образованием для всех без исключения детей.

И в заключение, о важности и необходимости инклюзии социуму. Приведем эпизод из приключенческого романа Джека Лондона «Сердца трех»: «Слепой философ приподнял голову, понюхал воздух и жестом остановил девушку. Следуя его примеру, она тоже втянула в себя воздух.

— Может, это гарь от лампы, о Справедливый! — предположила она.

— Нет, это горит нефть, — возразил слепой. — Лампа тут ни при чем. И горит где-то далеко. Мне еще послышались выстрелы в ущелье.

— А я ничего не слышала… — начала, было, метиска.

— Дочь моя, ты же зрячая, ты не нуждаешься в таком остром слухе, как я. В ущелье стреляли».

Становление инклюзивного (специального) образования кроется в человеческой гуманности:

— каждый человек способен чувствовать и думать;

— каждый имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным, а его ценностная значимость не зависит от его способностей и достижений;

— все люди нуждаются в поддержке и дружбе;

— подлинное образование осуществляется в контексте реальных взаимоотношений;

— достижение прогресса в том, что люди могут делать, а не в том, что не могут;

— разнообразие мира усиливает человека всесторонне [4].

Литература:

1. Алехина С.В. Современный этап развития инклюзивного образования в Москве // Инклюзивное образование. – М. : Центр «Школьная книга», 2010. Вып. 1. – 272 с.
2. Кроль В.М. Педагогика : учеб. пособие. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2016. – 303 с.
3. Русакова М.С. Типологический подход к диадическому взаимодействию и принцип гетерогенности // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 27. – С. 11.
4. Чжан Тяньсюй. Смысловое становление специального образования // Перспективы науки. – 2019. – № 4 (115). – С. 124–127.
5. URL : https://studwood.ru/1680078/pedagogika/osobennosti_stanovleniya_integrirovannogo_inklyuzivnogo_obrazovaniya_rossii

Literature:

1. Alekhina S.V. Modern stage of development of inclusive education in Moscow // Inclusive education. – M. : School Book Center, 2010. – Issue 1. – 272 p.
2. Krol V.M. Pedagogy : Educational Information. – M. : RIOR: INFRA-M, 2016. – 303 p.
3. Rusakov M.S. Typological approach to diadic interaction and heterogeneity principle // Psychological research. – 2013. – Vol. 6. – № 27. – P. 11.
4. Zhang Tianxu. Sense formation of special education // Prospects of science. – 2019. – № 4 (115). – P. 124–127.
5. URL : https://studwood.ru/1680078/pedagogika/osobennosti_stanovleniya_integrirovannogo_inklyuzivnogo_obrazovaniya_rossii

УДК: 796/799

РАЗВИТИЕ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ СРЕДСТВАМИ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

●●●●●●

DEVELOPMENT OF POWER ABILITIES IN THE ELDERLY AGE BY MEANS OF SPORTS AND HEALTH TOURISM

Филиппова Елена Владимировна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
физического воспитания и спорта,
Ростовский государственный
университет путей сообщения
filippova-71@mail.ru

Elena V. Filippova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of Physical Education and Sports,
Rostov State University
of Communication Routes
filippova-71@mail.ru

Аннотация. В пожилом возрасте, в связи с инволюционными перестройками в опорно-двигательном аппарате, снижаются физические возможности. Однако данные изменения у каждого индивида проявляются по-разному. Регулярные занятия физическими упражнениями вносят существенные коррективы в возрастную динамику физических качеств и тормозят инволюционные процессы.

Цель работы – исследование динамики силовых способностей пожилых людей, занимающихся в группах здоровья спортивно-оздоровительным туризмом. Для изучения изменения силовых способностей обследуемых измерялась динамическая сила правой и левой руки при помощи динамометра.

Для анализа эффективности занятий спортивно-оздоровительным туризмом сравнивались средние результаты в каждой группе в отдельности в начале и в конце эксперимента. Различия между полученными результатами выявлялись с помощью непараметрического критерия Вилкоксона.

Полученные данные позволили выявить прирост результатов по исследуемому показателю в конце эксперимента во всех возрастных группах женщин и мужчин экспериментальной группы, кроме силы правой руки у мужчин 68–74 лет. В контрольной группе существенного увеличения силы рук не выявлено ни в одной возрастной группе.

Таким образом, занятия спортивно-оздоровительным туризмом имели более выраженный тренировочный эффект по сравнению с другими видами физической активности пожилых людей.

Ключевые слова: пожилой возраст, силовые способности, спортивно-оздоровительный туризм, мышечная масса.

Annotation. In elderly age, due to involutional changes of the musculoskeletal system the physical abilities deteriorate. But these changes show themselves differently by every individual. Regular physical exercise brings significant corrections into age dynamics of physical qualities and slows the involutional process down.

The goal of this work is to research the dynamics of physical abilities of elderly people that are engaged in health groups in recreational tourism. For the research of surveyed people's physical abilities the dynamical force of the right and left hand was measured using a dynamometer.

For the analysis of the effectiveness of recreational tourism the median results of each group were compared in the beginning and at the end of the experiment were compared. Differences between the results were acquired using the Wilcoxon signed-rank test.

The findings of the research allowed us to identify an increase in the results of the explored point at the end of the experiment in all age groups of women and men of the experimental group, except for the right arm strength within men 68–74 years old. A significant increase in hand strength within any age group was not detected.

Thus, sports and recreational tourism had a more pronounced training effect compared to other types of physical activity of older people.

Keywords: old age, strength abilities, sports and fitness tourism, muscle mass.

Введение

Пожилой возраст характеризуется структурными инволюционными перестройками в системах и органах человеческого организма, постепенно приводящих к старости.

Существенные изменения претерпевает опорно-двигательный аппарат.

С возрастом уменьшается мышечная масса [2]. В период от 20 до 90 лет потеря мышечной массы составляет до 50 %. Активное снижение толщины мышечных волокон и увеличение внутримышечного жира наблюдается уже после 30 лет жизни. Это обуславливает возрастное снижение физических качеств, в частности, силовых способностей. По сравнению с прочими физическими качествами, сила и аэробная выносливость сохраняются лучше. Сила человека к шестидесяти годам снижается примерно на 20 процентов по сравнению с молодым возрастом.

Между тем, все вышеперечисленные изменения сугубо индивидуальны. У одних людей в позднем периоде жизни состояние нервно-мышечной системы носит явные признаки увядания, у других функциональные показатели достаточно высокие. Во многом степень данных изменений зависит от биологического резерва организма, который базируется на генетическом факторе и образе жизни индивида [7].

Учёные отмечают, что значительные уменьшения мышечной массы наблюдаются у пожилых людей, не занимающихся в течение жизни целенаправленной физической активностью.

Регулярные занятия физическими упражнениями вносят существенные коррективы в возрастную динамику физических качеств и тормозят инволюционные процессы. [1; 3–5]. Помимо прочих физических качеств, специалисты рекомендует в пожилом возрасте развивать силовые возможности.

Одним из наиболее безопасных и полезных видов физической активности для лиц пожилого возраста является спортивно-оздоровительный туризм. Он оказывает комплексное воздействие на человека: поддерживает физические возможности, способствует обучению, оздоровлению, воспитанию.

В исследованиях, проводимых нами ранее, мы выявили, что сила является одним из наиболее важных физических качеств, развиваемых спортивно-оздоровительным туризмом [6].

Мы предположили, что занятия на основе использования средств спортивно-оздоровительного туризма способствуют улучшению силовых способностей людей пожилого возраста.

Цель нашей работы

Исследование динамики силовых способностей пожилых людей, занимающихся в группах здоровья спортивно-оздоровительным туризмом по нашей программе, а также пожилых людей, занимающихся другими видами физической активности — волейболом, бадминтоном, настольным теннисом, плаванием.

Программа по спортивно-оздоровительному туризму для пожилых людей включала в себя трёхразовые занятия в неделю в течение одного календарного года. Раздел общей физической подготовки содержал общеразвивающие упражнения, направленные на развитие физических качеств, в том числе, силовых способностей, а раздел специальной физической подготовки содержал технические упражнения, способствующие формированию навыков спортивного туризма. К ним относятся: работа с туристскими карабинами, вязка туристских узлов, различные перемещения с применением туристского спортивного снаряжения (верёвок, карабинов, репшнуров): «подъём, спуск по склону», прохождение «воздушной переправы», «параллельных перил» и др.

Организация и методы исследования

В исследовании принимали участие мужчины и женщины пожилого возраста, занимающиеся в группах здоровья при спортивно-оздоровительных комплексах «Олимп» и «Содружество» г. Волгодонска. Всех участников эксперимента мы разделили на четыре группы: женщины 55–64 года и 65–74 лет, мужчины 60–67 лет и 68–74 года. Всего в экспериментальной группе 69 человек. В контрольной группе 67 человек.

Для изучения изменения силовых возможностей обследуемых измерялась динамическая сила правой и левой руки при помощи динамометра. Каждый участник выполнял максимальное сжимание динамометра поочерёдно правой и левой рукой. При этом рука была выпрямлена и отведена в сторону под углом 90 градусов относительно туловища. Участникам предлагалось выполнить по две попытки каждой рукой. Лучший результат заносился в протокол.

Для анализа эффективности занятий спортивно-оздоровительным туризмом по нашей программе мы сравнили средние результаты в каждой группе в отдельности в начале и в конце эксперимента. Различия между полученными результатами эксперимента мы выявляли с помощью непараметрического критерия Вилкоксона (зависимыми выборки).

Результаты исследования и их обсуждения

Результаты исследования приведены в таблицах 1–4.

Таблица 1 – Результаты динамометрии женщин экспериментальной группы (ЭГ)
Table 1 – Results of dynamometry of experimental group women

Результаты обследования женщин 55–64 лет (n = 28) Results of the study of women 55–64 years (n = 28)								
Сила рук The strength of the arms	Среднее значение The average value		S_0	S_1	Доверительный интервал Confidence interval		T эмп T emp	P
	$\bar{x}0$	$\bar{x}1$			начало beginning	конец end		
(левая / правая) кг (left / right) kg	25,25	26,46	4,28	4,11	1,59	1,52	4	<0,05
	26,11	27,5	3,74	3,79	1,38	1,40	9	<0,05
Результаты обследования женщин 65–74 лет (n = 14) Results of the study of women 65–74 years (n = 14)								
(левая / правая) кг (left / right) kg	23,00	24,00	4,13	3,51	2,17	1,84	6,50	<0,05
	23,64	25,14	4,41	3,61	2,31	1,89	0	<0,05

Примечание: n – количество испытуемых.
Note: n – number of examinees.

Из данных таблицы 1 видно, что расчёт различий по критерию Вилкоксона выявил значимость результатов по показателю динамометрии обеих рук в обеих возрастных группах женщин экспериментальной группы (ЭГ).

Таблица 2 – Результаты динамометрии женщин контрольной группы (КГ)
Table 2 – Results of dynamometry of women of the control group

Результаты обследования женщин 55–64 лет (n = 26) Results of the study of women 55–64 years (n = 26)								
Сила рук The strength of the arms	Среднее значение The average value		S_0	S_1	Доверительный интервал Confidence interval		T эмп T emp	P
	$\bar{x}0$	$\bar{x}1$			начало beginning	конец end		
(левая / правая) кг (left / right) kg	21,46	21,46	3,97	4,03	1,53	1,55	32,5	> 0,05
	22,62	22,89	22,62	22,89	22,62	22,89	18,5	> 0,05
Результаты обследования женщин 65–74 лет (n = 13) Results of the study of women 65–74 years (n = 13)								
(левая / правая) кг (left / right) kg	18,92	18,15	3,48	3,46	1,89	1,88	40,0	> 0,05
	20,31	20,15	3,47	3,26	1,89	1,77	10,0	> 0,05

Примечание: n – количество испытуемых.
Note: n – number of examinees.

Из данных таблицы 2 видно, что по показателю динамометрии обеих рук у женщин контрольной группы (КГ) обоих возрастов значимость не выявлена.

Таблица 3 – Результаты динамометрии мужчин экспериментальной группы (ЭГ)
Table 3 – the results of dynamometry of men of the experimental group

Результаты обследования мужчин 60–67 лет (n = 16) Results of the survey of men 60–67 years (n = 16)								
Сила рук The strength of the arms	Среднее значение The average value		S_0	S_1	Доверительный интервал Confidence interval		T эмп T emp	P
	$\bar{x}0$	$\bar{x}1$			начало beginning	конец end		
(левая / правая) кг (left / right) kg	38,19	39,06	5,12	4,45	2,51	2,18	5,00	<0,05
	39,31	40,25	6,07	5,01	2,98	2,46	1,00	<0,05

Продолжение таблицы 3

Результаты обследования мужчин 68–74 лет (n = 11) Results of the survey of men 68–74 years (n = 11)								
(левая / правая) кг (left / right) kg	35,55	36,73	3,75	3,10	2,22	1,83	1,50	<0,05
	36,64	37,27	4,86	4,36	2,87	2,58	4,00	>0,05

Примечание: n – количество испытуемых.
Note: n – number of examinees.

Из данных таблицы 3 видно, что расчёт различий по критерию Вилкоксона выявил значимость результатов по показателю динамометрии обеих рук только в возрастной группе мужчин 60–67 лет. В старшей возрастной группе мужчин ЭГ (68–74 лет) выявлена значимость результатов только по показателю динамометрии левой руки. По показателю силы правой руки значимость не выявлена ($t_{эмп} = 4 > t_{кр} = 0$, $P > 0,05$).

Таблица 4 – Результаты динамометрии мужчин контрольной группы (КГ)
Table 4 – the results of dynamometry of men in the control group

Результаты обследования мужчин 60–67 лет (n = 17) Results of the survey of men 60–67 years (n = 17)								
Сила рук The strength of the arms	Среднее значение The average value		S_0	S_1	Доверительный интервал Confidence interval		T эмп T emp	P
	$\bar{x}0$	$\bar{x}1$			начало beginning	конец end		
(левая / правая) кг (left / right) kg	37,06	37,06	5,06	5,52	2,40	2,62	40,00	>0,05
	36,53	37,41	7,30	6,19	3,47	2,94	15,00	>0,05
Результаты обследования мужчин 68–74 лет (n = 11) Results of the survey of men 68–74 years (n = 11)								
(левая / правая) кг (left / right) kg	34,91	34,55	5,34	5,72	3,15	3,38	16,00	>0,05
	36,27	36,27	4,78	5,44	2,82	3,22	18,00	>0,05

Примечание: n – количество испытуемых.
Note: n – number of examinees.

Из данных таблицы 4 видно, что расчёт различий по критерию Вилкоксона не выявил значимости результатов по показателю динамометрии как правой, так и левой руки в обеих возрастных группах мужчин контрольной группы.

Анализируя полученные данные, мы выяснили, что при оценивании исходного уровня силовых способностей выявились низкие значения по показателю кистевой динамометрии обеих рук в обеих возрастных группах женщин и мужчин, как экспериментальной, так и контрольной групп.

Полученные данные в конце эксперимента позволили выявить прирост результатов по исследуемому показателю во всех возрастных группах женщин и мужчин экспериментальной группы, кроме силы правой руки мужчин 68–74 лет.

Сравнительный анализ результатов тестирования контрольной группы в начале и в конце педагогического эксперимента методом Вилкоксона не выявил существенного увеличения силы рук ни в одной возрастной группе.

Таким образом, занятия в группе здоровья для людей пожилого возраста с преимущественным использованием средств спортивно-оздоровительного туризма в течение календарного года имели более выраженный тренировочный эффект по сравнению с другой физкультурной деятельностью пожилых людей.

Литература:

1. Амосов Н.М. Эксперимент по преодолению старости. – М.; Донецк : ООО Изд-во АСТ; «Сталкер», 2003. – 123 с.
2. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека. – М. : Теория и практика физической культуры и спорта. – 2000. – 275 с.
3. Батаговская Т.А. Роль лечебной физической культуры в системе восстановительных мероприятий, реализуемых в процессе коррекции иволютивных изменений психофизиологического состояния организма женщин пожилого возраста : дисс. … канд. биол. наук. – М., 2010. – 134 с.

4. Выдрин В.М. Социальная потребность в занятиях физическими упражнениями : Физическая культура студентов: физическое воспитание, спорт, актив. Досуг / материалы Респ. науч.– метод. семинара; под ред. В.И.Григорьева; С.– Перб. ун-т экономики и финансов. – СПб., 1996. – Ч. 1. – С. 23–25.
5. Никифоров Г.С. Психология здоровья : учебное пособие. – СПб. : Речь, 2002. – 256 с.
6. Филиппова Е.В. Определение наиболее значимых качеств, развиваемых спортивно-оздоровительным туризмом, методом парных сравнений // Культура физическая и здоровье. – Воронеж : изд-во Воронежский государственный педагогический университет, 2017. – № 4 (64). – С. 92–94.
7. Martel G.F. [et al]. Strength training normalizes resting blood pressure in 65 to 73 year old men and women with high normal blood pressure // J. Amer. Geriat. Soc. – 1999. – Vol. 47. – № 10. – P. 1215–1222.

Literature:

1. Amosov N.M. Experiment on overcoming old age. – M.; Donetsk : OOO Izd ACT; «Stalker», 2003. – 123 p.
2. Balsevich V.K. Human ontokinesiology. – M. : Theory and Practice of Physical Culture and Sports. – 2000. – 275 p.
3. Batagovskaya T.A. The role of therapeutic physical training in the system of restoration measures, realized in the process of correction and revolutionary changes of psychophysiological state of the body of elderly women: dissertation. ... Cand. biol. sciences. – M., 2010. – 134 p.
4. Vydrin V.M. Social need for physical exercises: physical culture of students: physical education, sport, activity. Leisure time / materials of the Seminar; edited by V.I. Grigoriev; S.-Petersburg University of Economics and Finance. – S.-Petersburg, 1996. – Part 1. – P. 23–25.
5. Nikiforov G.S. Health psychology: a training manual. – St. Petersburg : Speech, 2002. – 256 p.
6. Filippova E.V. Definition of the most significant qualities developed by sports and health tourism, method of pair comparisons // Culture of physical and health-improving. – Voronezh : ed. Voronezh State Pedagogical University, 2017. – № 4 (64). – P. 92–94.
7. Martel G.F. [et al]. Strength training normalizes resting blood pressure in 65 to 73 years old men and women with high normal blood pressure / J. Amer. Geriat. Soc. – 1999. – Vol. 47. – № 10. – P. 1215–1222.

УДК 159.9

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫМИ АСПЕКТАМИ ОБУЧЕНИЯ

●●●●●●

VALUE ORIENTATIONS OF PERSONALITY AS A FACTOR OF SATISFACTION WITH VARIOUS ASPECTS OF EDUCATION

Шарок Вероника Викторовна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры
социологии и психологии,
Санкт-Петербургский горный университет
ver0nica@mail.ru

Veronika V. Sharok
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Sociology and Psychology Department,
Saint-Petersburg Mining University
ver0nica@mail.ru

Аннотация. Успешное обучение студентов в университете обусловлено влиянием различных факторов, одним из которых является удовлетворенность учебным процессом. В статье рассматривается роль ценностных ориентаций в удовлетворенности различными аспектами обучения в университете. Обнаружено, что студенты, для которых ценности представляют большую значимость, в большей степени удовлетворены различными аспектами обучения, начиная от организационных моментов и кончая взаимодействием с другими студентами и преподавателями.

Ключевые слова: ценностные ориентации, удовлетворенность обучением, студенты, психологическое благополучие.

Annotation. The successful study of students at the university is due to the influence of various factors, one of which is the satisfaction of the learning process. The article discusses the role of value orientations in satisfaction with various aspects of university education. It was found that students for whom values are of great importance are more satisfied with various aspects of education, from organizational aspect to interaction with other students and teachers.

Keywords: value orientations, satisfaction with education, students, psychological well-being.

Успешное обучение студентов в университете обусловлено влиянием различных факторов, одним из которых является удовлетворенность учебным процессом, которая также зависит от большого числа факторов, к которым относят ожидания студентов от учебы, успешную социально-психологическую адаптацию, межличностные отношения, уровень профессорско-преподавательского состава, возможность дальнейшего трудоустройства, уровень развития инфраструктуры университета и многие другие [1–4].

Что касается ценностных ориентаций, то они исследовались у студентов различных направлений подготовки с учетом возрастных и половых различий, мотивации к профессиональной деятельности, сравнивалась структура ценностей современных студентов и студентов XX века [5–6], однако, исследования роли ценностных ориентаций в удовлетворенности учебным процессом являются актуальными, поскольку эта проблема еще малоизучена.

Таким образом, целью данного исследования стало изучение роли ценностных ориентаций студентов в удовлетворенности различными аспектами обучения в университете.

Как наиболее соответствующие цели исследования были использованы следующие методы:

1. Анкета «Оценка удовлетворенности обучением в университете». Анкета состоит из 25 вопросов, касающихся различных аспектов удовлетворенности обучением в университете. Вопросы имеют варианты ответов, которым присваиваются числовые значения: 2 — полностью не согласен; 3 — скорее не согласен; 4 — скорее согласен; 5 — полностью согласен; 0 — затрудняюсь с ответом. Оценки тех, кто затруднился с ответом, при подсчете среднего не учитывались. Также анкета содержит вопросы, касающиеся причин выбора университета и будущей профессии, 7 демографических вопросов для выяснения возраста, пола, родного города, условий проживания, факультета, уровня профессионального образования и года обучения студентов.

2. Цветовой тест М. Люшера с применением цветового теста отношений для следующих понятий: я, прошлое, настоящее, будущее, друзья, учеба, университет, я студент, одногруппники, преподаватели, результаты экзаменов, работа по специальности.

3. Методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой. Методика состоит из 48 вопросов, ответы по которым распределяются по восьми шкалам: 1 — Развлечения, отдых; 2 — Материально обеспеченная жизнь; 3 — Помощь другим людям; 4 — Любовь; 5 — Слава (высокий статус); 6 — Семья; 7 — Общение; 8 — Здоровье.

Были использованы следующие методы статистической обработки данных: анализ первичных статистик, анализ таблиц сопряженности (для номинативных данных) и сравнительный анализ (для метрических данных). Статистическая обработка проводилась в программе Statistica.

Объектом исследования стали 264 студента различных курсов обучения: Для определения роли ценностных ориентаций в удовлетворенности учебным процессом выборка была разделена на 2 группы: респондентов, имеющих высокие суммарные показатели по методике С.С. Бубновой (верхние 25 %, что означает высокую значимость исследуемых ценностей) — группу В, состоящую из 48 человек, и респондентов, имеющих низкие суммарные показатели (нижние 25 %, что означает низкую значимость исследуемых ценностей) — группу Н, состоящую из 60 человек.

В результате сравнительного анализа было обнаружено, что в исследуемых группах существуют статистически значимые различия по ряду аспектов удовлетворенности обучением в университете. Так, в группе лиц с высокой значимостью ценностей получены более высокие оценки по следующим параметрам: возможности достижения высоких научных результатов ($В = 3,38$, $Н = 2,84$, $t = 2,92$, $p \leq 0,001$), справедливости критериев оценки ($В = 3,2$, $Н = 2,78$, $t = 2,17$, $p \leq 0,05$), полезностью практик ($В = 3,13$, $Н = 2,34$, $t = 3,32$, $p \leq 0,001$) и отзывов преподавателей о выполненной работе ($В = 3,1$, $Н = 2,64$, $t = –2,12$, $p \leq 0,05$), стимуляцией преподавателями творчества студентов ($В = 3,06$, $Н = 2,43$, $t = 2,8$, $p \leq 0,001$), работой студенческого совета ($В = 2,59$, $Н = 1,97$, $t = 2,52$, $p \leq 0,05$), а также средней оценкой по всем аспектам обучения ($В = 3,33$, $Н = 2,99$, $t = 2,52$, $p \leq 0,05$). Стоит отметить, что по остальным параметрам в группе студентов с высокой значимостью ценностей оценки также выше, но различия не статистически значимые.

Также было обнаружено, что студентам с высокой значимостью ценностей свойственно меньшее психоэмоциональное напряжение (согласно методике М. Люшера) ($В = 0,18$, $Н = 0,73$, $t = –2,68$, $p \leq 0,001$).

При помощи анализа таблиц сопряженности на уровне статистической тенденции ($p = 0,08$) было выявлено, что среди студентов с высокой значимостью ценностей для понятия «одногруппники» и «результаты экзаменов» чаще встречаются ассоциации с основными цветами, в то время как для студентов с низкой значимостью ценностей — с дополнительными. Выявленные различия приведены в таблице 1, где 1 — синий цвет, 2 — зеленый, 3 — красный, 4 — желтый, 5 — фиолетовый, 6 — коричневый, 7 — черный, 0 — серый.

Таблица 1 – Цветовые ассоциации

Понятия	Группы	1, %	2, %	3, %	4, %	5, %	6, %	7, %	0, %	χ^2
Одногруппники	Н	13,33	10,00	13,33	23,33	21,67	3,33	0,00	15,00	12,5
	В	10,42	25,00	14,58	27,08	8,33	8,33	2,08	4,17	
Результаты экзаменов	Н	11,67	6,67	13,33	11,67	3,33	13,33	25,00	15,00	12,35
	В	6,25	10,42	29,17	14,58	12,50	8,33	12,50	6,25	

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Студенты, для которых ценности представляют большую значимость, в большей степени удовлетворены различными аспектами обучения, начиная от организационных моментов и кончая взаимодействием с другими студентами и преподавателями, также они испытывают меньшее напряжение. Можно предположить, что высокая значимость ценностей обеспечивает психологическое благополучие личности, которое, в свою очередь, обусловливает удовлетворенность учебой.

Исследование выполнено в рамках госбюджетной научно-исследовательской работы 17.58.29 «Социокультурная и психологическая адаптация студентов в контексте формирования гражданственности и патриотизма в условиях мегаполиса» в Санкт-Петербургском горном университете.

Литература:

1. Андриенко А.В. Удовлетворенность первокурсников процессом обучения в вузе // Современные научные исследования. – 2011. – № 3 (3). – С. 17.
2. Шарок В.В. Особенности социально-психологической адаптации студентов разных курсов обучения // Актуальные проблемы психологического знания. – 2015. – № 3 (36). – С. 84–95.
3. Шарок В.В. Эмоционально-мотивационные факторы удовлетворенности обучением в вузе // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 69. – С. 33–45. – DOI: 10.17223/17267080/69/2
4. Mizintseva M.F., Komarova T.V., Sardarian A.R., Yakubova T.N. Key Aspects of Managing the Students' Satisfaction with the Learning Environment at the International University // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – № 9 (36). – URL : http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/102030
5. Галкина Г.А., Грибкова Е.И. Анализ ценностных ориентаций студентов высшего учебного заведения // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 432.
6. Терентьева Е.А. Ценностные ориентации студентов педагогического вуза // материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» (15 февраля – 31 марта 2013 года). – М. : РАЕ, 2013. – URL : http://scienceforum.ru/2013/159/313

Literature:

1. Andrienko A.V. Satisfaction of first-year students in the process of education in the university // Sovremennye Nauchnye Issledovaniya – Modern Scientific Researches and Innovations. – 2011. – № 3 (3). – P. 17.
2. Sharok V.V. Socio-psychological adaptation of students of different courses of study // Aktual'nye Problemy Psikhologicheskogo Znaniya. – 2015. – № 3 (36). – P. 84–95.
3. Sharok V.V. Emotional and motivational factors of satisfaction with university education // Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal-Siberian Journal of Psychology. – 2018. – № 69. – P. 33–45. DOI: 10.17223/17267080/69/2
4. Mizintseva M.F., Komarova T.V., Sardarian A.R., Yakubova T.N. Key Aspects of Managing the Students' Satisfaction with the Learning Environment at the International University // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – № 9 (36). – URL : http://www.indjst.org/index.php/indjst/article/view/102030.
5. Galkina G.A., Gribkova E.I. Analysis of the value orientations of students of a higher educational institution // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 2. – P. 432.
6. Terenteva E.A. Value orientations of students of a pedagogical university // Materialy V Mezhdunarodnoj studencheskoj elektronnoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum» (15.02– 31.03.2013). – M. : RAE, 2013. – URL : http://scienceforum.ru/2013/159/313

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 001

КРИТЕРИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

●●●●●●

CONTROL PHILOSOPHY CRITERIA FOR THE POLICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Абрамов Максим Алексеевич
доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры экономики,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
6225353@gmail.com

Maxim A. Abramov
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of economy,
Yessentuk Institute of Management,
Business and Law
6225353@gmail.com

Булкин Андрей Николаевич
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права,
Российская таможенная академия
BulkinDoc@mail.ru

Andrey N. Bulkin
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Theory
and History of the State and Law,
Russian customs academy
BulkinDoc@mail.ru

Гришай Владимир Николаевич
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры экономики,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
vngprof@gmail.com

Vladimir N. Grishay
Doctor of sociological sciences, Professor,
Professor of department of economy,
Yessentuk Institute of Management,
Business and Law
vngprof@gmail.com

Тищенко Александр Викторович
соискатель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
tischenko2017@gmail.com

Alexander V. Tyshchenko
Applicant of the Department
of General Humanitarian
and Natural Science Disciplines,
Yessentuk Institute of Management,
Business and Law
tischenko2017@gmail.com

Аннотация. Для структур и органов полиции Российской Федерации уникальность организации управления по критериям социальной философии обусловлена предметом приложения управленческих, профессиональных усилий в сфере государственной, муниципальной реальности. В статье осуществлён выборочный анализ критериальных установок философии управления в контексте обеспечения общественной безопасности. Обозначены направления научного исследования в системе гуманитарных перспектив повышения профессионализма сотрудников полиции Российской Федерации.

Ключевые слова: законность, право, философия права, полиция, общество, государство.

Annotation. For the structures and police bodies of the Russian Federation, the uniqueness of the organization of the management on the criteria of social philosophy is due to the subject of the application of managerial, professional efforts in the sphere of state and municipal reality.The article provides a selective analysis of the criteria of management philosophy in the context of public safety. The directions of scientific research in the system of humanitarian prospects for increasing the professionalism of police officers of the Russian Federation are identified.

Keywords: legality, right, legal philosophy, police, society, state.

Философия как теория познания позволяет наиболее полно, правильно раскрывать и анализировать процессы управления. Актуальность данного тезиса определяется принятыми в социальной философии трактовками управления как специфического взаимодействия людей в общественной, профессиональной деятельности и в быту. В частности, для структур и органов полиции Российской Федерации уникальность организации управления по критериям социальной философии обусловлена предметом приложения управленческих, профессиональных усилий в сфере государственной, муниципальной реальности. Объективно, по своему предназначению, сотрудники полиции представляют государственные интересы и призваны, с одной стороны, осуществлять мероприятия по защите прав граждан на всех уровнях социальной иерархии. С другой стороны, профессионализм, гуманитарная составляющая и правовая компетентность становятся реальным критериальным оценочным ресурсом в повышении эффективности аппарата государственного, муниципального управления и общественного самоуправления граждан.

Специфические критерии для рассматриваемого содержания представлены во второй главе Федерального закона от 07.02.2011 № 3 — ФЗ «О полиции». Соответствующим критериальным наполнением отмечены следующие статьи указанной главы закона, раскрывающей основные принципы, актуальные для деятельности полиции РФ в целом:

— Статья 5. Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина;
— Статья 6. Законность;
— Статья 7. Беспристрастность;
— Статья 8. Открытость и публичность;
— Статья 9. Общественное доверие и поддержка граждан;
— Статья 10. Взаимодействие и сотрудничество;
— Статья 11. Использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем [1].

Таким образом, философски выверенные принципы, как специфические критерии в реализации и при оценке деятельности полиции обращены к действию универсальных юридических и социальных правил. В совокупности они формируют достаточно устойчивые гарантии эффективности и положительной аксиологической предсказуемости рассматриваемой деятельности и управления.

В практической составляющей деятельность сотрудников полиции не всегда может строго регулироваться категорическими профессиональными нормами и служебными, дисциплинарными предписаниями. Важное значение в системе критериальных установок управления, организации и самооценки имеют личные социальные, психологические качества, убеждения, и иные особенности. Тем не менее, управленческая эффективность правоохранительной системы становится возможной, когда каждый сотрудник правильно интегрирован в институциональную среду. В том числе, на протяжении длительного времени проявляет профессиональную заинтересованность в соответствующей служебной и должностной коммуникации. Для философского анализа указанной проблемы понятие критерия управления прямо соотносится с определёнными социальными условиями, имеющими адекватное продолжение в действующем законодательстве. То есть, в данном случае могут рассматриваться такие взаимосвязанные понятия, как права и обязанности. Соответственно, для должностных лиц правоохранительной системы государства нормативность общественного и профессионального статуса актуализируется в наборе как общепринятых, так и профессионально ориентированных стандартов, критериев ответственности, параметров гражданственности [2].

Таким образом, мы получаем возможность оформить некоторые критериальные установки философии управления по рассматриваемой теме:

— организаторские, управленческие, профессионально ориентированные качества сотрудников на всех ступенях должностной иерархии;
— готовность и способность к оценке, переоценке ситуации, в том числе, к оперативной перегруппировке сотрудников в интересах решаемых служебных задач;
— получение, обработка и уточнение актуальной служебной и общей информации;
— воспитание у сотрудников понимания актуальных и новых проблем, организационное и информационное обеспечение эффективной деятельности;
— сопоставление актуальных правовых и социальных регуляторов профессиональной деятельности полиции и устранение негативных стереотипов ведомственного мышления.

Во всех ситуациях развития человека смена социального, семейного, гражданского статуса предполагает возрастание векторов соответствующей напряжённости. Подобные признаки наблюдаются и в ситуациях профессионального самосознания, самоопределения человека. Преодоление вероятного негатива следует рассматривать в контексте повышения авторитета государства и государственной службы, недопущения искажений в системе позитивного мироощущения людей. Здесь ценность служебной, правовой, административной культуры обозначается

через необходимость преодоления двойных стандартов морального сознания, нравственного поведения. Такая зависимость определяет отношение потенциала управления к ряду субъективных образований, центральное место среди которых занимает обоснование, становление и развитие механизма профессиональной мотивации. В то же время, приобретаемые навыки раскрываются не сами по себе, а в соответствии с программами обучения при комплексной реализации проблем управленческой деятельности. Особое значение имеет оформление в сознании человека отношения к обучению и образованию как к базовым гарантиям справедливого распределения для аксиологически выраженных приоритетов социальной и личной жизни, также как и мотивационные достижения рассматриваются в системе соответствующих оценочных регуляторов и форм справедливого правового контроля. Специфический стабилизационный фонд сознания сотрудника полиции рассматривается нами в сопоставлении признаков смысла, мировоззренческой направленности, профессионального самоутверждения и самоанализа.

В качестве вывода отметим, что личность каждого человека составляет предустановленную целостность, развивающуюся в комплексе взаимосвязанных социальных, профессиональных, житейских установок и характеристик. Профессиональная и социальная самодостаточность означает продвижение к наиболее адекватному восприятию окружающего мира. Соответственно в составе формальных принципов и управленческих требований необходимо сознавать и учитывать поведенческие, психологические критерии нравственности, реальной компетенции, профессиональной этики сотрудников полиции.

Литература:

1. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 16.10.2019), глава 2: Принципы деятельности полиции, ст. 5–11.
2. Человек и общество : Краткий энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. Борцов Ю.С.; науч. ред. Коротец И.Д. – Ростов-на-Дону : изд-во «Феникс», 1997. – С. 391.

Literature:

1. On Police Federal Law № 3-FZ dated 07.02.2011 (ed. 16.10.2019), chapter 2: Principles of activity of police, Article 5–11.
2. Man and Society : Short Encyclopedia Dictionary-Handbook / Shef Ed. Wrestlers Y.S.; Scientist. Ed. Korotets I.D. – Rostov-on-Don : Phoenix, 1997. – P. 391.

УДК 172 + 159.964.2

ИДЕОЛОГИЯ И ЖЕЛАНИЕ: ПРОБЛЕМА ЖЕЛАНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

●●●●●●

IDEOLOGY AND DESIRE: THE PROBLEM OF DESIRE IN THE STRUCTURE OF POLITICAL CONSCIOUSNESS

Богдан Данил Тагирович
студент бакалавриата 4-го курса,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
департамент философии,
факультет философии
bogdandanil21@gmail.com

Danil T. Bogdan
A fourth year undergraduate student,
Ural Federal University named after
the first Russian President B.N. Yeltsin,
The Ural Humanitarian Institute,
the Department of Philosophy,
philosophy faculty
bogdandanil21@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию аспекта политического сознания: взаимосвязи между желанием, как фундаментальной чертой человеческой природы и идеологией (биополитикой), связанной с управлением жизнью в целом. В частности, мы касается вопроса, в котором проблематика желания вступает во взаимодействие с идеологией. В каких условиях и каким образом решение проблемы желания становится политической проблемой? Это, в свою очередь, равносильно тому, чтобы задаться вопросом не только о том, как желание становится проблемой для идеологии и политики, но и о том, как политика трансформируется, когда сталкивается с этим вопросом. Проблема желания как элемента структуры политического сознания рассматривается через оптику французской философии второй половины XX-го века, в частности идей Ж. Лакана, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, М. Фуко. Работа выполнена при поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 19-011-31649 «Актуальная структура политического сознания: аргументы, ценности, идентичность».

Ключевые слова: желание, идеология, политическое, психоанализ, дискурсивные практики, экономия желания.

Annotation. The article is devoted to the following aspect of political consciousness: the relationship between desire as a fundamental feature of human nature and ideology (biopolitics) related to the management of life in general. In particular, we address an issue in which the problem of desire interacts with ideology. Under what conditions and in what way does the solution to the problem of desire become a political problem? This, in turn, is tantamount to asking not only how desire becomes a problem for ideology and politics, but also how politics is transformed when faced with this question. The problem of desire as an element of the structure of political consciousness is considered through the optics of French philosophy of the second half of the 20th century, in particular the ideas of J. Lacan, G. Deleuze and F. Guattari, M. Foucault. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI, project № 19-011-31649 «Current structure of political consciousness: arguments, values, identity».

Keywords: desire, ideology, political, psychoanalysis, discursive practices, economy of desire.

Традиционно (начиная с Античности и заканчивая второй половиной XIX века) желание связывалось со всякого рода излишествами, трансгрессиями, перверсиями и фактически указывало на несовершенную человеческую природу. Соответственно, желание становилось предметом определенной заботы и определенной практики — заботы об умеренной жизни, практики контроля и управления. Из-за самой структуры или морфологии желания, с одной стороны, желание понимается как предполагающее нехватку в качестве источника своего происхождения, вызывающую «беспокойство» и подобные ему формы страдания; с другой стороны, желание ориентировано на собственное удовлетворение. Но, поскольку нехватка носит структурный

характер, т.е., она не случайна или временна, а удовлетворение, в свою очередь, случайно и временно, желание всегда обречено на неисполнение. Именно поэтому человеческая природа требует определенной заботы или технологии самости, оформления жизни в самом широком духовном и терапевтическом его смысле. Данное положение конкретизировано Ж. Лаканом в его концепции дискурса.

На основании идей З. Фрейда, концепции речи Ф. де Соссюра и диалектики раба и господина, представленной Г.В.Ф. Гегелем в Феноменологии духа и развитой А. Кожевом, Лакан разрабатывает теорию четырёх дискурсов, регулирующих интерсубъективные отношения. Дискурс, согласно Лакану, есть необходимая структура, выходящая за пределы речи, которая носит случайный, ситуативный характер. Дискурс, по выражению Лакана, может обходиться без слов, поскольку он сохраняется в определенного рода базовых отношениях, поддерживаемых языком как инструментом построения некоторых постоянных связей, внутри которых может быть вписано выходящее за границы фактических актов высказывания (поведение, действия и т.д., вписанные в рамки определенных изначальных содержаний). «Дискурсы, о которых идет речь, суть не что иное, как означающая артикуляция, инструментарий, чье присутствие, чей наличный статус, подчиняют себе любые укладывающиеся в него слова. Это дискурс без речи — речь приходит потом» [3, с. 210]. Структурированный дискурс накладывает условия на всякую символическую деятельность человека (например, речь), которая в его рамках может возникнуть. Основополагающие отношения в структуре дискурса — отношения одного означающего к другому. В концепции Лакана означающее, в отличие от знака, представляет субъект для другого означающего как представитель. Субъект возникает, по выражению Лакана, посредством отношения означающего как представителя субъекта перед другим означающим. Сам субъект определяется Лаканом не как индивид, но как специфическая черта (место, мета), принадлежащая к разряду вводимого субъектом имени знания — наслаждения (от) Другого, поля Другого, возникающего в качестве результата вмешательства означающего. Все означающие эквивалентны, поскольку каждое из них, будучи самим собой, характеризуется своим отличием от другого. Именно поэтому занять место господствующего означающего (по определению Лакана, артикулированого заранее на языке им предписанной практики) способно каждое из них, так как каждое из них может, при случае, представлять субъекта перед любым другим.

Субъект, которого означающее представляет, неоднозначен: он представлен и не представлен. Стоит S1 (означающее, определяющее дискурс) вступить в уже сложившееся поле других означающих, артикулированных друг через друга, когда в результате «вмешательства в систему, этого предстояния другому», возникает S, расщепленный субъект. Итогом этого процесса оказывается потеря, утрата, которую обозначает объект а, понимаемый Лаканом как прибавочное наслаждение. «Однажды возникнув S1, в первом такте, повторяется подле S2, выступающим как его основание. В результате вступления их во взаимодействие возникает субъект, который оказывается чем-то представлен, некоей утратой, — утратой, понимание двусмысленности которой стоило затраченного нами усилия к постижению смысла» [3, с. 18]. Таким образом, субъект есть провал, пустота между означающими S1 и S2.

Разговор о наслаждении предусматривает связывание его [наслаждения] с появлением означающего. Всякий дискурс, который по определению возникает из желания, отсылает к предмету господства. Наслаждение непрерывно затрагивает дискурс, поскольку он [дискурс] возник из него [наслаждения]: возвращение к истокам снова пробуждает желание. Согласно Лакану, идея возможности цельного знания имманентна политике как таковой. «В политику войти нельзя, не признав, что не существует дискурса — не только аналитического — где речь не шла бы о наслаждении — по меньшей мере тогда, когда ожидают от него работы, работы истины» [3, с. 97].

Дискурс господина является ведущим из представленных Лаканом, поскольку именно в его структуре представлено отношение человека на уровне политического существования. Структура дискурса господина следующая: S1 — это означающее, функция означающего (область господина), когда S2 — знание (область раба). Раб, которому принадлежит умение, обозначается как носитель знания, господин же похищает, отбирает, изымает знание (теоретическое). «Прежде чем судить о том, знает ли себя знание, можно ли положить в основу понятия о субъекте перспективу знания, вполне прозрачного для себя самого, необходимо прежде уметь исчерпать регистр того, что с самого начала выступает именно как умение» [3, с. 21]. В дискурсе господина субъект связан с господствующим означающим, когда погружение в наслаждение есть удел знания.

Дискурс господина начинается с возобладанием субъекта, стремящегося найти самого себя в отождествлении с его собственным означающим, отождествлением по сути своей мифическим, редуцированным. Дискурс Гегеля, по мнению Лакана, есть дискурс господина, где место господина занимает государство, претендующее на абсолютное знание в силу господствующей позиции.

Подытожим. Означающее представляет субъекта при другом означающем — сущностное наполнение операции повторения, выходящего за пределы структуры дискурса. Основанием повторения как возврата наслаждения является утрата. Знание является средством наслаждения, выводящее за пределы принципа удовольствия, однако само знание носит энтропийный характер, поскольку на месте утраты, вызванной повторением возникает функция утраченного субъекта — объекта а. Повторение связывается с наслаждением как пределом знания. Понятие инстинкта, понимаемый как знание, о содержании которого сказать ничего нельзя, хотя результатом его считается возможность поддержания жизни, уточняет само положение знания. Знание есть то, благодаря чему, жизнь (как совокупность сил, сопротивляющихся смерти) не заходит в своем стремлении к наслаждению (= стремление к смерти) за определенный предел. Желание индивида есть желание Другого, занимающего место вытесненного знания.

Проблематику нехватки уточняют Ж. Делёз и Ф. Гваттари, предлагая отличное от традиционного понимание желания. Желание понимается ими не как идея (желание-в-себе), субъективная надстройка (скрытая или явная), но как производство, работу «желающих машин». «Желание является совокупностью пассивных синтезов, которые прорабатывают частичные объекты, потоки и тела, которые функционируют в качестве производственных единиц. Из них вытекает реальное, оно есть результат пассивных синтезов желания как самопроизводства бессознательного. Желание ни в чем не испытывает нехватки, ему не испытать нехватки в своем объекте. Скорее именно субъект не достигает желания или же в желании отсутствует постоянный субъект: постоянный субъект бывает лишь благодаря подавлению. Желание и его объект составляют одно целое, это машина как машина машины. Желание — это машина, и объект желания — это подсоединенная машина, так что произведенное выбирается из производства, причем что-то отделяется от производства произведенному, которое отдаст остаток кочевому и бродячему субъекту. Объективное бытие желания — это само Реальное» [1; 49–50]. Потребности проистекают из желания, являясь контр-продуктами в реальном, произведенном желанием. Нехватка, таким образом, понимается как противодействие желания, она выстраивается, укрепляется и обособляется в природном и социальном реальном. Желание всегда удерживается вблизи от условий объективного существования, оно прилегает к ним и следует за ними, не сохраняется без них, смещается с ними — вот почему оно так легко становится желанием смерти, тогда как потребность определяет удаленность субъекта, который потерял желание, теряя пассивный синтез своих условий. Всякое желающее производство уже само по себе непосредственно является потреблением и прожиганием, «наслаждением», но оно еще не является таковым для определенного субъекта, который может выделиться лишь через дизъюнкции поверхности регистрации, в остатках каждого разделения. Субъект, в свою очередь, определяется авторами как номадическая сингулярность, не имеющая фиксированной идентичности, скользящая по поверхности «тела без органов», понимаемого как имманентная субстанция, пространство регистрации движения/производства желания: субъект есть не суверенное начало, но элемент, вызванный эффект машинного производства.

Теперь вопросы заключаются в следующем: Каково место желания в современной идеологии и политике? Остается ли желание предметом заботы или задействует другие технологии? М. Фуко отмечает решающее преобразование, которое начало происходить в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века. Во-первых, это создание нового объекта, а именно сексуальности, которое совпало с появлением нового дискурса и новой формы власти, осуществляемой как над телом, так и над разумом. Во-вторых, преобразование смысла и роли самого желания, которое началось примерно в то же время, но в двадцатом веке пережило значительную радикализацию. Это преобразование, в целом, можно назвать новым режимом желания [4]. Из объекта господства и управления желание становится необходимым механизмом и средством управления. Традиционный аскетический режим желания радикально трансформировался: до сих пор человек управлял собой, вопреки своим желаниям, отныне он управляет собой ради, во имя своих желаний. Желание возрождается как естественное и жизненно важное человеческое свойство. Оно становится самоцелью. Примечательно то, что это возрождение сопровождается глубоким преобразованием самой идеологии, власти, объектом суверенности которой является не государство, а индивид. Согласно мысли Фуко, власть понимается как система отношений, предполагающих воздействие на других, являет собой процедуру индивидуализации, субъективации. Власть не являет собой некий трансцендентный план, Закон, исходящие из пространства трансцендентного воздействия: властные отношения, укоренённые в социальном, стоит понимать как множественно реализуемые действия (в том числе и речь как процедура генерирования высказываний), предполагающий ответ-результат. Субъект, таким образом, предстаёт как вызванный эффект, следствие осуществления власти (механизма, предшествующего самому субъекту) к соматической единичности, телу, возникающий в узловых точках сообщения, точках разницы потенциалов на фоне властной сети как линий особого рода коммуникации [4].

Пространство, в котором реабилитированное желание существует и выражает суверенитет, является рынок. Соответственно, формой знания этого реабилитированного желания выступает политическая экономия. Желание интегрируется в экономическую систему. В связи с этим, изменяется и структура дискурса как типа социальных отношений. Различие между классическим дискурсом господина и дискурсом господина общества в состоянии капитализма обусловлено изменением места знания. Лакан говорит о капитализации дискурса господина, которая заключается в исчислении избыточного наслаждения — присовокупления прибавочной стоимости к капиталу: «…избыто(чно)е наслаждение уже не является избыт(очн)ым наслаждением, а получает просто-напросто форму стоимости, которую нужно прибавлять или вычитать из общей суммы накоплений — накоплений, природа которых претерпела существенные изменения» [3, с. 100]. Выражаясь в терминологии, предложенной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, можно сказать, что, в противоположность предшествующим общественным машинам, капиталистическая машина сама по себе не способна предложить код, который покрывал бы всю совокупность общественного поля; капитализм стремится к порогу раскодирования, который демонтирует общество в пользу тела без органов, который, оставаясь на этом теле, освобождает потоки желания в детерриторизованном поле. Согласно Делёзу и Гваттари, человеческая сущность природы и природная сущность человека отождествляются в природе как производстве или промышленности, которая отныне берется не во внешнем отношении полезности, а в своем фундаментальном тождестве с природой как производством человека и человеком-производителем.

Как это ни парадоксально, мы приходим к ситуации, которая является полной противоположностью традиционной. Таким образом, возникает вопрос о том, в какой степени рыночная экономика и политический/идеологический дискурс последних нескольких десятилетий решает проблему желания? Когда желание становится самоцелью (бесконечный рост, безграничное завоевание и создание новых рынков, инвазивное потребление и т.д.), пространство, отделяющее жизнь от потребления, все труднее определить. «Смысл общества потребления заключается в том, что так называемому «человеческому», в кавычках, элементу соответствует в нем однородный элемент прибавочного наслаждения, неважно какого, представляющего собой продукт промышленного производства — одним словом, наслаждения липового» [3, с. 100]. Согласно мысли Делёза и Гваттари, нехватка выстраивается, организуется в социальном производстве, контрпроизводится инстанцией антипроизводства, накладывающейся на производительные силы и присваивающей их; производство никогда не организуется в зависимости от некоей предшествующей нехватки, наоборот, это нехватка начинает выстраиваться, обособляться и распространяться в соответствии с организацией предшествующего производства. Практика пустоты в виде рыночной экономики — организация нехватки в изобилии производства, подталкивание желания к страху нехватки, в следствии чего объект становится зависимым от реального производства, которое предполагается внешним желанию (требования рациональности), тогда как производство желания переходит в фантазм (и только в фантазм) [1, с. 52].

Система, которая интегрирует в собственное пространство все внешнее, становится катастрофической. Эта система постоянно нуждается в изобретении новых механизмов увековечивания себя, механизмов, которые стремятся захватить, присвоить, приручить, направить индивидов как участников общественных отношений. С точки зрения М. Фуко, в любом обществе производство дискурса осуществляется посредством контроля, селекции, организации и перераспределения посредством различных процедур и операций, нейтрализующих его (дискурса) властные полномочия и связанные с ним опасности. Дисциплина, таким образом, выступает как принцип контроля над производством дискурса, устанавливающий его границы посредством игры идентичностей в форме постоянной реактуализации правил.

В то же время, возникает вопрос, не приводит ли к тому же тупику постоянные инвестиции желания, которые по определению (т.е. структурно) неисполняемы? Парадоксальность ситуации состоит в том, что желание в одно и то же время оказывается условием возможности и невозможности существующей социально-экономической системы. Теория «желающего производства» является концептуальным описанием не только психических процессов, но и самого социального производства [2, с. 104–105] Делёз и Гваттари утверждают, что между общественным производством реальности и желающим производством фантазма могли бы установиться только вторичные связи интроекции и проекции (как, если бы общественные практики дублировались ментальными интериоризированными практиками или как, если бы ментальные практики проецировались в общественные системы, причем ни те, ни другие никак не касались бы друг друга), однако:

— общественное производство является исключительно самим желающим производством в определенных условиях;

— само общественное поле прорабатывается желанием, является его исторически определенным продуктом;

— либидо не нужны опосредование, сублимация, физическая операция или трансформация для инвестирования производительных сил и производственных отношений, поскольку существует только желание и общественное, и ничего другого.

Фантазм есть всегда групповой фантазм, неотделимый от артикуляций означающих, определяющих поле социального в качестве реального, когда индивидуальный фантазм схватывает его (социальное) в качестве воображаемого, обладающего трансцендентным характером [1, с. 102]. «Воображаемое измерение индивидуального фантазма имеет решающее значение для влечения к смерти, поскольку бессмертие, которым наделен существующий общественный порядок, вызывает в Эго всевозможные репрессивные инвестирования, явления идентификации, «выработки Сверх-Я» и кастрации, все желания-смирения (стать генералом, малым, средним или крупным чином), включая смирение со смертью на службе этого порядка, тогда как само влечение проецируется вовне и направляется на других (смерть иноземцу, тем, кто не из наших!)» [1, с.102–103]. Согласно мысли Делёза и Гваттари, двойственность фантазмов (индивидуальное — групповое) связана либо с тем, что желающие машины увязают в формируемых ими больших стадных массах, либо с тем, что общественные машины соотносятся с элементарными силами желания, которые их образуют. Может случиться, что в групповом фантазме либидо будет инвестировать существующее общественное поле, включая и его наиболее репрессивные формы; или же, напротив, оно может действовать путем контр-инвестирования, подключая к существующему общественному полю революционное желание.

Дискурс связан с интересами субъекта (иначе говоря, экономии в идеях К. Маркса). В этом смысле желание обозначает предел экономического принципа как самоограничения экономики, который указывает на значении всей жизни субъекта, выходящую за рамки значения жизни как выживания. Проблема экономики неограниченного роста заключается в том, что она рассматривает желания как потребности, и, таким образом, не видит специфику жизни как жизни суверенной. «Суверен — это единственный, кто способен на свободный поступок, если понимать под свободным поступком поступок, который можно назвать произвольным, согласившись на том, что произвольный означает не продиктованный никакой необходимостью» [3, с. 45]. Сфера потребностей является предметом экономики, а жизнь как суверенная жизнь, или как желание, выходит за рамки идеологии рынка.

Против экономики, которая ставит вопрос о способах производства и накопления и соответственно строит свою рациональность, трансформируя желания в потребности, необходимо признать существование формы желания, которое связано с избытком жизненной энергии. Отсюда следует, что механизмы производства и обмена подчинены другой экономии желания, в рамках которой вопрос о человеческом существовании, желании и удовлетворении (точнее, наслаждении), а также социальном аспекте существования «желающего» человека начинает приобретать другой смысл.

Таким образом, признание желания одной из составных частей субъектности, как таковой, приводит к осознанию сложности и гетерогенности политического сознания, а также открывает возможности для иной оптики рассмотрения проблемы его (сознания) не-системности, «гибридности», поскольку сама политика как сфера существования человека оказывается связанной с желанием как традиционно исключаемой из политического дискурса категорией, формирующей его и, в то же время, им (дискурсом) сформированной.

Литература:

1. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 672 с. – (Philosophy).
2. Дьяков А.В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности. – СПб. : Издательство «Владимир Даль», 2012. – 592 с.
3. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–70)) / пер. с фр. А. Черноглазова. – М. : Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2008. – 272 с.
4. Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : Работы разных лет / пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

Literature:

1. Deleuze J. Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; per French and afterwards. D. Kralechkina; scientific Ed. V. Kuznetsov. – Yekaterinburg : U-Faktoria, 2008. – 672 P. – (Philosophy).
2. Dyakov A.V. Felix Guattari, philosopher of transversality. – St. Petersburg : Publishing house «Vla-Dimir Dal», 2012. – 592 P.
3. Lacan J. Iznanka psychoanalysis (Seminar, Book XVII (1969–70)) / Fr. A. Chernogla-zova. – M. : «Gnosis» Publishing House; «Logos» Publishing House, 2008. – 272 P.
4. Foucault Michel. The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality : Works of Different Years / Per. from French. – M., Castal, 1996. – 448 p.

УДК 101

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ТОЛЕРАНТНОСТЬ УКРЕПЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ?

●●●●●●

DOES TOLERANCE CONTRIBUTE TO THE STRENGTHENING OF SOCIAL ORDER IN MODERN RUSSIAN SOCIETY?

Гринь Максим Валентинович
доктор философских наук,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
grin.m@kubsau.ru

Maksim V. Grin
Doctor of Philosophy,
Candidate of Law Sciences,
Professor of chair sociology and culturology,
Kuban State Agrarian University
them. I.T. Trubilina
grin.m@kubsau.ru

Терещенко Олеся Валерьевна
ведущий специалист лаборатории
социальных проблем сельских территорий,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
olesya.tereschenko@yandex.ru

Olesya V. Tereshchenko
Leading specialist of the laboratory
Social problems of rural areas,
Kuban State Agrarian University
them. I.T. Trubilina
olesya.tereschenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные положения, касаемые толерантности: каким образом она может способствовать поддержанию устойчивого порядка в современном глобализирующемся мире и российском обществе? Она представляет собой проблему не только в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, но и внутри самого государства. Знание многообразных культур, возрождение духовности, национальное и территориальное единство помогут развить у человека чувство толерантности, в результате чего можно сформировать устойчивый социальный порядок, поддерживаемый самими людьми, как залог успеха существования любого общества.

Ключевые слова: толерантность, социальный порядок, конфликтные ситуации, глобализация, нетерпимость.

Annotation. The article discusses some provisions concerning tolerance, how it can contribute to the maintenance of sustainable order in the modern globalizing world and Russian society. It is a problem not only in the sphere of interaction between different cultures and civilizations, but also within the state itself. Knowledge of diverse cultures, revival of spirituality, national and territorial unity will help to develop a sense of tolerance. As a result, it is possible to form a stable social order, supported by the people themselves, as a guarantee of the success of the existence of any society.

Keywords: Tolerance, social order, conflict situations, globalization, intolerance.

Толера́нтность (от лат. tolerantia — терпение) — это социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Она не равнозначнаравнодушию и не означает принятие другого образа жизни или идеологии. Терпение заключается в представлении прочим права существовать в соответствии со своими собственными убеждениями. В то же самое время толерантность не должна давать другим право быть нетолерантными [1].

Согласно положениям словаря-справочника [2] толерантность понимается как социальная норма и ценность гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, в уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

В силу норм Декларации принципов терпимости (принята в г. Париже 16.11.1995 Резолюцией 5.61), терпимость трактуется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Это — гармония в многообразии. Это — добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека.

Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [3].

В.В. Шалин в своей книге говорит о том, что «человеческий мир — это непрекращающееся общение и взаимодействие людей друг с другом, это использование и создание в ходе общения разнообразия предметных форм» [4].

На сегодняшний день можно выделить следующие разновидности толерантности: расовую и национальную, религиозную, межклассовую, гендерную, толерантность по отношению к инвалидам, сексуально-ориентационную, образовательную, политическую.

В период транснационального экономического и политического кризисов, увеличения уровня безработицы, правового, культурного и духовного вакуума, нынешнее общество переживает процесс своей трансформации. Преобразовываясь, оно справедливо нуждается в устойчивой организации социальной жизни. Даже самые передовые инициативы в правовой, экономической или политической областяхвступают в конфликт сизменчивостью основных факторов. Начиная с частной безопасности и защиты имущества, вплоть до развития культуры и государственного управления — многие современные социальные процессы, так или иначе, зависят от установленного и поддерживаемого властью порядка в обществе.

Мы сегодня живем в период глобализации всех сфер жизнедеятельности, стремительного развития коммуникативных средств, интеграции и взаимозависимости, урбанизации, преобразования социальных институтов и структур, а также крупномасштабной миграции. Международный характер получили не только позитивные сферы, но и деструктивные. Так, преступность приобрела трансграничный характер, теневая экономика во многих странах преобладает надформальной.

Составлен рейтинг из 28 стран, у которых высокий процент теневого сектора в экономике. Первое место у Украины (46 % от ВВП), второе — у Нигерии (48 % ВВП), третье — у Азербайджана (67 % ВВП), четвертое у России (39 % ВВП), на пятом — Шри-Ланка (38 % ВВП). Наименьшие показатели зарегистрированы в Китае (10,2 %), Японии (10 %) и США (7,8 % ВВП).

Доля теневой экономики в глобальном ВВП составила в 2016 году 22,66 %, как подсчитала АССА. В ближайшие годы она будет сокращаться: до 22,1 % в 2020-м и 21,4 % в 2025 году, прогнозируют эксперты. В России показатель практически не меняется год от года, а к 2025 году останется на том же уровне — 39,3 %, как ожидает АССА [6].

Современная социокультурная система общества, при таких обстоятельствах, не сможет выжить сама по себе. В этих условияхее сохранение напрямую связано с утратойбольшого количества высоких культурных достижений (в духовной сфере, социальном устройстве, технологияхи др.). Указанное, в свою очередь, приведет к социальной деградации общества.

Таким образом, поиск и урегулирование текущих проблемных вопросовв стабильном, управляемом режиме напрямую связано с постижением сущности и реальным установлением нового социального порядка. При этом должен сохраняться баланс междунациональными традициями и обычаями, с одной стороны, и инновациями, с другой, дабы не вызывать разрушительных, болезненных противоречий.

Несомненно, что любое территориальное образованиесегодня многолюдно и разнородно. В связи с этимввидуразличного рода нетерпимости повсеместно могут обостряться конфликтные ситуации. От этого невозможно изолироваться ни границами города, ни даже пределами отдельно взятой страны.

Конфликты рождаются, если меняются ставки, социальные деятели меняют свои предпочтения, вмешиваются новые участники, растет напряженность или рассеивается враждебность. В ходе конфликта социальные деятели могут подвергать переоценке ресурсы, противников и альтернативы действия, испытывать на себе самореализацию своих представлений о конфликте и т.п. [5].

Конфликтные ситуации часто сопровождаются неожиданными для сторон последствиями, так как полностью прогнозировать развитие событий невозможно.

В силу сложившейся социальной и экономической напряженности, эскалации военных конфликтов в мире, люди сегодня возмущены, ожесточены и готовы идти на крайние меры. Эти недовольства проявляются в митингах (акции протеста в Барселоне за независимость Каталонии, выступления в России противников пенсионной реформы и пр.), в вооруженных столкновениях (военные действия в Сирии, на Украине и пр.).

Таким образом, нетерпимость приобрела трансграничный характер.

Но мы задаемся вопросом: «Как толерантность может способствовать укреплению социального порядка в современном обществе?»

Попытаемся разобраться в указанной ситуации.

Осмысление категории «устойчивый социальный порядкок» в государственном масштабе будет способствовать установлениюобщих принципов, законов или симметричных моделей взаимоотношения индивидов с социальной структурой.

Не вызывает сомнения, что одним из таких новых социальных явлений, следует обозначить толерантность. Она представляет проблему не только в сфере взаимодействия различных культур и цивилизаций, но и внутри самого государства. А для России, которая находится в трансформационном процессе, указанная проблематика усугубляет ее и так затрудненное развитие.

Руководствуясь информацией из новостных лент, мы нередко слышим, что преобразование российского социума и интеграция его в мировое сообщество принимает, главным образом, деструктивные формы. Тем самым, предопределяется снижение согласия и терпимости в обществе.

Ни для кого не может быть секретом тот факт, что человека можно научить всему, так как он сознательное существо. И чем раньше начать это делать, тем действеннее будет эффект. Так и толерантное отношение к окружающему миру необходимо воспитывать с детских лет. Для этого уже в дошкольных учреждениях детям надо объяснять существуют различные культуры. Они многогранны и мир не ограничивается только отдельно взятой страной. Надо жить и уважать мнение других. Как Кот Леопольд с экранов учил нас: «Ребята! Давайте жить дружно!» И эту мысль надо закреплять в сознании людей.

Современное молодое поколение понимает толерантность «как терпимость к чужим взглядам, образу жизни», как «уважительное понимание и принятие многообразия мира», «признание прав и свобод других, открытое выражение своих взглядов, но недопущение игнорирования моральных человеческих норм» и пр. Однако совсем немногие считают, что терпимость должна иметь свои границы. Люди, помимо своих интересов, должны считаться с интересами других, не выходить за рамки дозволенного и не ущемлять прав и свобод тех, кто к ним относится соответствующим образом.

Если рассмотреть социальные конфликты в Германии, Франции, вызванные наплывом беженцев из Сирии и стран Африки, можно сделать следующие выводы.

Коренные немцы и французы обеспокоены поступками собственного правительства. Оно своими действиями и решениями потворствует принятию в этих странах беженцев, оказывают им финансовую поддержку, вынуждает местное население относиться к ним терпимо, соблюдая тем самым международные нормы. Так и было первое время, многие считали долгом помочь нуждающимся в этом.

Однако эта толерантность стала носить односторонний характер. Сейчас отношение местных к беженцам с Ближнего Востока совсем другое. Это обусловлено тем, как последние себя ведут. Они позволяют себе плевать по сторонам. Многие беженцы не понимают того, что мусор необходимовыбрасывать в урны, а ни куда вздумается, тем самым вызывая отвращение местного населения. Вынужденные эмигранты также считают, что хорошо живущее европейское население им должно. В лагерях беженцев — грязь, из-за их нежелания пользоваться элементарными правилами гигиены. Растет криминализация в этих районах. В основном — это кражи и драки.

Почему местные жители должны терпеть мигрантов из стран, охваченных военными конфликтами, голодом, если они, в свою очередь, отказываются уважать национальный менталитет той страны, которая их приютила и дала финансовую поддержку?

Как нам кажется, уважение — это необходимое условие недопущения социальных конфликтов. В этом случае надо создавать какие-то комиссии из местных жителей для объяснения элементарных правил поведения, своего менталитета, законов. Ведь многие прибывшие не обладают должными знаниями и уровнем социализации и инкультурации.

Знание своей и чужих культур в нашем многокультурном мире поможет развить у человека чувство толерантности, которое, в свою очередь, послужит средством профилактики против жестокости, конфликтов и прочего девиантного поведения, в результате чего можно сформировать устойчивый социальный порядок, поддерживаемый самими людьми, как залог успеха существования любого общества.

Однако в нашей многонациональной стране указанного эффекта достичь трудно. Но власти не оставляют попыток достичь этой цели, хотя иногда многие и не понимают этого, и на чем свет, стоит ругают ее.

В многочисленных исследованиях отмечается раскол российской цивилизации, преобладают враждебные настроения, желание поменьше работать и больше получать, жить за чужой счет, что объективно не способствует укреплению начал толерантности в обществе. В этом плане протесты людей, испытывающих серьезные трудности в адаптации к новым жизненным условиям (низкая заработная плата, пенсии, высокий уровень коррупции, жилищно-коммунальных проблем, несправедливость на всех уровнях власти), начинают носить дисфункциональный характер (перекрытие железнодорожных и автомагистралей, неподчинение решениям судебных органов и т.д.) и угрожает полной дезорганизацией общества.

Крайне важно подчеркнуть, что люди, способствующие разворачиванию этих конфликтов, как правило, не уделяют внимания вопросу нахождения конструктивных решений. При этом они не считают необходимым компенсировать свои действия гражданской ответственностью, озабоченностью эффективного функционирования целого, не осознают своей ответственности за все происшедшее со страной или делают это преднамеренно.

Тем не менее, современный социум пытаются сориентировать на общероссийское гражданское единство, сохраняя при этом этнокультурное многообразие.

Обращаем внимание, что для развития толерантности важно несколько составляющих: большая прослойка людей со средним достатком, а также нормальное функционирование механизмов интеграции общества.

Возрождение духовной составляющей и активная деятельность религиозных учреждений способствуют сплочению народа, учит терпимее относиться к действиям других людей, решать конфликты мирным путем посредством переговоров.

Для поддержания социального порядка необходима территориальная целостность и национальная сплоченность. Россия сегодня предпринимает попытки возврата территорий, ранее выбывших из ее владений (возвращение Крыма в 2014 г. мирным путем и, на мой взгляд, неудавшаяся попытка присоединения Луганской и Донецкой областей Украины). Однако указанные действия носят двоякий характер. С одной стороны, мы объединили территории и поспособствовали улучшению экономической жизни населения этих регионов, с другой — разожгли враждебные настроения европейских и других развитых стран, которым не выгодно усиление влияния России на мировой арене и расширение ее границ.

Сфера транснациональных отношений нуждается в таком «диалоге культур», при котором однине будут видеть в «другом» врага. Они должны понять и стать равноправными партнерами, способными честно договариваться, уважать чужие интересы и решать общемировые проблемы сообща, обеспечивая тем самым стабильный социальный порядок.

Возрождение высокой культуры, не массовой, также будет способствовать усилению ценности терпимости в общественном сознании. Культура позволит человеку созидать, духовно наслаждаться творениями, ввиду чего уже меньше будет желания во враждебной форме решать назревшие проблемные вопросы. Наглядным примером может служить пожар в соборе Парижской Богоматери. Люди разных стран сплотились при виде такой трагедии. Они прониклись сочувствием и пытались различными способами помочь скорейшему восстановлению архитектурного исторического наследия, что является ярким проявлением толерантности.

Таким образом, государственная власть должна посредством мирного культурного диалога решать существующие конфликты для обеспечения социального порядка как в отдельно взятой стране, так и на мировой арене.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы. Именно усиление толерантности, но не односторонней, а взаимной, приведет к новому типу социальных отношений. Различного рода терпимость будет способствовать выходу общества из кризиса и формированию устойчивого социального порядка.

Литература:

1. Viktor Emil Frankl. Wörterbuchder Logotherapie und Existenzanalyse, s. 471–472.
2. Толерантность : Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура : Словарь-справочник / автор-сост. проф. В.Ф. Пилипенко. – М. : ПЕР СЭ-Пресс, 2005. – Изд. 2-е, доп. и перераб.
3. Декларация принципов терпимости (принята в г. Париже 16.11.1995 Резолюцией 5.61 на 28-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО).
4. Шалин В.В. Толерантность (Культурная норма и политическая необходимость). – Краснодар : «Периодика Кубани», 2000. – С. 12.

5. Трущенко О.Е. Реферат книги Ж. Падьоло «Социальный порядок: принципы социологического анализа» / Современные социологические теории общества. – М., 1996. – С. 108–109.
6. URL : https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff

Literature:

1. Viktor Emil Frankl. Wörterbuchder Logotherapie und Existenzanalyse, s. 471–472.
2. Tolerance : Safety : Theory, Paradigm, Concept, Culture : Dictionary Guide / author-composer Prof. V.F. Pilipenko. – M. : PER SE-Press, 2005. – Ezd. 2, dop. i pererabot.
3. Declaration of Principles on Tolerance (adopted in Paris on 16 November 1995 by Resolution 5.61 of the 28th session of the UNESCO General Conference).
4. Shalin, V.V. Tolerance (Cultural norm and political necessity). – Krasnodar : «The Period of Kuban», 2000. – P. 12.
5. Truschenko O.E. Summary of the book by J. Padolo «Social order: principles of sociological analysis» / Modern sociological theories of society. – M., 1996. – P. 108–109.
6. URL : https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ РУКОВОДСТВА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

●●●●●●

FEATURES OF SOCIAL TOLERANCE OF THE LEADERSHIP OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Динов Евгений Николаевич
кандидат медицинских наук,
заведующий кафедрой
прикладной психологии и психотерапии,
Институт повышения квалификации
и переподготовки кадров
Российского университета
дружбы народов
milena.555@mail.ru

Evgeny N. Dinov
Candidate of Medical Sciences,
Head of the Department
of Applied Psychology and Psychotherapy
of the Institute for Advanced Studies
and Retraining of Personnel
of the Peoples' Friendship University of Russia
milena.555@mail.ru

Аннотация. В статье отмечена необходимость формирования социальной толерантности у руководства общеобразовательных учреждений. В исследовании диагностированы уровни формирования социальной толерантности у руководства общеобразовательных учреждений и организационно-психологические факторы, оказывающие на нее влияние на макро-, мезо- и микроуровне осуществленного в исследовании анализа. Автором указано на необходимость наличия социальной толерантности руководителей у руководства общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: руководство общеобразовательных учреждений, толерантность, социальная толерантность, индекс толерантности, учебное заведение, управленческая деятельность, организационно-психологические факторы.

Annotation. The article notes the need for the formation of social tolerance of the leadership of educational institutions. The study diagnosed the levels of formation of social tolerance of the leadership of educational institutions and organizational and psychological factors that affect it at the macro, meso and micro levels of the analysis carried out in the study. The author points out the need for the presence of social tolerance of leaders in the leadership of educational institutions.

Keywords: leadership of educational institutions, tolerance, social tolerance, tolerance index, educational institution, managerial activity, organizational and psychological factors.

Введение

Руководителю образовательного учреждения необходимо умение быть посредником между разными людьми. Для этого им следует обладать такими качествами, как терпение, понимание, принятие происходящего, мотивации поведения противоположных сторон, умение конструктивно и толерантно взаимодействовать.

Мы считаем приоритетным развитие позиции терпимого и толерантного отношения руководителя к субъектам учебно-воспитательного процесса.

Анализ современной научно-педагогической литературы [1; 2; 3] свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблемы формирования социальной толерантности руководителей общеобразовательных учреждений, поскольку отдельные ее аспекты остаются не освещенными в полной мере.

Современная наука рассматривает проблему толерантности в онтогенезе в философском, психологическом, педагогическом и социокультурном контекстах. В трудах психологов есть прямые или косвенные упоминания о возможных социальных контекстах проявления толерантности: в социальном взаимодействии, межгрупповых отношениях, коммуникации, конфликтах и др. Различные аспекты проблемы толерантности, в частности осмысление сущности феномена «толерантность» и его особой значимости для формирования профессионализма личности исследованы в научных трудах отечественных и зарубежных ученых [4, 5, 6].

Цель исследования — изучить особенности сформированности социальной толерантности руководителей учреждений общего среднего образования.

Изложение основного материала и результатов исследования

Понятие «толерантность» рассматривается как социально важное явление, норма жизни в демократическом обществе, один из главных принципов взаимоотношений между людьми.

Толерантность определяется как интегративное качество личности, отражающее активную нравственную позицию и готовность к конструктивному взаимодействию с людьми и группами независимо от их национальной, социальной, религиозной, гендерной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стиля мышления и типа поведения; способствует успешному самоутверждению личности и ее самореализации в обществе [7]. В таком понимании личность руководителя образовательного учреждения выступает своеобразным проводником толерантности в общество.

Сущность социальной толерантности заключается в форме партнерского взаимодействия личности с различными социальными группами общества, способности положительно реагировать на сотрудников независимо от их социального статуса [8].

Социальная толерантность руководителя образовательного учреждения проявляется в форме ненасильственного, уважительного, партнерского взаимодействия между руководителем и различными социальными группами, когда признается потребность в таком сотрудничестве и уважение принципов сторон, что способствует усвоению норм, традиций, культурно-исторического наследия и др. и является гарантом гармоничных отношений в образовательной организации.

Социально толерантный руководитель направляет межличностные отношения с субъектами учебно-воспитательного процесса к сотрудничеству, связывающему индивидов между собой, а также способствует усвоению норм, традиций, культурно-исторического наследия.

Полученные результаты эмпирического исследования по методике «Индекс толерантности» (Г. Солдатова, А. Кравцова, А. Хухлаєв, Л. Шайгерова) [9] позволили определить уровень сформированности социальной толерантности исследуемых руководителей общеобразовательных учреждений (табл. 1).

Таблица 1 – Уровни сформированности социальной толерантности руководителей общеобразовательных учреждений

Уровни сформированности	Количество исследуемых (в %)
низкий	23,5
средний	59,0
высоко	17,5

Как видно из таблицы 1, большинство исследуемых руководителей имеет низкий (23,5 %) и средний (59,0 %) уровень сформированности социальной толерантности.

17,5 % исследуемых имеют высокий уровень сформированности социальной толерантности и характеризуются отзывчивостью, мудростью, непредвзятостью, способностью принимать и себя, и окружающих людей такими, какие они есть, при этом вовсе не отказываясь от собственной позиции, но и не навязывая ее партнеру. Как результат развития и саморазвития, социальная толерантность способствует принятию другого, сохранению внутреннего равновесия.

Также, нами определенные организационно-психологические факторы формирования социальной толерантности руководителей общеобразовательных учреждений на макро- (месторасположение общеобразовательных учреждений), мезо- (тип общеобразовательного учреждения) и микроуровнях (стаж управленческой деятельности, пол и возраст руководителей) анализа.

Так, установлена связь, существующая между месторасположением учебного заведения с уровнем сформированности социальной толерантности исследуемых (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение исследуемых руководителей по уровню сформированности социальной толерантности и месторасположению учебного заведения

Показатель	Месторасположение общеобразовательного учреждения (количество исследуемых, в %)					
	Региональный центр			Общеобразовательные учреждения региона вне регионального центра		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Социальная толерантность	26,6	58,4	15,0	20,2	60,1	19,7

Как видно из таблицы 2, зафиксирована определенная тенденция ($p = 0,089$) при исследовании связи между месторасположением учебного заведения и уровнями социальной толерантности исследуемых руководителей.

Уровень социальной толерантности оказался выше у руководителей, учебные заведения которых расположены вне регионального центра. Такие руководители в большей степени способны воспринимать течения в жизни организации, заручаться поддержкой других и управлять политикой учебного заведения.

Анализ связи типа учебного заведения с уровнем сформированности социальной толерантности их руководителей позволил зафиксировать определенные различия (табл. 3).

Таблица 3 – Распределение исследуемых руководителей по уровню сформированности социальной толерантности и типам учебных заведений, которые они возглавляют

Показатель	Тип общеобразовательного учреждения (количество испытуемых, в %)					
	общеобразовательное учреждение традиционного типа			общеобразовательное учреждение нового типа		
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Социальная толерантность	23,2	52,9	23,9	22,9	63,6	13,4

Как видно из таблицы 3, выявлены различия (на уровне слабой тенденции) между типом учебного заведения, который возглавляют исследуемые, и уровнями сформированности социальной толерантности исследуемых руководителей. Уровень социальной толерантности оказался выше у руководителей учебных заведений традиционного типа, особенно с большим стажем управленческой деятельности. Это можно объяснить:

— отсутствием конкуренции и партнерским взаимодействием среди персонала традиционных средних школ;

— стремлением искать и находить баланс между собственными интересами и интересами окружающих;

— позитивным отношением руководителей к проявлениям индивидуальности в других и стремлением к гармоничным отношениям с другими людьми, что характеризует зрелых, самоактуализированных личностей.

С помощью дисперсионного анализа зафиксировано, что уровень социальной толерантности выше у руководителей общеобразовательных учреждений традиционного типа, особенно тех, что расположены вне регионального центра ($p < 0,085$). Такие руководители стремятся к диалогу, сотрудничеству и позитивному взаимодействию, доброжелательны, без предубеждения оценивают сложные управленческие ситуации, с удовольствием оказывают помощь, уважают традиции.

Как показал дальнейший анализ результатов исследования, у руководителей учебных заведений нового типа с увеличением стажа управленческой деятельности уровень сформированности социальной толерантности уменьшается.

Большинство руководителей-участников исследования, работающих в условиях учебного заведения нового типа, имеют достаточно большую рабочую нагрузку, особенно по сравнению с руководителями «традиционных» школ. Психологические и физические перегрузки являются существенными стрессогенными факторами, которые способствуют истощению моральных сил, что неизбежно сказывается как на эффективности профессиональной деятельности, так и на отношениях с субъектами учебно-воспитательного процесса.

Социальная толерантность является одним из важнейших условий снижения напряженности в организации и отражает моральное качество личности руководителя, что способствует успешности ведения диалога, предотвращает конфликты с представителями различных социальных групп, усиливает терпимость и уважительное отношение к мнениям других.

Следующим шагом эмпирического исследования было выявление связи гендерно-возрастных факторов с особенностями сформированности социальной толерантности руководителей общеобразовательных учреждений (табл. 4).

Таблица 4 – Распределение исследуемых руководителей по уровням сформированности социальной толерантности и полу

Пол исследуемых	Уровни социальной толерантности (количество испытуемых, в %)		
	низкий	средний	высокий
женщины	26,5*	62,4*	11,1*
мужчины	33,0*	59,0*	8,0*

* уровень статистической значимости ($p < 0,05$)

Как видно из таблицы 4, социальная толерантность больше свойственна женщинам. Женщины-руководители внимательнее относятся к людям, готовы к сотрудничеству, смелее и активнее в налаживании социальных контактов, экспансивнее и динамичнее в общении, более уступчивы, дружелюбны и чувствительны, более экспрессивны.

Для женщин-руководителей центральными качествами, определяющими успешность управленческой деятельности, являются порядочность, уважение к людям, доброжелательность, общительность, предоставление инициативы сотрудникам, учет индивидуальных особенностей подчиненных. Все эти качества, образуя комплекс, освещают такие особенности управленческого взаимодействия, как умение отказаться от стереотипов, способность к социальному взаимодействию, поиск индивидуального подхода.

Выводы

Выявленные проблемы актуализируют необходимость формирования социальной толерантности руководителей общеобразовательных учреждений, что возможно осуществить в процессе профессиональной подготовки (получение высшего образования) и последипломного образования (повышение квалификации) в условиях специально организованного обучения.

Литература:

1. Бардиер Г.Л. Научные основы социальной психологии толерантности : учебное пособие. – СПб. : Изд-во «МИРС», 2007. – 100 с.
2. Толерантность как атрибут современной жизни: понятие и принципы формирования : методическое пособие / науч. ред. Н.В. Брызжева, А.И. Григорьева, Е.С. Арбузова. – Тула : ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», 2017. – 208 с.
3. Gibson J.L. Measuring Political Tolerance and General Support for Pro-CivilLiberties Policies: Notes, Evidence, and Cautions // Public Opinion Quarterly. – 2013. – № 77 (Special Issue). – P. 45–68.
4. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. О становлении толерантной личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 78–82.
5. Rapp C., Freitag, M. Teaching tolerance? Associational diversity and tolerance formation // Political Studies. – 2015. – Vol. 63 (5). – P. 1031–1051.
6. Janmaat J.G., Mons N. Promoting ethnic tolerance and patriotism: The role of education system characteristics // Comparative Education Review. – 2011. – Vol. 55 (1). – P. 56–81.
7. Мариманова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. – М., 2004. – 253 с.
8. Баева Л.В., Подвойский Л.Я. Этика и культура толерантности: научно-популярное издание. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 192 с.
9. Солдатова Г.У. Толерантность: психологическая устойчивость и нравственный императив // Практикум по диагностике и исследованию толерантности личности; под ред. Солдатовой Г.У. – М. : МГУ, 2003. – С. 4–13.

Literature:

1. Bardier G.L. The scientific basis of the social psychology of tolerance : a textbook. – SPb. : MIRS Publishing House, 2007. – 100 p.
2. Tolerance as an attribute of modern life: the concept and principles of formation : Methodological manual / Scientific. ed. N.V. Bryzzheva, A.I. Grigoryeva, E.S. Arbuzova. – Tula : GOU DPO TO «IPK and PPRO TO», 2017. – 208 p.
3. Gibson J.L. Measuring Political Tolerance and General Support for Pro-CivilLiberties Policies: Notes, Evidence, and Cautions // Public Opinion Quarterly. – 2013. – № 77 (Special Issue). – P. 45–68.
4. Abakumova I.V., Ermakov P.N. On the formation of a tolerant personality in multicultural education // Psychology Issues. – 2003. – № 3. – P. 78–82.
5. Rapp C., Freitag M. Teaching tolerance? Associational diversity and tolerance formation // Political Studies. – 2015. – Vol. 63 (5). – P. 1031–1051.
6. Janmaat J.G., Mons N. Promoting ethnic tolerance and patriotism: The role of education system characteristics // Comparative Education Review. – 2011. – Vol. 55 (1). – P. 56–81.
7. Marimanova M.S. Tolerance as an individual and social phenomenon. – M., 2004. – 253 p.
8. Baeva L.V., Podvoisky L.Ya. Ethics and culture of tolerance: popular science publication. – Astrakhan : Publishing House Astrakhan University. – 2012. – 192 p.
9. Soldatova G.U. Tolerance: psychological stability and moral imperative // Workshop on the diagnosis and study of personality tolerance; Ed. Soldatova G.U. – M. : Moscow State University, 2003. – P. 4–13.

УДК 1

ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

●●●●●●

DIGITAL REALITY AS A MODERN SOCIAL REALITY: AXIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSIONS

Докумова Любовь Шамсудиновна
кандидат физико-математических наук,
доцент, заведующий кафедрой ОИиЕНД,
Северо-Кавказская государственная
гуманитарно-технологическая академия
dokumova61@mail.ru

Lyubov Sh. Dokumova
Candidate of physical
and mathematical sciences,
Associate Professor, Head of Department,
North Caucasian State
Humanitarian and Technological Academy
dokumova61@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проявления современной цифровой и информационной революции в поле социальной реальности. Анализируя антропологические и аксиологические проявления указанной революции, автор особое внимание уделяет ориентирам и ценностям социального развития, на которые оказывают влияние процессы технологизации и цифровизации. Указывается на возможность амбивалентного восприятия человеком целесообразного устойчиво-ценностного отношения к современным достижениям научно-технического развития.

Ключевые слова: общество, социальная реальность, цифровая реальность, технологии, личность, ценности, инновации.

Annotation. The article discusses the manifestations of the modern digital and information revolution in the field of social reality. Analyzing the anthropological and axiological manifestations of this revolution, the author pays special attention to the landmarks and values of social development, which are influenced by the processes of technologicalization and digitalization. The possibility of an ambivalent perception by a person of an appropriate sustainable value attitude to the modern achievements of scientific and technological development is indicated.

Keywords: society, social reality, digital reality, technology, personality, values, innovation.

В современном обществе искусственно созданная людьми виртуальная цифровая реальность требует для своего существования определенных технических средств. Эти формы реальности едины потому, что они охватываются опытом индивидуального субъекта. Четвертая промышленная революция, отличаясь высокой скоростью распространения инноваций, масштабом и глубиной их проникновения во все общественные структуры, модернизирует и рационализирует инфраструктурные и институциональные условия деятельности субъекта [1]. Она не просто приходит в жизнь, она входит в мир неожиданно, мощно и скачкообразно. Этот революционный технологизированный путь, который, начиная от индивидуального субъекта, относительно быстро поднимается до размеров глобального общества, вменяя участие многих людей в новой, техногенной по своей природе, реальности [5]. Формируется он в среде, где складываются технические навыки индивидов. С распространением IT и появлением традиций их применения, в структурах социального бытия приобретаются важные признаки цифровизации, и происходит это практически беспрепятственно. Разрушается рутина прошлого. Формирующийся цифровой опыт становится цивилизационной ценностью. Вырабатывается понимание природы среды, как информационной реальности, созданной человеком. Развивается виртуальная культура общения и взаимодействий, с помощью которых осуществляется деятельность. Общество, где всё это, и многое другое, проходит — комплексная развивающаяся система. Это целостность, образованная множеством взаимосвязанных компонентов уровней различной сложности. Её динамика развития детерминирована условиями и разнообразием устремлений и усилий субъектов социальных взаимодействий.

Познавая возможности будущности своего существования, совершенствуя их, индивид изменяется сам. Необходимая для этого свобода действий предполагает отстаивание ценностей,

желаемой позиции в обществе и соответствующих условий для проявления необходимой свободы для творчества. Но взгляд людей на развитие, на жизнедеятельность, становится все больше технологизированным. Виртуальная реальность, с ее возможностями, становится незаменимым средством производства во всех структурах бытия. Помимо технологий, инновации распространяются на комбинации взаимодействий и на создание таких социальных связей, которые могут привести к формированию ценностных установок и цивилизованных культурных традиций. Глубоко проникая в жизнь, они многое изменяют, хотя для цифрового преобразования инерции рутины необходимо время. У этого пути есть реальная онтологическая основа: все возрастающие темпы научно-технического прогресса, особенно в области био-, нано- и информационных технологий, радикально изменяющих быт буквально за жизнь одного поколения. Требования, предъявляемые к индивидуальному субъекту к освоению цифровых технологий, растут, и отстающие спешат догнать. Часть людей идёт в ногу со временем, а часть — отстаёт. Меняются условия жизнедеятельности, уходят в историю целые отрасли общественного производства, их опыт и традиции. Становятся невостребованными много видов профессий и видов деятельности, появляются новые формы конкретного труда. Новые примеры подобных, и появляющихся новых, рисков порождают фрагментарность, противоречивость, разорванность установок и ориентаций людей.

Трансформациям подвергается практически всё. Например, практика хозяйствования требует формирования субъектов инновационной деятельности. Особое значение приобретает генетика, и то, что связано с изучением генома. В структурах социального бытия человек как был, так и остаётся основной движущей силой. Он не только приемник современных инновационных достижений, но их создатель и вдохновитель, а также источник экстериоризации. Прежде всего, это субъект, под которым понимают самостоятельного ответственного человека, имеющего средства и стремление осуществлять успешную жизнедеятельность. Он улучшает для этого условия жизнедеятельности, что является одной из целей цифровизации. Проблема ценности возникает тогда, когда появляются возможности оценки объектов ценности. Как это происходит? Прежде всего, со стороны порядка предпочтений, то есть, когда одно становится преимуществом по сравнению с другим. Хотя тут же возникает проблема: кто оценивает и почему именно так. Практика становления новых технологий показывает, что здесь автоматического достижения прогресса не существует. Это означает, что люди должны определить ценность цифровизации, её силу, роль, масштаб, существенность. Важно принять ее как временную цель в развитии цивилизации, воплотить в жизнь, определиться с механизмом развития труда и капитала. И вообще, людям надо определиться с тем, кто они дальше в этом непредсказуемом цифровом мире. Надо учитывать, что ценность задаёт субъекту:

- во-первых, определенную, жизненно важную для него, модель поведения;
- во-вторых, она создаёт основания для поиска свободы выбора: идеала, вида, формы, стандартов и образцов деятельности;
- в-третьих, выражает характер, сущность и уникальность самого человек, как участника социальных отношений, принимающего решение и вступающего для его реализации во взаимодействие с другими.

Важность цифровых технологий для индивидуального субъекта неоспорима. В современном мире, в каждой отрасли и на каждом предприятии, люди оцифровывают то, чем занимаются. Создаются все новые электронные документы, финансовые активы, разрабатываются оригинальные приложения, появляются необычные идеи в цифровой интерпретации. Цифровые технологии внедряются не только во внешние взаимодействия, но и в сознание, изменяя стиль и ритмы жизни. Это требует от амбивалентного человека целесообразного устойчиво-ценностного отношения к инновационным достижениям. Но в структуре социального бытия субъект ведёт себя в соответствии со своим пониманием социального бытия. Люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами [2]. Ценности: добра, общественной пользы, сострадания, оказания помощи для части людей не всегда входят в число первостепенных показателей. К сожалению, в их структуре часто преобладающими являются позиции, выраженные экономикоцентричными признаками. Это доход, заработки человека и его семьи, условия проживания, наличие статусных вещей и других благ. В идеале человек социальный интериоризирует внешние внеиндивидуальные нужды, которые, прежде всего, определяют материальное благополучие в его индивидуальном бытии. Но есть здесь и другие особенности жизнедеятельности. Например, это — попытки ответа на вопрос, имеющий огромные риски для людей. Какие существуют допустимые границы изменения человека при помощи инновационных технологий? Исходно предполагается, что ключевой ценностью является собственно человек, в совокупности его проявлений как биологического, социального, творческого существа, имеющего свои интересы и потребности. Однако рискогенные тенденции, такие, как однополые браки, феминизация

и многое другое, ведут к деградации людей, сводят к минимуму биологическое начало человека, а если этот процесс не попадёт под пристальный контроль людей, то разрушительный процесс затронет и сущностное общественное начало. Эти рискогенные тенденции выражаются в феномене трансгуманизма [3; 4]. Осуществление жизненного пути принуждает индивида мыслить онтологически, объясняя себе на основе накопленного опыта, как устроена реальность. Он должен просматривать варианты будущего, в котором человек не только останется, но и усилит своё предназначение. На этой основе он выстраивает свою оригинальную версию причинно-следственных связей смыслов собственного существования и своей роли в этом сложном мире. Понимание этих моментов, разумный и прагматичный подход к действиям, и есть особенность современного управления временем.

Таким образом, основанием социальной реальности является личный опыт проживания людьми своей жизни, понятый как единство познаваемой предметности и духовных усилий ее освоения, оформляемый как знания и опыт. Являясь пережитой и осмысленной практикой жизнедеятельности, он организуется в систему общекультурных субъективных значений, воспринимаемой индивидуальным субъектом как ценность. Для их включения в общий строй мыслей и чувств, человек непрерывно, часто неосознанно, переосмысливает ранее пережитое, наделяя новыми функциями обретенный индивидуальный опыт, играющий главную роль в формировании персональной его идентичности человека. Социальная реальность дана людям в опыте жизнедеятельности. Более того, бытие влияет на природные объекты. Превращая их в условия своего существования, человек преобразуется сам. Реальность, конституированная совокупностью субъективных значений обусловлена предпочтениями и неизбежным выбором. Она всё больше будет наполняться новыми значениями. И будет учитывать предшествующий опыт, созданный в виде образцов воспоминаний, ностальгий, интерпретаций, оценок, аффектов, что, по сути, и есть биография человека. Это передаётся на продукт его деятельности. Но в нём заключена информация не только об опыте и умелости производителя, но также о реализованных новых знаниях, технологиях и преображенной экономической культуре, а также об его ценностных ориентирах.

Литература:

1. Бакланов И.С. Современные образы рациональности: онтологические истоки и социальные основания // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2005. – № 41. – С. 11–17.
2. Балдицына Е.И., Бакланов И.С., Бакланова О.А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 43–51.
3. Гречкина Е.Н. Трансгуманизм − мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 8. – С. 34–37.
4. Губанова М.А. Когнитивный трансгуманизм как формообразование духовной культуры // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 50–60.
5. Pelevin S.I., Taubaev B.D., Baklanov I.S. Problem of technogenic society dynamics under the conditions of contemporaneity // International Journal of Civil Engineering and Technology. – 2018. – Vol. 9. – № 11. – P. 2437–2443.

Literature:

1. Baklanov I.S. Modern images of rationality: ontological sources and social foundations // Bulletin of Stavropol State University. – 2005. – № 41. – P. 11–17.
2. Balditsyna E.I., Baklanov I.S., Baklanova O.A. Features of the study of gender identity in modern social theory // Woman in Russian society. – 2019. – № 2. – P. 43–51.
3. Grechkina E.N. Transhumanism – the worldview of the XXI century or a civilizational threat to humanity // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – № 8. – P. 34–37.
4. Gubanova M.A. Cognitive transhumanism as the shaping of spiritual culture // Bulletin of Armavir State Pedagogical University. – 2018. – Vol. 1. – № 2. – P. 50–60.
5. Pelevin S.I., Taubaev B.D., Baklanov I.S. Problem of technogenic society dynamics under the conditions of contemporaneity // International Journal of Civil Engineering and Technology. – 2018. – Vol. 9. – № 11. – P. 2437–2443.

УДК 001

КОНСТРУИРУЕМЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗРАСТА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

●●●●●●

DESIGNED ASPECTS OF AGE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Килясханов Магомед Хизриевич
кандидат философских наук, доцент,
представитель МВД России
в Республике Таджикистан,
gurbo4073@gmail.com

Magomed H. Kilyashanov
Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor,
The representative of the MIA
of Russia in the Republic of Tajikistan,
gurbo4073@gmail.com

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
gurbo4073@gmail.com

Konstantin A. Zenin
Candidate of sociological Sciences,
Associate Professor, doctoral student,
Nevinomysk State Humanitarian
and Technical Institute
gurbo4073@gmail.com

Исламов Ферзилах Исламович
кандидат социологических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
gurbo4073@gmail.com

Ferzilah I. Islamov
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Doctoral Student,
Nevinomysk State Humanitarian
and Technical Institute
gurbo4073@gmail.com

Гришай Жанна Георгиевна
кандидат социологических наук, доцент,
Ессентукский институт управления
бизнеса и права
gurbo4073@gmail.com

Zhanna G. Grishai
Candidate of Sociology,
Associate Professor,
Essentuki Institute of Management
business and rights
gurbo4073@gmail.com

Аннотация. В статье производится постановка вопроса о социальном аспекте возраста. Исследуется различие между возрастом как хронологическим показателем и возрастом и как социальной характеристикой. Рассматривается вариативность форм социального восприятия возраста, а также анализируются зависимость между характеристиками общества и способом общепринятого отношения к представителям конкретных возрастных групп. Ставится вопрос о конструируемом характере возраста как социальной характеристики личности. Рассматривается механизм выстраивания социальных ожиданий, основанных на возрастной определенности человека. Исследуется значение возраста человека, как основание для формирования модели взаимодействия с ним. Анализируется значение возраста как основания личностной самоидентификации и построения индивидуальной жизненной стратегии. В конце статьи оценивается практический аспект исследования социальных проблем возраста и обосновывается необходимость исследования возрастной проблематики с точки зрения анализа ее социальной составляющей.

Ключевые слова: возраст, общество, социальные стереотипы, социальные ожидания, восприятие возраста.

Annotation. The article raises the question of the social aspect of age. The difference between age as a chronological indicator and age as a social characteristic is investigated. The variability of forms of social perception of age is considered, as well as the relationship

between the characteristics of society and the method of generally accepted attitude towards members of specific age groups is analyzed. The question is raised about the designed character of age, as a social characteristic of the person. The mechanism of building social expectations based on age certainty of the person is considered. The meaning of human age is investigated as a basis for forming a model of interaction with him. The meaning of age as the basis of personal self-identification and the construction of individual life strategy is analyzed. The end of the article assesses the practical aspect of the study of social problems of age and justifies the need to study age issues in terms of analysing its social component.

Keywords: age, society, social stereotypes, social expectations, perception of age.

Для большинства людей возраст представляется в качестве некой объективной характеристики, которая может сказать сразу о многом: о состоянии организма человека, его возможностях, предполагаемом формате поведения и т.д. Восприятие возраста как объективного фактора связано с тем, что он, по факту, представляет собой исчисляемую величину, отражающую количество прожитых лет. Вместе с тем, справедливо суждение о том, что восприятие возраста существенно шире, нежели лежащая в ее основе оценка количества прожитых дней. Возраст трактуется с точки зрения ожидаемых качеств человека, связанных с определенным уровнем жизненного опыта, периодом формирования мировоззрения, биологическими характеристиками организма и т.д. Здесь реализуется интересная закономерность: течение времени приводит к изменениям в человеке, иными словами – возраст может быть рассмотрен как фактор различных изменений, от физиологических до социальных. Вместе с тем, те качества, которые трансформируются под влиянием возрастных процессов, в конечном счете, начинают рассматриваться в качестве неотъемлемых атрибутов определенного возраста. Иными словами, производится существенная смысловая подмена: то, что является производной возрастных изменений начинает восприниматься как существенный признак конкретного возраста. И здесь могут возникнуть весьма широкие по своему влиянию модели восприятия возраста, приписывающие представителям отдельных возрастных групп определенные качества.

Мы не говорим о том, что ход мысли, связанный с оценкой отдельных характеристик, присущих представителям конкретных возрастных групп, является в корне неверным и, соответственно, ложным. Мы скорее обращаем внимание на то, что необходимо различать сущностные аспекты возраста и те моменты, которые связываются с возрастом в сознании и культуре, однако не проистекают из возрастной определенности напрямую.

Анализируя категорию возраста, как продолжительности жизни, следует обратить внимание на то, что одна из наиболее точных характеристик возраста (в том числе, включающая развернутое описание качеств представителей конкретной возрастной группы) может быть сформирована в рамках биологического знания [1]. При этом и здесь мы столкнемся с тем, что существуют индивидуальные различия, и потому мы можем говорить скорее об определенных усредненных показателях, характерных для представителей конкретной возрастной группы [2]. Вместе с тем, в обыденной практике категория возраста применяется не только в контексте оценки состояния организма, но также имеет большое значение как одно из измерений социальной определенности человека. Возраст выступает в качестве социальной характеристики, на основании которой формируется отношение к человеку, выстраивается система отношений, и, более того — возраст может стать одним из важных оснований самоопределения. Неслучайно психологи обращают внимание на этапы возраста, выступающие в качестве значимых рубежей (чаще всего речь идет о «круглых» числах — тридцать, тридцать пять, сорок лет и т.д.). Еще один важный момент — изменение социальных возможностей, происходящее по мере изменения возрастной определенности человека, причем речь идет как о расширении возможностей (когда речь идет о взрослении молодых людей и переходе в статус совершеннолетних, а также о получении возможности участия в деятельности, в которой имеет место возрастной ценз), так и об их ограничении (что связано с практикой увольнения работников старше определенного возраста или отказа от найма в различных сферах, переводом на пенсию и т.д.). Возраст, изначально воспринимаемый как объективная характеристика числа прожитых лет, приобретает огромную смысловую нагрузку, связанную с привнесением в его рассмотрение многочисленных условностей и допущений. Одним из парадоксов в данном случае становится то, что само по себе восприятие возраста продолжает опираться на идею объективности возрастной характеристики несмотря на то, что даже в сфере биологии отмечаются многочисленные варианты отклонения от ожидаемых возрастных показателей. Возраст становится во многом конвенциональной, обусловленной культурой и обществом величиной, и, вместе с тем, как уже отмечалось ранее, возраст представляет собой основание для формирования моделей отношения к другим членам общества, а также

основой личностного самоопределения. Это позволяет рассматривать условности, лежащие в основе социального восприятия возраста, в качестве одного из мощнейших регуляторов общественных отношений.

Мы исходим из предпосылки, сообразно которой возраст имеет объективную и конструируемую составляющие, что связано с механизмами формирования социального мировоззрения и, в частности — практиками интерпретации приобретаемого опыта на основании того знания, которым человек уже обладает. При этом актуализируется несколько значимых вопросов, напрямую относящихся к тематике социального измерения возраста:

— природа конструируемого восприятия возраста;

— возраст как основание для формирования социальных ожиданий;

— объективные социальные факторы, связанные с возрастной определенностью человека (совершеннолетие, статус военнообязанного, возможность участия в политической деятельности, возможность выхода на пенсию и т.д.);

— возраст, как основание оценки другого человека;

— возраст, как фактор самоидентификации;

— модели поведения, связанные с различной возрастной определенностью субъекта и объекта взаимодействия;

— возраст как основание для построения жизненной стратегии.

Как мы видим, существует целый ряд вопросов, связанных с социальным аспектом возрастной определенности. Базовым на данном этапе является понимание того, какие аспекты возрастной определенности связаны с социальными и культурными условностями. Рассмотрим данный вопрос подробнее. Прежде всего, следует отметить, что в социальной практике место и роль членов общества, относящихся к различным возрастным группам, может в существенной степени варьироваться в зависимости от условий существования конкретного общества, уровня его развития и т.д. Так, например, Э. Дюркгейм отмечает, что в некоторых первобытных обществах общепринятой практикой являлся добровольный уход из жизни стариков, неспособных к осуществлению труда наряду с более сильными и выносливыми младшими соплеменниками [3]. Вместе с тем, с развитием общества происходит трансформация отношений, связанная с оценкой значимости опыта, накопленного пожилыми людьми. Так формируется традиция уважения к представителям старшего поколения, выступающих в качестве носителей мудрости, знания, различного рода ремесленных и иных профессиональных навыков. Как мы видим, состояние общества способствует трансформации отношения к представителям старшей возрастной группы (от «балласта» до социально значимых).

Анализируя конструируемый аспект возраста, следует отметить, что он включает в себя все те качества, которые не проистекают напрямую из физиологического (и психологического) момента возрастных изменений, но, при этом, активно принимаются членами общества как норма восприятия людей определенного возраста. Это включает в себя нормы поведения, распространяемые на различные возрастные группы, модели восприятия (и, соответственно, социальные ожидания в отношении конкретных людей) людей определенного возраста и т.д.

Говоря о том, что категория «возраст», будучи преломленной в социальном мировоззрении, приобретает конструируемый характер, мы подразумеваем то, что, воспринимая информацию о возрасте конкретного человека, члены общества, на основании этой информации формируют развернутый набор представлений и ожиданий [4]. Соответственно, опыт взаимодействия с представителем определенной возрастной группы во многом будет проинтерпретирован с позиции того «шаблона отношения», который изначально имел место. По этой причине, например, одна и та же фраза, сказанная подростком и стариком, может восприниматься по-разному, несмотря на то что смена субъекта высказывания не влечет за собой изменения ее реального значения.

Одним из важных моментов, связанных с условных, конвенциональным аспектом возраста, и одновременно оказывающим глубокое влияние на область общественных отношений, является правовое измерение возрастной проблематики. Фактически, здесь мы наблюдаем не просто формирование социальных условностей, имеющих отношение к возрасту – речь идет об их возведении в ранг нормы, регулирующей общественные отношения. Иными словами, условное восприятие возраста трансформируется в объективную социальную характеристику, связанную с прохождением определенного возрастного рубежа. При этом речь может идти как о моментах расширения спектра личных прав и возможностей (самостоятельность, связанная с достижением совершеннолетия или относительная финансовая свобода при выходе на пенсию), так и о моменте актуализации гражданских обязательств. В целом, правовой аспект возраста в наибольшей степени связан со статусом несовершеннолетних, а также основными нормами, направленными на защиту их прав и интересов. Вместе с тем, существуют правовые нормы, регламентирующие участие в определенных областях деятельности с определенного возраста (например,

право на участие в президентских выборах в качестве кандидата), а также юридические нормы, ориентированные на защиту интересов представителей старших возрастных групп.

Помимо правового аспекта социальных отношений, связанного с возрастом и его социальным значением, немаловажную роль в установлении общественных отношений играет модель межпоколенного взаимодействия, характерная для конкретной культуры. Причем данная модель включает в себя сразу несколько важных определяющих моментов:

— характер коммуникации внутри основных возрастных групп;

— статусная определенность основных возрастных групп;

— преобладающие социальные стереотипы, связанные с восприятием возраста (и, соответственно, формирующие ожидания и преимущественные способы трактовки, направленные в сторону представителей конкретной возрастной группы);

— соотношение культурных факторов становления мировоззрения представителей различных возрастных групп как объективный фактор расхождения в наборе мировоззренческих установок;

— преобладающие формы и модели отношений между представителями разных возрастных групп как парадигма межпоколенного взаимодействия.

Помимо сферы межпоколенного взаимодействия, серьезным аспектом исследования социального измерения возраста становится то, что возраст представляет собой одну из форм сложной, включающей в себя широкую совокупность ожидаемых социальных качеств определенности. Соответственно, возраст является не только основанием для стереотипного восприятия и основанного на нем выстраивания модели взаимодействия с представителями конкретной возрастной группы. Одновременно с этим, стереотипы восприятия возраста становятся основанием для формирования развернутых моделей самоидентификации, основанной на критерии возрастной определенности. При этом в данном случае существует две основных модели соотнесения личных качеств со стереотипно отображаемыми качествами, характерными для определенного возраста:

— сравнение личных характеристик со стереотипными с целью оценки собственной жизненной ситуации;

— принятие стереотипной модели в качестве эталонной и всяческое приближение собственной социальной определенности к той возрастной модели, которая активно репрезентируется в социальной среде.

В первом случае мы наблюдаем ситуацию, в которой человек оценивает уровень личных достижений, а также степень благоприятности жизненной ситуации, сознательно разграничивая актуальное состояние с тем усредненным шаблоном восприятия возраста, который присутствует в социальной среде. На наш взгляд, несмотря на то что в некоторых случаях подобного рода подход может грозить развитием психологического кризиса, он в значительной степени оправдан, поскольку речь идет об акцентуации на реальных личных качествах, без искажения ситуации в опоре на существующие стереотипные модели. Вместе с тем, одним из распространенных вариантов восприятия возраста является формирование представлений о некоем эталонном наборе социальных признаков, которые члены общества старательно воспроизводят, достигнув определенного возрастного рубежа. Данный подход несет в себе существенные социальные риски, как в силу того, что человек рискует утратить индивидуальность, так и в силу того, что далеко не всегда стереотип восприятия конкретной возрастной группы отвечает наиболее адекватной модели самоидентификации ее представителей.

Отдельного внимания в данном случае заслуживает то, что формирование способа самоидентификации, основанное не общепринятых моделях восприятия возраста означает, в том числе, корректировку социальной активности человека, основанную на его возрастной определенности и том наборе социальных представлений о возрасте, который сложился в общественной среде. По этой причине, например, может сформироваться негативная модель поведения в молодежном возрасте, основанная на следовании протестной, конфликтной модели поведения подростков, либо модель поведения пожилых людей, основанная на принципе их изоляции из жизни общества. Мы не говорим о том, что все без исключения возрастные стереотипы имеют негативный характер. Вместе с тем, существуют серьезные риски, связанные с деформацией социальной активности, связанной с возрастным статусом конкретных ее субъектов.

Как становится видно, благодаря осуществленному анализу, проблема возраста имеет крайне сложный, многогранный характер. При этом конструируемый характер социального измерения возраста заставляет обратить внимание на вариативность отношений и стратегий индивидуального развития, основанных на возрастной определенности, а также свидетельствует об огромном потенциале исследований социального измерения возраста.

Литература:

1. Плакуев А.Н., Юрьева М.Ю., Юрьев Ю.Ю. Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека // Экология человека. – 2011. – № 4.
2. Отдельно стоит отметить, что оценка возрастных характеристик человека должна учитывать генетические характеристики человека, а также такой аспект, как характер воздействий, оказываемых на организм человека внешней средой. – См. Плакуев А.Н., Юрьева М.Ю., Юрьев Ю.Ю. Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека // Экология человека. – 2011. – № 4.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
4. Подробнее о принципах социального конструирования реальности. – См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. : Медиум, 1995.

Literature:

1. Plakuev A.N., Yureva M.Yu., Yurev Yu.Yu. Modern Concepts of Ageing and Assessment of Human Biological Age // Human Ecology. – 2011. – № 4.
2. It is worth noting separately that the assessment of the age characteristics of a person should take into account the genetic characteristics of a person, as well as the nature of the effects exerted on the human body by the external environment. – See: Plakuev A.N., Yureva M.Yu., Yurev Yu.Yu. Modern Concepts of Ageing and Assessment of Human Biological Age // Human Ecology. – 2011. – № 4.
3. Durkheim E. Suicide: A sociological sketch / per francs soc..; under Ed. V.A. Bazarov. – M. : Thought, 1994. – 399 p.
4. For more information on the principles of social reality design. – See: Berger P., Lukman T. Social Reality Design. – M. : Medium, 1995.

УДК 291.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАНИЦ РЕЛИГИИ В СЕКУЛЯРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

●●●●●●

TRANSFORMATION OF THE BOUNDARIES OF RELIGION IN SECULAR SOCIETIES

Матецкая Анастасия Витальевна
профессор кафедры философии религии и религиоведения,
Южный федеральный университет
tojgar@mail.ru

Беликова Наталья Юрьевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
belikova2003@mail.ru

Anastasia V. Matetzkaya
Professor at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies,
Southern Federal University
tojgar@mail.ru

Natalia Y. Belikova
PhD in history,
Associate Professor,
Department of the History of Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
belikova2003@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние альтернативных форм религиозности и духовности на социальную структуру и культуру секулярных обществ. В экономическую сферу идеи, связанные с альтернативной духовностью, проникают через новые формы менеджмента, подразумевающие использование популяризованной в рамках альтернативной духовности идеи самореализации и раскрытия личностного потенциала; через попытки формировать систему коллективных корпоративных ритуалов и мифов, якобы способствующих укреплению корпоративного духа и росту эффективности деятельности.

Ключевые слова: религия, современность, секуляризация, социолокультурная дифференциация, альтернативная духовность, модернизация, десекуляризация.

Annotation. The article considers the influence of alternative forms of religiousness and spirituality on the social structure and culture of secular societies. In the economic sphere, ideas related to alternative spirituality penetrate through new forms of management, involving the use of the idea of self-realization popularized within the framework of alternative spirituality and the disclosure of personal potential, through attempts to form a system of collective corporate rituals and myths, allegedly contributing to strengthening the corporate spirit and increasing the efficiency of activities.

Keywords: religion, modernity, secularization, sociocultural differentiation, alternative spirituality, modernization, desecularization.

Концепция секуляризации долгое время оставалась теоретической рамкой для осмысления религиозной динамики модерна. В то же время, в данном случае термин «концепция» или «теория» носит, в некотором роде, условный характер, поскольку представления о секуляризации представляли собой комплекс разнообразных подходов, не всегда совпадающих. В связи с этим, Д. Мартин предлагал говорить о «парадигме секуляризации».

Анализируя основное содержание различных подходов к секуляризации, П. Хилас и Л. Вудхед [1] выделили четыре основные составляющие этого теоретического комплекса, обозначив их как тезисы исчезновения, дифференциации, ослабления (the de-intensification thesis) и сосуществования.

Первый тезис подразумевал убежденность многих представителей секуляризационной парадигмы в неизбежном исчезновении религии в ходе процесса модернизации. Эта точка зрения преобладала в работах классиков социологии религии — Э. Дюркгейма и М. Вебера, была характерна уже для О. Конта. Однако на этом этапе еще не сложилось какой-либо теории секуляризации, это произошло позже, во второй половине XX века. Согласно К. Добеллеру, современные теории секуляризации основывались на идеях Дюркгейма о социокультурной дифференциации, тезисе Вебера о рационализации и различении «общины» и «общества» Ф. Тенниса.

Второй тезис подразумевает сокращение роли религии в обществе в результате процесса социокультурной дифференциации. В современных обществах религия превращается в отдельный институт и отделяется от других социальных институтов [2]. Благодаря этому, религия теряет свое культурное и социальное значение, она больше не является мировоззренческим монополистом, не имеет возможности опираться на механизмы политической власти для поддержания своего реального и символического господства. Возникает и развивается светская культура, светская мораль, светское искусство, само разделение светского и религиозного, формирование современных представлений о религии как обособленном отдельном феномене является результатом этих процессов.

Однако социокультурная дифференциация не приводит к исчезновению религии. Религия продолжает существовать в своей отделенности, она сохраняет определенное значение в частной жизни индивидов, потому рассуждения о секуляризации во второй половине XX века сопровождаются анализом «приватизации религии», появления таких феноменов как «невидимая религия» (Т. Лукман) и т.д. Третий и четвертый тезисы, в сущности, основаны именно на осознании сохранения присутствия религии в современных обществах, но в значительно ослабленной форме.

Общим основанием всех перечисленных подходов была убежденность их представителей в том, что религия в современных обществах теряет свои позиции, разногласия были связаны с оценкой степени и перспектив этого процесса.

В то же время, различные концепции секуляризации вызывали критику, начиная с 60-х гг. XX в., хотя долгое время эта критика не могла существенно поколебать позиции секуляризационной парадигмы. Однако «религиозное возрождение», произошедшее в западных обществах и за их пределами в последние десятилетия XX века, привело к ослаблению её влияния.

Один из наиболее влиятельных представителей секуляризационной парадигмы П. Бергер [3] заявил о «десекуляризаци» и о том, что «мир остается столь же яростно религиозным, как и прежде». С другой стороны, Ю. Хабермас предложил понятие постекулярного общества, которое, не отрицая реальности секуляризационных процессов, по крайней мере, в западных обществах, всё же подразумевало существенное переосмысление статуса и роли религии в них.

Критика не означает, что парадигма секуляризации полностью отвергнута — это было бы сложно сделать, учитывая реальную ситуацию в обществах, где процесс секуляризации имел место. Современные теории секуляризации предполагают различные уровни анализа этого процесса и, как правило, избегают однозначных выводов. Так, Добеллер [4], следуя сложившейся традиции анализа уровней социальной реальности, различает социетальный (макроуровень), организационный (мезоуровень) и индивидуальный (микроуровень), каждому из которых соответствуют различные проявления секуляризации.

На макроуровне в результате упомянутого выше процесса социокультурной дифференциации осуществляется обособление религии от других социальных институтов, в частности, формируется светское государство. На мезоуровне различные религиозные организации вынуждены каким-то образом приспосабливаться к процессам, осуществляемым на макроуровне, в связи с этим можно вспомнить идеи представителей «новой парадигмы социологии религии» о религиозной конкуренции в секулярных обществах, на микроуровне осуществляется процесс индивидуализации религии, когда религиозные убеждения становятся частным делом человека и отделяются от его социальных ролей, осуществляемых в публичной сфере. В некоторых случаях, сама демонстрация религиозной приверженности может восприниматься как некая форма девиации [5].

Д. Казанова [6], также, выделяет несколько аспектов теорий секуляризации. Для него основным является социокультурная дифференциация, приводящая к отделению религии от других институтов, причем сам факт этого отделения не может быть подвергнут сомнению. В то же время, такие аспекты секуляризационных теорий как упадок и приватизация религии рассматриваются им как не столь очевидные.

Можно сказать, что при всей критике секуляризационной парадигмы и попытках более точного анализа процесса секуляризации, одна из её составляющих сохраняет прежнюю убедительность. Это — признание того факта, что в результате процесса социокультурной дифференциации религия оказалась отделенной и обособленной от прочих социальных сфер [7]. По большей части, это действительно так, по крайней мере, в тех обществах, где процесс секуляризации осуществился. Однако как показывают события второй половины XX – нач. XXI вв., этот процесс, в той или иной степени, обратим, причем формы «десекуляризации» могут быть различными — в зависимости от самого характера предшествующих изменений.

Одним из проявлений десекуляризационных тенденций является размывание границы между религией и другими сферами социальной жизни — то есть, как раз процесс, обратный социокультурной дифференциации, приведшей в эпоху современности к появлению этих «границ».

В обществах с разным религиозным наследием и в разной степени затронутых секуляризацией этот процесс осуществляется неодинаково. В исламских обществах можно наблюдать превращение религии в политическую идеологию, в связи с чем, новое значение приобретает понятие «политической религии», раньше применявшееся к светским идеологиям, нацеленным на тотальный мировоззренческий контроль и мировоззренческую монополию, которые должны были обеспечить радикальное преобразование человека и общества. Сегодня о политических религиях зачастую говорят применительно к традиционным религиям, которые превратились в орудие политической борьбы.

Это характерно не только для политизированного ислама, который, в первую очередь, вспоминается как пример данного процесса, но и для индуизма, становящегося идеологией индийского национализма, в какой-то степени — для российского православия. Целый ряд российских исследователей отмечают факт политизации, сближения российского православия с феноменом «гражданской религии», сакрализацию политических персонажей и истолкование в религиозном ключе определенных событий отечественной истории. Характерно и то, что представители российской политической элиты всячески демонстрируют приверженность РПЦ [8], в том числе, используя язык религии в публичной риторике.

Однако помимо этих процессов, подразумевающих реконфигурацию отношений между различными институтами и религией, можно говорить о существенных изменениях в сфере культуры современных секулярных обществ. Эти процессы тем интереснее, чем глубже процесс секуляризации изменил эти общества. Ведь, если речь идет о десекуляризационных процессах в Иране или Афганистане, то они не вызывают удивления: несмотря на недолгое существование там светских режимов и появление светской культурной и политической элиты, общество в этих странах оставалось религиозным. Но если мы имеем дело с западными обществами или обществом российским, то здесь десекуляризационные процессы в сфере культуры могут показаться неожиданными.

В секулярных обществах процесс размывания границ между религией и другими сферами социальной и культурной жизни связан не столько с активизацией традиционных конфессий, стремящихся увеличить своё влияние на другие институты и заявить о себе в публичной сфере, сколько с формированием и распространением альтернативной религиозности (или альтернативной духовности). Нынешняя альтернативная духовность — во многом, результат роста нетрадиционной религиозности в западных обществах в 60-е гг. XX века. Одним из элементов этого процесса было возникновение движения Нью Эйдж с присущим ему идейным эклектизмом, ориентацией на мистицизм и личный духовный опыт, неприятием организационного, авторитарного и дисциплинарного характера исторических религий.

Это движение, имевшее скорее характер культурного течения, оказалось созвучным мировоззренческим запросам секулярных обществ позднего модерна, переживающих кризис традиционных религий и идеологий. На нынешнем этапе исследователи, в частности, П. Хилас [9], говорят о том, что в качестве отдельного феномена движение практически утратило своё значение, зато стало едва ли не частью культурного мейнстрима, частью широко распространенных в массовом сознании секулярных обществ идей и представлений, по сути, вполне религиозных — т.е., имеющих отношение к «предельным вопросам», но не предполагающих идентификации приверженцев этих идей с традиционными религиями.

Каким образом, сказанное относится к проблеме размывания границы между религией и другими сферами социальной жизни? Речь идет о том, что идеи, имеющие своим истоком альтернативную духовность, находят свое применение в самых разных сферах — от науки до экономики.

Для альтернативной духовности характерно двойственное отношение к науке. С одной стороны, постоянной критике подвергается «официальная наука», что можно рассматривать в качестве одного из симптомов характерного для нынешних обществ недоверия к авторитетам. С другой стороны, постоянно осуществляются попытки ссылаться на тех представителей науки, чьи идеи, в какой-то степени, соответствуют самой альтернативной духовности. В результате, формируется обширная сфера, обозначаемая исследователями как «псевдонаука», крайне пестрая содержательно и нуждающаяся в отдельном рассмотрении. Эта сфера настолько расширилась, что нередко сливается с официальной наукой.

Проявлением этой тенденции выступают и попытки придать научный статус различным «альтернативным» областям знания: уфологии, космоэнергетике, парапсихологии, валеологии, конспирологии, гомеопатии, астрологии и т.д. Те, кто занимается этими «науками», присваивает себе (в уже созданных и существующих организационных структурах, но часто — и в структурах вполне официальных) ученые звания, что вызывает шумные, но безрезультатные протесты представителей официальной науки, хотя некоторые из этих представителей сами участвуют в деятельности подобных структур.

Комплекс идей, связанный с Нью Эйдж и альтернативной духовностью, в значительной степени определяет нынешнюю повседневность: влияет на представления о правильном образе жизни, оздоровительные практики, воспитание детей и молодежи [10], способы решения смысложизненных и психологических проблем (срастание психологии и альтернативной духовности — отдельная тема), практики конструирования индивидуальной идентичности — достаточно упомянуть феномен современных духовных учителей, распространяющих свои идеи при помощи медиа и вполне рыночных механизмов продвижения товара. Однако для того, чтобы практиковать медитацию или заниматься другими формами самопознания и самосовершенствования, необязательно искать духовных наставников, рост их количества — всего лишь — зримое свидетельство наличия соответствующей потребности.

В экономическую сферу идеи, связанные с альтернативной духовностью, проникают через новые формы менеджмента, подразумевающие использование популяризованной в рамках альтернативной духовности идеи самореализации и раскрытия личностного потенциала, через попытки формировать систему коллективных корпоративных ритуалов и мифов, якобы способствующих укреплению корпоративного духа и росту эффективности деятельности. Другим проявлением слияния экономики и «новой духовности» является превращение потребления в форму личностной самореализации, что используется производителями соответствующих товаров. Можно упомянуть о том, что успех движения Нью Эйдж был связан, во многом, с его быстрой коммерциализацией.

Сохраняющейся на структурном уровне отделенности религии от других социальных институтов, ставшей результатом социокультурной дифференциации, на смысловом уровне сопутствует распространение идей, ориентированных на различные формы нового «духовного» синтеза. Изменения в культуре, связанные с динамикой религиозности в секулярных обществах, влияют в некоторой степени и на функционирование институтов, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

Литература:

1. Heelas P., Woodhead L. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality. – Wiley, 2005. – 226 p.
2. Гафиатулина Н.Х. Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи // Инженерный вестник Дона. – 2014. – Т. 28. – № 1. – С. 75. – URL : http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296
3. Berger P.L. Secularization and de-secularization; Fletcher P., Kawanami H., Smith D. Wood-head I Religions in the Modern World Traditions and Transformations. – Routledge, 2002. – P. 291–298.
4. Dobbelaere K. The Meaning and Scope of Secularization : Oxford Handbook of the Sociology of Religion. – Oxford University Press, 2011. – P.601–613.
5. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 32–37.
6. Casanova J. Rethinking Secularization A Global Comparative Perspectne // The Hedgehog Review. – 2006. – Vol. 8. – № 1, 2. – P. 7–22.
7. Беликова Н.Ю. Русская православная церковь и власть на юге России проблемы взаимоотношений (конец XIX – начало 40-х гг. XX вв.) : монография. – Saarbrucken, 2011.
8. Беликова Н.Ю. Взаимоотношения государства и русской православной церкви в пореформенный период (на материалах юга России) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 95. – С. 768–785.
9. Heelas P. The Spiritual Revolution: from «Religion» to «Spirituality» : Religionin the Modern World. – London : Routledge. – 2002. – P. 412–437.
10. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V. [et al]. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. – 2019. – Vol. 6. – № 2. – P. 296–305.

Literature:

1. Heelas P., Woodhead L. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality. – Wiley, 2005. – 226 p.
2. Gafiatulina N.Kh. State of Institutional Entities Modeling the Social Health of Russian Youth // Engineering Bulletin of the Don. – 2014. – T. 28. – № 1. – C. 75. – URL : http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296

3. Berger P.L. Secularization and de-secularization; Fletcher P., Kawanami H., Smith D. Wood-head I Religions in the Modern World Traditions and Transformations. – Routledge, 2002. – P. 291–298.
4. Dobbelaere K. The Meaning and Scope of Secularization : Oxford Handbook of the Sociology of Religion. – Oxford University Press, 2011. – P. 601–613.
5. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2018. – № 4. – P. 32–37.
6. Casanova J. Rethinking Secularization A Global Comparative Perspectne // The Hedgehog Review. – 2006. – The Hedgehog Review. 2006. 8. – № 1, 2. – P. 7–22.
7. Belikova N.Y. Russian Orthodox Church and Power in the South of Russia Problems of Relationship (end of XIX – beginning of 40th years of XX cc.) : monograph. – Saarbrucken, 2011.
8. Belikova N.Yu. Relations between the state and the Russian Orthodox Church in the early form period (on the materials of southern Russia) // Polythematic Networked Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. – 2014. – № 95. – P. 768–785.
9. Heelas P. The Spiritual Revolution: from «Religion» to «Spirituality» : Religionin the Modern World. – London : Routledge. – 2002. – P. 412–437.
10. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V. [et al]. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. – 2019. – Vol. 6. – № 2. – P. 296–305.

УДК 378

ТВОРЧЕСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО. ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

●●●●●●

CREATIVITY IN THE ACTIVITIES OF A SOLDIER. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Папулов Владимир Дмитриевич
кандидат военных наук,
доцент кафедры тактики,
Краснодарское Высшее военное
авиационное училище лётчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова
papulov@bk.ru

Vladimir D. Papulov
Candidate of Military Sciences,
Instructor of the Department of Tactics,
Krasnodar Air Force Institute for Pilots
papulov@bk.ru

Дунайцев Андрей Иванович
кандидат военных наук,
профессор кафедры тактики,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище лётчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова
dunajcev.a@bk.ru

Andrei I. Dunaitsev
Candidate of Military Sciences,
Professor of the Department of Tactics,
Krasnodar Air Force Institute for Pilots
dunajcev.a@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль творчества военнослужащих при решении служебно-боевых задач. Показана роль искусства при выработке управленческих решений. Сформулировано и обосновано противоречие, существующее между назревшими потребностями в эффективном формировании творческого потенциала у будущих руководителей воинских подразделений на этапе обучения в образовательных учреждениях и существующими подходами к подготовке курсантов. Предложены некоторые пути его разрешения.

Ключевые слова: инициатива, творчество, эффективность решения задач, принятие решения, обучение и воспитание.

Annotation. The article considers the role of creativity of military personnel in solving service and combat tasks. The role of art in the development of management decisions is shown. The contradiction between the urgent needs in the effective formation of the creative potential of the future leaders of military units at the stage of training in educational institutions and existing approaches to the training of cadets is formulated and justitied. Some ways of its solution are offered.

Keywords: Initiative, creativity, problem solving efficiency, decision making, training and education.

Как известно, специалисты имеют разные точки зрения на роль науки и искусства в достижении цели социального управления. Американский ученый в областях исследования операций, теории систем и менеджмента Акофф Рассел Линкольн, излагая свою точку зрения на выработку управленческих решений многочисленными примерами подтверждает, что этот процесс, прежде всего, является искусством. Среди наиболее важных качеств руководителя он выделяет [1, с. 9]:

— компетентность;
— коммуникабельность;
— внимательность к подчиненным;
— смелость в принятии решений;
— способность творчески решать проблемы.

При этом творчество руководителя автор отмечает, как самое важное его качество.

Если все вышеперечисленные характеристики лица, принимающего решения, в определенной степени могут вырабатываться в процессе обучения при поддержке преподавателей, то с творческими способностями ситуация иная. Творчество, как качество личности, большинством преподавателей (наставников) считается врожденным и поэтому на его привитие, как правило, не уделяется должного внимания.

Однако как отмечается в исследованиях ученого [1, с. 9–21], каждый человек с детства в определенной степени обладает творческими способностями и одной из задач системы подготовки является создание условия для «пробуждения» и «развития» этих данных. Тем более, если это необходимо для формирования профессиональных качеств обучающегося.

Вместе с тем, творческие способности в значительной мере утрачиваются по мере адаптации молодых людей к реальным условиям действительности, а традиционные подходы к формированию соответствующих компетенций управленца в образовательных учреждениях не в полной мере способствуют творческому развитию. Повсеместно наблюдается, так называемое, «натаскивание» на наработанные варианты управленческих решений. Особенно это характерно для военных образовательных учреждений Министерства обороны РФ.

В настоящее время преподавательский состав, как правило, вынужден добиваться от обучающегося не поиска оригинального решения, а в определении их типовых вариантов. Стоит ли после этого удивляться тому, что обучающихся больше всего волнует вопрос, как «угодить» преподавателю и найти именно то решение, которое наставник хотел бы услышать, а отнюдь не новое, наиболее эффективное. Вне всякого сомнения, любое предсказуемое алгоритмирование действий подразделений в период решения ими боевых задач, как показывает богатый примерами опыт, позволяет противоборствующей стороне, в частности, достоверно прогнозировать развитие событий. Понятно, что это, в свою очередь, ограничивает возможности по достижению требуемой эффективности применения сил и средств. Так, по оценкам экспертов наиболее ощутимо данная проблема проявилась при планировании применения авиации в период проведения операции по принуждению Грузии к миру с 8 по 14 августа 2008 года, когда привычка должностных лиц действовать по шаблону привела к серьезным потерям. Поэтому роль нестандартных подходов к решению задач значительно возрастает. Отсюда следует, что объективно возникает потребность в наращивании творческого потенциала военнослужащих.

В последнее время руководство Министерства обороны России больше внимания стало уделять творческим подходам к решению задач военной службы:

— сформированы научные роты;

— проводятся выставки инноваций и т.п.

В данном же случае рассматривается вопрос формирования обстановки восприятия нестандартных подходов к решению служебно-боевых задач на всех уровнях управления и исполнения поручений в ВС РФ, начиная с взводного и ротного звена. Важно учитывать, что именно природная смекалка наших солдат и младших офицеров зачастую позволяли эффективно решать боевые задачи подразделений. К примеру, при выполнении интернационального долга в республике Афганистан наши солдаты, проявляя чудеса смекалки, использовали возможности живой природы для определения пригодности к употреблению воды из местных водоемов. Специальных лабораторий и реактивов не хватало для определения токсичности воды, — и военнослужащие запускали в этот водоем рыбок… Подобных примеров эффективного решения служебно-боевых задач наша армия знает множество. Главное условие при этом — обеспечить востребованность и восприимчивость творческого потенциала россиян на военной службе. При этом требуются достаточные меры стимулирования разумной инициативы и творчества в подразделениях российской армии. Понятно, что такая обстановка может быть сформирована прежде всего усилиями подготовленных офицерских кадров.

Вместе с тем, все же приходится согласиться с широко известной истиной о «…наказуемости инициативы…» на уровне управления подразделениями тактического звена. Примеров тому множество... Основной причиной этому состоянию, очевидно, является жесткая регламентация деятельности военнослужащих, вызванная спецификой решения служебных задач и, соответственно, — особенностями субординации в армии. Кроме того, стремление не отвлекаться на нестандартные предложения подчиненных вероятно можно объяснить недостаточным уровнем профессиональной подготовки младших командиров в сфере управленческой деятельности. А это — одна из причин отсутствия предпосылок для «полета мысли» в строевых подразделениях Вооруженных Сил РФ, что, в свою очередь, существенно понижает их потенциал.

Здесь уместно будет процитировать [2]:

«…Опыт войн и вооруженных конфликтов свидетельствует, что наличие даже самого современного оружия еще не гарантирует успеха в бою. Потому что бой — это не только прямое противоборство интеллектов сторон, способностей командного состава тех, кто при всех прочих равных условиях сумеет превзойти противника в творческом поиске новых способов действий и тактических приемов, в умении рационально распределить имеющиеся силы и средства для достижения поставленных целей, а также гибко и надежно управлять ими в ходе боевых действий. Все эти вопросы так или иначе отражаются в решении командира. Именно в принятых решениях реализуется интеллектуальный потенциал командного состава, который приводит затем в действие силу оружия…».

В данной статье сделана попытка высказать авторский взгляд на существование проблемы и предложить некоторые пути ее разрешения.

Неблагоприятная обстановка для проявления творчества, к большому сожалению, наблюдается и в курсантских подразделениях военных образовательных учреждений. Как известно, курсанты — это будущие командиры и воспитатели и именно от них в скором времени будет зависеть состояние духа нашей армии, уровень творчества при принятии решений и реализации поставленных задач и т.д.

Обладая достаточным опытом работы с курсантами образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации, считаем возможным сделать анализ причин проявления рассматриваемых противоречий в системе подготовки будущих российских офицеров и предложить к рассмотрению некоторые пути повышения их творческого потенциала.

Как известно, образовательные учреждения являются неразрывными звеньями системы прохождения воинской службы всех категорий военнослужащих. Поэтому на должности курсовых офицеров в военных вузах в основном назначают бывших выпускников, которые получили определенный опыт практической деятельности в подразделениях ВКС России. Вместе с тем, как показывает анализ [3; 4], они не обладают достаточными компетенциями руководителя и воспитателя. При этом молодые офицеры-воспитатели прошли традиционную школу формирования личности офицера со сложившимися представлениями о востребованности стиля своей работы, преимущественно, близкому к авторитарному. В свою очередь, это обстоятельство не позволяет создать достаточно благоприятные условия для творчества обучающихся.

Здесь необходимо отметить, что прибытия опытных и более подготовленных к воспитательной работе с курсантами военных летчиков не приходится ожидать, так как сложившаяся система материального стимулирования в Министерстве обороны РФ недостаточно соответствует интересам должного наращивания потенциала постоянного состава летного образовательного учреждения. Военным летчикам экономически невыгодно переходить на службу в образовательное учреждение, так как перевод из действующих авиационных частей с должностей летного состава в военное образовательное учреждение ощутимо снижает уровень их денежного содержания.

Во многом уровень подготовки курсантов предопределяется эффективностью педагогической и воспитательной деятельности преподавателей вуза, качество которой в свою очередь зависит от их научной квалификации. Таким образом, объективная потребность в формировании творческой обстановки при работе с обучающимися ставит на повестку дня выработку соответствующих показателей для оценки работников высшей школы.

Вопросы формирования подходов для повышения эффективности учебной и воспитательной работы преподавателей весьма актуальны сегодня. Они, в том числе, рассматривались в рамках обсуждения проблем в трудовых коллективах Краснодарского ВВАУЛ [5]. В частности, здесь предполагается построить адекватную систему стимулирования труда, которая бы в полной мере отвечала заявленным целям.

Основной целью оценки научно-образовательных подразделений, вероятно, является стимулирование работы по наращиванию научного потенциала коллектива. Именно потенциальные возможности кафедр позволяют планировать амбициозные мероприятия или, наоборот, — вынуждают отказываться от решения серьезных задач.

Таким образом, в настоящее время главной целью оценки и дальнейшего построения рейтинга преподавателей является формирование должной системы стимулирования их труда.

Прежде всего, вероятно, следует определиться с принципом построения рейтинговой системы оценки научно-педагогических кадров. Таким принципом, видимо, должна стать оценка результатов исключительно инновационной деятельности преподавателей, исключающей учет рутинной обязательной работы в соответствии с должностными обязанностями.

Подход к оценке преподавателей с учетом предлагаемого к рассмотрению принципа значительно упростит процедуру построения рейтинга и позволит обеспечить повышение их заинтересованности в достижении инноваций и, соответственно, — повышение эффективности деятельности подразделений учебного заведения в целом.

Итак, в рамках работы над повышением эффективности российской армии необходимо, в частности, подготовить и провести комплекс мероприятий по созданию условий для формирования творческого потенциала офицеров-руководителей подразделений ВКС России на этапе подготовки их в Краснодарском ВВАУЛ.

С этой целью предлагается:

— рассмотреть возможность внести коррективы в систему стимулирования привлечения офицеров из числа достойных военных летчиков на преподавательскую работу;

— внедрять в практику наиболее адекватные показатели оценки деятельности преподавателей для формирования предпосылок к активизации наращивания их научного потенциала;

— активнее внедрять в учебный процесс элементы современных инновационных подходов в выработке решений («мозговой штурм» и т.п.);

— организовать систему мероприятий по воспитанию курсовых офицеров, обучению их современным эффективным методам «управления персоналом», грамотного использования творческого потенциала подчиненных;

— целенаправленно использовать возможности психологов для нормализации морально-психологической обстановки в воинских коллективах;

— на занятиях в рамках учебной дисциплины «Военная история» акцентировать должное внимание на примерах проявления разумной инициативы, позволившей успешно решить служебно-боевую задачу;

— на системной основе определять уровни творческого потенциала обучающихся и фиксации его в качестве показателя склонности к принятию нестандартных управленческих решений в рамках реализации кадровой политики ВКС РФ.

Литература:

1. Акофф Р. Искусство решения проблем / перевод с английского Е.Г. Коваленко; под редакцией канд. техн. наук Е.К. Масловского. – М. : Мир, 1982. – 219 с.
2. Клецков В.А. Основы теории и методологии выработки решений на боевые действия : лекция. – Монино : ВВА, 1993.
3. Аношкин А.Ю. Формирование профессиональной направленности курсантов военных авиационных вузов : монография. – Саратов : Слово, 2006. – 96 с.
4. Железовский Е.Е., Шатух В.М. Оптимизация профессионально-личностного становления специалиста. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 121 с.
5. Дунайцев А.И., Папулов В.Д. О стимулировании труда преподавателей Краснодарского ВВАУЛ / сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященная 58-й годовщине полета Ю.А. Гагарина в космос (12–13 апреля 2019 года); КВВАУЛ им. А.К. Серова. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2019. – 588 с.

Literature:

1. Akoff R. The art of problem solving / translation from English E.G. Kovalenko; under the editorship of Candidate of Technical Sciences E.K. Maslovsky. – M. : World, 1982. – 219 p.
2. Kletskov V.A. Fundamentals of theory and methodology of development of solutions for combat operations : lecture. – Monino : VBA, 1993.
3. Anoshkin A.Yu. Formation of professional orientation of the cadets of military aviation universities : a monograph. – Saratov : Word, 2006. – 96 p.
4. Zhelezovsky E.E., Shatukh V.M. Optimization of professional and personal formation of a specialist. – Saratov : Saratov Publishing House. Un-ta, 2000. – 121 p.
5. Dunaytsev A.I., Papulov V.D. About Labor Stimulation of Krasnodar VAUL Teachers / collection of scientific articles of IX International Scientific and Practical Conference of Young Scientists dedicated to the 58th anniversary of Gagarin's space flight (12–13 aprelease 2019); A.K. Serov KVWAUL. – Krasnodar : Publishing House – South, 2019. – 588 p.

УДК 001

ТЕЛЕВИДЕНИЕ В СОЗНАНИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

●●●●●●

TELEVISION IN THE MINDS OF SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника,
научно-исследовательский центр,
Академия управления МВД России
56121833@mail.ru

Tatyana V. Popova
Candidate of law, Associate Professor,
Deputy head of the research center,
Academy of management
of the Ministry of internal Affairs of Russia
56121833@mail.ru

Скворцов Дмитрий Владиславович
кандидат юридических наук,
доцент, докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
56121833@mail.ru

Dmitrii V. Skvortsov
Candidate of legal Sciences,
Associate Professor, doctoral student,
Nevinnomyssk State
humanitarian-technical Institute
56121833@mail.ru

Марусидзе Нестер Фирузиевич
соискатель кафедры общегуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
56121833@mail.ru

Nester F. Marusidze
Humanitarian candidate
and science disciplines,
Essentuki Institute of Management,
business and rights
56121833@mail.ru

Аннотация: В тексте критикуется манипулятивный подход в организации телевещания. С позиции социальной философии нами обосновывается, что мнимые победы телеканалов за счет тенденций упрощения контента приводят, в конечном счете, к потере смыслового содержания телекоммуникации. Сложившаяся ситуация практически исключает реальное изменение вектора коммуникационной направленности российского телевидения, а, следовательно, не оставляет возможностей для снижения деструктивного потенциала телевизионной коммуникации в аспекте деформации сознания ее аудитории.

Ключевые слова: телевидение, коммуникация, воздействие на массовое сознание, культура потребления.

Annotation. The text criticizes the manipulative approach in the organization of television broadcasting. From the point of view of social philosophy, we substantiate that the imaginary victories of TV channels due to the trends of simplifying content lead, ultimately, to the loss of the semantic content of telecommunications. The current situation practically excludes the real change of the vector of communication orientation of the Russian television, and, therefore, does not leave opportunities for reduction of destructive potential of television communication in the aspect of deformation of consciousness of its audience.

Keywords: television, communication, influence on mass consciousness, culture of consumption.

Становится очевидным, что современное российское телевидение является основным инструментом манипулятивного воздействия на аудиторию. События 1990–2000-х г. убедительно доказали, что российское телевидение способно проводить масштабные манипулятивные кампании, эффектами которых становятся. Например, убеждение миллионов людей, живущих за чертой бедности, в «беспросветной нищете» в том, что свободный рынок, отказ от социальных обязательств государства и т.п. — это благо, элемент прогрессивного развития, своего рода модернизации.

Однако в настоящее время совершенно не является очевидным фактом то, что представители правящих элит, управляющих манипулятивными процессами, до конца отдают себе отчет в скрытых возможностях их информационного оружия. Так, одним из латентных последствий сложившейся ситуации выступает то, что телевидение оказывает деструктивное разрушающее воздействие на сознание телевизионной аудитории, способствуя генезису социальных отклонений. Зачастую иллюзорные картины реальности как раз и способствуют актуализации агрессии как реакции на мнимые вызовы и угрозы (которых, естественно, нет в объективной реальности российского общества).

И.А. Задонская указывает на то, что телевидение формирует «индустрию культуры». Развлекательные программы телевидения «затуманивают» сознание людей, уводят от насущных проблем, превращая их в «одномерных людей», не способных мыслить рационально. Телевидением, таким образом, формируется ложное сознание [1].

В этой связи, стоит отметить, что известные социологи-коммуникативисты — Г. Мэрдок и П. Голдинг, представители неомарсистской школы, — уделили подробное внимание социально-классовым, имущественным, финансовым проблемам, связанным с функционированием масс-медиа, в том числе, и телевидения. Как полагают исследователи, следствием ряда негативных тенденций считается уменьшение числа независимых СМИ, усиление концентрации медиа на более крупных рынках, отказ от риска, игнорирование малочисленных и более бедных секторов потенциальной аудитории. Действие элитарных групп носит отнюдь не случайный характер: по мнению Г. Мэрдока и П. Голдинга, они постоянно стремятся исключить те голоса, которые не обладают экономической силой или ресурсами. Указанные мероприятия носят систематический характер, «консолидируя положение тех групп, которые уже утвердились на основных рынках СМК, и исключая те группы, у которых недостаточно капитала, чтобы успешно конкурировать. Таким образом, выжившие голоса в основном принадлежат тем, кто менее всего расположен критиковать превалирующее распределение богатства и власти [2].

В свою очередь, их коллеги Н. Пулантцас и Л. Альтюссер анализируют идеологию, инструментом распространения которой выступает телевидение, а также формами ее выражения и механизмами выживания и процветания при явном согласии ее жертв (в основном бедных слоев населения) на то, чтобы она вторглась в их сознание и формировала его.

Исследователи сосредотачивают внимание на способах репродукции и легитимизации капиталистических отношений в соответствии с более или менее добровольным согласием бедных слоев населения в сфере телевизионной коммуникации. Инструменты для проведения такой работы у социологов появились, в основном, благодаря успехам в семиологии и структурном анализе и их методам выделения скрытых смыслов и базовых структур значения, чем и воспользовались Н. Пулантцас и Л. Альтюссер [3].

Научные социально-философские воззрения по отношению к телевидению, его месту и значению, как в системе массовой коммуникации, так и в обществе, прошли три этапа последовательных кардинальных изменений. На первом этапе, хронологически совпавшим с появлением телевидения, ученые были под впечатлением появления нового, ранее не виданного электронного СМИ. В этой связи отнюдь не удивителен тот факт, что исследователи высказывали убежденность в практически безграничном влиянии телевидения на сознание и поведение людей. На втором этапе, хронологически охватившем 1940–1960-е г., были достигнуты значительные успехи в развитии эмпирической и прикладной социологии телевидения. Масштабное применение количественных, репрезентативных исследований, перспективных экспериментальных технологий, позволили усомниться в значительном потенциале влияния телевидения на сознание аудитории. Однако события, начавшиеся с конца 1960-х г. и продолжавшиеся до настоящего времени, снова актуализировали проблематику деструктивного воздействия телевидения на сознание аудитории (широкое применение информационных, психологических войн, агрессивной рекламы, «черного пиара» и т.п.). Косвенно, изменению ракурса научных представлений способствовали генезис глобального информационного общества с его развитыми, «всесильными» ТНК.

Социально-философская наука обладает наибольшим теоретико-методологическим потенциалом в плане анализа телевидения, внешнего и внутреннего контекста его существования. Однако значительные возможности социологии в плане анализа, как самих институциональных структур телевидения, так и его аудитории, достаточно слабо используются современной практикой социального управления, особенно в нашей стране. Кроме того, в эмпирической и прикладной социологии телевидения в настоящее время наблюдается дисбаланс в пользу количественных исследований в ущерб качественным. Данная тенденция, начавшись в 1920–1930-х годах, сохраняется и по сей день, так как основные задачи, которые решают социологи, связаны с выявлением рейтинга и профиля зрительской аудитории.

Современное российское телевидение представляет собой до предела перегруженную массово-коммуникационную систему экстенсивного типа. По форме своей организации российское телевидение имеет сходства с советским телевидением, выступавшим в качестве «идеологического рупора» на протяжении десятилетий. Сходства обнаруживаются в монологической, вертикальной, асимметрической форме коммуникации с аудиторией. На практике это означает активное использование рекламных, агитационных, пропагандистских, манипулятивных и прочих технологий в целях полного подчинения сознания аудитории, тотального влияние на ее мнения, оценки и поведение. Сложившаяся ситуация практически исключает реальное изменение вектора коммуникационной направленности российского телевидения, а, следовательно, не оставляет возможностей для снижения деструктивного потенциала телевизионной коммуникации в аспекте деформации сознания ее аудитории.

Российское телевидение, пытаясь достичь запланированных показателей рейтинга, частоты телесмотрения и прочих коммуникационных эффектов, на протяжении уже более двух десятилетий активно использует наработки индустрии массовой культуры потребления. Однако это очень опасная тенденция, так как социокультурные основания индустрии массовой культуры базируются на ценностях, мировоззрении, идеалах, совершенно чуждых российскому менталитету. В итоге, демонстрация фильмов и сериалов, а также, ток– и реалити-шоу, экстраполирующих неравенство, агрессию, эгоизм, насилие возрождают к жизни опасные социальные чувства, которые затем легко трансформируются в экстремистские установки. Однако менеджмент телеканалов и их собственники, игнорируя опасность, продолжают «грузить» российскую аудиторию опасным контентом, не задумываясь о социальных последствиях своих действий. Несколько резонансных событий последних лет в России (г. Кондопога, Манежная площадь в Москве, подмосковное Бирюлево, г. Пугачев и др.) показывают, что, возбужденная телевидением, сублимированная энергия населения может резко обострить проблему экстремизма, прежде всего, социального и расово-этнического.

Литература:

1. Задонская И.А. Роль российского телевидения как социального института в формировании культуры повседневности студенческой молодежи // Вестник ТГУ. – 2013. – Вып. 4. – С. 337.
2. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. – М., 2005.
3. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. – М., 2005.

Literature:

1. Zadonskaya I.A. The role of Russian television as a social institution in the formation of the culture of daily life of student youth // Journal of TSU. – 2013. – Past. 4. – P. 337.
2. Bakulev G.P. Mass Communication: Western Theories and Concepts. – M, 2005.
3. Bakulev G. P. Mass Communication: Western Theories and Concepts. – M, 2005.

УДК 304.2

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

●●●●●●

DEVELOPMENT OF GENDER TOLERANCE IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Свечкарева Изабелла Размиковна
студентка лечебного факультета,
Северо-Западный государственный
медицинский университет
имени И. И. Мечникова
bellaliza@yandex.ru

Izabella R. Svechkareva
Medical student,
North-West State Medical University
named after I. I. Mechnikov
bellaliza@yandex.ru

Хомутова Наталья Николаевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социально-гуманитарных наук,
экономики и права,
Северо-Западный государственный
медицинский университет
имени И. И. Мечникова
homutova_nn@mail.ru

Natalya N. Khomutova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Social
and Human Sciences, Economics and Law,
North-West State Medical University
named after I.I. Mechnikov
bellaliza@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и место женщины в научном сообществе. Прогресс и развитие науки и техники заставил общество изменить мнение о социальной роли женщины и ее возможностях. Вопросы гендерной толерантности и гендерного равноправия требуют тщательного изучения, так как развивающееся общество требует кардинально новых решений в данной области. В современном обществе осуществляется деятельность по защите прав женщин во всех сферах общественной жизни. Женщины уже несколько столетий имеют доступ к образованию, однако сталкиваются со стереотипами мышления, которые препятствуют их карьерному росту.

Ключевые слова: женщины, гендерное неравенство, толерантность, личность, общество.

Annotation. This article talks about the role of women in the scientific community. The progress and inexorable development of science and technology made society change their mind about the social role of women and their capabilities. The issues of gender tolerance and gender equality require careful study, as a developing society requires radically new solutions in this area. For several centuries women have had access to education but they are facing stereotypes of thinking that discredit a woman and impede her career growth. Researchers of the women presence in science note the timeliness of this issue, increasing public attention to the problem. In order to overcome stereotypical thinking, it is important to activate the women themselves, their will to self-realization of their creative inclinations.

Keywords: women, gender inequality, tolerance, United Nations, science, personality, society.

Гендерные роли детерминированы историческими событиями, ценностными установками и культурой. В современном обществе происходят трансформационные процессы, неразрывно связанные с социальными проблемами. Одной из важных новаций в российском обществе становится изменение гендерных стереотипов и полоролевой культуры. За последние десятилетия гендерные проблемы устойчиво занимают ведущие места в программах многих международных конгрессов. Особенность гендерных исследований проявляется в их междисциплинарном характере [1]. Вопросы полового равноправия давно перестали быть делом феминистских организаций, выйдя на мировой уровень. На данном историческом этапе существует масса противоречий и споров о роли женщины не только как «хранительницы очага», но и личности, способной

трудиться в различных сферах и обеспечивать семью. Особенно актуальным является вопрос о карьерном росте, равной заработной плате и доступности узко ориентированных специальностей для представительниц женского пола. Стереотипность в восприятии роли и места женщины в современном обществе основывается на традиционных культурных образцах, задающих устоявшиеся паттерны поведения и социализации.

С момента вовлечения женщин в производственную деятельность ставится под вопрос принятое в обществе разделение труда. Это явилось причиной изменения научной терминологии. В начале XX века в исследованиях социальных особенностей полов употреблялось понятие «психологии пола», чуть позднее его заменила «психология половых различий», зависимых от врожденных особенностей. К началу XXI века в научной терминологии появляются «различия, связанные с полом», где доминирует теория отсутствия биологического детерминизма [3, с. 9–10]. Подход, при котором женщина не является носителем гражданских прав, называется андроцентристским. Он был сформирован и поддерживался с древних времен. К обретению женщинами социального статуса привели такие события как Первая и Вторая Мировые войны, так как именно тогда женщины были активно задействованы на производстве, в образовании, медицине и других сферах. Процесс этот проходил крайне неоднородно. В стране Великой Французской революции, например, женщины получили избирательные права лишь в 1968 году — через полстолетия после получения равноправия с мужчинами, считавшейся крайне консервативной России, где масштабная социальная трансформация была вызвана революцией 1917 года.

Гендерная история появляется в связи с женскими исследованиями и развитием исторической феминологии. История сохранила нам имена таких женщин как Жанна Д'Арк, Маргарита Анжуйская, Елизавета Великая, в России княгиня Дашкова, Анна Бочкарёва, и многих других. Эти женщины реализовали себя через паттерн стереотипного мужского поведения. До нас дошли имена женщин, которые проявили себя ещё на этапе зарождения науки в странах Древнего Востока: ученицы школы Пифагора, Гипатия из Древнего Египта, первые женщины-ботаники. В эпоху средневековья известно лишь несколько женщин-целительниц и монахинь.

Известно имя М. Склодовской-Кюри, которая стала лауреатом двух Нобелевских премий, а также первой женщиной, выдвинутой на членство в Академию наук Франции. В результате интриг ее кандидатура была отвергнута [10]. Менее известен вклад в науку Р. Франклин, исследования которой послужили основой для открытия вторичной структуры ДНК Ф. Криком и Д. Уотсоном, в 1962 г. удостоенных Нобелевской премии. Именно ее лекция, в которой говорилось о нескольких важных фактах, касающихся структуры ДНК, и сделанная фотография, создали базу для последующих открытий в данной области [16]. В 1962 г. Ф. Крик и Д. Уотсон получили Нобелевскую премию за вклад в изучение нуклеиновых кислот [12, с. 152].

Мало, что известно о российских женщинах-ученых, однако, стоит отметить, что они были и постигали дисциплины втайне, чтобы не подвергнуться гнету стереотипов, господствовавших в то время в обществе. О.А. Валькова, анализируя вклад российских женщин в науку на рубеже XVIII–XIX веков, отмечает, что правление Екатерины II являлось периодом поощрения женщин-ученых. Во времена Екатерины II, способствовавшей вовлечению женщин в творчество и науки, многие визитеры в Россию отмечали в своих работах, что женщина может обрести счастье, занимаясь наукой [5, с. 92].

В настоящее время в России разрабатываются различные подходы к изучению гендерной проблематики. В историческом контексте особую роль в нашей стране получило исследование «Женщина и Великая Отечественная война» [7, с. 177–185]. Много способствовала популярности данной темы публицистическая работа будущего Нобелевского лауреата С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо», вышедшей ещё в Советском Союзе. Значение советского периода в истории российской науки отмечает А.В. Остапенко, считая его первым этапом вовлечения российских женщин в науку и образование, в котором женщина добилась «фактически равного положения с мужчинами» [11, с. 91]. Три основных периода в этом процессе выделяет О.А. Донцова: в начале 1920-х годов в России были «приняты законодательные акты, уравнивавшие права мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии». Второй этап — появление рабочих мест в научно-исследовательских организациях в послевоенные годы. Третий — в 1991 г. происходит отток мужчин из науки и образования, а женщины остаются на прежних местах в различных профессиональных сферах [6, с. 51].

Отметим, что роль женщины существенно меняется в периоды, связанные с социально-политическими событиями и усложнением экономического развития. Однако и поныне стереотипность общественного сознания играет ведущую роль в установлении профессиональных правил. Подобные стереотипы основываются на соответствующей воспитательной практике, которая влияет на выбор женщиной своего профессионального пути и предпочтений в образовании, а также на том, что проблема гендерной толерантности мало обсуждается широкой общественностью.

XX столетие ознаменовано увеличением количества женщин в сфере науки и образования. Также стоит обратить внимание на то, меняется ли ситуация в XXI веке и какие разработки ведутся в настоящее время в сфере борьбы с гендерными стереотипами и достижения гендерного равенства? Приведем факты из статистики положения женщин на руководящих должностях в различных компаниях, занимающихся компьютерными технологиями. Исследования показали, что в ста ведущих компаниях «Силиконовой долины» соотношение мужчин и женщин на руководящих должностях примерно шесть к одному. Также, в статье говорится о том, что необходимо повышать влияние женщин на деятельность компании, так как их потенциал будет являться источником новых идей и возможностей в сфере технологий, а также влиять на гендерное разнообразие коллектива. Тем более, что данный показатель расценивается как фактор того, считаются ли женщины равными партнерами мужчинам в данном обществе или нет [15]. Анализируя социальные и психологические факторы, авторы отмечают социально-культурные барьеры на пути реализации карьеры женщины в науке, выделяют замужество и материнство и гендерные стереотипы, которые формируют «женскую» модель поведения» и стигматизируют образ женщины в науке. Отмечается наличие среди социальных факторов «гендерных стереотипов», которые порождают скрытую дискриминацию женщин, что проявляется в низкой динамике карьерного роста женщин [13, с. 67].

Выделяя научную и педагогическую деятельность как одно из тех профессиональных пространств, в котором женщины не просто добиваются результатов, но и расширяют свои права, И.Ф. Богданова обращает внимание на женский творческий потенциал, активность в профессиональной сфере, благодаря которым она занимает заслуженные (статусные) места в профессии. [4, с. 110]. О.А. Донцова отмечает «формально равные права» женщин с мужчинами заниматься научной деятельностью, но и их «скромное» представительство в органах управления наукой, а также «латентную дискриминацию их в сфере науки» [6, с. 55]. А.В. Костина выделила мифологические элементы, присущие стереотипному сознанию. Во-первых, это представление о невозможности совмещать серьезный труд с ролью матери и жены. Во-вторых, чрезмерная эмоциональность расценивается как слабость характера женщины. В-третьих, миф о том, что гениальность присуща лишь мужскому полу [9, с. 66].

Исследователи проблемы присутствия женщины в науке отмечают своевременность данного вопроса, повышение внимание общественности к проблеме воспитания и социализации женщины, постепенное искоренение стереотипов массового сознания, в котором женщине ограничен круг деятельности, поскольку существуют «мужские сферы». В преодолении стереотипности мышления важна активизация самих женщин, самореализация творческих задатков.

Гендерная толерантность в современном обществе становится важной общественной ценностью, поскольку ведет общество к консолидации и распространения принципов эгалитаризма. Данная социальная ценность в своем распространении улучшает коммуникацию между полами и формирует социальные ожидания, а также внимание общества к несправедливому отношению к женщинам. Проблема неравенства может быть решена в процессе широкого освещения данных проблем и популяризации социальной ценности гендерной толерантности.

На данном этапе развития общества создаются перспективные направления по обеспечению защиты женщин и созданию благоприятных условий для успешного взаимодействия во всех сферах общественной жизни. Гендерная толерантность формально существует в любом современном научном обществе, однако, авторы исследований выявляют латентные факторы, влияющие на стереотипность восприятия женщины в научном обществе и замедление ее карьерного роста. Гендерные трансформации тесно затрагивают и мужскую половину населения планеты, меняя и их место в современном мире. Проблема женского равноправия отнюдь не является сугубо женской проблемой. Если женщины шаг за шагом «отвоёвывают» себе новые права и новые ниши в социальной жизни, то мужчины сталкиваются с необходимостью формировать адекватную толерантность по отношению к женщинам, которая позволит преодолеть «кризис маскулинности».

Значительную роль в развитии гендерной толерантности и равенства как важного принципа современности играет Организация Объединенных наций (ООН). Важным этапом в проблеме установления гендерного равенства и защиты интересов женщин является создание 2 июля 2010 г. специального подразделения под руководством Генеральной Ассамблеи «ООН-женщины» (UNWomen). Для современного мира это стало важным этапом, так как ознаменовало готовность общества признать необходимость решения проблемы несправедливости, с которой сталкиваются женщины в различных сферах общественной жизни. Успеху всемирного женского движения способствовало принятие Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [14, с. 22–29].

Одной из целей нынешнего тысячелетия является достижение гендерного равноправия. Международная организация труда сообщает, что, несмотря на беспрецедентные темпы развития науки и технологий, женщины не вовлекаются в этот процесс. К сожалению, замечена

тенденция к воспитанию девочек, при котором их направляют на получение, так называемых, «женских» профессий. В результате прослеживается преобладание женщин в социальных и гуманитарных областях и их минимальное число в точных науках, в технологической сфере. К основным принципам развития гендерной толерантности в обществе мы относим равноправную модель воспитания, понимание гендерной толерантности как социальной ценности. Данные принципы необходимы, поскольку развитие гендерной толерантности и развитие равенства как важного принципа современности стали не только популярны в настоящее время, они являются индикаторами ценностных изменений в обществе и популяризации индивидуализма в российском обществе. Гендерная толерантность, в таком социально-психологическом контексте, становится важной социальной ценностью на пути консолидации общества и распространения принципов эгалитаризма.

Литература:

1. Батурина Н.В. Теории конструирования гендера как культурологического явления // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 6А. – С. 216–221.
2. Франсис Б. Гендер-социальный конструкт или биологический императив? : Гендерная психология: практикум / под. ред. И.С. Клёциной. – СПб. : Питер, 2009. – 496 с.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология : учебное пособие. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
4. Богданова И.Ф. Женщина в науке: вчера, сегодня, завтра // СоцИс: Соц. исслед. – 2004. – № 1. – С. 103–112.
5. Валькова О.А. Наперекор общественному мнению: российские женщины-ученые в конце XVIII – начале XIX в. // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 1(86). – С. 89–98.
6. Донцова О.А. О роли женщин в российской науке // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2018. – № 2 (98). – С. 50–55.
7. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177–185.
8. Иванова Е.Ф. Гендерные роли : Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информация XXI век, 2002. – 256 с. – URL : http://www.owl.ru/gender/041.htm (дата обращения 27.10.2019).
9. Костина А.В. Женщина в науке и философии: доминирующие мифы и действительность // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 1. – С. 66–78.
10. Кюри Е. Пьер и Мария Кюри : Жизнь замечательных людей. – М. : Молодая гвардия, 1959. – Вып. 5 (271). – 432 с.
11. Остапенко А.В. Женщины в российской науке и образовании // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2011. – № 2 (53). – С. 90–92.
12. Уотсон, Дж. Двойная спираль: Воспоминания об открытии структуры ДНК / пер. с англ. Брухнов М., Иорданский, А. – М. : Мир, 1969. – 152 с.
13. Соловей А.П. Социальные и психологические факторы построения и реализации карьеры женщины в науке // Устойчивое развитие науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 64–70.
14. Шведова Н.А. Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 3. – С. 22–29.
15. David, A. Shulamite, Shen. Gender Diversity in Silicon Valley. A Comparison of Silicon Valley Public Companies and Large Public Companies // Fenwick & West LLP. – 2014. – 74 p. – URL : https://www.fenwick.com/FenwickDocuments/Gender_Diversity_2014.pdf (Дата обращения 10.10.2019).
16. Maddox, B. Rosalind Franklin: The Dark Lady of DNA. Harper Collins. 2002. 416 p.

Literature:

1. Baturina N.V. Theories of gender construction as a culturological phenomenon // Cultura and civilization. – 2017. – Vol. 7. - № 6A. – P. 216–221.
2. Francis B. Gender-social construction or biological imperative? : Gender psychology: practical / ed. by I.S. Klyotsina. – St. Petersburg. Peter, 2009. – 496 p.
3. Bendas T.V. Gender psychology: a training manual. – St. Petersburg : Peter, 2006. – 431 p.
4. Bogdanova I.F. Woman in science: yesterday, today, tomorrow // SociIS: Sociological research. – 2004. – № 1. – P. 103–112.
5. Valkova O.A. Naperekor to public opinion: Russian women scientists at the end of the XVIII – beginning of the XIX centuries // Woman in Russian society. – 2018. – № 1(86). – P. 89–98.

6. Dontsova O.A. About the role of women in Russian science // Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. – 2018. – № 2 (98). – P. 50–55.
7. Zdravomyslova E., Tyomkina A. Research of women and gender studies in the West and in Russia // Social sciences and modernity. – 1999. – № 6. – P. 177–185.
8. Ivanova E.F. Gender roles : Dictionary of gender terms / edited by A.A. Denisova; Regional public organization «East-West: Women's Innovative Projects». – M. : Information XXI Century, 2002. – 256 c. – URL : http://www.owl.ru/gender/041.htm (date of address 27.10.2019).
9. Kostina A.V. Women in science and philosophy: dominating myths and reality // Knowledge. Understanding. Ability. – 2017. – № 1. – P. 66–78.
10. Curie E. Pierre and Marie Curie : The life of wonderful people. – M. : Young Guard, 1959. – Ep. 5 (271). – 432 p.
11. Ostapenko A.V. Women in Russian Science and Education // Vestnik of Khabarovsk State Academy of Economics and Law. – 2011. – № 2 (53). – P. 90–92.
12. Watson J. Double Helix: Memories of the discovery of the DNA structure / Per. from Bruchnov M., Jordansky, A. – M. : Mir, 1969. – 152 p.
13. Solovey A.P. Social and Psychological Factors of Building and Realizing a Women's Career in Science // SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF STUDENT AND EDUCATION. – 2017. – № 2. – P. 64–70.
14. Shvedova N.A. Gender equality in Russia in XXI century in the context of international obligations: progress or missed opportunities? // Woman in Russian society. – 2011. – № 3. – P. 22–29.
15. David A. Shulamite, Shen. Gender Diversity in Silicon Valley. A Comparison of Silicon Valley Public Companies and Large Public Companies // Fenwick & West LLP. – 2014. – 74 p. – URL : https://www.fenwick.com/FenwickDocuments/Gender_Diversity_2014.pdf (Date of address 10.10.2019).
16. Maddox, B. Rosalind Franklin: The Dark Lady of DNA. Harper Collins. 2002. 416 p.

УДК 316.77:004.738.5

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

●●●●●●

FEATURES OF HUMAN COMMUNICATIVE ACTIVITY IN THE INFORMATION SPACE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Терентьев Игорь Александрович
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-государственных и естественно-научных дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Igor A. Terentev
PhD in Philosophy, Assistant Professor of social-government and natural sciences disciplines department, North-Caucasian branch of the Russian Academy of Justice

Аннотация. В статье рассматриваются изменения, которые происходят в современном обществе в коммуникативной деятельности людей под влиянием информационно-технологического прогресса. Автор статьи анализирует изменения формы и содержания коммуникативных процессов, подчеркивает их противоречивый характер, влияние на культурные процессы в обществе. В статье отмечается неизменная связь коммуникации с общечеловеческими ценностями и первоочередное влияние новых технологий на способы, а не на содержание коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная деятельность, информационное пространство, информационно-коммуникативная культура, субъекты коммуникации, виртуальная реальность, сетевая реальность, цифровая реальность, информационно-технологический процесс.

Annotation. The article discusses the changes that occur in modern society in the communicative activity of people under the influence of information and technological progress. The author of the article analyzes the changes in the form and content of communicative processes, emphasizes their contradictory nature, the impact on cultural processes in society. The article notes the invariable connection of communication with universal values and the primary impact of new technologies on methods, and not on the content of communicative activity.

Keywords: communication, communicative activity, information space, information and communication culture, subjects of communication, virtual reality, network reality, digital reality, information and technological process.

Коммуникативная деятельность человека является производной от его социальной природы, ведь общество, базируясь на общественном разделении труда, в качестве необходимого условия предполагает и коммуникацию, сопровождающую этот процесс. Складывающиеся между людьми общественные отношения могут существовать, сохраняться и развиваться только посредством коммуникации. Иными словами, коммуникация — это неотъемлемое свойство социума, в силу чего общественное бытие с необходимостью включает в себя многообразные взаимосвязи и соответственно коммуникацию между субъектами социальной деятельности. Состояние коммуникативной активности в обществе является одним из показателей социального и психологического благополучия граждан. В этой связи, весьма актуальной остается проблема изучения коммуникативных процессов, связанных с деятельностью субъектов коммуникации в современном информационном обществе, заключающем в себе немало противоречий.

Рассмотрим подробнее феномен коммуникации и сопряженной с ней коммуникативной деятельности. Коммуникация (лат. communicatio, от communico — делаю общим, связываю, общаюсь) означает специфическую форму взаимодействия людей, в процессе которой вырабатывается нечто общее, их объединяющее. Такой ракурс высвечивает, прежде всего, субъект-субъектную сторону коммуникативной деятельности. Как верно отмечает Маврин О.В., коммуницируя субъекты коммуникативных отношений, сохраняя и проявляя свою личностную индивидуальность, с неизбежностью передают друг другу некие смыслы [1]. В этой связи, информационный аспект коммуникации не случайно сегодня выдвигается исследователями на первое место. Но

следует подчеркнуть, что речь идет, прежде всего, о коммуникации, которая отражает социальную природу взаимосвязи людей в обществе. Безусловно, иные аспекты коммуникации, такие, например, как психологический или этнический, также играют важную роль и неразрывно связаны с социальным аспектом коммуникации. Они в свою очередь, например, позволяют транслировать коммуницирующим субъектам переживания, чувства, оценку, которые сопряжены с внутренним психическим миром и этическими оценками людей.

Рассматривая коммуникативную деятельность людей с точки зрения социально-философского анализа, необходимо подчеркнуть, что она представляет собой квинтэссенцию социальных характеристик субъектов коммуникации, их места и роли в социуме. Эта деятельность неразрывно связана с целеполаганием субъектов коммуникации, происходящим с учетом социальных предпочтений людей, а также — с возможностью транслировать смыслы, которые необходимо передать другому человеку в процессе коммуникации. Это позволяет характеризовать коммуникативную деятельность как целенаправленный процесс, в ходе которого между субъектами коммуникации происходит обмен информацией, направленный на передачу смыслов и получение обратной связи. При этом важное значение приобретает успешная результативность коммуникативной деятельности, которая должна отвечать, как поставленной цели, так и тому виду коммуникации, при помощи которого происходила информационная трансляция смыслов. Ведь коммуникация и соответственно коммуникативная деятельности организуются различным способом, например, на основе устного или письменного обмена информацией; через формальную или неформальную коммуникации; вертикальную и горизонтальную; вербальную и невербальную, сетевую и несетевую коммуникации и т.д. Однако независимо от вида коммуникации, она всегда направлена на другого человека как свой предмет и имеет обратную связь.

При этом взаимодействие и коммуникация между Я и Ты опосредуется в современном мире такой системой, которая включает актуальную, потенциальную и виртуальную реальность. Надо отметить, что совсем недавно европейская культура характеризовала существование человеческого бытия через дихотомию «актуальное — потенциальное», понимая под актуальным то, что есть «здесь и теперь», а под потенциальным, то, что имеется в уже существующем и будет со временем проявлено [2]. Однако сегодня актуальная и потенциальная реальности дополнились виртуальной реальностью, которая стала неотъемлемым элементом современного бытия. Виртуальная реальность позволяет человеку быть включенным через свои органы чувств в мир, созданный при помощи технических средств. Этот вид реальности имеет ряд характерных свойств, которые позволяют вовлеченному человеку переживать ощущение правдоподобности виртуального мира, находиться в интерактивном состоянии взаимодействия с информационной средой и другим человеком, который также выступает субъектом коммуникации в информационном пространстве.

Сегодня уже нельзя не учитывать сетевую реальность как особый вид социальной реальности и новой формы социальной коммуникации в современном мире. Не случайно сегодня ученые заговорили о появлении, так называемой, «киберпопуляции», объединяющей пользователей Интернета, социальных сетей, численность которой все более возрастает. В этом информационном пространстве отсутствуют границы, расовые, национальные и иные деления. По сути своей, сетевая реальность представляет квинтэссенцию коммуникативной природы современного человека. Субъект коммуникации сегодня способен обмениваться смыслами с другим человеком, с которым, прежде, возможно и не мог бы осуществить коммуникацию в силу географической удаленности, культурных, политических различий и т.д. Это способствует многоаспектности коммуникативных процессов, их интенсивности в современном мире, появлению множественной идентичности современного субъекта коммуникации.

По сути своей, коммуникация, коммуникативная деятельность как целеполагающее информационное воздействие на другого человека — это сложная система взаимосвязанных элементов. Ведь всякая коммуникация развивается на основе имеющихся в социуме как личностных, так и социальных потребностей и мотивов. В этой связи, коммуникативная деятельность в информационном обществе сохраняет все закономерности коммуникативного процесса, но при этом опосредуется технологическим фактором.

Так, информационно-технологический прогресс способствовал формированию и дальнейшему развитию информационного пространства, вне которого уже нельзя представить современный социум. Отметим, что информационное пространство — это особый вид пространства, в котором постоянно циркулируют информационно-коммуникативные потоки и происходят передача, восприятие и хранение сообщений, посылаемых субъектами друг другу. Информационное пространство имеет не только техническую, но и социальную природу, что объясняется его направленностью на решение социальных задач и проблем, вовлеченностью людей в информационно-коммуникативные социальные процессы, взаимосвязью с важнейшими общественными сферами жизни людей и т.д. При этом коммуникативная деятельность людей в современном мире стала приобретать новые характеристики и содержательные аспекты.

Информационное пространство и коммуникативная деятельность, оказываясь в единой социальной плоскости, обретают взаимозависимость и взаимообусловленность. Так, коммуникативная деятельность, имеет сегодня широкий спектр возможностей, в том числе и виртуальных. То, что прежде требовало реального присутствия коммуницирующих субъектов, сегодня становится возможным не только без их непосредственного присутствия, но даже в режиме отложенного времени посредством общения в то время, когда это удобно каждому из адресатов.

Необходимо также отметить, что информационное пространство оказало большое влияние на формирование нового символизма, что нашло выражение в появлении новых виртуальных образов, насыщенных символическим смыслом.

Таким образом, мы видим, что в современных условиях формируется принципиально новый вид символического существования человека, социума, культуры. Кроме того, не только новые, но и старые символы могут быть размещены и выражены в информационном пространстве. Иными словами, мы видим, что виртуальный мир теперь системно сосуществует с другими видами реальности и общественных отношений. Кроме того, учитывая всепроникающий характер цифровой реальности в жизнь современных людей, можно констатировать, что информационное пространство становится важнейшим условием функционирования современного общества.

В свете все возрастающей роли информационных технологий и их влиянии на коммуникативную деятельность человека можно говорить о возрастании роли непосредственно информационно-коммуникативной деятельности людей в современном обществе. Эта деятельность реализуется в соответствующем информационно-коммуникативном пространстве. Как верно отмечает Крестьянинова Е.Н., информационное пространство заключает в себе постоянно циркулирующие информационно-коммуникативные потоки, реализующие «процессы передачи и хранения сообщений между социальными субъектами» [3]. В тоже время, эти информационные потоки не могут организовываться, воспроизводиться без человека и его социальной потребности в существовании таких каналов информации. Таким образом, информационное пространство является одновременно и коммуникативным, то есть, пространством общения, привнося в информационное пространство ту же систему ценностей, которая свойственна социуму. Иными словами, коммуникативная деятельность в информационном пространстве не свободна от человеческих смыслов, ценностей, предпочтений, эмоций. Но при этом, в силу определенной анонимности коммуникативной деятельности человека в информационном пространстве, эта деятельность может быть для какой-то категории пользователей более свободна от самоконтроля и социального контроля, чем в традиционных формах коммуникации в обществе.

Но в целом, по своему характеру, содержательной направленности, информационно-коммуникативная деятельность представляет социальное явление, определяемое теми же факторами, что и обычная коммуникация, но, в то же время, испытывающая самое непосредственное воздействие результатов технического прогресса.

Также следует отметить, что информационно-коммуникативные процессы испытывают большое влияние процесса глобализации, оперативно и динамично транслирующей в различные точки мира достижения научно-технического прогресса. Взаимосвязь элементов мирового пространства позволяет говорить о существовании единого информационного пространства, поддерживаемого и обеспечиваемого, прежде всего, мировым экономическим рынком и средствами массовой информации.

Принимая во внимание, что единое информационное пространство охватывает пользователей, проживающих в государствах, различающихся между собой по экономическим, культурным, политическим, религиозным и другим признакам, можно констатировать, что мы имеем сегодня одно из важнейших противоречий современного мира, заключающееся в том, что информационное пространство имеет универсальный характер, а геополитическое пространство, напротив, состоит из особенных элементов — национальных государств. В этой ситуации огромное значение приобретает проблема формирования информационно-коммуникативной культуры современного человека. Не случайно современные исследователи проблемы отмечают: «Информационное общество, обретя невиданную ранее свободу, «единство в многообразии», динамизм развития, постепенно и приобрело новую степень уязвимости перед деструктивными социальными факторами и различными социальными девиациями» [4]. Такое положение дел имеет место в силу того, что человек в Интернет-пространстве более автономен, нежели в реальном социуме, что ослабляет влияние на него общественного мнения.

С другой стороны, информационное общество формирует новый тип культуры, основанный на широких возможностях быстрого развития информационных технологий. Это оказывает влияние на совершенствование профессиональных навыков людей, их производительность, исполнительность, ответственность и т.д. Другим становится отношение к информации, ее источникам, формам хранения, актуализации, влиянию на социальные процессы. Информация обретает сегодня явно выраженный аксиологический характер, что закрепляется в коммуникативной деятельности людей.

В тоже время, субъекты коммуникации в информационной среде не настроены на длительное общение, передаваемая ими информация лаконична и целенаправленна, то есть, информация, сохраняясь как ценность, тем не менее, претерпевает изменения по форме подачи. Кроме того, информация может передаваться в форме общеизвестных символов, имеющих однозначную интерпретацию (например, смайлик).

Иными словами, информационное общество позволяет людям удовлетворять свою потребность в коммуникации, но предлагает для этого иные, технологически обусловленные способы. При этом каждый последующий этап в развитии информационных технологий будет оказывать свое влияние первоначально на форму, а затем и на содержание коммуникативной деятельности людей.

Завершая размышления о сущности и динамике коммуникативной деятельности человека в современном информационном обществе, необходимо подчеркнуть, что коммуникативная деятельность претерпевает существенные изменения в условиях формирования и развития информационных технологий, но, соответственно, и сама оказывает влияние на тенденции их развития через динамично изменяющиеся социальные потребности, которые находят своё выражение в коммуникации.

Литература:

1. Маврин О.В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов). – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2014. – С. 59.
2. См., подробнее: Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М., 1997. – С. 198.
3. Крестьянинова Е.Н. Социально-философские аспекты информационно-коммуникативной деятельности // автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2011. – С. 9.
4. Крестьянинова Е.Н. Социально-философские аспекты информационно-коммуникативной деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2011. – С. 13.

Literature:

1. Mavrin O.V. Technologies of conflict resolution (mediation as an effective method of conflict resolution). – Kazan : Kazan University Publishing House, 2014. – P. 59.
2. See in more detail: Mikeshina L.A., Openkov M.Y. New Images of Knowledge and Reality. – M., 1997. – P. 198.
3. Peasantova E.N. Socio-Philosophical Aspects of Information and communication activity : autoref. dis. … Cand. philosopher of sciences. – Ufa, 2011. – P. 9.
4. Peasantova E.N. Socio-philosophical aspects of information and communication activity : autoref. dis. … Cand. philosopher of sciences. – Ufa, 2011. – P. 13.

УДК 1

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

●●●●●●

THE INFLUENCE OF SOCIAL VALUES IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Шматько Александр Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии, права
и социально-гуманитарных наук,
Армавирский государственный
педагогический университет
kaffilosof@mail.ru

Alexander A. Shmatko
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Law and Social Sciences,
Armavir State Pedagogical University
kaffilosof@mail.ru

Аннотация. В статье показана специфика роли ценностей в философии истории, в первую очередь в контексте значимости ценностей как двигателя истории. Рассмотрен генезис представлений о ценностях, от Античности до современных философских течений. Автор делает акцент на том, что понимание ценностей в философии истории постоянно менялось, в наибольшей степени из-за разночтений в интерпретации сущности ценностей, меры их влияния на общество и историю и первопричины их появления и развития. Обращается внимание на материалистическое и идеалистическое направления в изучении ценностей в русле философии истории.

Ключевые слова: общество, социальная реальность, ценность, аксиология, история, философия истории.

Annotation. The article presents data on values in the philosophy of history. The genesis of ideas about values, from antiquity to modern philosophical movements, is examined. The author emphasizes that the understanding of values in the philosophy of history has constantly changed, in the highest degree due to differences in the interpretation of the essence of values, measures of their influence on society and history and the root causes of their appearance and development. Attention is drawn to material and idealistic directions in the study of values in line with the philosophy of history.

Keywords: society, social reality, value, axiology, history, philosophy of history.

Вопрос о ценностях всегда представлял собой один из центральных вопросов философии: большинство философов различных эпох, так или иначе, в процессе рефлексии обращались к данному вопросу. В контексте философии истории, ценности являются одним из фундаментальных исследовательских полей, постоянно поддерживающим свою актуальность, что выражается в наличии различных взглядов о роли личности в истории, об её движущих силах, о также о смысле и направленности исторического процесса, об отношении к историческому прошлому [7]. Прежде чем обратить внимание на роль ценностей в концептуальных построениях философии истории, необходимо рассмотреть генезис представлений о ценностях, что, в конечном счёте, сводится к вопросу о появлении учения о ценностях — аксиологии [6].

Важно отметить, что в Древнем мире понятия бытия и ценностей были синкретичны, неразделимы, а фундаментальные ценности представляли собой наиболее значимую часть бытия, нечто неизменное и идеальное [2]. При этом мораль воспринималась как квинтэссенция познания и принятия ценностей. Данную позицию лучше всего выразило конфуцианство, в рамках которого, по своей сути, развитие человека и общества во многом определяется именно соответствием реального и идеального состояния ценностей, и существуют непреложные ценности, такие как семья и Поднебесная, законы Дао. Представления о ценностях как объективных сущностях, имеющих место за границами человеческого сознания и не зависящих от него, были характерны и для ранней Античности, в целом.

В классический период развития античной философии древнегреческие представления о ценностях начали углубляться и меняться, наибольший вклад в понимание их природы и уяснения их онтологического статуса внесли Сократ, Платон и Аристотель. Концептуальные построения, связанные с пониманием природы ценностей начались с того, что Платон и Сократ начали задаваться основными вопросами, что такое благо, справедливость, праведность, истина. В конечном счёте, Платон создал учение об идеальном государстве, где ценности играли главенствующую роль: в частности идеальное государство базировалось на принципе справедливости и

служения [2] Отметим, что создание Платоном учения об идеальном государстве породило важную дискуссию о характере ценностей, абсолютном или относительном. Сам Платон стоял на позициях абсолютизации ценностей, в то время как те же софисты постулировали, что ценности имеют индивидуальный и относительный характер [6].

В попытке систематизировать знания о ценностях, бытии и познании Аристотель констатировал многообразие ценностей, то есть, их одновременную относительность и абсолютность, что выразилось в выделении «самоценностей», которые одинаково значимы для всех (честь, достоинство, справедливость) и относительных ценностей, отношение к которым меняется в зависимости от различных факторов (храбрость для молодых, мудрость для пожилых и т.п.). Во многом, именно Аристотель определил в рамках европейкой философской мысли вектор развития представлений о ценностях на многие века вперед. Уже гораздо позднее, в эпоху Модерна, И. Кант первым в истории философии вводит понятие ценность в узком смысле. Зачатком современной аксиологии стал его труд, в котором он развел понятия реальность и идеал, сущее и должное. Ценность, утверждал Кант, это требование цель которую человек ставит перед собой, важность этой цели для его личности [3].

Г.В.Ф. Гегель же в своих трудах уделил пристальное внимание разграничению ценностей. Он выделил два вида, направления ценностей: утилитарные или другим словом экономические и духовные, при этом Гегель воспринимал духовные ценности как ведущие. Именно философские учения Канта и Гегеля, в конечном счёте, заложили основу современной аксиологии, которая стала полноценным самостоятельным направлением исследований, как в философии, так и в рамках гуманитарных наук.

Логика и теория исследования истории человечества много воспринимала от западноевропейской философской мысли. В первую очередь, проблему ценностей в истории связывают с Г.В.Ф. Гегелем. По Гегелю, всемирная история — связующее звено между Объективным Духом и Абсолютным Духом. Всемирная история — стадия Абсолютного Духа. Государство как высшая ступень объективного духа — ступень перехода к Абсолютному Духу, причастно Абсолютному Духу. Гегель рассматривает всемирную историю как процесс саморазвертывания Абсолютного Духа, выстраивает триаду периодов, каждый связан с определённой формой общественного сознания: искусство; религия откровения; философия [5]. Всемирная история разворачивается, проходя эти три стадии. Каждой стадии соответствует свой этап исторического развития, и она связана с деятельностью народа, роль которого была исторической, и в жизни которого соответствующее понятие играло наибольшую роль.

Гегель ввёл в практику философских исследований обращение к диалектическому рассмотрению истории. Иными словами, история рассматривается через призму противоречий, который затем развили Маркс и Энгельс, что поставило один из ключевых вопросов философии истории — вопрос о роли и происхождении ценностей и их влиянии на исторический процесс. По отношению к данному вопросу, со времён Гегеля появилось две полярные точки зрения, идеалистическая, наиболее ярким выразителем которой является М. Вебер, которая манифестирует первичность идей, личностей и ценностей в развитии истории и материалистическая. Наиболее ярким ее выразителем является К. Маркс и Ф. Энгельс, которая постулирует первичность материальных предпосылок и обусловленных ими интересов и ценностей в развитии истории.

Как мы можем заметить, данные позиции в первую очередь отличаются тем, как, каким образом определяются причины генерации ценностей: идеалистическая позиция видит эту причину либо в боге, либо в естественной природе человека или же в созданных в рамках какой-либо социокультурной среды идеях. Так, например, М. Вебер считал, что именно появление этики и ценностей протестантизма породило современную экономику и общество [1]. В противовес предыдущей позиции, материалистическое понимание истории предполагает, что экономические, географические и другие материальные факторы развития общества участвуют в генерации ценностей. В частности, К. Маркс полагал, что именно экономический базис, т.е. производственные силы и отношения порождают ценности и интересы социальных групп, противоречия между которыми являются двигателем развития общества и исторического прогресса [4].

Несмотря на противоположный взгляд на происхождение ценностей, оба рассматриваемых направления рассматривают феномен ценности как один из важнейших факторов исторического процесса, что позволяет констатировать ведущую роль ценностей в философии истории безотносительно концепции их рассмотрения.

Литература:

1. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия : Общая социология. Хрестоматия / сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин. – М., 2006. – 783 с.
2. История социологии в Западной Европе и США : учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Осипов. – М. : НОРМА, 2001. – 576 с.

3. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение?. – URL : http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения (комплект из 3 книг). – М., 1985. – 169 с.
5. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Научное обозрение. – 1898. – № 3–4.
6. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.
7. Baklanov I.S. [et al]. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları. – 2018. – Vol. 7. – № 1. – P. 373–378.

Literature:

1. Weber M. Notion of Sociology and «Meaning» of Social Action : General Sociology. Chrestomatiya / compositions A.G. Zdravomyslov, N.I. Lapin. – M., 2006. – 783 p.
2. History of Sociology in Western Europe and the USA : Textbook for High Schools / edited by G.V. Osipov. – M. : NORM, 2001. – 576 p.
3. Kant I. The answer to the question: what is Enlightenment? – URL : http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml
4. Marx C., Engels F. Selected works (set of 3 books). – M., 1985. – 169 p.
5. Plekhanov G.V. To the question of the role of personality in history // Scientific Review. – 1898. – № 3–4.
6. Yanitskiy M.S. Value orientations of a personality as a dynamic system. – Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2000. – 204 p.
7. Baklanov I.S. [et al]. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Post-Modernity // Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları. – 2018. – Vol. 7. – № 1. – P. 373–378.

УДК 61

ТОРМОЖЕНИЕ — АТРИБУТИВНАЯ ФУНКЦИЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ: ОТ ГИППОКРАТА ДО И.М. СЕЧЕНОВА (К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

●●●●●●

THE INHIBITION AS AN ATRIBUTIVE FUNTION OF THE NERVOS SISTEM: FROM HIPPOCRATES TO THE I.M. SECHENOV (TO THE 190THE ANNIVERSARY OF THE BIRTH)

Шингаров Георгий Христович
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий кафедрой философии,
Современная гуманитарная академия
candidat@muh.ru

Georgy H. Shingarov
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
head of the department of philosophy,
Modern humanitarian academy
candidat@muh.ru

Татаровская Ирина Геннадьевна
кандидат филологических наук,
доктор философских наук,
старший научный сотрудник,
Центр истории и культурной антропологии
Институт Африки
Российской академии наук
itatarovskaya@mail.ru

Irina G. Tatarovskaya
Candidate of Philological Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences,
Senior Researcher,
Center for History and Cultural Anthropology
Institute of Africa
of the Russian Academy of Sciences
itatarovskaya@mail.ru

Аннотация: В статье показано, что торможение – это атрибутивная функция нервной системы. Отмечено, что впервые идею о торможении выдвинул Гиппократ. Изложены представления Галена о возбуждении и торможении. Проанализированы взгляды Декарта. Подчеркнуто, что понятие «рефлекс» в современном смысле слова в XVIII в. ввел Аструк. Авторы рассматривают открытие немецкими учеными братьями Веберами в 1545 г. тормозящего влияния блуждающего нерва на деятельность сердца как открытие периферического торможения. Подчеркивается, что для открытия центрального торможения в 1862 г. И.М. Сеченов пользовался оригинальным экспериментальным методом. В «Рефлексах головного мозга» он показал, что в основе психической деятельности находятся рефлексы. Проанализирован подход И.М. Сеченова к проблемам теории познания, что характеризует его как философа.

Ключевые слова: торможение, возбуждение, атрибутивная функция, «жизненные духи», рефлексы головного мозга, память, восприятие, саморегуляция, интегративная деятельность.

Annotation: The article shows that inhibition is the attributive function of the nervous system. It is noted that for the first time the idea of inhibition was put forward by Hippocrates. The ideas of Galen on excitation and inhibition are stated. Descartes' views are analyzed. It is emphasized that the concept of «reflex» in the modern sense of the word in the XVIII century. introduced Astruc. The authors consider the discovery by German scientists of the Weber brothers in 1545 of the inhibitory effect of the vagus nerve on the activity of the heart as the discovery of peripheral inhibition. It is emphasized that for the discovery of central inhibition in 1862, IM. Sechenov used the original experimental method. In «Reflexes of the brain», he showed that reflexes are the basis of mental activity. The approach of I.M. Sechenov to the problems of the theory of knowledge, which characterizes him as a philosopher.

Keywords: inhibition, arousal, attributive function, «life spirits», brain reflexes, memory, perception, self-regulation, integrative activity.

Среди имен выдающихся деятелей мировой культуры и науки, внесших неоценимый вклад в сокровищницу познания тайн человеческой души и деятельности мозга особое место занимает имя великого русского ученого и мыслителя, «отца» русской физиологии Ивана Михайловича Сеченова. «Такая крупная, яркая и ценная личность, как Иван Михайлович Сеченов, должна жить в памяти потомства, служа постоянным возбудителем сменяющихся поколений» [1, с. 267].

Не только чувство благодарности признательных потомков заставляет нас вспомнить имя и творчество И.М. Сеченова. Его философские идеи, научные открытия, его методологический подход к изучению самых сложных явлений деятельности мозга и человеческой души — не только исторический подвиг, они имеют неоценимое значение и для нашей современности. Хотя и прошло более полутора веков после опубликования его фундаментальных трудов, его имя не забыто, не сошло со страниц мировой психологической, медицинской и философской литературы. Идеи И.М. Сеченова, его неповторимая яркая личность ученого и гражданина привлекают к себе все большее внимание и интерес. И это вполне понятно. Как писал И.П. Павлов: «В лице Ивана Михайловича русский ум впервые принял участие в разработке одной из фундаментальных естественных наук — физиологии. И это начало требовало особых свойств ума, особого характера, которые хорошо сочетались в Иване Михайловиче. Он не только создал русскую физиологию, но и сразу завоевал для нее почетное место» [1, с. 265].

Личность и творческий путь И.М. Сеченова

И.М. Сеченов родился 1 августа 1829 года в селе Теплый стан, ныне село Сеченово Нижегородской области, в семье мелкопоместного помещика М.А. Сеченова. Первоначальное образование И.М. Сеченова — техническое. Он учился в Главном военно-инженерном училище в Санкт Петербурге, которое не закончил. В 1851 г. он был зачислен студентом первого курса медицинского факультета Императорского Московского университета, который закончил в 1856 г. Еще студентом И.М. Сеченов выбрал физиологию — науку, которой он занимался в течение всей своей научной деятельности. После окончания университетского курса он уезжает в Европу, учится и работает в самых известных университетах у самых выдающихся ученых: И. Мюллера, К. Людвига, Е. Дюбуа-Реймона, Е. Брюке, Г. Гельмгольца и др.

Не будем останавливаться подробно на биографии И.М. Сеченова, а укажем лишь на некоторые факты, характеризующие его человеческие качества. С самого начала научной деятельности он зарекомендовал себя как талантливого ученого и лектора. Ему было предложено выставить свою кандидатуру в Академию наук, но «Иван Михайлович, жертвуя самолюбием и положением, ответил, что он считает себя еще слишком мало сделавшим в науке, чтобы претендовать на такую честь» [1, с. 267]. Такое решение И.М. Сеченова говорит не только о его личной скромности, но и о высокой оценке научных достижений ученого, дающих ему основание быть членом академии. Пример, достойный для подражания. О непримиримости И.М. Сеченова против несправедливости и беспринципных компромиссов говорит и следующий факт. На освободившуюся кафедру зоологии в Медико-хирургической Академии он рекомендовал известного ученого И.И. Мечникова. Но Конференция Академии выбрала на эту должность другого кандидата. И.М. Сеченов счел, что Конференция поступила «противоакадемически» и решил уйти в отставку, «подвергнув себя случайностям человека, не имеющего определенного места» [1]. Изложенное выше и многие другие факты говорят о его непримиримости против несправедливости, которые не способствуют росту научных кадров и развитию науки.

Возбуждение и торможение

Проблема возбуждения и торможения возникла не в физиологии как в теоретической науке. Она возникла как попытка понять такое простое и всем известное явление, как движение человека и других животных. Гиппократ писал о «положительной» и «отрицательной» сторонах в процессе движения. Для того, чтобы сделать хотя бы один шаг человек, или животное напрягает одну группу мышц и расслабляет другую, чаще всего антагонистическую. «Предположение о тормозящем влиянии одной части нервной системы на другую ее часть высказал еще Гиппократ, но как рабочий физиологический тезис стало признанной доктриной только после Сеченова в 1863 г.» [2, с. 838].

В Средние века в учении о возбуждении и торможении господствовала точка зрения выдающегося врача и анатома Галена. Он был лечащим врачом трех римских императоров. Его представления о строении и функциях живого организма господствовали в анатомии и медицине вплоть до конца XVI в. Для Галена анатомические образования существуют для выполнения точно определенных функций. Как и Гиппократ, и Платон, он считал, что функциями, жизнедеятельностью живого организма управляет головной мозг. Но за счет каких сил мозг управляет этими функциями всего тела, за счет чего происходит реализация этих функций?

В трактате «Об учениях Гиппократа и Платона» Гален дает четкий ответ на поставленный выше вопрос. Для него, как и для большинства анатомов и врачей Средних веков организм и его анатомические образования становятся функционирующими не за счет их собственной активности, а за счет особой силы головного мозга. Свои взгляды на функции нервной системы и сущность возбуждения и торможения Гален сформулировал следующим образом: «Вслед за этим

сочинением можно изучать мой трактат «О причинах дыхания», где описаны все участвующие в этом процессе мышцы, органы движения и нервы, которые доставляют к ним жизненный дух от головного мозга» [3, с. 256].

Для Галена «жизненные духи» находятся в желудочках головного мозга. Нервы — это ниточки или трубочки, по которым из головного мозга в мышцы вливаются «жизненные духи» и мышцы возбуждаются, становятся активными. Когда же «жизненные духи» выливаются из мышцы она расслабляется, наступает период торможения. Анатомические структуры уже выполняют свои функции не за счет их собственной деятельности, а за счет: «жизненных духов». Взгляды Галена на сущность возбуждения и торможения господствовали вплоть до XVI в.

От Р. Декарта до И.М. Сеченова

В XVI в. возникли новые представления о сущности живого организма. В 1543 г. голландский ученый А. Везалий опубликовал труд «De humani corporis fabrice». Для него живой организм — это нечто подобное фабрике, своеобразный механизм, созданный человеком. Поскольку организм-фабрика создан человеком, его можно изучать точными методами. Еще Платону принадлежит идея о том, что точными научными методами можно изучать только то, что создано человеком [4, с. 72].

В XVII в. в биологии и медицине возникли два направления: ятрофизика и ятрохимия. Взгляды Р. Декарта были ближе к ятрофизике, с точки зрения которой живой организм функционирует по законам физики. Для Р. Декарта живой организм – это своеобразный механизм. «Тело живого человека так же отличается от тела мертвого, так же как отличаются часы, когда они собраны и когда в них есть условия тех движений, для которых они предназначены, со всем необходимым для их действия, от тех же часов, когда они сломаны или условия их движения отсутствуют» [5, с. 484]. И.М. Сеченов высоко ценил идею Р. Декарта о «машинности организма», в том числе и мозга.

Р. Декарт — основоположник учения о том, что нервная система функционирует по принципу рефлекса. Но для него рефлекторная деятельность сводится к следующему. По афферентным нервам течет «жизненный дух (spiriti vital), который проходя через головной мозг, переходит в эфферентные нервы и передается работающей мышце. Переход «жизненного духа» по соответствующей нервной трубочке через мозг и есть для Р. Декарта «рефлекс».

В трудах Р. Декарта мы не нашли соответствующего текста, где он говорит о возбуждающем или тормозящем влиянии нервной системы на какую-либо мышцу или другой орган живого тела. Это говорит о том, что Р. Декарт окончательно еще не отошел от господствующих до него взглядов на функции живого организма. В связи с этим F. Fearing пишет: «интересно отметить, что дренажная система имеет явное сходство с декартовской концепцией возбуждения и торможения мышц» [6, p. 204].

Подчеркивая отличие представлений Р. Декарта о возбуждении и торможении в процессе рефлекторной деятельности от современных, Ч.С. Шеррингтон пишет: «Имеется существенное сходство между схемой Декарта и схемой реципрокной иннервации, если не принимать во внимание, что Декарт представлял себе этот механизм как периферический, и то, что мы теперь обозначаем как торможение, локализовалось им в мышцах, а не в самих нервных центрах» [7, с. 387].

Новый этап в развитии рефлекторной теории и представлений о возбуждении и торможении наступил в XVIII в. В середине XVIII в. датский ученый J. Swammerdam опубликовал результаты своих экспериментальных исследований, в которых было доказано, что деятельность мышц зависит не от поступления в них «жизненных духов», а от воздействия на них нервной системы. Само понятие «reflex» в научный обиход ввел Аструк (Astruc) из Монпелье в середине XVIII в.

В 1845 г. немецкие ученые братья Вебер доказали, что при раздражении блуждающего нерва наступает брадикардия, т.е. уменьшение частоты ударов сердца, вплоть до прекращения его деятельности. Этим было доказано, что нервная система оказывает непосредственное тормозящее воздействие на органы человеческого тела. Это открытие условно можно назвать открытием периферического нервного торможения.

Эксперимент по открытию центрального торможения И.М. Сеченов провел в Париже в лаборатории Клода Бернара в 1862 г. Этот эксперимент по его собственным словам имел «прямое отношение к актам сознания и воли» [8, с. 184]. Для того чтобы открыть центральное торможение И.М. Сеченов представил его в виде чувственно воспринимаемых объектов и явлений, поддающихся непосредственному восприятию органами чувств и отражающих сущностные свойства изучаемого объекта. Такими чувственно воспринимаемыми объектами в его опыте были задние ножки лягушки.

Эксперимент И.М. Сеченов провел следующим образом. Удаляются большие полушария и другие образования головного мозга до зрительных бугров (lobi optici). В начале опыта И.М.

Сеченов определяет время реакции задних ножек лягушки при их погружении в сосуд с раствором серной кислоты. Замеряется время с момента опускания ножек в сосуд до их вытаскивания из сосуда. Время измеряется ударами метронома.

Оказалось, что при таких условиях лягушка вытаскивает свои ножки из сосуда после 6–7 ударов метронома. Если на зрительные бугры И.М. Сеченов кладет кристаллик поваренной соли, то получается следующая картина. Лягушка вытаскивает свои лапки из сосуда не после 6–8 ударов метронома, а после 12–15–18 и более ударов. Значит время реакции ножек лягушки увеличилось в 3–4 и более раз. Химическое раздражение lobi optici оказало тормозящее влияние на деятельность ножек лягушки. Таким образом, И.М. Сеченов открыл центральное торможение путем преобразования не воспринимаемых до опыта функций головного мозга органами чувств в воспринимаемые объекты, раскрывающие сущностные атрибутивные функции головного мозга в виде торможения. В эксперименте И.М. Сеченова мы видим, как «вещь в себе» становится «вещью для нас». Открытие И.М. Сеченовым центрального торможения, пишет И.П. Павлов, «было первым вкладом русского ума в важную отрасль естествознания, только что перед этим двинутую вперед успехами немцев и французов» [9, с. 15].

Нередко в литературе открытие И.М. Сеченовым центрального торможения относят не к 1862 г., а к 1863 г. Это несовпадение даты реального открытия центрального торможения и его отнесения к 1863 г. имеет свое объяснение в следующем. Сообщение о своем открытии И.М. Сеченов сделал в 1863 г. в Берлине. Содержание этого сообщения сводилось к следующему тексту: «Setschenov J. Physiologische Studien über die Hemmunsmechanismen für die Reflexthätigkeit des Rüchenmarks im Gehirne des Frosches. Berlin. 1863» [10].

После открытия И.М. Сеченовым центрального торможения историю рефлекторной теории можно делить на два основных периода: досеченовский и сеченовский. Его открытие показало, во-первых, что психические процессы можно изучать методами естествознания и, во-вторых, стало возможным изучение интегративной деятельности нервной системы точными научными методами.

Доказав рефлекторную природу психической деятельности, И.М. Сеченов внес существенный вклад в познание таких фундаментальных понятий психологии, как ощущение и восприятие, ассоциация, мышление, двигательные акты и др. Особое внимание он уделял изучению памяти. И.М. Сеченов считал, что в основе памяти находится скрытое возбуждение нервных центров. Развитие психики невозможно без сохранения всего ценного, накопленного в прошлом опыте. Он отводил важную роль памяти в процессе формирования такого психического процесса как восприятие. Любое восприятие объектов окружающего мира невозможно без сравнения данных, приходящих из органов чувств, с тем, что уже содержится в памяти.

И.М. Сеченов всегда был на переднем крае наук, которыми он занимался. В начале 50-х гг. XIXв. Кл. Бернар доказал, как происходит саморегуляция содержания сахара в крови. Возникло учение о саморегуляции функций организма по типу автоматического регулирования функций в машинах, создаваемых человеком. И.М. Сеченов рассматривал живой организм как «самодействующую машину», в которой регуляторы автоматические, т.е. пускаются в действие при изменении состояния или работы машины. При этом развивается деятельность, направленная на устранение причин, нарушающих правильный ход машины. Устройство регулятора должно, по мнению И.М. Сеченова, отвечать следующим условиям: снаряд должен быть чувствителен к нарушениям правильности в состоянии или деятельности машины или активного организма. При этом происходит устранение факторов, нарушающих правильный ход деятельности машины-организма. Только при этом условии самодействующий регулятор может заменить руку машиниста, руководимую разумом [11, с. 665–666].

Сегодня существует множество научных данных, которые показывают, что звенья, связывающие объект с его образом в сознании человека не сходны по своему онтологическому статусу. По зрительному нерву, например, проходят не зрительные образы или световые волны, а определенные биотоки. То же самое происходит и в других анализаторах.

Сущность концепции И.М. Сеченова о связи познавательных процессов с возникновением образов в сознании человека состоит в том, что в звеньях, связывающих оригинал, объект с его образом в сознании, происходят однозначные преобразования опосредствующего физического явления. Он пишет: «что же касается до вопроса, как искать условий сходства, то это выяснить всего удобнее на примерах таких физических комбинаций, где первоначальная причина и конечный эффект, будучи сходны между собою, связаны друг с другом соединительными звеньями и образуют вместе с последними так называемый причинный ряд» [11, с. 450]. И.М. Сеченов считает, что передача, например, человеческого голоса на расстоянии по телефону — это превращение в начале цепи звуковых волн в электромагнитные. Далее они превращаются в электрический ток, а потом в обратном порядке происходит превращение электромагнитного тока в электромагнитные и звуковые волны.

Следует подчеркнуть, что эти взгляды И.М. Сеченова близки к современным представлениям об инвариантности информации к ее физическим носителям. Исследовав сущность процессов, протекающих в органах чувств и в нервной системе, связывающих познаваемый объект с его образом в сознании. И.М. Сеченов превратил проблему познания в проблему физиологии и наметил пути ее исследования естественнонаучными методами. Сказанное выше характеризует И.М. Сеченова не только как физиолога и психолога, но и как философа.

Открытие центрального торможения имело первостепенное значение для понимания психической деятельности как рефлекторной. Этому вопросу И.М. Сеченов придавал особо важное значение.

В конце 1863 г. по предложению главного редактора журнала «Современник» Н.А. Некрасова И.М. Сеченов подготовил статью под названием «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы». Цензура запретила эту публикацию. Но в скором времени статья вышла в журнале «Медицинский вестник» под названием «Рефлексы головного мозга».

Основной пафос этой работы – доказать, что все акты сознательной и бессознательной психической жизни по способу своего происхождения суть рефлексы. При этом «тормозится двигательная часть рефлекса, и в силу этого мысль можно рассматривать как «первые две трети психического рефлекса», а «желание в страстном психическом акте то же самое, что и мысль в обыкновенном — первые две трети психического рефлекса» [11, с. 101].

В «Рефлексах головного мозга» содержится не только мысль о рефлекторном происхождении психической деятельности, но и то, что давало возможность «подталкивать» творческую мысль к поискам чего-то нового в науке. Значение этой работы для будущего открытия условных рефлексов И.П. Павлов описывает следующим образом: «Главным толчком к моему решению, хотя и неосознанному тогда, было давнее, еще в юношеские годы испытанное влияние талантливой брошюры Ивана Михайловича Сеченова, отца русской физиологии под заглавием «Рефлексы головного мозга»… В этой брошюре была сделана — и внешне блестяще — поистине для того времени чрезвычайная попытка (конечно теоретическая, в виде теоретической схемы) представить себе наш субъективный мир чисто физиологически» [9, с. 14].

В статье мы попытались показать, что открытие И.М. Сеченовым центрального торможения было ответом на вопрос, поставленный еще Гиппократом и активно обсуждавшийся в течение всей истории изучения функций нервной системы. Такой подход дает нам возможность рассматривать открытие И.М. Сеченова в максимально широкой исторической рамке, что способствует более точно и верно оценить научную ценность его фундаментального научного открытия — торможения в нервной системе.

Литературы:

1. Павлов И.П. Речь председателя общества русских врачей в С.-Петербурге в заседании, посвященном памяти профессора И.М. Сеченова 22 марта 1907 г. в кн.: Павлов И.П. Сочинения. – М.-Л. : АН СССР, 1951. – Т. VI. – 452 с.
2. Sherrington C.S. The spinal cord. In Schöfer's : textbook of physiology. – Edinburg, 1900. – Vol. II. – 504 p.
3. Гален. Сочинения / общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. – М. : Практическая медицина, 2016. – Т. III. – 560 с.
4. Платон. Филеб : Платон. Сочинения в 3 томах. – М. : Мысль, 1971. – Кн. 1. – Т. 3. – 654 с.
5. Декарт Р. Сочинения в 2 томах. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 656 с.
6. Fearing F. Reflex Action. A Study in the History of Physiological psychology. Cambridge, Massachussetts. – L. : The M.I. Press, 1970. – 350 p.
7. Шеррингтон Ч.С. Интегративная деятельность нервной системы. – Л. : Наука, 1969. – 391 с.
8. Сеченов И.М. Автобиографические записки. – М. : АН СССР, 1952. – 198 с.
9. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных : Павлов И.П. Сочинения. – М.-Л. : АН СССР, 1951. – Кн. 1. – Т. III. – 392 с.
10. Setschenov J. Physiologische Studien über die Hemmunsmechanismen für die Reflexthätigkeit des Rüchenmarks im Gehirne des Frosches. – Berlin, 1863. – 542 p.
11. Сеченов И.М. Избранные произведения. – М. : АН СССР, 1952, 1956. – Т. I, II. – 763 с., 944 с.

Literature:

1. Pavlov I.P. Speech by Chairman of the Society of Russian Physicians in St. Petersburg at a meeting dedicated to the memory of Professor I.M. Sechenov March 22, 1907 in the book: I.P. Pavlov Sochineniya. – M.-L. : AN ANSSR, 1951. – T. VI. – 452 p.
2. Sherrington C.S. The spinal cord. In Schöfer's : textbook of physiology. – Edinburg, 1900. – Vol. II. – 504 p.

3. Galen. Essays / commonly. ed., essays, essays, articles. D.A. Balalykina. – M. : Practical medicine, 2016. – T. III. – 560 p.
4. Plato. Phileb : Plato. Works in 3 volumes. – M. : Thought, 1971. – Book 1. – T. 3. – 654 p.
5. Descartes R. Works in 2 volumes. – M. : Thought, 1989. – Vol. 1. – 656 p.
6. Fearing F. Reflex Action. A Study in the History of Physiological Psychology. Cambridge, Massachussetts. – L. : The M.I. Press, 1970. – 350 p.
7. Sherrington C.S. Integrative activity of the nervous system. – L. : Science, 1969. – 391 p.
8. Sechenov I.M. Autobiographical notes. – M. : AHN SSSR, 1952. – 198 p.
9. Pavlov I.P. Twenty years' experience of the objective study of higher nervous activity of animals : Pavlov I.P. Works. – M.-L. : AN AMISS, 1951. – Book 1. – T. III. – 392 p.
10. Setschenov J. Physiologische Studien über die Hemmunsmechanismen für die Reflexthätigkeit des Rüchenmarks im Gehirne des Frosches. – Berlin, 1863. – 542 p.
11. Sechenov I.M. Selected works. – M. : AHN SSSR, 1952, 1956. – T. I, II. – 763 p., 944 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал–макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 17.09.2019
Подписано в печать 20.09.2019
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Печать riso. Уч.–изд. л. 9,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано в ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 35

e–mail: id.yug2016@gmail.com